23-1-14

1 р. 25 к.

Индекс 70544

1991

3

*

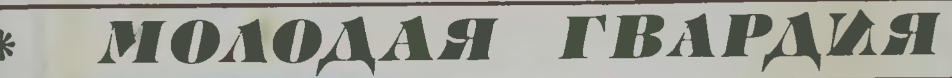

МГ

1991

3

ISSN 0131—2251

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала: Рис. С. Комаровой

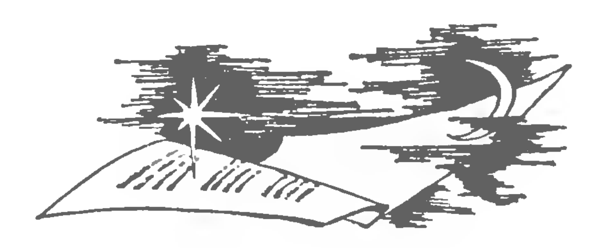
Четвертая страница обложки журнала: Б. Кустодиев, «Масленница». Фото К. Кириллова

«Молодая гвардия», 1991, № 3, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: для справок — 285-88-58; 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; отдел писем — 285-80-16.

Большие русские поэты обладали провидческим даром. По крайней мере, катаклизмы собственной жизни они предугадывали. Вспомним Рубцова: «Я умру в крещенские морозы...»

В последней прижизненной книге Светланы Кузнецовой лишь два стихотворения озаглавлены датами: «14 апреля» (день ее рождения) и «30 сентября», датированное 1968 годом. Ровно через 20 лет, 30 сентября 1988 года, Светланы не стало.

В начале творческого пути в строе стиха Светланы было много изобразительного, декоративного. Талантливо сделанное узорочье с приметами эдакого, я бы сказала, старинного русского стиля: соболя и куницы, белки и медведи, рыси и лисицы, волки и зайцы — как предметы родного сибирского бытования — населяют эти изящные орнаменты. Тем не менее — они не самоценны тут, хоть и очень колоритны, они лишь приметы жизни, признаки нравов и характеров. Поэтесса не играет со словом и не корпит над ним: лишь любуется, вслушивается, вживаясь в него, с его ладом, интонациями, смысловыми оттенками.

Но не только магия русского, сибирского корнесловия, а и законы всеединого существования времени, пространства, духа человеческого гипнотизируют Кузнецову. Она никогда не играла в интеллект, который нередко алчные потребители и искатели «мудрости» в стихах путают с элементарной эрудицией. В ее стихах не умствование, но мышление, не поза, но страдание.

Раиса РОМАНОВА

Светлана КУЗНЕЦОВА

ОБНАЖЕННОЕ ПОЛЕ

* * *

Знаю: познается всё
на практике,
Но на веру надо принимать
Ласковость неведомой Галактики,
О которой напевает мать.

Напевала или бормотала,
Словно колдовала у огня.
Жалко — я судьбину промотала,
Не постигнув смысла бытия.

Все же, уходя с земной излуки,
Верую — в неведомых мирах
Матери моей зачтутся муки,
Ну а мне — полночный
поздний страх.

* * *

Ржавчина съела твой серп
И замедлила сердца движенье,
А на лугах,
Как зарею обрызганный саван,
Облака ль красного,
Флага ль скользит отраженье,
Ржавое озеро оком
косится кровавым.
Время так медленно шло.
И крестьянская воля
С волей полей
И со звездною волей сливалась.
...Режет глаза
обнаженное рыжее поле,
Лишь на обочине —
Нежного клевера алость.
Дух свой и нивы свои
беспощадно сжигая,
О мировом мы уже помышляем пожаре.
Счастье воочию видели —
Выпала доля иная:
На волосах наших —
желтые полосы гари.

* * *

Жатвы много — мало жнущих,
Больше лгущих и хулящих,
Ничего уже не ждущих
В далях, всем нам предстоящих.

* * *

Опять же бабы вытянут Россию,
Как вытянули в прошлую войну.
Родную землю потом оросили,
Своею кровью вымыли страну.

БУДУЩЕЕ

В заброшенной русской деревне
Живет одинокий еврей...

Слово об Отечестве

РОССИЯ ОБЪЕДИНИТ НАС

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА VII СЪЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

В декабре прошлого года состоялся VII съезд писателей России. Съезд проходил в крайне сложный период в истории нашей страны. Безволие власти, экономический хаос, разгул экстремизма в союзных республиках, развал социалистического лагеря, события в Персидском заливе не могли не наложить отпечатка на работу писательского форума. Большинство выступающих, оставив на время собственно литературные проблемы, высказывали искренние опасения за судьбу страны и народа.

Продемонстрированное писателями России моральное единство, причастность их к общенародным чаяниям не могли не вызвать прямо-таки зубовного скрежета со стороны леворадикальных органов печати. Так получилось, что местом проведения съезда стал Театр Советской Армии. Но даже это обстоятельство послужило поводом для зубоскальства, к примеру, газеты «Известия», напечатавшей по такому случаю многословную статью под названием «Театр одного съезда» (№ 349, 1990). Назвав писательский форум «импровизированным спектаклем», газета посчитала, что он «достоин подмостков, на которые выкатывают танки». Патриотическая атмосфера съезда названа в этой публикации «вакханалией», а в выступлениях большинства писателей, по мнению автора статьи, «потерявших всякое представление о приличиях», «кликушество достигало апогея», «демонстрируя полное отсутствие христианского чувства».

Не слишком ли? Доморощенные «демократы» вспомнили о христианском чувстве, доведя страну до полного развала, до кровопролития, до голода, посадив народ на унизительную талонно-карточную систему распределения продуктов. Не потому ли, боясь народного гнева, испуганные фарисеи от литературы стали призывать писателей-патриотов не касаться политики, государственных проблем и заниматься лишь своими узколитературными делами?

Мы публикуем выступления лишь некоторых писателей — Ю. В. Бондарева, В. Г. Распутина, С. Ю. Куняева и В. В. Горбачева и надеемся, что наши читатели разделят их тревогу, горечь и бесстрашие писательского слова, прозвучавшего на съезде.

Отдел литературной критики и искусства

Юрий БОНДАРЕВ

НЕРАЗДЕЛИМО С НАРОДОМ

В годы охлократического балагана уже многие задают себе вопрос: куда исчезает благословенное пламя, оставив после себя пепел? Неужели уродства революции способны затмевать вечную красоту и уродовать нас самих?

В эти новые времена крайне обостренных и униженных чувств пошатнулись твердые основы нашего существования и вместе с ними подставные декорации фальшиво заигравших свою роль свободы и гласности. Поэтому, пожалуй, редко кто из политиков испытывает героизм внутренней честности, чтобы вспомнить о печальной вселенской метафоре или о многомудрых поисках истины героями Толстого, Достоевского, Шолохова.

Первые и вторые петухи означают рассвет, третьи — предательство; нашествие крыс несет опасность, угрозу и означает глухую безнадежность.

Всякая революционная смута убивает таланты. В годы общественных катастроф истину и красоту предает молчание мещан и конформистов, молчание сторонних наблюдателей. Они в трусливом заискивании перед беззастенчивой силой несут над собой транспаранты: «Молчание — наше спасение и наше знамя», — и уже невозможно отрицать, что обыватель — это «камень молчания», которым изощренные политики добивают свою жертву. И грядет пора благоденствия грызунов, триумф торжествующего правления обмана и диктатуры пошлости.

Один французский филолог, изучая фотографию молодого человека, сделанную накануне его казни, вдруг пронзительно ощутил: молодой человек должен завтра погибнуть и что он уже погиб. Это лицо было — в прошлом, будет — в завтрашнем, но его уже нет. Фотография как бы уже являла смерть в будущем.

Нет, современная литература еще не погибла, но она приблизилась или приближается к трагическому своему состоянию, то есть к дьявольской запутанности идей, стилей, героев нравственных доктрин, к жестокому смешению снобистского вкуса и гиньольной скверны, то есть к зломыслию. Она разгрызается, растаскивается, отравливается, заражается всеми возможными болезнями невиданного нашествия взбесившихся грызунов, острыми зубами уничтожающих все живое, вносящих опустошение в нашу жизнь. История России забросана смрадной грязью. Великая Отечественная война опоганена тыловыми трусами и зелеными юнцами из программ телевидения и еще более зелеными нигилистами из неистового «Московского комсомольца», нравственность втоптана в нечистоты резвыми лапками грызунов, забравшихся в редакторские кабинеты многочисленных разноцветных изданий. К телу нашей страны американскими патентованными гвоздями прибита чужестранная реклама «Sale» [seil] — распродажа.

Кто же они, предтечи растления? Кто они, развратители вкуса и морали? Кровососущие оводы, по «невежливому» выражению Льва Толстого? Творцы высокомерных и свирепых политических доносов в прессе на саму жизнь, доносов, подозрительно пахнущих каленым железом восемнадцатых и тридцатых годов, праздником нечистой силы, распространяющей на наше прожитое и пережитое запах гнилости и серы? Не она ли, эта сила, днем надевает на себя белые демократические одежды ангельской непорочности, а ночью огненно-траурные плащи наемных убийц русской культуры?

Так или иначе — многие уже не охватывают частного и целого, ближний с трудом понимает ближнего, никто полностью не уверен друг в друге, как не уверен в будущем. Никто уже не сознает, кто именно, какой пастырь нас ведет и куда, собственно, ведет? К познанию? К благу? К вратам рая? К дымящемуся краю бездны? К счастливому общеевропейскому дому?

Власть имущая пресса могуществом своих средств массового воздействия обманула народ золотыми посулами, румянами на больном лике Запада — и зло вошло в душу измученного совет-

ского человека сотнею нравственных чернобылей. И родная земля стала чуждой и зыбкой. Так называемая перестройка обратилась в борьбу всех против всех, каждый за себя, каждый для себя. Более того, в соитии антинравственной, утратившей невинность гласности с клеветой и вседозволенностью родился страшный младенец с обликом гражданской войны. Он уже сделал первые шаги, оставляя ужасающие следы крови. Не станет ли наша земля родиной неутешных скорбей и слез?

И все чаще и чаще мне представляется: в голом, выжженном пространстве белая, без травинки дорога, и одинокий испаленный радиоактивным солнцем путник бредет по ней с пустой сумой, спотыкаясь в пыли, бредет в никуда — это бедная моя, тысячу раз обманутая, ограбленная, будто из рая изгнанная и все-таки доверчивая Родина.

Пасынки исторической судьбы... — вот эту визитную карточку предлагает нам наша гласность уже сегодня.

Стоит ли сейчас говорить о чистой литературе, когда между языком и сознанием тайная полоса преступных вожделений политиканов, разноокрашенных групп, группок, группировок, домашних и забугорных гениев, взгроможденных ультрарадикалами на соломенные пьедесталы? Желает ли кто-нибудь писать «серебриной латынью» XIV века? Или же следует писать, уважая мировые традиции Достоевского, Толстого, Чехова? И наша политиканствующая критика дружно вскинула знамена, на которых бесхитростно угадывается обольстительно-низвергающий лозунг Гертруды Стайн: «Убить XIX век!» — и вдруг возник призрак некоего шалуна и импровизатора Ерофеева, наигравшего на трепетно-чутких к истине страницах «Литературной газеты» ритуал панихиды по советской литературе в ожидании вызвать восторженно-истерический вопль друзей и сорвать самозабвенный аплодисмент.

Разумеется, убить XIX век, его величие и немеркнущую традицию со всем ее опытом французской позитивистской и русской идеалистической философии и материализмом, со всем душевным и духовным сиянием, с красотой, верой, православием, прогрессом — невозможно, так как не хватит сил у озлобленных, совсем уж нешекспировских могильщиков похоронить и советскую литературу с ее есенинскими, шолоховскими, булгаковскими, платоновскими шедеврами, равных которым в XX веке едва ли сыщешь. И едва ли найдется честный священник, который решится на панихиду по лучшему, честному и совестливому, что было писателями России создано в 50-х, 60-х, 70-х, 80-х годах в нашей словесности.

Так где же она, истина?

Наша теории в яростной ненависти ко всему прошлому ушла на кладбища, занялась гробокопательством, возникли целые полчища «пожирателей трупов», и это новое перестроечное занятие стало неудержимым сладострастием. Деньги, запахшие иностранными кассами, власть, возлюбившая политическую рыхлость, примитивная материя жадно пожрали дух — и появилось враждебное разделение, взаимоотчуждение в обществе, ненависть, национальные раздоры.

Долгожданная печать должна была взорвать ложь и фальшивую добродетель, не требуя ни наград, ни наказания, печать должна была стать символом антиутопии. За пять лет пресса

добилась того, что бессильна была осуществить самая оснащенная армия в Европе, пройди в сороковых годах по нашим землям огнем и мечом. Пять лет пресса внушала плюралистическую разорванность связей, манипулировала страстями политических амбиций, говорила дозу правды и, сказав, тут же искажала ее историческими нелепостями, будоража умы миллионов читателей, после чего преподносила явление или факт, замазанный кровью и навозом, наконец, лавиной обрушивала на нашего доверчивого читателя тонны пошлости. И постепенно начала разламываться, распадаться связь душ, биография народа, трагическая и неповторимая, начали перерождаться понятия любви, добра, национального чувства, чести, справедливости.

Великим политиканам, жестоким и лукавым на пути к своей цели, дана способность овладевать людьми при помощи «сверхобъективной» отзывчивости и любвеобильности, наряженной в правду обещаний, действующих, точно сладкий яд. Обещания — это то, что в сознании людей становится как бы их собственностью: продукты, квартира, машина, вещи, чистый воздух городов. Состояние сладкого обмана успокаивает сомнения людей, продлевает дремлющее терпение до тех пор, пока не иссякнет ожидание благ и надежда не изживет самое себя. Наступает коллапс. И тогда молчаливые поля и молчаливый народ полей, зажженные гневом, сбрасывают с себя усыпляющую паутину. Когда же огонь раздут, свет не может существовать без огня — и возникает цепная реакция, создающая страшные пожары, в которых сгорают тысячи жизней. Я твердо знаю: если бесам удастся разжечь национально-политический пожар в России, то в этом огне мы сгорим все.

Во время 9-го термидора было сказано французскими революционерами: «Народ, уволенный в отставку». Слава богу, на площадях не стоят гильотины, головы жертв не скатываются в корзину. Но мы переживаем нечто похожее на «увольнение народа», только в либерально-запуганном, по-современному перевернутом и вывернутом варианте, близком к безумию апокалипсического фарса, где правит и режиссирует бал некая элита, настоящее имя которой — ложь с человеческим лицом.

Меня страшит великое молчание, великое терпение и нечеловеческая доверчивость моего униженного сейчас советского народа, брошенного, как в пучину, еще в один мучительный эксперимент. Кто же это и кому дал право выбрать мой народ как подопытный биологический вид для смертоносных лабораторных опытов? Кто так безжалостно глумится над Родиной? Неужели в терпении своем мы потеряли чувство национального достоинства?

Только сейчас я полностью отдаю себе отчет в том, что настигшее нас всех время требует покончить с безумием развала, если мы не хотим, чтобы безумие покончило с нами давно испытанным палачами оружием: голодом, холодом, распятием целых народов.

Научить жизни может только сама жизнь. Начав с мечты о лебединой белизне, воля недомыслия вводит нас во мрак, и впотьмах мы приближаемся к границе другой земли, другой страны, других людей, чужих, недобрых.

И все-таки самой высокой неофициальной властью была власть человеческого таланта — миллионы людей разных национальностей подчиняются ей добровольно. Слово — это откровение прав-

ды и отречение от правды. Что бы о нас ни говорили, наша сила в вере, надежде и объединении. Так что же — терпение к злу? Или борение со злом?

Только сейчас, мученически проходя через еще один исторический эксперимент, Россия особенно ясно поняла, что терпение и смирение бесплодны.

«И дерево ведь растет не для высоты, и не за листву, а за плоды его хвалят».

В эти тяжкие для России времена нам не на кого надеяться, мы должны помочь сами себе, быть рядом с народом, нераздельно с народом, быть кровной частицей его судьбы.

Валентин РАСПУТИН

РОССИЯ УХОДИТ У НАС ИЗ-ПОД НОГ...

Вчера, кажется, Валерий Рогов говорил, что обстановку в нашей стране можно сравнить с 41-м годом. В связи с этим мне вспомнились слова А. Т. Твардовского:

Так-то, Теркин, так
примерно...
Не поймешь, где фронт,
где тыл,
В отступленье в 41-м
Хоть какой, но выход
был.

Всякое случалось в российской действительности, но выход был в 41-м, был он и пять лет назад, в дни предыдущего съезда писателей России, когда не спуста в голос заговорили мы об опасности физического разорения от государственного попустительства и ведомственного разбоя. Выход просматривался еще и вчера, когда десятки миллионов наших соотечественников, оставив работу, бросились на площади требовать правды, справедливости и благополучия, выкрикивая «Долой!» вслед за теми же самыми агитаторами, которые еще совсем недавно были дирижерами «Да здравствует!».

Всегда и во всех обстоятельствах оставался прежде запас — запас земли, терпения, мужества, здравомыслия и народного духа, которые в совокупности можно назвать запасом отечественной прочности. В самые тяжкие и трагические моменты истории было куда отступать и чем усилиться, но сегодня... — разве нет у вас ощущения, что все запасы кончились и рассчитывать не на что? Разве к чувству бессилия не начинает примешиваться никогда раньше не испытываемое нами чувство бездомности и сиротства, будто сама Россия уходит у нас из-под ног в неведомое и чужое пространство, расположенное поверх или пониз ее собственного культурного национального тысячелетнего бытия, поверх или пониз всего, что связано с именем России?

Разве нет у нас трагического ощущения, что сегодня мы уже опаздываем, если не опоздали, остановить ее отбуксировку с родного материка, что слишком долго мы бездействовали, когда требовалось наше вмешательство, считали достаточным говорить об укоренении и держаться за исторические, религиозные и национальные начала, даже не проверив их крепость, в то время как другие, более ловкие и смышленые, чем мы, отстегивали один за другим теперешние концы и сталкивали огромную махину на воду? Мы рассчитывали на здравый смысл, на нравственное здоровье народа, а они оказались подорванными больше, чем мы подозревали. Впрочем, неизвестно, на что мы рассчитывали, может быть, больше всего на наше любимое «авось», на то, что само как-нибудь устроится.

Когда началось взмыливание умов и сердец и расторопные дрессировщики, которые за месяцы из любителей сделались профессионалами, принялись нахлестывать из всех рупоров общественное мнение, загоняя его в единственные открытые ворота, Россия вправе была ждать от нас решительного слова, вправе была ждать его от тех, кому она вручила свой голос и совесть. И она ждала его. Мы или отмалчивались, подавленные свистопляской общественных страстей, или наши одиночные протесты, которые тут же подвергались бомбардировке всех грязеполивающих батарей, звучали вслед событиям и не могли повлиять на их ход. Не только Россию, мы и друг друга не умели защитить, а когда пытались, это напоминало медвежью услугу.

И вот мы здесь, где подводятся итоги. Итожить так итожить, в том числе результаты нашей гражданской робости. Они будут нарастать, хотя нам кажется, что дальше нарастать некуда, что страна дошла до последнего предела безумства и самоистязания, но нет, это еще не «ягодки», это пока только еще «цветочки».

А сегодня вот оно...

Во-первых, у России украдено даже имя ее и пущено с молотка на обслуживание всякого рода сомнительных заведений, против нее же направленных: что ни газета или журнал, что ни партия или движение со словом «Россия» — обязательно издевательство над нею, разрушение ее духовного и общенационального миропорядка, традиций и культуры.

Во-вторых, к руководству Россией пришли люди, которые даже не считают нужным скрывать к нам свою неприязнь.

Сегодня свой съезд мы проводим в армейском театре, но опубликованный проект Конституции России дает надежду на то, что в следующий раз нам придется собираться в более романтическом месте и в более сюжетно-увлекательных условиях. Речь, в конце концов, не о нас, но когда истощенная, обворованная, многажды обманутая, многострадальная Россия становится разыгрываемой картой в борьбе за власть, когда не кто-то, кто бы он ни был, для нее, а она для кого-то, когда изобилие ей обещается за счет ее распродажи, подобно тому, как если бы целомудрие гарантировалось при групповом насилии, — надо бы нам, дальновидцам и нравственникам, понимать, что происходит в нашем милом Отечестве, и различать, кто есть кто, а не метать громы и молнии без разбору.

В-третьих, патриотизм отменяется. «Патриотизм — это свойство негодяев», — провозгласил наш собрат по перу Ю. Черниченко. Для других патриотизм может быть благодетельным и домостроительным чувством, но как только русский писатель, да и не только писатель, заикнется о патриотизме, он уже фашист, и чем бы он ни оправдывался, сколько угодно ни отмывался — ничего у него все равно не выйдет, и в мире его будут знать не по литературе, а по этой громогласной славе.

В-четвертых, культура разрушается. Что там разрушается... Много ли теперь осталось от культуры, чистым голосом которой так славна была Россия в самые лихие и даже самые болотные времена. Дьявольское, простите, «искусство», «простите» относится не к дьявольскому, а к искусству, которое пришло на смену ей, занято тем, как поразить, оглушить, испугать, вызвать из недр человеческого подполья темные страсти. Вот что вытметывает из-под своих копыт новоявленный пегас. Можно бы продолжать смотреть на это со снисходительностью — пусть, мол, тешатся неразумные, если бы эти самого дурного свойства замашки так и оставались замашками забияк и не превращались в правила жизни. Откровенность бесстыдства — вот в чем сегодня трезвость взгляда, свобода пошлости, мошенничества, насилия — вот что такое приметы времени.

В-пятых, нравственность, как старуху, раздели донага и, изможденную, изработанную, сморщенную, с обвисшими сосцами, проводят сквозь строй молодой растленной плоти, демонстрируя два вида красоты.

В-шестых, молодежь развращается. И это самое страшное, когда начинаешь думать о будущем России. Всякое переживала она, есть надежда, что переможет как-нибудь и перемелет Россия и нынешнее умопомешательство, но как оглянешься назад и посмотришь, с какими ценностями и идеалами поднимаются молодые, вот тут действительно становится страшно. Где, в какой еще стране общественные опросы способны радовать своих сограждан столь высокими результатами, когда больше половины девочек-девятиклассниц одной из школ мечтают послужить Отечеству на ниве первой древнейшей профессии? А ведь это произошло не само по себе. Комсомол наш занялся ремеслом сутенера. Немалая часть прессы в подцензурных условиях, судя по всему, до того, бедненькая, настрадалась, что заболела «бешенством матки».

Можно перечислять и дальше. Можно называть по порядку и седьмое, и восьмое, и десятое, и все это будут не пустяковые и не придуманные увечья на теле и в душе России, которые не скоро зарубцуются, да и зарубцуются ли еще, неизвестно... Вы все это знаете.

Если три века назад Россия была поставлена на дыбы, то сегодня она поставлена на задние лапы. Я имею в виду не столько попрошайничество, хотя и это занятие постыдное для великой страны, сколько обезьянничество, не считаясь с психологией и историческим опытом народа. Обезьянничество в органах управления, в экономике, политике, общественном обустройстве. Трезвые люди на Западе говорят о нас: «Ну хорошо, прорубайте окно в Европу, если вам так нравится, но зачем же на уровне наших помойных ям?»

А посмотрите, полюбуйтесь, во что превращается наш могучий, великий, «свободный» русский язык. Какой он, к дьяволу, «свободный», если мы позволили понатаскать в него столько всяких «консенсусов», что какой-нибудь Сидоров Иван Петрович из сибирской деревни, сидя перед телевизором и мучительно вслушиваясь, готов принять их за нечленоразделие иного органа звуков, ловко замаскированное шевелением губ под умную речь.

Повторяю, вы все это знаете: от картины нашей действительности никому из нас никуда не деться. И если я осмеливаюсь

скороговоркой напомнить очевидные вещи, так для того лишь, чтобы сказать: нет, уважаемые товарищи российские писатели, придется и нам взять вину за происходящее. Мы слишком преувеличивали свое нравственное и духовное влияние на читателя. Оно не было массовым, как нам представлялось. Оно, вероятнее всего, оставалось неглубоким в толще российского населения, но, поскольку это была благодарная и отзывчивая часть, которая писала нам письма, восторгалась нашими героями и ходила на литературные вечера, мы сочли ее за удобренное литературой множество. Если бы это было так, откуда бы взяться десяткам миллионов, которые сломя голову кинулись вслед за соблазнителями, шарлатанами и авантюристами, за теми, кто подсовывает гаденькие картинки, раздает направо и налево обещания красивой жизни и преподает науку ненависти к собственной стране? Откуда взялись сами соблазнители, можно не задаваться вопросом. Они всегда были, только до поры до времени жили с фигой в кармане. Но соблазненные... как бы никогда не имевшие чутья, что хорошо и что дурно, что искренность и что игра, как бы даже не сраставшиеся никогда в едином теле и единой душе с Россией, существовавшие где-то поверх и готовые в любой момент спрыгнуть на более благополучное пристанище. Их-то почему так много? Да потому, надо думать, что, воспитываемые десятилетиями в фарисействе и лжи, они лишь изредка и случайно искушались судьбой своего Отечества и народа, в том числе нашими книгами, но — выстояли: воспитываемые и безлюбовье и приспособленчестве, они приспособленцами и становились и прощению не научились.

А мы-то: самая читающая в мире страна, почитаемые писатели! Где плоды этого чтения? Надо признать: или не было самой читающей, или не завязывались плоды. В том и в другом случае придется согласиться, что в самообольщении мы оказались близорукими и не предвидели последствий нарастания социального зла. Читатель искал в литературе пищи социальной, правды, правды, правды! И пропускал любовь. В духовной бескормице эпохи даже и то немногое, что предлагала литература, воспринималось с трудом, ибо все больше и больше начинали атрофироваться сами духовные органы.

И потом — когда началась перестроечная вакханалия, когда, как из кратера вулкана, произошло извержение бесстыдства, цинизма, зла, — мы растерялись. Когда требовалось отделить сатанинское от того положительного, что было в этих процессах, ничего внятного долго мы сказать не могли. И потеряли, надо полагать, миллионы и миллионы, которые могли бы быть нашими сторонниками и постоять за Россию. И сегодня многие из нас по-прежнему хотят сохранить нейтралитет. Но нейтралитета по отношению к России быть не может: вы или с ней, или против нее. Как нет и доблести оставаться белоручкой в это смутное и грязное время. «Отечество в опасности» — не просто слова. Повторяя эту фразу, как слова, некоторые вчера вольно или невольно принимали сторону тех, кто больше всего эту опасность и несет, кто разваливает страну с помощью так называемой российской дипломатии, шитой белыми нитками, и играет жизнью десятков миллионов россиян, живущих за пределами России, кто выдает нам свои действия за ступень российского возвышения: «Бойтесь данайцев, дары приносящих».

Отечество действительно в опасности. Мы можем завтра проснуться в своих собственных постелях, но уже не в России. Все вокруг будет тем же самым, но чужим, лишенным родного духа и смысла. Допустить мирную интервенцию — позор больше и непоправимей, чем отдать Отечество на полях битвы. Там — наша ответственность, равная со всеми. Здесь она неизмерима. Это поле нашей деятельности, и если мы сдадим его — грош нам всем цена.

Станислав КУНЯЕВ

ПОМИРАТЬ СОБРАЛСЯ — А РОЖЬ СЕЙ!

В последние три-четыре года многие средства массовой информации с яростью, достойной лучшего применения, разрушали, порочили, оплевывали патриотическую доминанту нашей истории и нашей жизни. Вспомним, как резвились идеологи так называемой «демократической прессы» потому, что многие кандидаты от патриотической платформы потерпели поражение на выборах в Российский парламент. Как торжествовали многие желчные перья, как смаковали на разные лады поражение патриотических сил! И в голову никому из них не пришло — видимо, плохо знают историю страны, в которой живут, что патриотическое чувство всегда спасало нас в самые тяжкие времена. Я убежден, что и сегодня без патриотической воли все экономические, политические, правовые реформы у нас провалятся. Так что воюющие против патриотизма, в сущности, рубят сук, на котором сидят сами. Но есть и отрадные симптомы. Прошел год после выборов в Российский парламент, и настроение общества меняется. Борьба «демократических изданий» с патриотическим мировоззрением заводит их в тупик. Я анализировал известные результаты подписки. Издания какого типа явно провалились? Во-первых, резко партийные коммунистические издания: «Правда», «Коммунист», «Партийная жизнь», «Известия ЦК КПСС» — они сохранили в среднем лишь одну треть читателей. Кстати, лучше других на этом фоне выглядит газета коммунистов России «Советская Россия» — более 40 процентов. И лишь потому, что последовательнее, нежели другие партийные издания, поддерживала государственно-патриотическую идею, — и результаты налицо.

Вторая группа изданий, потерпевших весьма чувствительные потери, — это леворадикальные издания, балующиеся русофобией. Они в среднем сохранили так же, как и денационализированные партийные издания, тоже лишь одну треть подписчиков. Это «Знамя», «Огонек», «Советская культура», «Юность», которая, несмотря на всемирно известного «Чонкина», скатилась с 3 миллионов до 900 тысяч подписчиков. А два издания — «Дружба народов» и «Литературная газета» — потерпели просто сокрушительное поражение, набрав лишь по 23 процента подписчиков от уровня 1990 года. Да будет это хорошим уроком Ф. Бурлацкому, превратившему «Литературную газету» из общеписательской газеты в убыточный орган «апрелевского» направления, и С. Баруздину, сделавшему ставку на прозу уровня А. Рыбакова и на критику, выходящую из-под желчного пера Н. Ивановой. Кстати, С. Баруздин, по-моему, сидит уже в редакторском кресле около двадцати лет — 4 срока вместо двух, а Союз писателей на это совершенно не реагирует. Я имею в виду «большой» союз. Может быть, поэтому журнал фактически агонизирует.

Я не знаю, какова подписка у журнала «Октябрь». Вполне возможно, что благодаря скандальной рекламе, разразившейся вокруг журнала, она может быть и неплохой. Но плохо другое. Вчера Гроссман — тенденциозно, но все-таки с размахом. Потом Синявский — автор пасквиля, но с ореолом. А что завтра? Смотрю анонсы на 91-й год. Какой-то остроумный человек их составил: Баткин, Нуйкин, Пекрич, Буртин, Гефтер, Пинскер, Бирман... Ну так и приходит на ум сцена из бессмертного романа Ильфа и Петрова, помните компанию художников на пароходе: Малкин, Палкин, Чалкин, Хавкин и примкнувший к ним Залкинд...

Учтите, что я цитирую классиков советской литературы!

Анонс на 91-й год «Октября» снова — в который раз — объявляет имена Синявского, Розановой (уже семейным становится журнал), Довлатова, В. Соловьева, Горбаневской, Войновича, Вайля, Гениса... Совершенно ясно, что А. Ананьев превращает замечательный в свое время российский, русский журнал в издание третьей эмиграции с ее тщеславными проблемами, с ее самолюбивыми претензиями к своей Родине... «Октябрь» сейчас вполне можно издавать и в Париже. От этого он ничего не потеряет, да и мы тоже.

Я с горечью хочу сказать, что руководство нашего союза, склонив голову перед административной волей Верховного Совета, взявшего А. Ананьева под свои бюрократические крыла, не просто потеряло журнал. Если бы для себя, это было бы полбеды! «Октябрь» не просто отделился от СП РСФСР, он отделился от всей русской и российской литературы, отделился от народной традиции нашей литературы, перестал печатать тысячи авторов из глубинки и наших российских республик.

Подписка — это своего рода стихийное голосование, на которое нет прямого, как при выборах, давления, подкупа, политических махинаций, читатель голосует за направления, и в данном случае он в целом проголосовал против русофобских тенденций — за издания, прямо и открыто исповедующие идею патриотизма. «Молодая гвардия» — 58 процентов подписчиков. Поздравим молодогвардейцев с успехом!

Отличная подписка у «Военно-патриотического журнала», у «Ветерана», «Слова». Окончательных цифр еще нет, но я твердо надеюсь, что хорошая будет подписка и у «Нашего современника».

На этом фоне интересны усилия коллектива «Знамени», соблазняющего читателя мемуарами академика А. Арбатова, депутата Г. Старовойтовой и доктора Геббельса. О последних двух — Старовойтовой и Геббельсе — я много говорить не буду, а что касается А. Арбатова, то вспоминаю, как недавно в русскоязычной американской газете «Новое русское слово» мне попалось на глаза интервью З. Бжезинского, который недавно побывал в Советском Союзе. На вопрос интервьюера, встречался ли он с советскими дипломатами и общественными деятелями Яковлевым, Арбатовым, Бжезинский с польской запосчивостью и американской

прямотой ответил: «С Яковлевым встречался, а что касается Арбатова, то нет, потому что и предпочитал встречаться с настоящими учеными и настоящими академиками...»

Вот так американцы относятся к обслуживающему их персоналу перестройки.

Голосование подписчиков послужит холодным душем для редакторов, избравших своей мишенью патриотическое мировоззрение, и в первую очередь русское патриотическое мировоззрение. Дальнейшая политика в этом направлении может привести их только к моральному и материальному краху...

Я должен упрекнуть и многие наши региональные журналы, которые не сориентировались — робко приняли вызов времени, не сумели выработать стратегическую линию, обеспечивающую успех. Оттого в трудном положении «Сибирские огни», «Подъем». А вот «Кубань» надо поздравить за смелость: 50 тысяч! Увеличились втрое!

После выборов в Московской писательской организации часть литераторов, недовольных результатами выборов, решила отъединиться, организовать свои секции, в частности группа поэтов, а теперь и прозаиков выступила уже сегодня с таким заявлением в «Литературной газете». Главный аргумент — плохо скрытое высокомерие: мол, самых талантливых никуда не избрали. А бездарности, мол, объединились и захватили власть... По всем позициям авторы письма вроде бы «демократы», но когда выборы складываются не в их пользу, из их уст сразу слышится высокомерное, отнюдь не демократическое брюзжание... «Бездарности!»... Поосторожнее надо бы обращаться с этим словом, а то ведь придется признать, что самыми талантливыми и выдающимися поэтическими строчками брежневской эпохи являются строчки Евтушенко: «Считайте меня коммунистом» (и спросить: так сегодня считать или нет?), или придется признать шедевром поэтического мышления афоризм: «Уберите Ленина с денег — он для сердца и для знамен...». Это, правда, несколько слабее эпохальных строк 30-х годов: «Два сокола ясных вели разговор, первый сокол — Ленин, второй сокол — Сталин», но тоже эпохально. И вообще, если внимательно проанализировать итоги эпохи застоя, то придется все-таки признать, что главными идеологами эпохи были не Суслов, не Зимянин, не Шауро, даже не Альберт Беляев, а наши с вами товарищи: Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, Коротич, Сулейменов, Шатров. Они могли как угодно дразнить партийных чиновников своим непослушанием, капризами поэтического права, оппозиционными жестами, но при этом они прекрасно знали, что они — хозяева идеологического положения. Почему? Да потому, что не Сусловым и Беляевым были положены главные плиты в наш идеологический фундамент, а нашими знаменитыми поэтами. Ни у Беляева, ни у Зимянина, ни у Суслова не было, к примеру, поэмы о Ленине. А у Вознесенского — «Лонжюмо» (в школьной программе), у Рождественского — «210 шагов», у Коротича — поэма «Ленин, 54-й том», а у Сулейменова — «От января до апреля», у Евтушенко — многотысячестрочный «Казанский университет», а у Шатрова вообще целая эпопея о профессиональных революционерах. Как сговорились! Вот настоящий идеологический фундамент, возведенный нашими собратьями по перу, легший в основу их материального и литературного благополучия, в основу собраний сочинений и

вояжей за границу, в основу их ранних Государственных и Ленинских премий...

Главные идеологи эпохи! Ярые защитники революционного красного террора, берущие на себя ответственность за всю идеологию казарменного интернационализма. Кто требует, чтобы палачу казачества Якиру был возведен памятник? Евтушенко! Кто славит, когда надо, социализм во Вьетнаме? Он же. Кто пишет целые книги о Фиделе Кастро? Опять же Евгений Александрович. Кто сегодня с депутатской трибуны требует, чтобы мы прекратили помощь Вьетнаму и режиму Кастро? Опять идеологи того же типа... О людях такого рода сурово и точно высказался А. Солженицын в своем письме об обустройстве России: «И вот в новую гласность кинулись и все грязные уста, которые десятилетиями обслуживали тоталитаризм. Из каждых четырех трубадуров сегодняшней гласности — трое недавних угодников брежневщины, — и кто из них произнес слово собственного раскаяния вместо проклятий безликому «застою»? Десятки тысяч образованцев у нас огрязнены лицемерием, переметчивостью...» Я думаю, что этот список идеологических перевертышей, к которому относятся наши известные поэты и публицисты, можно вполне расширить именами Черниченко, Оскоцкого, Бурлацкого, Заславской, Татьяны Ивановой... и А. Н. Яковлева... Одна из драм перестройки заключается в том, что ее сегодня возглавляют люди, которые, по словам Солженицына, «огрязнены лицемерием и переметчивостью...».

Кстати, обратим внимание на то, что у поэтов так называемого почвенного направления 60—80-х годов Н. Рубцова, А. Передреева, А. Прасолова, В. Соколова, В. Казанцева, Н. Тряпкина, Г. Горбовского, А. Жигулина, да и у меня также нет этих расчетливо спаргаленных идеологических блоков Ленинианы.

Нам надо расстаться с некоторыми иллюзиями. Чтобы окончательно поставить точку над идеологическим итогом нашего 70-летия, должно понять драму профессиональных революционеров (кстати, слово «профессиональное» всегда добавлялось как эпитет к сомнительной профессии. Нельзя сказать «профессиональный слесарь», «профессиональный пастух», но говорят: профессиональная проститутка, профессиональный провокатор, профессиональный убийца, профессиональный шулер и т. д.). Темную уголовно-политическую драму профессиональных революционеров нам должно знать не по «Лениниане» Шатрова, Вознесенского, Евтушенко, Коротича, Сулейменова, а по правдивым, кровоточащим свидетельствам, оставленным нам Буниным, Шмелевым, Волошиным, Шаляпиным, Короленко, Иваном Ильиным, Солоневичем и Сергием Булгаковым. Их страницы о той же эпохе должны быть в школьных хрестоматиях, а не патетическо-конъюнктурные строки Вознесенского и Рождественского, Шатрова!

Вы скажете: а что плохого в том, что поэт славил Ленина? Да, собственно, вроде бы ничего, если бы поэт, попав в эту идеологическую нишу, не обязан был славить все кровавые деяния революции, прославлять всех ее палачей («где-то Куйбышев и Менжинский так по-детски глаза смежили») — Якира, Свердлова, так же как прославляли Ягоду авторы позорной книги о Беломорканале.

Если бы поэт не должен был делать второй идеологический шаг и благословлять разрушение церквей и религии, если бы он не

брал на себя обязательство порочить невинно убиенных — царя и его семью — с тем, чтобы оправдать кровавые преступления 1918 года:

В драндулете, как чертик в колбе,
изолированный, недобрый
среди великодержавных харь,
среди ряс и охотнорядцев,
под разученные овации
проезжал глава эмиграции —
Царь!

(*Из поэмы «Лонжюмо»*)

И это о новом российском великомученике, убийство которого сейчас, да и давно уже признается одним из самых кровавых и гнуснейших преступлений XX века.

Как грубо, как нагло организуется наша идеологическая борьба сегодня! И как жестко живая жизнь опрокидывает идеологические кампании фальсификаторов истории! Посмотрите, сколько яростных перьев «огоньковских», «литгазетовских», «известинских», «совкультуровских», «знаменских», «октябрьских» в течение последних лет пророчили нам рождение и якобы чудовищные акции русского фашизма. И что же? Время прошло. Коричневые пятна человеконенавистничества — погромы, убийства, реабилитация фашистских деяний, — эти коричневые пятна проступили в самых что ни на есть «демократических» структурах — в Прибалтике, в Молдавии, Западной Украине, только в России их нет как нет, к разочарованию оскоцких, щекочихиных, коротичей и прочих литературных мародеров перестройки.

Так где же их борзые перья? Почему они не осуждают погромы в Молдавии? Убийства русских в Средней Азии? Почему эти антифашисты ни словом не протестуют против коричневых пятен в Прибалтике? Почему они, благоговеющие перед общечеловеческими постановлениями ООН, не осуждают с общечеловеческих позиций этой организации недавно прошедший у нас сионистский съезд? Разве они не помнят о том, что резолюцию ООН о сионизме как о форме расизма приняла цивилизованная Организация Объединенных Наций?

Да ежу, как говорится, ясно, что не фашизм их беспокоит, не сионизм, а совсем другое: возрождение русского национального сознания, всегда цементировавшего нашу державу и нашу жизнь. Но я думаю, что они все-таки опоздали, ибо это самосознание, это возрождение стучится в наши двери, и важнейший долг писателей России — распахнуть эти двери как можно шире! Вспомним народную мудрость, которую всегда помнил крестьянин: помирать собрался — а рожь сей!

Вячеслав ГОРБАЧЕВ

КТО МЫ И ГДЕ МЫ СЕЙЧАС?

Игру в наперсток знают, наверное, все. Закон у нее один: наперсточники играют и выигрывают, остальные проигрывают. Иного не дано. Но надо же было случиться, — а сцену эту средь бела дня, в центре Москвы, я видел своими глазами, — какой-то человек рискнул поставить на кон несколько полусотенных — и угадал наперсток с шариком. Двойной выигрыш! Протянул руку. А ему — шиш:

«Хочешь, играй еще, на все!»

«Нет, сперва отдай!..» — требовал он.

В лицо ему нагло смеялись.

Проигравший — или выигравший?! — требовал свое. Он просил, повышал голос, чуть не плакал от обиды, унижаясь, упал на колени (похоже, глупец распрощался с последними рублями), а стая молодых, сытых хищников плевала на него. Его мяли, тискали, попутно лапали карманы, пинали ботинками и нашептывали, чтобы убирался подобру-поздорову, пока цел...

Ни о какой справедливости не могло быть и речи. Увы, типичная по нашим временам и нравам картина.

Разве не так, как обреченный на проигрыш игрок, одурманенный соблазном легкой удачи народ выворачивает карманы перед новоявленными дельцами отнюдь и давно уже не теневой экономики?! Разве не та же хищная стая наперсточников, в униформе так называемых демократов, да и без формы, транжирит народное добро, распродает за бесценок «бедным» заокеанским родственникам хлеб и металл, уголь и нефть, лес и танки, а в скором времени направит туда капитал, вовсе не имеющий цены — самый цвет нации: миллионы молодых, сильных, здоровых, красивых людей, гонимых из родного дома на чужбину спровоцированной нуждой, безработицей, голодом.

Похоже, свои наперсточники есть аж в Президентском совете. Не утверждаю, что их там, скажем, девяносто шесть человек. На веселенькие мысли наводит другая цифра: проект госбюджета на 1991 год предусматривает выделение 96 миллионов на содержание Президентского совета. И почти столько же, чуть больше, — на всю культуру Союза.

Чему удивляться, если разрушительный фугас заложен в общественное сознание сладкопевцами из числа кремлевских мечтателей с богатым канадским опытом. С какой стати мы должны оплачивать этот опыт канадоходцев по векселям Запада расчленением и разором страны? Что же до разрушительного фугаса, то ведь было сказано и повторено с высоких трибун: разрешено все, что не запрещено законом.

Нормальные люди не успели еще осознать пределы такой дозволенности, как были сметены и многие законы, не только писаные, юридические, но и — что много страшнее! — не писаные, законы морали и нравственности, престольная опора русской культуры и духа.

Запрещающий барьер рухнул. Анархия и вседозволенность, не прикрываясь и фиговым листком, стали править бал. Подогревая это бесовство, наши мечтательные прокураторы с поразительной беспечностью взяли на себя право отрицать абсолютные истины, выстраданные народом принципы, человеческие ценности, подменяя их абстрактными, но — конвертируемыми понятиями.

Но ведь это вздор. Опять дутая пропаганда, лапша на уши. Абстрактных общечеловеческих ценностей в природе нет. Есть человеческие ценности и принципы, есть истина и красота, следуя которым народы выпестовали свою самобытность. И национальная принадлежность человека, национальная психика, характер, склад

мысли — может быть, высочайшая ценность на Земле. Человеческая.

Что же тогда неймется отказникам от пятого пункта? Или в святости понятий «честь», «справедливость», «Родина», «Мать», «Отечество» кто-то видит угрозу перманентности кровавых экспериментов над Россией? Что ж, пусть видят, но пусть и считаются с ней.

Не знаю, сбылись ли надежды кремлевских мечтателей, но... народы, подзуживаемые отчужденными от него средствами массовой информации, охлократией и анархией, стали на распрю, пролилась кровь. Парад суверенитетов все более очевидно обретает признаки гражданской войны.

Быть может, не все так мрачно и плохо. Скажем, гласность многим позволила заговорить своим голосом. Скажем, российский крестьянин получил право на землю. Народовластие — хотя бы на примере Казачьего круга! — обретает кое-где реальные черты. Передача собственности государства в пользу трудового человека дает ему надежду на будущее... Но так ли неизбежно мы должны идти к этим росткам через страдания, кровь и слезы людей?

Разве мы не видим, что великая держава пошла вразнос?

Вразнос... Русский язык судьбоносен, богат и могуч, но и страшен в своих провидческих откровениях. Страшно, когда понесет русская птица-тройка, еще страшнее — когда понесет весь язык.

Продолжавшееся годы и годы оскопление языка бульварной печатью завершилось не столь давно гражданско-политическим отлучением русской речи от державной службы всенародного единения. Вполне ли мы осознаем, что средство межнационального общения при возникновении конфликтов не сыграет роли противозачаточного. Здесь нужен язык братства. Язык, в котором не только славянскими корнями, но и удивительной восприимчивостью к духовной культуре других народов обеспечивалась державная сила и державная ответственность государственной мысли.

Считается, как говорим — так и думаем. Не в меру усердные литературные бурлаки из группы кремлевского обслуживания всерьез полагают: если они заговорят с канадским акцентом, то как раз и явят нам новое мышление. Сомнительно. Мыслители канадского толка никогда не скажут русскому народу правду о нем самом. Они ее просто не знают. Она им чужда, и в этом все дело. Только общая мысль, верная Отечеству, может прояснить: кто мы и где мы сейчас, что впереди и как открыть путь свету.

Не стану повторять известную, обнажающую суть современной трагедии метафору Василия Белова, спрошу лишь: до каких пор мы будем стоять на мосту времени, между двумя берегами, и держать друг друга за грудки? Отечество ждет, а народ требует согласия. В том числе — и президентского согласия с державным духом и державной мыслью языка, на котором пелись ему колыбельные.

Мы тысячу раз повторяли: красота спасет мир. Спасет. Пора эта пришла — пора действовать. В чашу нашего согласия кладу один из древних заветов. А врагов своих, сказано в старой книге, не бойтесь. Их не так много. А потом, мы — русичи, а они — нет.

●

Татьяна ГЛУШКОВА

БЕРЕСТЯНЫЕ РОЗЫ

ПОДАРОК

...И мне тогда в награду за труды,
за тайную, мучительную славу
прислали розно жемчуг и оправу
и восемь роз из влажной бересты.

Я и не знала: эка, их плетут
из волокон податливых древесных! —
при костромских иль вологодских песнях
плетут из лыка, из шелко́вых пут.

И смугл, и розов лепестка завой,
топорщится — что крылышко зарянки,
исчерчен письменами: слобожанки
чертили так по бересте сырой?

По розовому — краткие штрихи
шмелиного коричневого цвета...
Круглится чаша северного лета.
Пропахли земляникой туески.

Кувшины закипают молоком.
Шуршит, щебечет легкая посуда...
Но это бело-розовое чудо
каким сюда надуло ветерком?

Какую весть заморскую несет
остудливому ковшику для кваса,

солонке, что была зеленовласа,
а вот снежком рассыпчатым цветет?..

У роз белесых — пáруса покрой,
а этот буйный лепесток завернут,
что княжий свиток, и дымком подернут, —
пророс из зерен памяти живой:

о тех — вблизи Равенны ли — полях,
о знойных ли камнях Бахчисарая?..
Цветок, упавший на пороге рая,
березняком светающим пропах.

И, замирая и пчелу сдувая,
держу его в натруженных руках.

176-я ГОДОВЩИНА

...Тот день Бородина.
ЛЕРМОНТОВ

Рябины гроздь — и сладостная зависть
к себе самой... и смертная тоска:
вот электричка на Можайск. Расплавясь,
рябины гроздь — что кровь, уже тяжка.

К себе самой... Мучительная слава —
быть праправнучкой... И пламя тех годин
взять в ореол, дивясь, что это право
чтоб ощутить, потребно — до седин

дожить... Домчаться!.. В блоковские ночи
оборотясь обугленным лицом,
воспеть сентябрь и август, а о прочем
зарыть лихую память под крыльцом.

Сентябрь и август! Полторастолетний —
и дале — снежно-красный вьется след:
от той страды до нынешней — последней
из бед, из непредвиденных побед

над гибелью, над длинной домовиной,
которой стал наследственный мой край,

уже по грудь обрызганный рябиной:
в пустой рукав кровинки собирай!

Считай... И твердой ягодкой, как метой,
означь дорожки порванную нить
меж пепелищ и взрывов, по запретной
дуге, где только б ангелу парить:

сверкать босой пятой необожженной,
скользить по кромке ядовитых вод,
неуязвимому — над изъязвленной,
былой, — понеже вымер сей народ,

который шел, бывало, слитной ратью,
который прял, и золото снопов
слагал на плечи нив — и благодатью
звал рáвно день успенья и трудов...

ОСЕННИЙ ПАРАД

Гордая радость военного марша...
Господи, благослови
Русское воинство. Родина наша
в голоде, в братской крови.

Этой тяжелой взлетающей меди
тысячерукий размах.
Сон о спасении... Песнь о победе
гаснет в ненастных лучах.

Горло последним волнением сжато.
Черношинельная стать.
Море пехотное... Будет расплата
тем, кто их шлет умирать

в чуждые степи, пустыни и горы,
на аравийский Восток.
Глянем — и прячем пугливые взоры.
Нефтью вскипает песок.

Вскрикнем — и гоним гневливые речи.
Вóроны низко кружат.
Вот уж садятся на белые плечи...
Кровью сыреет закат.

НЕОХРИСТИАНАМ

1

В моем роду священники стоят,
как Львы Толстые бородами вея,
и подымают перст — и не велят
юродствовать и праздно лить елея.

Буравят взором. А нагрудный крест
к людским устам насильственно не тычут.
И потому — я старше этих мест,
где праведники в пекло души мечут.

И потому — покуда я иду,
мне видно: удлиняется дорога
что до порога отчего — в чаду
дворянских лип, — что до босого Бога.

Он исходил... Тебя ль, моя страна,
иль горний путь безвестного страданья,
поскольку чаша — выпита до дна
той, гефсиманской, иль рязанской ранью.

Не знаю... Не дано мне сосчитать
ни ясных звезд, ни жадных капель горя,
ни тех песчинок, что текут, как рать,
под ветром — или спят на бреге моря...

Исповедимы ль вещие пути?
Кромешна ночь духовного недуга.
Так что ж она поет в моей груди,
что горлинка, неправедная мука?

И никому не выдам, что за весть
мне шлет рассвет: оливу иль осину...
Сжимаю рот — да не исторгнет лесть.
Виски сжимаю. Разгибаю спину.

2

И вот стою, не сломлена тобой,
сонм плотоядных, хищных черноризцев,

отделена пылающей каймой
цыганских маков да кабацких ситцев.

Отчуждена от благостных затей
земных богов, рассевшихся широ́ко.
Мой храм уходит в землю до бровей:
в бурьяне — локон волжского барокко...

Нарышкинских наличников разлом
да строгановских маковок соцветья,
не трону вас ни духом, ни пером:
то вправе только нищие и дети.

Кудрявится коринфский завиток,
что листик в той Перуновой дубраве:
Влас перенял,
а может, Фрол-браток, —
равно лежат во прахе да бесславье!

Равно погребены глухой травой
останки бора и останки камня,
литья — с бегучей вязью круговой,
шитья — в кругу лучины стародавней...

Не подыму я этот зримый град,
незримым Градом — стану ли кичиться?
«Не хлебом...» — златоусты говорят,
пока горит российская пшеница.

Емелям этим — только бы молоть,
кимвалить на распаханном погосте.
А я смотрю: какая ж это плоть —
в мучицу, пыль измолотые кости?

Они высоким облаком плывут —
и луч сквозит над скорбною грядою;
они — как дух, что вырвался из пут
у са́мого безверья под рукою.

ОЗЕРО БЕЛОГУЛИ

А Бог там был —
невзрачный, низкорослый;
ходил по клюкву,

жесткий лист брусники
сбирал для чая,
спал во мхах
и поле
от валунов освобождал, кряхтя...

И было мне так просто
там дышать,
склоняться над грибом белоголовым,
варить уху из чешуи искристой
озерной ряби,
задувать свечу,
когда луна высокая всходила,
плывя литой тарелкой золотою
над ельником,
над соснами, что гордо
венчали холм;
над старым лозняком...

Так одиноко было!
Невесомость
помимо воли сознавало тело,
и в сердце было столько тишины,
как знает это молодость и старость:
всё — впереди! всё — позади! —
широ́ко
распахнут видимый до донца мир...

А в озеро
я бросила кольцо
с веселою, стеклянной бирюзою:
приду ль туда,
где плещут белы гуси,
где лебеди мне перышко сронили,
а я — не подняла;
где «гули, гули!» —
несется клич,
сзывающий
домой?..

Москва

Иван СТАДНЮК

Рис. Ю. Макарова

ИСПОВЕДЬ БЕЗ ПОКАЯНИЯ

Воспоминальная повесть

От автора

Писать о самом себе? Зачем? Ведь прожитая жизнь не отличается от жизни моих уцелевших в войне сверстников, юность которых расцвела в радужных надеждах, в поисках своих грядущих дорог. Мы были преисполнены глубокой веры, что являемся свидетелями и участниками созидания нового, самого прогрессивного общества. Под влиянием лозунговой атмосферы того времени мы

находили оправдания всему трагическому, сопутствовавшему тем героическим дням и деяниям народа, и жаждали подвигов — рвались в Испанию, на Халхин-Гол, в снега Финляндии. Глядели в будущее с верой и восторженной надеждой, не подозревая, что ждут нас тяжелейшие военные испытания, а потом потрясения в послевоенные десятилетия. Ведь наблюдая день сегодняшний в его материальной и духовной облеченности, с гримасами и перекосами нашего бытия, с его правдой и ложью, иногда хочется закричать так, чтоб голос долетел до Бога, если он есть, чтоб боль души захлебнулась в этом вопле, чтоб прошлое высветлилось в лучах не мнимой истины, а подлинной, заплутавшейся в чернолесье нашей непростой истории. Именно поэтому писать о пережитом — не блажь, а потребность всмотреться в него чуть просветленным взглядом и заново переболеть о несбывшемся, поблагодарить судьбу за моменты ее благосклонности и особенно за то, что она уберегла нас от многих заблуждений, предвзятостей, а более от поступков, которые тиранили бы сейчас совесть, хотя нельзя утверждать, что дурных поступков у нас не было вовсе. Они были, навеянные злыми ветрами времени и лживыми деяниями наших былых, больших и малых, пастырей. Но главное в другом: мы прожили честную трудовую жизнь, наполненную верой и борьбой во имя добра для нашего народа, частичкой которого являемся. Об этом и хочется написать, написать о своем «я», исповедаться перед самим собой, моими читателями — друзьями и недругами. Но ничего не переиначивать из былого, не приспосабливаться к сегодняшнему дню с расхристанностью его многоголозунговой атмосферы. И с твердой верой, что придет Новый, настоящий День, которому можно будет посмотреть в глаза с чувством своей правоты и с радостью, что не менял своих убеждений.

1

Писать о самом себе, если это не заполнение по служебной необходимости анкеты, всегда трудно, ибо приходится ворошить память, в которой напластовано великое множество хорошего и плохого, при этом скорбеть о чем-то душой, печалиться о несбывшемся и невольно засматривать в будущее, ничего доброго с течением возраста не

сулящее. А иногда веселят воспоминания о забавных ситуациях, подчас нелепых и трагикомичных.

Родился я в селе Кордышивке бывшего Вороновицкого (ныне Винницкого) района Винницкой области будто бы в начале 1921 года (точная дата мне неизвестна), однако во всех моих документах значится, что родился я в Женский день, 8 марта 1920 года. Помнится, эти «уточнения» сделал мой земляк Григорий Павлович Юрчак в 1936 году, когда я брал у него, как секретаря сельсовета, «метрику» для поступления в Винницкий строительный техникум, и мне не хватало возраста, а документов, свидетельствующих о том, что я вообще когда-нибудь родился, не было; ретивые комсомольские «активисты» села к этому времени сожгли церковные бумаги, да и саму церковь разрушили.

Разумеется, нашли меня не в капусте. Как и все дети, имел я родителей. Мать — Марину Гордеевну (девичья фамилия Дубова) и отца — Фотия Исихиевича. Слышал от старшей сестры, что моей повивальной бабкой была известная в селе мастерица своего дела старая Фотина, а крестил меня священник Думанский — кордышивский батюшка. Мать помню смутно (она умерла в 1928 году, и даже ее фотографии не осталось). Мать была глубоко верующей и считала, что фотографироваться — великий грех, однако мне кто-то говорил, что видел мою мать на коллективном снимке у кого-то из кордышивских Дубовых. Если бы разыскалась эта фотография, для меня не было бы более драгоценного подарка.

Помню, как мать учила меня молитвам и по утрам, а также вечерами перед сном велела молиться Богу, водила в церковь на богослужения и сама пела в церковном хоре. Однажды вступила в «конфликт» с батюшкой (священником Васильковским), который, исповедуя меня, спрашивал: сквернословлю ли, забираюсь ли в чужие сады, дерусь ли на улице, ворую ли яички из птичьих гнезд и т. д. На все вопросы священника отвечал я охотно и утвердительно и в итоге услышал его повеление: «Отбей, сын мой, за грехи свои, сорок поклонов». Мать тут же кинулась ему в ноги: «Батюшка, да побойтесь Бога! Оно же дите малое, глупое, какие у него грехи?! Да оно еще не умеет и пальцы на руке сосчитать. А вы «сорок поклонов...»

Тем не менее уходил я из церкви с синим лбом, ве-

село размышляя о том, как буду хвастаться на улице перед хлопчиками, что я самый великий грешник в селе.

Церковь оставила в моей душе неизгладимый след. Размышляя об этом, я прихожу к выводу, что приобщение к духовному миру в детстве (именно в детстве!) побуждает в зрелом возрасте, независимо, остаешься ли ты верующим или делаешься атеистом, часто обращаться мыслью и чувством к самому себе — правильно ли ты живешь? Человек, сверяющий свои поступки со своей совестью, с пониманием другого человека, есть истинный человек, проникнутый добром, доброжелательностью и особенно любовью к детям; он всегда мысленно благословляет каждого встречного ребенка на счастливую судьбу.

Да, детство закладывает фундамент духовных свойств человека. Не знаю, кому принадлежит мысль, что человеческая душа, звучащая в лепетании ребенка, с возрастом человека звучит в его чувствах и поступках, несущих свет.

...Еще помню, как белила мать домотканое полотно, расстилая дорожки на нашем затравелом подворье, и мы с ней вдвоем носили на коромысле из «Юхтымовой крипицы» по одному ведру воды (мать уже была тяжело больной, хотя ей к тому времени не исполнилось и 50 лет).

Отец — Фотий Исихиевич, участник русско-японской войны, был человеком крутоватого нрава, но справедливым. До коллективизации считался середняком, работал, как и все крестьяне, денно и нощно, а осенними и зимними вечерами еще и сапожничал. Одним из первых вступил в колхоз, тяжело расставаясь с Карьком, слепым на один глаз конем, и с телегой на железных осях, для приобретения которой долго копили деньги. Карько был радостью и бедой отца. Любил он коня за добрый нрав, безотказность в работе и в выездах, но тяготился его слепотой. Да и мать попрекала отца: у всех хозяев кони как кони, а у нас без глаза. И в один из базарных дней батька отвел Карька на торговицу в местечко Вороновица, наш райцентр... Продал... А в очередной базарный день пошел в городишко Немиров покупать более молодого коня и неожиданно, на лошадином торге, наткнулся на Карька. Конь учуял близость своего бывшего хозяина

и по-лошадиному так закричал, заплакал, что отец без колебаний вновь купил его, переплатив три рубля. Возвращение Карька домой на всю жизнь осталось для меня радостным воспоминанием, о чем я написал и в романе «Люди не ангелы».

По рассказам старшего брата Якова знаю, что мое рождение было для родителей крайне желанным: нужен был «наследник», который бы со временем взял на себя хозяйство. Дело в том, что из восьмерых детей в нашей семье трое умерло. Еще в детстве умерли Архип и Явдоха, а в 1919 году умер семинарист Демьян. Из сыновей оставались Яков и Борис. Но Яков «выбился в люди» — выучился и пошел учительствовать, а Борис после женитьбы отделился на «садыбу» *. Сестра Фанаска вышла замуж и переселилась на хутор Арсеновка, а сестра Афия поступила на рабфак. Таким образом, мне была уготовлена участь принять от родителей хозяйство, девять десятин земли и стать хлеборобом.

С душевной болью и непониманием вспоминаю о своем раннем детстве и тогдашнем деревенском быте. Жила наша семья будто и не бедно: хватало хлеба (но белый пекли только к религиозным праздникам), в чулане было сало, постное масло из конопли, сахар, полученный за сдачу свеклы на Степовский сахарный завод, мука, в погребе — картошка и соленья. Но главной едой за обедом в будни был почему-то чаще всего борщ и на второе пшенная или гречневая каша. Ели из одной глиняной миски. В собственности каждого члена семьи — своя «персональная» ложка... А как и где мы, дети, спали? До сих пор недоумеваю. Ни постоянной постели, ни одеяла, ни собственной подушки, хотя на кровати они высились до потолка. Засыпал там, где сморивал сон, чаще на топчане с соломенной подстилкой, покрытой рядном, зимой — на печке или лежанке. Накрывали меня свиткой или старым кожухом, под голову — фуфайку. О доме тоже тяжело вспоминать: глинобитный пол, устланный зимой соломой, слепые от наморози окна, под босыми ногами скользкий в наледи порог сеней, с которого справлялась малая нужда... Что же это была за жизнь, по которой мы нередко плачем в своих воспоминаниях?.. Еще бы! Были, конечно, весны с белой кипенью садов. Были вечерние песни хлопцев и девчат... Были сенокосы, пастушье приволье... На виду преображалась природа,

* Садыба — клин земли, примыкавший к огородам села (укр.).

созревали овощи, ягоды, фрукты. Для нас уже с малолетства не было никаких тайн: мы знали, откуда берутся телята, поросята, лошадки, котята, щенки. Загадкой являлись только куриные яйца: как они оказывались в скорлупе? И еще: взрослея, начинали стесняться «детского языка», на котором разговаривали с нами родители (хлеб — папа; вода — апа; молоко — мони; яйцо — коко; мясо — кика; поцелуй — цёми; длинная рубашка — лёля; щенок — цюця и т. д.).

Я долго не верил в смерть матери, хотя видел ее лежавшей в гробу, видел на кладбище, как гроб закапывали в землю. Детским умом не мог себе представить, что ее больше никогда не будет. Часто приходила она ко мне в сновидениях. А однажды, проснувшись ранним утром на печке, увидел над собой, среди трещин глинобитного потолка, ее лицо; мать смотрела на меня немигающими глазами и виновато улыбалась. Я не испугался, даже ощущал острое желание протянуть руку и прикоснуться к ее губам, но не мог и пошевельнуться. Когда на печку проник дневной свет, лицо мамы Марины растворилось в трещинах потолка.

Последний раз видел я мать в небе, когда вместе с другими хлопчиками пас коров. Это было в Черном яру, примыкающем к нашему лесу. Улегшись на спины, мы всматривались в белые кучевые облака, радостно обмениваясь друг с дружкой сообщениями о том, кто что в них видит. Увидеть же в изменчивости облаков можно многое: забавные фигуры людей, их лица — бородатые, горбоносые, вытянутые, плоские; диких зверей, животных, птиц... А я вдруг увидел, как одно облако, причесанное поднебесным ветром, обратилось в лицо моей матери; она смотрела прямо на меня, а рот ее о чем-то кричал. Я облился слезами, стыдливо пряча их от хлопчиков...

В ту осень 1928 года поступил в начальную школу, которая стояла на бугре, рядом с окруженной высокими елями церковью. Когда-то это была «попова хата». В двух просторных ее комнатах училось по два класса. На все четыре класса у нас был только один учитель — Зискин Ефим Моисеевич. Но звали мы его «Прошу» (так обращались к нему, подняв руку), и многие полагали, что это его имя. Все мы любили своего первого учителя, изо всех сил старались заслужить его похвалу; весной он водил нас в лес и будто заново открывал перед нами

мир, рассказывая о растениях, деревьях, птицах. Зискин пророчил мне будущность художника, так как на уроках, которые иногда давал нам сельский живописец Иван Емельянович Стаднюк, по прозвищу Казанский, у меня очень хорошо получались кувшин, графин и красноармеец. Правда, красноармейца мы с Федей Стаднюком тайком скопировали, кажется, из календаря.

2

Мне всегда хочется узнать, откуда произошла фамилия Стаднюк. У нас в Кордышивке их великое множество, и не все они связаны родственными узами. Стаднюков-родственников по-уличному дразнили (а может, и сейчас дразнят) Салабаями. Что это такое, я не знаю, но оскорблялся на прозвище смертно и бросался в драку безоглядно. В школе дразнили меня еще «Рябой квочкой». «Рябой» — от обилия веснушек, а «квочкой» — от имени отца: «Фоть-Квоть» — плод творчества кого-то из моих школьных товарищей.

И все-таки откуда пошла фамилия Стаднюк? Если перевести ее на русский, то она будет звучать примерно — Пастухов. В 1989 году в «Огоньке», а потом в газете «Советская Россия» я споткнулся о фамилию Стаднюк. Принадлежит она активному деятелю советского фонда милосердия, настоятелю Богоявленского собора протопресвитеру Матвею Саввичу. И вдруг вспомнилось, как после войны со своим братом Яковом мы гостили в моем родном селе Кордышивке у Ивана Исихиевича Стаднюка — младшего брата нашего покойного отца. Яков и дядька Иван разговорились о дореволюционном прошлом (Яков — 1902 года рождения), стали вспоминать о самом старшем сыне деда Исихия — Василии; о нем до этого я и не слышал. Не знаю, за какие заслуги, но Василий якобы был почетным гражданином Винницы и почему-то из-за этого не имел права на наследство отца. Но когда умер Исихий, Василий потребовал себе свою долю хозяйства и земли. А сыновей у Исихия было много: Платон, Карпо, Фотий, Иван да две дочери — Наталка и Серафима. На семейном сонете они отказали Василию в его доле наследства и рассорились с ним. Он подал в суд, но тоже получил отказ, после чего переселился на жительство в Польшу, благо язык польский

был близок украинцам Подолии, когда-то подвластной Речи Посполитой.

Для меня это было неожиданным и неприятным открытием: ведь знай, что где-то в Польше с дореволюционных времен обитает мой родной дядя, я обязан был, каждый раз заполняя анкету, писать в ней об этом. Сие значило б, что вся моя судьба могла сложиться по-иному в худшую сторону или оказаться вовсе перечеркнутой. Слава Богу, минули те времена...

И вот в наши дни узнал я, что среди высокого духовенства страны значится Матвей Саввич Стаднюк. Нет, не только воспламенился я примитивным человеческим любопытством. Вспомнился мне давно умерший страх, что могли меня обвинить в сокрытии «криминального» факта: родной дядя живет за границей...

Через Моссовет, где я был депутатом пяти созывов, узнал номер телефона Матвея Саввича Стаднюка и, преодолевая смущение, позвонил ему. Весьма приветливо встретил он мое телефонное вторжение, кажется, не удивился звонку и сказал, что его тоже спрашивают, не в родственных ли отношениях он с писателем Иваном Стаднюком. И когда в разговоре я услышал, что Матвей Саввич родом из Тернопольской области (бывшей польской территории), а он узнал, что мой старший дядя где-то после русско-японской войны переселился в Польшу, оба мы заинтересовались этим обстоятельством: действительно, не родственники ли? Вскоре я и моя жена Наталия Александровна сидели в гостях у высокого духовного лица. Услышали от Матвея Саввича, что свою родословную дальше деда он не помнит, а имя его деда ничего нам не говорило. Загадка пока остается загадкой. Матвей Саввич обещал ее со временем разгадать.

Итак, вернемся во времена моего начального обучения.

Однажды учитель Зискин, сам того не ведая, внес разлад в мои отношения с отцом. На одном из уроков он разъяснил нам, что земля наша круглая, как тыква, и на противоположной от нас ее стороне живут американцы. Прибежав из школы домой, я с гордостью поделился с отцом интереснейшей новостью. Отец сидел на низеньком желобообразном стульчике и чинил сапог. Выслушав меня, он сдвинул на лоб очки и ответил: «Скажи своему «Прошу», что он городит бессмыслицу! Как же те американцы могут ходить с той стороны земли?.. Как мухи по потолку ползают?»

Такой простой вопрос поставил меня в тупик: действительно, как можно ходить вниз головой?.. Отец, поразмышляв, вновь обратился ко мне: «Еще до революции наш кордышанин Никита Галаган уехал в Америку на заработки. Потом писал оттуда, что устроился на фабрику, которая мастерит подтяжки для мужских штанов... Так для какого беса тем американцам нужны подтяжки, если они ходят вверх ногами? Штаны же через голову не спадут?»

Отец поверг меня в полную растерянность. Я с нетерпением дождался следующего дня и на первом же уроке, обратившись к учителю, довольно обстоятельно, ссылаясь на мух и на брючные подтяжки, опроверг его вчерашнее объяснение о форме нашей планеты Земля. Но был не рад этому. Наш любимый «Прошу» будто сошел с ума: он так неистово хохотал, держась за живот и обливаясь слезами, а вслед за ним стали дружно ржать все четыре класса в двух комнатах бывшей «поповой хаты», что я схватил свою торбу (холщовую сумку) с учебниками и кинулся к дверям.

Ефим Моисеевич перехватил меня и, вдруг посерьезнев, спросил:

— Ты с дерева падал?

— С груши, — уточнил я.

— Так вот, ты падал потому, что тебя притягивала земля. Она обладает силой магнетизма.

Ничего не понял я из этих новых объяснений учителя, будучи уверенным — падал ведь с груши потому, что подо мной обломилась ветка. Но голова пухла от размышлений...

Домой пришел в слезах и накинулся на отца с упреками:

— Шо вы, тату, дурнем выставылы мене перед всиею школою?! В землю нашу хтось закопав дуже великий магнит, и як впаде зи стола ложка, то той магнит притягае ложку до земли...

Зискин запомнился мне и моим сельским сверстникам еще и тем, что откуда-то привез мешок еловых шишек и мы, расчистив опушку леса близ села, ровными рядами посадили шишки в землю, а в последующие весны ухаживали за проклюнувшимися саженцами, оберегая их от бурьянов... И трудно поверить: на той опушке шумят сейчас высокие и толстые ели как память о нашем первом учителе и нашем детстве. Недавно я бродил между

этими елями, поднял с земли несколько шишек, чтоб посадить их на подмосковном дачном участке в Переделкине.

Детство мое похоже на детство всех кордышивских сверстников: во время весенней и осенней пахоты ходил за погоныча, получал кнутом по спине от отца, если плохо держал Карька в борозде, а летом пас Комету — корову брата Бориса, иногда и коровы соседей, за что к осени вознаграждался отрезами материи «на штаны» и «на сорочку». Многое из картин детства широко использовано мной в романе «Люди не ангелы», первая книга которого вышла в свет еще в 1962 году.

Весна 1932 года яростно окатила Украину беспощадным голодом. А тут еще не сложились семейные отношения у отца с очередной моей мачехой Ганной. До нее отец приводил в дом уже не одну вдовицу, но никого из них я не мог называть мамой, и это решало их судьбу... Женщины возвращались на свои прежние обиталища. Ганна же проявила упрямство и не стала покидать наш дом. Да и я привязался к ней. Тогда отец, отвыкший от верховенства женщин, велел старшей сестре Анастасии переезжать с семьей с хутора Арсеновка в село, в родительскую хату, принимать на себя хозяйствование, опекать меня, а сам уехал в Киев на заработки.

Первыми в селе умирали от голода мужчины. Потом дети. Затем женщины... Начала опухать и наша сборная семья (у Анастасии было четверо детей). На какое-то время нашлось спасение: Прокоп, муж Анастасии, случайно обнаружил на чердаке нашей хаты полмешка свекольных семян. Стали их толочь и смешивать с комками крахмала, который добывали из гнилой картошки, попадавшейся в земле при перекопке огорода. К тому же Прокоп тайком приносил с машинного двора колхоза, где ремонтировал комбайн, понемножку тавот — смазки для металлических частей агрегата. На нем жарили «бурячаны» — черные, горькие, тошнотворные...

Пастушество мое прекратилось. Коров в селе почти не осталось. А у кого сохранились, их держали в хатах, чтобы уберечь от бандитских шаек; на пастбищах уже охотились не только за скотом, но и за пастухами. По селу поползли слухи о людоедстве. Одна мать съела ребенка и сошла с ума... На кладбище обнаружена вскрытая свежая могила... Пропал без вести мой взрослый двоюродный брат Степан Билый... Потом я услышал от людей, что

его убила молодая вдовушка, спекла в печке и кормила своих двоих детей и себя.

Трагическую судьбу Степана я стал было описывать в первой книге романа «Люди не ангелы», но до погибели его не довел; он, в образе Степана Григоренко, понадобился мне для дальнейшего развертывания сюжета.

Весна не избавляла крестьян от голода. Я еле волочил опухшие ноги. И, спасаясь от неминуемой смерти, уехал в Чернигов к брату Якову, который был там на партийной работе. К тому времени я уже закончил четырехлетку. В Чернигове тоже было голодно. Чувствуя себя лишним ртом в семье брата, я ползимы проучился в пятом классе школы № 4 имени Коцюбинского, а потом сбежал в свою родную Кордышивку, хотя там голод еще свирепствовал в полную силу. Вторую половину зимы ходил в школу Степановского сахарного завода — за четыре километра от нашего села.

Голод, как говорят, не тетка. Вновь пришлось проситься к Якову, но уже в город Нежин, где он работал директором библиотечного техникума. В Нежине, в школе № 1, успел закончить 6-й класс, после чего оказался в безвыходном положении: Якова сняли с работы и исключили из партии. На заседании бюро райкома он отказался сдать партийный билет («Не вы мне его вручали, не вам отнимать...»), вырвался из рук накинувшихся на него членов бюро, выбежал на улицу и скрылся. Не заходя домой, пешком ушел в Киев. Написав там апелляцию в ЦК КПУ, жил в подполье, пока через год его жена — Мария Ивановна Чумак, тоже переехавшая в Киев, не получила извещения о восстановлении Якова в партии.

Но все это случилось потом. А мне-то куда было подаваться из Нежина?.. И взяла меня в нахлебники сестра Афия, ставшая к тому времени учительницей. Вначале учительствовала она в селе Старая Басань Бобровицкого района Черниговской области, а выйдя замуж за милицейского работника, переехала в село Тупичев (тогда райцентр) Черниговской области. В Старой Басани я проучился ползимы в 7-м классе, заканчивал же семилетку в Тупичеве, после которой поступил в Винницкий строительный техникум. Проучился в нем одну зиму и убедился, что строителя из меня не получится: туго давались алгебра и химия. Зато преподаватель по русской и украинской литературе Мовчан на одном из уроков, где

разбирались сочинения первокурсников на вольную тему, обронил мысль, что мне надо искать призвание в литературе, особенно в жанре юмора. Понравилось ему мое описание того, как я дрессировал домашнюю свинью носить на себе самодельное седло с веревочными стременами, катать меня, и это окончилось тем, что в одном «забеге» по подворью она так резко остановилась у корыта, что я перелетел через ее голову и шлепнулся в свиное хлебово... Впрочем, и в нежинской школе учительница по литературе. Ксения Константиновна, когда мы, шестиклассники, изложив своими словами рассказ Марка Вовчка «Горпина», прочитала мою работу, увеличившуюся по сравнению с авторским текстом вдвое, сочла необходимым ознакомить с ней другие классы, даже старшие, пророча мне писательское будущее. Я действительно так был взволнован трагедией Горпины — героини рассказа, которая, идя в жатву на панщину, напоила дите отваром из головок мака, чтобы оно крепко спало в ее отсутствие, а вернувшись, застала ребенка мертвым. Я буквально обливался слезами, пересказывая в школьной тетрадке чужой сюжет, мысленно видя все по-своему... В итоге меня прозвали в школе «Горпиной»...

Строительный техникум пришлось бросить. Прощаться с Винницей было тяжело. Сказанные мимоходом слова преподавателем Мовчаном, что мне следует искать призвание в литературе, запали в мои мысли. Я зачастил в Дом-музей Михайла Коцюбинского, поражаясь, что именно здесь, в Виннице, в 25 километрах от моей Кордышивки, родился такой великий писатель. Впрочем, как слышал я тогда от старых людей (а позже узнал из книг), и в самой нашей Кордышивке восемь лет жил классик украинской драматургии Михаил Петрович Старицкий... Стала разгораться дерзкая мыслишка: а почему бы мне не попробовать писать? Но понимал: надо учиться. И вновь поехал к сестре на Черниговщину — в Тупичев.

Там меня ждало новое открытие. На одном из уроков по украинской литературе наш самый любимый учитель Петр Данилович Варлыго, обращаясь к классу, сказал:

— Выхвостовцы должны гордиться тем, что являются внуками и правнуками героев романа «Фата-Моргана». По вашему селу когда-то хаживал Михайло Михайлович Коцюбинский...

Как же я раньше не знал, что недалекий Выхвостов,

откуда ходят в тупичевскую десятилетку столько хлопцев и девчат, и есть то самое село, которое изображено в известнейшем романе Коцюбинского? И будто по-другому стал смотреть на своих соучеников — Миколу Таратына, братьев Мысников, Ивана Мамчура, Катю Желдак... Ведь их предки — из «Фата-Моргана»!

А Петр Данилович, усевшись на краешек стола, с таким упоением рассказывал о творчестве Коцюбинского, что все мы будто воочию видели героев книг писателя и жили их давно отшумевшей жизнью. Слова и размышления учителя вливались в наши души светом и добром, любовью и жалостью к крестьянам. Мы постигали тайны писательского мастерства Коцюбинского, задумывались над тем, с какой любовью к Украине он изобразил далеко не простой характер ее людей — лиричный и мускулистый, непреклонный и нежный, песенно-печальный... Сердца наши рвались из груди от того, как пронзительно, с пониманием тончайших сложностей человеческой натуры всматривался Коцюбинский в душу простолюдина и как находил, кажется, единственно точные слова, краски и их оттенки, чтобы выразить любовь или ненависть, скорбь или радость, боль, восторг, надежду — все многообразие наполнявших жизнь чувствований и их контрастов, показывал, что забитый бедностью, темнотой и каторжным подневольным трудом селянин способен страдать или испытывать возвышенные чувства не менее глубоко и остро, чем те просвещенные и власть имущие «человеки», на которых он гнул спину. А чувство протеста крестьянина против неправды и социальных уродств, порывы его души к свободе и свету? А его неповторимый быт, национальные обычаи, его трудовая и мудрая своей значительностью, пусть внешне незатейливая, повседневность?.. Всем этим проникнуты творения писателя-демократа.

Да, мы стали понимать, что Михайло Коцюбинский — это кричащая от негодования душа порабощенного в былом украинского трудового народа, трубный глас, протестующий против царившего социального зла и несправедливости. И роман «Фата-Моргана» являет собой лучший образец воинствующего творчества художника-страстотерпца.

Петр Данилович не учил нас, а беседовал с нами, как мудрый отец, и волновался от своих слов, как и мы...

Когда Украину захлестнула кровавая волна арестов,

в ней утонул и наш дорогой Петр Данилович Варлыго. Не могу вспомнить подробностей, последовательность событий. Помню только момент, когда я, услышав эту тяжкую весть, обратился к мужу моей сестры, бывшему тогда начальником тупичевского районного отделения милиции, с вопросом:

— За что арестовали нашего учителя Варлыго?

— Обвиняется в украинском национализме, — хмуро ответил он, а сестра, присутствовавшая при этом, горько заплакала и сказала:

— Завистники оболгали его!.. Он самый лучший педагог в районе, если не во всей области!

— Мое дело отвечать за охрану и конвой. А статьи шьет районное НКВД. И не спрашивайте больше ни о чем подобном! А то и меня под статью подведете!..

Но как было не спрашивать?.. Ко мне вскоре обратился мой соученик Н., один из моих близких друзей:

— Отца арестовали... Помоги узнать, что с ним.

Беспокоить неприветливого родственника я не осмелился, и мы с Н. решили сами подсмотреть, что делается в районных НКВД и милиции, располагавшихся среди райцентра в одном здании, окруженном высоким забором, вдоль которого росли вековые липы. Две ночи просидели мы с Н. на липах. Видели сквозь зарешеченные окна только одну камеру, битком набитую мужиками, и кабинет с черным диваном, на котором сидел, как мне казалось, учитель Варлыго. Возле дивана стоял охранник и, как только Петр Данилович сонно ронял голову, тормошил его, заставлял подниматься на ноги и вновь садиться.

Это был, как я узнал позже, способ многосуточного допроса — пытка. Отсюда и родился у меня в романе «Люди не ангелы» черный диван и казнившийся на нем главный герой книги Платон Ярчук...

Мой родственник вместе с первым секретарем райкома партии увлекались утиной охотой. Иногда приглашали меня — в качестве коновода и «охотничьей собаки» (я должен был доставать из болота или озера подстреленные ими утки). И однажды, когда охотники выпивали и закусывали, я нечаянно подслушал их разговор, ужаснувший меня:

— Ругает нас областное начальство, что слабо ищем у себя врагов народа, — говорил секретарь, хрустя соленым огурцом. — Городнянский и Щорский районы обогнали нас... К концу месяца требуют арестовать еще хотя бы десяток человек.

— А куда помещать их? — послышался вопрос моего родственника. — Своей тюрьмы у нас нет, а городнянская битком набита.

— Решения «тройки», говорят, можно приводить в исполнение при перевозке из Тупичева в Городню.

— Способ известный: при «попытке к бегству». Но мне за плохую организацию охраны грозятся голову отсечь. Область уже знает о случае прошлой недели.

— Каком случае?

— Трое арестованных выбросились в лесу из грузовика и пытались убежать... Сопровождающие милиционеры тут же и уложили их...

— Кого именно?

Среди услышанных мной фамилий прозвучала и фамилия отца моего дружка Н... Фамилия звучная и редкая. Не называю ее по причинам, которые станут читателю ясны гораздо позже.

Памятной была та охота... Когда я вернулся домой, увидел в нашем дворе Н. Он помогал моей сестре колоть дрова. Набрав охапку дров, сестра скрылась в доме, а Н. таинственно спросил у меня:

— Пойдем сегодня в ночное на милицейские липы?

Что мне было ответить другу? Сказать правду — страшно. Чувствовал себя так, будто стал соучастником преступления, совершенного на лесной дороге между Тупичевом и Городней. И подленько увильнул от прямого ответа. Предложил пойти к Савелию Харченко (продавцу винной лавки) и выпить ликеру на полученный мной в районной газете маленький гонорар: мол, очень продрог на охоте. Пошли, выпили...

Не мог я тогда понимать, что даже слабая надежда есть хлеб несчастливца: как она ни обманчива, отнимать ее у человека одним рывком не следует... Направились мы прогуляться в сад, окружавший нашу школу, спели вдвоем «Ой, наступала та чорна хмара» и потом я, с похолодевшим сердцем, сказал Н., что у него нет больше отца...

У меня не стало друга. Более того, я приобрел бескомпромиссного врага, не будучи перед ним лично повинным ни в чем.

3

А случилось недели через две вот что. Мы, группа старшеклассников — парней и девчат, — пошли в лес за черникой. Возвращались порознь из-за того, что разбрелись по Замглаю (так называется тот лес), да и потому, что Тупичев — село огромное, а дома наши были в разных его концах. Вместе с Н. шел я по узкой полевой дорожке, юлившей сквозь обширное поле дозревавшей ржи. Друг мой был молчалив. На потемневшем его лице выпирали скулы. Я пытался развлечь Н. каким-то разговором и обронил нелепую фразу, смысл которой в том, что он доведет себя до полного истощения, если будет так переживать; отца, мол, все равно не вернешь.

— Не истощусь! Я сильнее тебя! — сказал мне Н. и будто в шутку предложил бороться.

Тут же, на полевой дороге, я дважды великодушно позволил Н. уложить себя на обе лопатки. Это вдохновило его, и он объявил новый вид соревнования — «припинапие» к земле жгутами ржи: кто из нас сумеет освободиться от жгутов. Я не знал способа такой привязки и предложил начать опыт с меня. Мы зашли поглубже в рожь, где она была наиболее тучной, я улегся спиной на землю, а Н., собирая вокруг меня пучки ржи, не выдергивая их из земли, закручивал в перевясла. Привязывал ими мои раскинутые руки, затем ноги. Заподозрив неладное, я стал вырываться, но было уже поздно. Последний жгут Н. завязал у меня на горле...

— Недельки через две тебя дохлого подберут комбайнеры, — зло сказал Н. Сорвав с моей головы фуражку, он выдрал из нее подкладку и затолкал ее мне в рот. Затем ушел...

Все мои попытки высвободиться из жгутов были тщетны. Мне стало ясно, что гибель неминуема, если не произойдет чуда. И оно произошло. На рассвете я проснулся от ударивших по моему лицу крупных капель дождя. Небо полыхало молниями. Разразилась шквальная гроза, и с каждой ее минутой я чувствовал, как от напряжения моих мышц ослабевает цепкость корней ржи.

Утром я появился дома с распухшим, изъеденным комарами лицом.

— В лесу заблудился, — ответил на тревожный вопрос сестры: «Где пропадал?»

Благодарю судьбу, что хватило у меня разума не пожаловаться на Н., хотя кипел от жажды мести, которую видел в том, чтоб встретить его и крепко избить. Но он не был дураком: догадался, что гроза спасла меня, и исчез из села. Об этом я пока не знал. Через несколько дней, когда лицо мое обрело нормальный вид, пошел к нему домой. В комнате застал одну мать — постаревшую, жалкую, с красными от слез глазами.

— Нету его дома, — упредила она мой вопрос немощным голосом. — Понес в Городню, в тюрьму, передачу для отца и где-то запропастился.

Мое сердце полоснула невыносимая жалость к этой женщине: сын скрыл от нее, что отца расстреляли... И почему-то стало стыдно. С трудом я произнес слова:

— Мы поругались... Передайте, что зла на него не держу. Пусть не прячется... Передайте мое честное слово...

Потом наступил очередной учебный год. Мы продолжали учиться с Н. в параллельных классах, делая вид, будто ничего плохого между нами не случилось, хотя оба были настороже друг к другу. Полагали, что закончим десятилетку, и каждого из нас позовут разные дороги. Но у судьбы свои, непредвиденные для человека законы. В будущем меня и Н. ждала последняя наша встреча — немыслимая и страшная. Рассказ об этом впереди.

4

Жить на «чужом хлебе» было нелегко, и я все время стремился куда-то пристроиться, чтоб никому не быть в тягость. Прослышав, что идет набор в военные училища, помчался к райвоенкому майору Гавриленко и заполнил бумаги для поступления в Краснодарскую школу летчиков-наблюдателей. Вскоре в военкомате мне и моему соученику из Выхвастова Ивану Белану вручили засургученный пакет с нашими документами, и мы поехали в Краснодар. Там пошли по указанному на пакете адресу, и только после сдачи документов узнали, что нас прислали не в летную школу, а в пехотное училище имени Красина. Пришлось смириться с коварной уловкой военкома (тогда все ребята нашего возраста рвались в летчики) и надеть общевойсковую курсантскую форму. А через месяц учебы меня вызвал начальник училища и объявил, что на запрос мандатной комиссии по месту моего рождения председатель Кордышивского сельского

Совета Арийон Мельничук прислал сведения, которые не позволяют мне оставаться курсантом: среди репрессированных в Кордышивке крестьян оказались мой дядька, двоюродный брат и два брата жены моего родного брата Бориса. Да и отец, о чем я узнал впервые, какое-то время был церковным старостой. В дополнение к этому в бумаге сельсовета были перечислены все другие репрессированные Стаднюки, с которыми я в родственных отношениях не был (в нашем селе был репрессирован каждый 8-й крестьянин).

С трудом перенес я тот тяжкий и позорный по тогдашнему пониманию удар, почти случайно удержался от самоубийства, испытав то, что потом испытает в романе «Люди не ангелы» Павел Ярчук. Горел желанием поехать на Винничину и сжечь в Зарудинцах, соседнем селе, дом председателя сельсовета. Но уже стояла глубокая осень, а военную форму после исключения из училища пришлось сдать и одеться в легкую измятую одежонку, в которой приехал в Краснодар. Появляться в таком виде среди земляков было стыдно, а главное — «воинское требование» на железнодорожный билет было выписано до станции Городня. Пришлось вернуться в Тупичев к сестре и продолжить учебу в девятом классе.

Но чем я мог дома и в школе объяснить отчисление меня из военного училища? Знал, что, если скажу правду, мой родственник обязан будет по своим «милицейским» правилам развестись с моей сестрой или подать рапорт об увольнении из «органов». И пришлось лгать — объяснял, что получил отсрочку на год по состоянию здоровья... А со временем, после больших колебаний, написал жалобу в Москву, Сталину и, зная, что на тупичевской почте наверняка ее перехватят, отправил заказное письмо из Чернигова. В своей жалобе я ссылался на его же, Сталина, слова: «Сын за отца не отвечает». Почему же я должен был отвечать за дальних родственников, которые в пору моего сиротского малолетства и голода не поддержали меня даже куском хлеба? К сожалению, это была правда...

Ответ из Москвы не приходил. Я уже заканчивал девятый класс, как вдруг Черниговский пединститут объявил набор учеников десятых классов на 10-месячные учительские курсы (со стипендией и предоставлением общежития). В газетном объявлении указывалось, что приглашаются на курсы и учителя начальных школ, кто

успешно сдаст вступительные экзамены, но не указывался возраст допускаемых к экзаменам. И я загорелся желанием поступить на курсы: шутка ли — через десять месяцев учебы можно стать преподавателем украинского и русского языков и литературы! Самостоятельным человеком, не чьим-то нахлебником!

Кинулся за советом к своему ближайшему другу-однокласснику Виталию Романенко (нашему признанному школьному поэту, отличнику и оратору). Он не только поддержал мою идею, но и сам загорелся желанием поступать на курсы; предстоящие экзамены нас почему-то не пугали.

Взяли в школе справки, написанные от руки секретарем, что учимся «в IX классе Тупичевской средней школы», и поехали в Чернигов, не утаив, однако, цель поездки от нашего общего приятеля Миколы Таратына. Разыскали пединститут, комиссию, формировавшую курсы. Но уже в коридоре перед кабинетом, где заседала комиссия, разведали, что девятиклассникам дают «от ворот поворот» — даже документов не принимают...

Ой, как тошно было возвращаться в Тупичев, особенно мне, не в свой дом, на чужой хлеб, выслушивать упреки сестры по поводу того, что я решительно отказывался носить в детские ясли ее дочурку Люсю — считал стыдным (уже воображая себя «кавалером») тащиться через весь райцентр на виду у людей с ребенком на руках, а потом терпеть в школе обидную кличку «нянька». Хотелось скорее стать независимым, чтоб хотя бы иметь собственные монеты для покупки билетов в кино — себе и, как полагается, девушке, за которой ухаживал.

Удрученные и растерянные, сидели мы в скверике институтского двора, размышляя над тем, как жить дальше. Искать в чужом городе работу без паспортов (тогда сельским жителям их не выдавали), без приюта?.. И неожиданно кому-то из нас пришла шальная мысль: «подправить» наши справки: трудно ли цифру «IX» превратить в «А»X, что могло значить «А» десятый класс. Пусть и нелепо, но на справках есть штампы, гербовые печати, подпись завуча школы... А для пущей убедительности в своих заявлениях с просьбой о приеме на курсы тоже написали, что учимся в «А»X классе.

Явились в комнату приемной комиссии, подаем бумаги, трепеща от страха и сгорая от стыда. И, конечно, тут же последовал вопрос:

— Что, завуч у вас неграмотный или спьяну писал справки? Надо — в десятом «А».. Почему же в «А»Х?

— «А» — класс лучший по успеваемости, а «Б» — на втором месте, — нашелся Виктор.

— Мы и в своих заявлениях тоже так написали, — добавил я.

— Ну, ладно. «А» так «А». Посмотрим, как с вашим «А» сдадите экзамены...

Экзамены по всем предметам сдали мы на «отлично» и, получив справки, что приняты на учительские курсы, помчались в Тупичев за своими вещичками.

В школе мы появились «гоголями», но решив до поры до времени держать в тайне, что мы уже не ее ученики. Но тайна все-таки не была соблюдена (проболтались Миколе Таратыну), и случилось непредвиденное: на второй день почти половина нашего девятого класса не явилась на уроки — уехала в пединститут поступать на курсы... (И Таратын тоже. Сейчас он пенсионер, директор литературного музея М. Коцюбинского в с. Выхвостов на Черниговщине). К своему ужасу, мы с Виктором поняли, что грядет непоправимая беда: нас разоблачат, отчислят с курсов, а в школе после такого позора хоть не появляйся. Возмездие было неотвратимо, а распаленная фантазия изображала его в самых мрачных красках. Комсомольцы же!

И мы, никому ничего не говоря, ринулись навстречу опасности: вновь поехали в Чернигов, чтобы покаяться в своем грехе перед ректором института (кажется, фамилия его Ильяшенко), надеясь на прощение — ведь экзамены сдали на «отлично». В крайнем случае надо было забрать свои документы.

На удивление, к ректору я попал беспрепятственно (Виктор так нервничал, что остался дожидаться меня в сквере). Руководитель института встретил меня очень сурово. Я, сгорая от стыда, выслушал целую его лекцию о чести и совести, о порядочности и о том, как полагается молодым людям входить в жизнь. Стыдил и корил он меня беспощадно. А под конец спросил:

— Ну, что ты скажешь в свое оправдание?

Я ответил встречным вопросом:

— Когда вы учились в десятилетке, у вас были отец и мать?

— Были. Что из этого следует?

— Был свой дом и в достатке еда?.. Обходились вы

круглый год, а то и два одной парой ботинок, как я, одними брюками и одной рубахой, на которые самому надо заработать деньги? Да и одними дамскими чулками вместо носков — чтоб время от времени можно было ножницами укорачивать чулки?

— Расскажи о себе подробнее.

Рассказывать было трудно — душили слезы. Возможно, и сам себя чрезмерно разжалобил.

Жесткие складки на лице ректора смягчились, перестали хмуриться брови. Он закурил папиросу и нажал на краю стола кнопку. Тут же вошла секретарша.

— Наталия Степановна, вчера я подписывал бумагу в Тупичевскую школу, — не глядя на нее, сказал ректор. — Если не отправили — верните ее мне.

— Вчера же и отправила — заказным письмом.

Секретарша вышла. Ректор вздохнул и вновь строго посмотрел на меня:

— Ушли ваши документы в Тупичев... Пусть как следует пропесочат вас там на комсомольском собрании — умнее будете.

Сейчас смешно вспоминать о тех переживаниях, которые мы с Виктором Романенко испытали тогда. Особенно остро страдал Виктор. Он считался в нашей школе среди учеников самой заметной личностью, и вдруг оказаться в таком позорном положении. Гордость его не могла перенести этого. И уже на попутном грузовике, когда возвращались мы в Тупичев, твердо условились: в школе пока не появляться, а в учебное время отсиживаться в колхозном сенном амбаре (гумне) за машинным двором МТС. И главное сейчас думать: как без позора выйти из трагической ситуации, которая усложнялась еще и тем, что моя сестра Афия была учительницей нашей школы; преподавала язык и литературу во вторую смену в 5—7-х классах. Объясняться с ней мне не хотелось, но и трудно было предполагать, что у нее не спросят, почему я отсутствую на уроках.

Словом, много было сложностей. Мы со всей обстоятельностью начали обсуждать их с Виктором на второй день, забравшись на верх сеновала под крышу амбара. В самом деле, какой искать выход? Виктор вполне серьезно предложил: вешаться!.. Прямо здесь, в амбаре.

— На чем? — заинтересовался я, пряча улыбку.

— Принесу веревки, на которых мать белье сушит.

— А они выдержат? Толстые?

— Толстые.
— Но толстые долго душить нас будут.
— Могу принести и потоньше, но тоже крепкие.
— От тонких будет очень больно, — притворно засомневался я. — И найдут нас тут не раньше весны. Нависимся до отвала! Да еще на тонких веревках.

Разумеется, в нашей болтовне было немало горькой бравады, ерничания, юмора сквозь слезы. Но и ощущалась такая безысходность, что оба, при всей своей юношеской инфантильности, понимали: беды не миновать. Важно было угадать ее степень, чтоб не наделать глупостей и не проявить отъявленной трусости; ведь ко всему прочему, я был председателем ученического комитета школы.

Но непредвидимы гримасы судьбы. Случилось так, что в это время по деревянной крыше, прямо над нашими головами, забарабанили капли дождя, и я поднялся с сена, чтобы закрепить одну из полуоторванных дранок, образовавшую щель, сквозь которую на меня капало. В щель увидел машинный двор МТС и недалеко от амбара велосипедиста. Узнал в нем почтальона Зайчика. Так его все звали в райцентре за небольшой рост, красивое полудетское личико с голубыми глазами и за мальчишескую наивность.

Тут же, еще не осознав своего намерения, я оторвал дранину совсем, раздвинул другие и, заложив два пальца в рот, засвистел — по-своему, по-пастушечьи.

Зайчик услышал свист, остановился и, соскочив с велосипеда, стал оглядываться по сторонам. Я еще стал свистеть и, просунув в дыру в крыше руку с фуражкой, замахал ею. Наконец, Зайчик увидел, что сигналят именно ему, подъехал к амбару, а мы с Виктором тут же скатились с сеновала и затянули почтальона в амбар.

Виктор смотрел на меня с недоумением: что, мол, задумал? А я начал «спектакль»:

— Заяц, будь другом, помоги нам в беде.
— Я готов! — искренне отозвался Зайчик.
— Только это великая тайна, — разговор велся на украинском языке. — Не проболтаешься?

— Да у меня полный мешок тайн! — он похлопал по кирзовой почтальонской сумке. — Доверяют!
— Смотайся на велосипеде домой к Виктору... Знаешь, где он живет?

— Еще бы не знать, где живет агроном Андрей Иванович Романенко, — это шла речь об отце Виктора.
— Попроси его мать, тетю Полину, две бельевые веревки...
— Зачем?
— Понимаешь, с нами случилась непоправимая беда, и мы решили повеситься...
— Да вы что, хлопцы, сдурели? Что за беда?!

И тут вступил в «игру» Виктор. Собственно, он не играл, а искренне стал рассказывать Зайчику все, что произошло с нами в Чернигове, неимоверно преувеличивая грозящую нам кару. Когда же Зайчик услышал о заказном письме из пединститута в школу, он заорал на нас, как на недорослей:

— Дураки! С этого бы начинали! — И раскрыл почтальонскую сумку. Порылся в ней, затем швырнул в Виктора толстым конвертом. — Получайте вместо веревок! А я уж как-нибудь выкручусь!.. А то вешаться вздумали! Идиоты!..

На второй день мы с Виктором появились в школе, изображая себя ни в чем не повинными. На нас тут же накинулись с упреками одноклассники, которые ездили в Чернигов поступать на курсы. Со смехом мы начали отбрехиваться:

— Лопухи, мы пошутковали! — Виктор хохотал без удержу (это он умел!).
— Возили в областную газету стихи, — вдохновенно врал я. — Скоро напечатают.
— Скоро ваши поддельные документики пришлют из института! — пригрозил наш одноклассник Кузьма Тупик, который тоже ездил в Чернигов поступать на курсы.
— Ну-ну, жди! Может, дождешься.

И действительно, школа ждала... Сестра Афия сказала мне, что и в учительской шепчутся по этому поводу. Более того, кажется, даже послали запрос в институт.

Мы с Виктором опять встревожились — притихли, не задирались, старательно готовили уроки.

Вскоре сестра сказала мне по секрету:

— Пришла бумаги из института — подписана лично ректором. В ней сказано, что «В. Романенко и И. Стадник на учительские курсы не зачислялись...» И больше ничего...

Это был тяжкий и болезненный урок мне на всю жизнь.

5

А нужда заставляла искать заработки. В школе я числился хорошо успевающим учеником, особенно по гуманитарным предметам, и вскоре мне доверили одновременно с учебой преподавать на курсах трактористов при Тупичевской МТС русский язык. Не могу без улыбки вспоминать даваемые мной уроки парням и девушкам с начальным образованием, которые не были сильны даже в украинской грамматике, как и я в русской. Непродолжительное время даже был инструктором районо по ликвидации неграмотности.

Будучи комсомольцем, числился в райкоме комсомола активным агитатором, особенно еще в период обсуждения первого избирательного закона и первой Конституции СССР. А потом неожиданно привлек к себе внимание тем, что из Москвы наконец пришел в райвоенкомат ответ на мое письмо И. В. Сталину. В нем без всяких мотивировок указывалось, что мне открыты дороги в любое, по моему выбору, военное училище. И тут я попал в затруднительное положение: райвоенком майор Гавриленко требовал немедленно выбирать училище, получать проездные документы и убывать из Тупичева. А меня глодала мысль о том, что ведь совсем немного осталось времени до окончания десятилетки и получения «аттестата зрелости». Да и родилась новая мечта — стать журналистом. Более того, редакция тупичевской районной газеты «Сталінський шлях», в которой в летние каникулы после 9-го и после 10-го классов работал я литсотрудником (писал заметки, репортажи, фельетоны), рекомендовала меня для поступления в Украинский Коммунистический институт журналистики (г. Харьков)... Вопреки настояниям райвоенкомата я после окончания десятилетки сбежал в Харьков. Выдержав там нелегкие конкурсные экзамены, был принят в институт.

В мае 1939 года, когда был еще учеником 10-го класса, меня, как активного комсомольца, приняли (кстати, вместе с Виктором Романенко) кандидатом в члены КПСС, а через год уже курсанта Смоленского военно-политического училища, — в члены КПСС. Виктор Андреевич Романенко погиб в боях под Харьковом в 1943 году.

Из института журналистики осенью 1939 года я был призван в армию. Окончил ускоренный курс сержантской школы 19-го запасного артиллерийского полка в городе Калинине и был откомандирован в Смоленское военно-политическое училище, которое окончил в конце мая 1941 года. Будучи курсантом училища, опубликовал в смоленской областной газете «Рабочий путь» свои первые рассказы, которые прошли через добрые руки поэта Николая Грибачева, руководившего училищным литературным кружком, и поэта Николая Рыленкова — заведующего литературным отделом областной газеты. Это обстоятельство сыграло в моей судьбе очень важную роль. Начинающий поэт Евгений Панков и я были приглашены на совещание молодых красноармейских писателей Западного особого военного округа. Повез нас в Минск Николай Грибачев. Никогда не забыть этих дней 7 и 8 мая 1941 года.

...Зал окружного Дома командиров. В президиуме — Якуб Колас, Янка Купала, Кондрат Крапива и другие выдающиеся деятели литературы Белоруссии, представители командования, а в зале — красноармейцы, курсанты полковых школ и военных училищ, сержанты, молодые командиры и политработники. Все они сделали первые робкие шаги на трудной стезе прозы, поэзии или драматургии — начинающие красноармейские писатели. Правду сказать, слово «писатель» для большинства из нас было определением довольно условным, ибо я, например, или известный, ныне уже покинутый, военный прозаик Геннадий Семенихин, тогда замполитрука, к тому времени напечатали всего лишь по нескольку рассказов. Однако совещание было для нас огромнейшим событием, ибо с высокой трибуны мы услышали оценку своих первых произведений, услышали наставления мастеров белорусской литературы... Никто из нас, участников этого совещания, не ведал тогда, что стоим мы на пороге великих и тяжких испытаний и что не скоро постигнутое здесь станет нашим творческим подспорьем. Большинству вообще не пришлось больше браться за перо...

И вот 30 мая 1941 года нам присвоили воинские звания «младших политруков» и разослали по разным военным округам. Я попал в Особый Западный. Приехал в Минск, где в отделе кадров политуправления округа меня уже ждал пакет с назначением в воинскую часть. Взглянув на название должности, на которую определен, я не поверил своим глазам: «политрук противотанковой

батареи». Счастью моему не было предела: ведь в прошлом я артиллерист, командир орудийного расчета! Уходил из отдела кадров, не чуя под собой ног... И вдруг, когда буквально летел по коридору, из кабинета вышел батальонный комиссар в кавалерийской форме. Я узнал в нем инструктора по печати политуправления округа Матвея Крючкина, с которым совсем недавно познакомился на писательском совещании (после войны с поэтом Матвеем Абрамовичем Крючкиным мы многие годы сотрудничали в комиссии по военно-художественной литературе Союза писателей СССР). Осведомившись о причине моей радости, батальонный комиссар Крючкин почти силой отнял у меня пакет с предписанием и безапелляционно изрек: «В округе голод на журналистов! Поедешь секретарем дивизионной газеты!..»

Трудно было мне расставаться со своей заветной мечтой... И вот грянула война. Наступили дни тяжелейших испытаний. Реальность оказалась весьма далекой от картин, которые недавно рисовало мое восторженное воображение. Но в этой жуткой реальности образ комиссара и политрука нисколько не лишился созданного воображением восхищающего ореола. Более того, юношеская фантазия оказалась беднее всего происходившего.

Я глубоко убежден, что еще не оценена по достоинству та грандиозная роль, которую сыграли политработники в начальный период Великой Отечественной войны, особенно политработники старшего звена — комиссары. Являясь участником трагических событий, которые разыгрались в июне 1941 года западнее Минска, я вынес оттуда такое ощущение, что, не будь с нами комиссаров, все обернулось бы во сто крат трагичнее. При этом нисколько не хочу умалять роль командиров, которым в кромешной неразберихе и кровавой сумятице хватало работы по выяснению непрерывно меняющейся обстановки и организации отпора врагу. Однако, поскольку уже в первые дни немалая часть наших войск оказалась разобщенной, очень важно было, как выяснилось, видеть впереди контратакующих цепей не только политруков рот, а и комиссаров батальонов и полков. Понимая, что главная задача — задержать врага, замедлить темпы его наступления на восток, они останавливали людей и спокойно, но с определенной категоричностью приказывали (даже командирам) развертываться в боевые порядки вправо и влево от магистралей и окапываться. При этом сами

оставались тут до конца, продолжали наращивать силы, помогали командирам приводить людей в боевое состояние.

Кажется, не было оживленного перекрестка, переправы через речку, не было заслона, который выбрасывался навстречу врагу, где бы ни слышался голос человека с красной звездой на рукаве. Ко всему они были причастны, везде находили себе неотложное дело.

Помню даже такой необычный случай. Штаб нашей 209-й мотострелковой дивизии закопался в землю на лесных высотах близ городишка Кресты в Западной Белоруссии. Командир дивизии полковник А. И. Муравьев, начальник отдела политпропаганды полковой комиссар Маслов и начальник особого отдела (фамилию не помню) сидели возле штабной палатки и выслушивали доклады командиров подразделений из разбитых частей, отступавших на восток и задержанных развернувшимися впереди нашими штабными подразделениями. Я, в то время желторотый секретарь дивизионной газеты, вертелся поблизости, снедаемый труднообъяснимым любопытством: хотелось взглянуть на сидевшего в окопе под охраной военфельдшера штабной санчасти, с которым до войны (три дня назад) в местечке Ивье жил по соседству; военфельдшер был приговорен военным трибуналом к расстрелу «за членовредительство» (прострелил себе ногу) и ждал утверждения приговора в вышестоящем штабе. В это время на высоту к палатке приконвоировали задержанного на дороге майора. Майор предъявил начальству документы и объяснил, что следует с двумя грузовиками, в которых сидят его саперы, на восток для выполнения задания по охране мостов. А я, оказавшись свидетелем этого объяснения, был потрясен: в майоре узнал недавнего курсанта Смоленского училища; два года подряд наши роты ежедневно в одном коридоре, а затем по соседству в лагерях выстраивались на утренние осмотры и вечерние поверки. Всего лишь три недели назад мы вместе закончили училище, и вдруг вижу в петлицах своего однокашника не два кубика младшего политрука, а две шпалы, да еще на рукавах золотые шевроны строевого командира. А «майор» между тем, получив разрешение следовать дальше, отдал начальству честь, четко повернулся кругом и... увидел меня. Побледнел, отвел в сторону глаза и зашагал к дороге. Я окликнул его по фамилии, но он будто не расслышал. Я еще раз оклик-

нул. На мой взволнованный голос обратил внимание полковой комиссар Маслов и тоже крикнул:

— Товарищ майор!..

«Майор» остановился, устремив притворно-недоумевающий взгляд на полкового комиссара.

— Вы что, знакомы? — спросил у меня Маслов.

— Да. — И в двух фразах все объяснил.

— Ошибаетесь, товарищ младший политрук, — растянул губы в подобие улыбки «майор».

— Ну как же? — Я сбивчиво начал что-то говорить, а «майор» тут же с дьявольской усмешкой на бледном лице все опровергал.

Полковой комиссар Маслов смотрел то на меня, то на «майора». К нам уже подходили комдив и начальник особого отдела.

— А не являетесь ли вы, младший политрук, засланным провокатором? — сурово спросил, не спуская с меня глаз, полковой комиссар. — Ведь вы у нас новичок?

Я остолбенел от неожиданного поворота событий, видя при этом, как рука Маслова скользнула к кобуре и выхватила пистолет.

— Руки вверх! — скомандовал полковой комиссар, но приказ был обращен не ко мне, а к «майору», и вовремя, потому что «майор» тоже схватился за оружие. Его успели скрутить, затем не без трудностей и не без потерь обезоружили солдат в двух грузовиках, которые оказались переодетыми фашистами.

В моем сознании никак не укладывалось, что в нашем училище пребывал среди нас враг — с чужим именем и чужой биографией. Но — речь о полковом комиссаре Маслове. В несколько секунд он осмыслил ситуацию и принял единственно правильное решение: обрати он первые слова не ко мне, а к «майору», кто знает, кому бы раньше удалось выхватить оружие!

Попутно вспоминается мне, что именно заместитель Маслова — батальонный комиссар Дробиленко — раскрыл секрет подделки немцами документов. Он обратил внимание, что все наши документы были прошиты обыкновенной, ржавеющей от пота и времени проволочкой, оставляющей на бумаге рыжие следы, а тут вдруг стали встречаться партбилеты и удостоверения, сверкающие хромированной проволочкой... Просчитались немцы на мелочи, и этот просчет обнаружили политработники.

О какой стороне деятельности войскового организма

ни подумай, ко всему причастны политработники. В то же время они причастны к самому главному: к высокому воинскому духу людей, как кузнецы этого духа.

...Попробуем представить себе накал чувствований человека, решившегося во время боя закрыть своим телом амбразуру вражеского дота или броситься с гранатами под гусеницы вражеского танка. Человек этот, даже если он находится в состоянии крайнего аффекта, все-таки отдает себе отчет в том, что у него нет ни малейшего шанса остаться в живых. А ведь свой поступок он совершает не по чьему-то принуждению или приказу — решается на него сам, по своей воле, исходя только из целесообразности, вытекающей из обстановки, сложившейся на поле боя. Сразу же оговоримся, что такие поступки ничего общего не имеют с фанатизмом, который, как известно, не возвышает, а ослабляет нравственные чувства; фанатизм, по утверждению Наполеона, приходит только от гонения... Так что же испытывает человек, отважившийся на трагический, последний для него шаг?

Можно, конечно, вообразить весь сложный комплекс чувств воина, идущего на самопожертвование. Это особенно легко сделать людям, побывавшим на войне и не раз подвергавшим себя смертельным опасностям. Можно даже эти чувства тщательно проанализировать, назвать поименно, определить эмоциональную окраску каждого, найти их истоки, побудительные причины и так далее. Но при этом мы обязательно будем пристально всматриваться в душу самого человека, совершившего подвиг, человека как личности, как индивидуума, и перед нами с естественной закономерностью, помимо нашей воли, вырисуется образ благороднейшего рыцаря, в первую очередь беспредельно и сознательно преданного тому делу, ради которого он взял в руки оружие, до конца верного своему народу и Отечеству. А уж потом мы будем размышлять над такими сопутствующими категориями, как храбрость, мужество, решительность и тому подобное.

Но ведь все названные выше духовные качества, начиная с сознательности и преданности, нужны воину и когда он поднимается в атаку или идет в разведку, когда терпит в окопе холод и голод, когда обороняет свой рубеж, отражая штурм противника, или подвергается массированному артиллерийскому обстрелу. Верно, нужны, хотя проявить их коллективно, как говорят, «на виду»,

куда легче. Не зря твердят в народе, что «на миру и смерть красна». Когда, например, идет в атаку ротная цепь, да еще если атакует весь полк, солдата греет надежда — авось меня пуля обминет и на сей раз, авось осколок не заденет... Но даже и при наличии этой естественной надежды солдат выполняет поставленную задачу не только потому, что согласно приказу, как учил Суворов, знает свой маневр и делает в бою то, что ему надлежит делать во имя выполнения поставленной задачи и достижения общей цели, а и потому, что, помимо воинского мастерства, он еще вооружен любовью, преданностью, верой и пониманием идеалов, за которые готов отдать жизнь. О них никогда нелишне размышлять с охватом не только следствий, но и причин. Ведь даже если такие яркие случаи, как самопожертвование, оставить в особом ряду, а рассматривать лишь будничность минувшей войны, то и без этого ясно, из каких родников черпало наше общество духовные силы, особенно там, на фронтах вооруженной борьбы с фашизмом, где психологическое напряжение чувств было беспредельным. И главная сущность этих высоких нравственных сил, не боюсь повторить азбучную истину, — любовь, преданность, вера и верность. Не затрагивая их истоков, хочется в то же время напомнить, что в сложных фронтовых условиях в многотысячных массах армии надо было еще суметь аккумулировать накал этих человеческих чувств, устремить их в нужном направлении, с учетом обстановки и предстоящих задач, да и в ходе выполнения самих задач, на каждом очередном этапе подготовки и проведения боя... Это не такое уж простое дело — воспламенять чувства великого множества людей, стоящих на пороге между жизнью и смертью, когда война смотрит им в глаза всеми своими устрашающе-кровавыми проявлениями, когда каждый воин должен превозмочь естественное чувство самосохранения, как бы перечеркнуть личную судьбу и всецело подчинить свои помыслы и действия достижению общей цели.

6

Находясь в первые недели войны в 209-й мотострелковой дивизии (17-й механизированный корпус, 10-я армия), я с лихвой почерпнул «материала» для написания повести «Человек не сдается» и первой книги романа

«Война», разумеется, дополнив виденное и пережитое некоторой долей вымысла, как и полагается в художественном произведении.

На войне пробыл от первого и до последнего дня. Из них наиболее тяжкими были июнь — август 1941 года. Окружения, атаки, контратаки, стычки с диверсантами, первые ранения без должной медицинской помощи. Сказать обо всем этом — легко. Но передать те потрясения, которые мы пережили, почти невозможно. Все было: страх, паника, растерянность, ярость от беспомощности и от непонимания, почему все происходило именно так, когда при необыкновенном упорстве, высокой выучке наших наземных войск мы все-таки отступали, а порой бежали. А как забыть холодившие душу горькие вопросы белорусских крестьян: «Куда вы отступаете?».. Как потушить в памяти их укоряющие, тоскливые взгляды?.. И не забыть знобкого восторга наших первых победных контратак... В моем архиве бережно хранится документ, свидетельствующий о том, что крестьяне деревни Боровая Дзержинского района Минской области после войны избрали меня своим почетным гражданином. Близ этой деревни в ночь на 28 июня 1941 года наша часть разоблачила в своей сборной, растянувшейся километров на пять, колонне крупную группу немецких диверсантов и уничтожила их, тоже понеся потери. В те дни смертельные схватки велись на обширных пространствах Западной Белоруссии. Наши войска, изо всех сил отбиваясь от атакующего врага, пятились на восток. Никто из нас еще не знал, что 28 июня немцы уже захватили Минск и мы вели бои в полном окружении. Не знали об этом и многие переодетые в нашу форму абвергруппы немцев, дерзко продолжая действия по расчленению войск Красной Армии.

В то утро, после схваток с диверсантами, наша автоколонна двинулась в направлении Дзержинска и тут же вновь наткнулась на засаду противника. Спешившись, все мы, кто ехал на грузовиках, развернулись вправо от дороги и пошли в атаку. Цепь растянулась на несколько километров. Когда смяли заслон вражеского десанта, к месту схватки подоспела группа немецких танков, и многие из нас, не успев вернуться к своим машинам, рассеялись по полю, а автоколонна, чтоб не попасть под удар, устремилась по маршруту.

Я оказался рядом с помощником по комсомолу началь-

ника отдела политпропаганды дивизии Сергеем Полищуком (он тоже был в звании младшего политрука). Спасаясь от танков, мы кинулись к ближайшей рощице, затем перебрались через болотистый луг и вышли к перекрестку полевых дорог. Здесь на обочине увидели «тридцатьчетверку» и рядом с ней танковый экипаж во главе с двумя майорами-танкистами. Они сидели на расстеленном брезенте и закусывали.

Мы с Сережей предупредили танкистов о близкой опасности и попросили взять нас на броню. Танкисты согласились, но предложили прежде выпить с ними по глотку водки и перекусить. Такое гостеприимство нас не столько тронуло, сколько удивило...

Вскоре мы мчались на танке в сторону Дзержинска. Ехали, пока не наткнулись на хвост огромной автоколонны, застывшей перед разрушенным мостом, который восстанавливали саперы.

Мы с Сергеем Полищуком побежали вдоль машин вперед — вдруг найдем своих. Так и случилось...

В это время сзади вспыхнула стрельба. Минут через десять, вернувшись к знакомому танку, чтобы попрощаться с танкистами, я с ужасом увидел их тела, лежащие на обочине дороги. Два майора тоже были убиты. Оказалось, что они — переодетые немецкие диверсанты, чем-то выдавшие себя в наше отсутствие... Почему же тогда диверсанты не уничтожили меня и Полищука? Могли ведь еще там, на перекрестке!.. Вероятнее всего, мы им были нужны как «маскировочное» прикрытие...

Разумеется, я ощутил тогда мерзкий страх. Но не потому, что понял, в сколь опасной ситуации недавно находился. Стало страшно от того, что я и Сергей по чистой случайности не лежали расстрелянными рядом с диверсантами. Задержись мы с ним у танка на несколько минут после того, как настигли колонну, нас могли сгоряча посчитать врагами и порешить заодно... Для нас, тогда юношей, это казалось самым ужасным — погибнуть, ничего не совершив, не узнав, как закончится война... А тем более погибнуть по недоразумению, от руки своих, быть неузнанными и погребенными в одной яме с фашистами — от такой мысли волосы шевелились на голове... До сих пор живет этот страх в моем сердце...

Вспоминая о войне, я часто обращаюсь мыслью к засланным тогда на нашу территорию немецким диверсантам. Что это были за люди, кто они? Отлично владевшие русским языком, знавшие порядки в Красной Армии, храбрые и дерзкие, нередко шедшие на самопожертвование, расстреливая в упор наших генералов и командиров, особенно старших политработников. До сих пор не могу объемно ответить на этот вопрос, хотя подробно описал в романе «Война» биографию диверсанта Глинского (Птицына). Ведь многих из них перебросили на нашу территорию еще до начала войны. Об этом мне стало известно в последних числах июня или первых числах июля 41-го, когда вокруг меня, умевшего читать немецкие топографические карты (наши были весьма приблизительными), знавшего после выучки в военном училище и самое элементарное — как безошибочно пользоваться компасом и прокладывать для маршрута «ломаный» азимут, сколотился отряд в 96 человек, и мы сквозь леса и болота пробивались на восток. Удручало, правда, одно обстоятельство: в отряде были строевые командиры в воинском звании выше моего, но никто почему-то не хотел брать на себя командование... Помню в своем поведении и некоторую браваду, которая выражалась в том, что строго придерживался уставного порядка движения: «головной походной заставой», с головным и боковыми дозорами, ядром и прикрытием тыла, хотя пробирались мы главным образом через глухомань, куда немцы и носа не совали. Движение затруднял опечатанный железный ящик, снятый с политотдельской машины; его тащили на самодельных носилках в ядре и берегли пуще глаза: кто-то обронил мысль, что в ящике упаковано боевое знамя нашей 209-й мотострелковой дивизии. Надо было обзавестись для транспортировки ящика лошадью. И вот в ближайшую из ночей дозорные задержали на лесной тропе всадника. Как потом выяснилось, он оказался председателем одного из приграничных колхозов. При нем — мешок с крупной суммой денег. Потребовали объяснений и услышали удивительный рассказ, подтвержденный потом другими задержанными колхозными активистами. Этот эпизод я описал в повести «Человек не сдается». Суть его поразительна: за несколько дней до начала войны в конторе колхоза появились два командира Красной Армии, приехавшие на мотоцикле. Заявили, что имеют приказ «откупить» дальний колхозный луг для военных маневров. Тут же оформили документы, заплатили сумму денег, которую потребовало правление артели за потравленное сено, и строго преду-

предили: к лугу никому не приближаться, он будет оцеплен охраной... А ночью на луг стали садиться транспортные самолеты с советскими опознавательными знаками. Из них (как подсмотрели сельские пастушки) начали выгружаться немецкие танкетки, бочки с горючим, ящики с боеприпасами и группы военных в советской форме... Это и были немецкие диверсанты, которые потом причинили нашим войскам тяжелые бедствия.

Кстати, о железном ящике: в нем оказались чистые бланки партийных билетов, двенадцать тысяч рублей денег (партийные взносы) и политотдельская печать...

Мне известны два случая разоблачения абверовцев уже после войны. По подложным документам они прижились в одном нашем штабе и, видя неотвратимость поражения фашистской Германии, затаились. Даже были повышены в воинских званиях, награждены, один из них обзавелся семьей. Но не учли одного: у них, как и у многих членов партии из наших разгромленных воинских частей, не оказалось партийных учетных карточек. После войны начали приводить в порядок партийные документы, заполнять новые карточки и сверять их с отчетными, хранившимися в Центральном Комитете. И обнаружились разные фотографии на новой учетной и старой отчетной карточках...

7

Но вернемся в начало июля 1941 года, когда велись бои на прорыв из окружения южнее Минска, распыленный выход (мелкими группами) на Березину, где занимали оборону наши малочисленные войска, подошедшие из глубины бывшего Западного особого военного округа. С Березины нас (командиров и политработников) отправляли в Могилев, где напряженно функционировал проверочный пункт. В Могилеве мне повезло — во дворе школы, в которой находился пункт проверки, я увидел майора Маричева (начальника инженерной службы нашей дивизии), сквозь форточку окна докричался до него и тут же получил «вотум доверия»: тогда важно было, чтобы кто-нибудь подтвердил твою довоенную причастность к Красной Армии. Мне даже удалось познакомиться с членом военного совета фронта дивизионным комиссаром Д. А. Лестевым и рассказать ему (а затем написать для донесения в Главное политуправление) об обстоя-

тельствах разгрома диверсантами штабной колонны 209-й мотострелковой дивизии.

Из Могилева нас, группу политработников, отвезли в лес под Чаусы — в резерв политуправления Западного фронта, где мы получили назначение в 64-ю стрелковую дивизию полковника А. Я. Грязнова. До войны она дислоцировалась в Смоленске, успела прославить себя в боях с немцами при обороне Минска. А в эти июльские дни дивизия занимала оборону на рубежах речек Царевич и Вопь, изматывая врага частыми атаками в направлении Духовщины.

Штаб 64-й, куда нас, группу политработников, привезли на грузовике из фронтового резерва, располагался в овражистом лесу северо-западнее деревень Старые и Новые Рядыни. Там же находилась и редакция дивизионной газеты «Ворошиловский залп», куда меня назначили старшим литсотрудником. Газета пока не выходила из-за того, что во время бомбежки была разбита печатная машина. Редактор газеты старший политрук Михаил Каган метался по ближайшим райцентрам — искал замену.

На фронте у политработников праздного времени не бывало. Начальник отдела политпропаганды дивизии полковой комиссар Пятаков, когда я представился ему как новый работник «Ворошиловского залпа», временно включил меня в группу политотдельцев, которая отправлялась в полки, готовившиеся к очередному наступлению: там, мол, и материал для газеты соберешь.

По существовавшему тогда обычаю, политруки, комиссары, командиры всех степеней вплоть до командиров полков обязаны были «личным примером обеспечивать успех атаки стрелковых батальонов». Дорого нам обходился этот «обычай» первыми выскакивать из траншей. Немцы знали о нем, и их снайперы и пулеметчики с началом каждой нашей атаки умело выбирали главные цели... Поэтому и потери в командно-политическом составе в первые месяцы войны были неоправданно велики. Точно не помню, когда, но вскоре приказом наркома обороны эту «практику» отменили, особенно по отношению к командному составу, которому предписывалось управлять полками, батальонами и ротами со своих командно-наблюдательных пунктов, а «личным примером» поднимать бойцов в атаки только в исключительных, оправданных обстановкой, случаях.

Многое, виденное и испытанное мной в те летние ме-

сяцы 1941 года под Ярцевом, я передал своему собирательному литературному герою Мише Иванюте (роман «Москва, 41-й»), сюжетно сместив и изменив некоторые события во имя композиционного построения романа.

Особенно запомнился один непридуманный день, когда в лесу под Рядынями по приговору военного трибунала расстреливали начальника артиллерии 64-й дивизии майора Гаева, который якобы надлежаще не организовал артиллерийскую поддержку наступления стрелковых полков, что в зачитанном нам приговоре квалифицировалось как «беспечность, граничащая с предательством». Только спустя более тридцати лет, когда ко мне на дачу в Переделкино приехал бывший комиссар нашей 64-й (потом она стала 7-й гвардейской) стрелковой дивизии А. Я. Гулидов, я узнал от него, что майора Гаева расстреляли безвинно, ибо дивизия к тому времени не по его вине была не обеспечена средствами проводной связи и артиллерийские дивизионы и батареи оказались неуправляемыми. Но трибунал выполнил свою страшную «функцию», как меру устрашения для всех нас — по приказу высшего командования. Никакие телеграммы-протесты командира дивизии полковника А. С. Грязнова Военному совету фронта не помогли.

Тяжко видеть расстрел человека, пусть до этого он и не был мне знаком. А каково его друзьям, давним сослуживцам? Краем глаза я видел, как тряслись губы и катились по лицу слезы у майора Селезнева, стоявшего в строю неподалеку от меня. (До войны, как потом я узнал, Селезнев и Гаев жили в Смоленске в одном доме, дружили семьями.)

...Когда все было кончено и подана команда разойтись, я последовал за Селезнеаым, зная, что сейчас он начнет допрашивать трех пленных немцев, которых, как я видел, приконвоировали к его землянке — надеялся записать что-либо интересное в блокнот для газеты. Я, новичок в дивизии, полагал, что майор Селезнев возглавлял разведотдел, и даже написал так в «Правде» в статье, посвященной 40-летию Смоленского сражения. На статью откликнулась жена Селезнева и сообщила мне, что он был интендантом. Почему же занимался с пленными, не знаю до сих пор.

Но вернусь в тот страшный день. Я шел в десятке метров сзади майора Селезнева, видел, как он вытирал платком слезы, и мне тоже хотелось плакать. Да и чувствовал, что делаю что-то не то и не так. Зачем лезу к человеку со своими журналистскими делами в такую трагическую минуту?.. Спустились в овраг, поднялись на его противоположную крутизну, к землянке, где сидели под сосной пленные немцы, а их караулили два вооруженных бойца. Навстречу майору вскочил со складного стульчика лейтенант-переводчик в очках — доложил, что к допросу готов. Тут я и сунулся к майору: попросил разрешения присутствовать в качестве представителя газеты. Селезнев, высокий, крупнотелый, посмотрел на меня печальными, покрасневшими от слез глазами и вдруг разразился матерной бранью, посылая меня ко всем чертям.

Я был ошеломлен, оскорблен... Взыграло самолюбие. Круто повернувшись кругом, побежал искать комиссара дивизии Гулидова. Не нашел. Землянки политотдела тоже были пусты: большинство политработников во главе со старшим политруком Аркадием Поляковым уже уехали в полки «обеспечивать» завтрашнее наступление. Я опоздал к машине, и теперь надо было идти пешком.

В это время налетели «юнкерсы»...

После бомбежки, когда проходил близ землянки майора Селезнева, увидел такое, что вспоминать страшно. От прямого попадания бомбы погибли все — и майор, и переводчик, и пленные, и бойцы-конвоиры... С тяжким сердцем вышел я из леса и напрямик, через поле неубранной ржи, побрел в сторону передовой, усыпая путь золотыми слезами зерна. Они падали на серую колчеватую землю, как только рука прикасалась к колоскам. Это плачущее поле усиливало лежавшую на душе тяжесть. Думал я и о том, что майор Селезнев прогнал меня от гибели.

В штабе полка, замаскировавшемся в заросшем мелколесьем овражке, узнал, что прибыло пополнение — несколько маршевых рот московских ополченцев и что сейчас перед ними выступает полковой комиссар А. Я. Гулидов. Через минуту я уже был в недалеком перелеске, где ждали ночи ополченцы. Гулидов тут же приказал мне с наступлением темноты отвести две роты ополченцев в батальон и «отвечать за них головой». Вид ополченцев меня несколько смутил: многие были с бородами, в очках; все они казались мне, двадцатилетнему, стариками.

Но когда на второй день на рассвете после короткой

артподготовки мы устремились к задернутой туманом речке, ополченцы показали себя молодцами. Они вплавь и вброд перебирались через Царевич, четко выполняли команды и обходили оживавшие пулеметные немецкие гнезда. В атаку поднимались дружно и бесстрашно...

Уже на четвертый день боев в батальоне я остался единственным кадровым политработником, а среди командного состава — несколько сержантов. Положение усугублялось еще и тем, что начались ливневые дожди, затруднявшие подвоз боеприпасов и продуктов, а также эвакуацию раненых. Наступление захлебнулось.

Не могу не вернуться к тем чувствам, которые вызвал первый услышанный нами залп «катюш». Помню, когда поднялись в очередную атаку, вдруг сзади что-то могуче и оглушающе загрохотало, и над нашими головами к вражеским позициям, исторгая пламя, с ревом устремились невиданные длинные снаряды. От неожиданности мы упали на землю...

Когда вернулся в штаб дивизии, узнал, что к нам прибыл еще один газетчик — политрук Касаткин, назначенный секретарем «дивизионки». Его тоже послали «обеспечивать атаку» батальона, и с передовой он уже не вернулся...

Наконец приехал старший политрук Михаил Каган с печатной машиной, закрепленной в крытом кузове грузовика, и мы (пока вдвоем) стали выпускать солдатскую многотиражку «Ворошиловский залп». Началась ничем особым не примечательная работа фронтового газетчика, неразрывно связанная с боевой судьбой 7-й гвардейской стрелковой дивизии.

Вскоре появился у нас еще один сотрудник. Я буквально нашел его в лесу: случайно наткнулся на красноармейца, который сидел на пне и играл сам с собой в шахматы. Увидев меня, он испуганно вскочил, поднял лежавший рядом карабин, повесил на плечо, заправил под ремнем гимнастерку и виновато заулыбался.

— Кто такой? — спросил я, глядя в его широкое крестьянское лицо, настороженные серые глаза.

— Красноармеец Вересов! Посыльный медсанбата седьмой гвардейской!

Разговорились. Оказалось, что он известный белорусский шахматист — мастер спорта или даже гроссмейстер.

Спросил его, смог бы ли он работать в дивизионной газете. Дело, мол, не хитрое: ходить на передовую, собирать «материал» о боевых событиях на фронте, писать заметки, репортажи, статьи... С ответом Вересов не торопился. Предложил мне сыграть партию в шахматы. Я сознался, что почти не умею играть, хотя знаю, как ходить каждой фигурой.

— Я буду подсказывать, — пообещал он.

Начали играть. Мне приятно было вслушиваться в утонченно-интеллигентный говор Вересова. Временами он чуть заикался, употребляя слова, какие я встречал только в книгах русских классиков. Словом, я почувствовал, что передо мной образованнейший человек, мысленно поражаясь, что не нашли ему на фронте более серьезного дела. чем быть посыльным медсанбата. И очень удивился, что зовут его совсем просто — Гаврилой (правда, он сказал — Гавриил). Вспомнился мне один сельский «зачуханный» мужичишка, пастух Гаврило — тощий, оборванный, всегда полупьян. И я будто обрел больше уверенности: стал двигать фигуры активнее, пытаясь предугадать последующие ходы мастера. Вересов заметил это и начал умышленно, как я понял, «играть в поддавки». Увлекшись игрой, мы не заметили, как к нам подошли трое мужчин: двое со знаками различия военных врачей, а третий хорошо мне знакомый комиссар медсанбата батальонный комиссар Михайлов.

Мы с Вересовым испуганно вскочили, приняв стойку «смирно». Михайлов тут же стал отчитывать своего посыльного, что он занят в «рабочее» время посторонним делом. Тогда я не без ехидства позволил себе выразить майору Михайлову недоумение, что в политотделе дивизии не хватает людей, а он держит в роли посыльного известного гроссмейстера Белоруссии, образованнейшего человека. Один из врачей, всмотревшись в шахматную доску на пне, насмешливо сказал:

— Не вижу почерка гроссмейстера.

Тогда мы вновь присели к шахматам, и Вересов в три хода поставил мне мат.

Через несколько дней Гавриил Николаевич Вересов был назначен литсотрудником «Ворошиловского залпа». Он оказался довольно способным газетчиком, хотя в военном отношении не очень был «подкован»: не всегда мог отличить гаубицу от пушки, определить калибр миномета, «прочитать» топографическую карту. Зато отличался храбростью, граничившей с неосмотрительностью: в дневное время. бывало, ползал в боевое охранение,

вызывая на себя огонь немецких снайперов и осуждающие окрики с наших наблюдательных пунктов.

Не помню, когда и куда отозвали Вересова из редакции или убыл он по ранению. Знаю только, что война пощадила его. Где-то в 60-х годах он работал в Минске чуть ли не председателем республиканского комитета по культурным связям с зарубежными странами. А когда приезжал в Москву, звонил мне по телефону, приезжал в гости (несколько лет назад он умер). Видимо, рассказывал о своей дальнейшей фронтовой судьбе, но моя память сохранила только его размышления о том, что на фронте каждая войсковая часть имела свою судьбу, как и каждый человек. Нашу 7-ю гвардейскую дивизию сняли с боевых позиций на Царевиче и Вопи, погрузили в воинские железнодорожные эшелоны буквально за сутки до того, как немцы завершили окружение советских войск в районе Вязьмы, и повезли в тыл. Для меня это была загадка на многие годы, пока я не прочитал документ, свидетельствующий о том, что Сталин был весьма уверен в прочности оборонительных рубежей Западного фронта и приказал начальнику Генерального штаба маршалу Шапошникову взять у Конева две наиболее боеспособные дивизии в резерв Ставки *. Одной из них оказалась наша 7-я гвардейская.

Да, действительно, судьба... Полки и штаб 7-й гвардейской, чуток передохнув в Воронеже и получив пополнение, вновь были погружены в железнодорожные эшелоны, которые двинулись на юг. Конечный пункт их выгрузки держался в строгом секрете. Вновь волновал всех вопрос: куда едем? А тут еще непрерывные налеты немецких самолетов... Кто испытал бомбежки, находясь в железнодорожных эшелонах, тот знает, что это такое. И еще бомбежки в лесу. Очень страшно, когда не видишь, куда пикирует «юнкерс» и в какие мгновенья из-под его брюха выпадают бомбы. Ощущаешь полную беспомощность. Вся надежда на «господина случая» — авось пронесет...

Миновали Ростов. Секрет маршрута начал рассеиваться, по эшелону пополз слушок, что везут нас в Новороссийск для погрузки на пароходы, оттуда — в Одессу для обороны города.

«В Одессу так в Одессу, — беспечно размышлял я. — Начальству виднее... Да и моря еще никогда не видел и на пароходе не плавал...»

* В приказе написано «...в резерв Генерального штаба». (Прим. авт.)

Но, наверное, спасать Одессу было уже поздно, либо на Западном фронте обстановка сильно обострилась. Дальше Батайска нас не повезли: эшелоны дивизии направились в обратный путь, навстречу новым бомбежкам.

Выгрузились где-то севернее Курска, и дивизия вступила в бой за Фатеж.

Наша редакция расположилась на кирпичном заводе южнее Фатежа и начала выпускать газету. Гавриил Вересов у нас уже не работал, и приходилось мотаться между передовой и кирпичным заводом почти ежедневно. Но ничего особенного из тех осенних дней не запомнилось, кроме ведущей к Фатежу разбитой дороги, дымящегося пожарами вдали городишки, артиллерийских дуэлей и немецких танковых атак нашей обороны.

Не знаю, то ли не устояла наша дивизия под напором немецких танков у Фатежа, то ли потребовалось спешно укреплять подступы к Москве, но полки внезапно были выведены из боя и вновь стали грузиться в железнодорожные эшелоны. Маршрут — на Серпухов...

Наш эшелон шел под прикрытием двух счетверенных противозенитных пулеметов. В вагонах — отделы штаба и политотдел дивизии, батальон связи, еще какие-то штабные подразделения; на платформах — спецмашины, два грузовика и автобус с нашим полиграфическим хозяйством. Стоял ясный осенний день. Хорошая видимость позволяла не опасаться внезапной бомбежки, тем более что на платформах эшелона две счетверенные пулеметные установки. Беды никто не ждал...

На одном полустанке недалеко от Курска эшелон почему-то задержался. Справа и слева — поля, чуть вдали — кустарники, лес. На левой обочине путей — высокие и длинные бурты сахарной свеклы, приготовленные для погрузки.

— Иван, — обратился ко мне старший политрук Каган, — прогуляйся по эшелону и поговори с народом. Может, что-нибудь интересное расскажут о боях под Фатежом. Газету ведь надо выпускать.

На одной из платформ я разговорился с красноармейцем, охранявшим фургон с радиостанцией. Он оказался из последнего (воронежского) пополнения. По привычке записал в блокнот фамилию, имя, отчество: Тулинов Филипп Яковлевич.

— Чем занимались на «гражданке»?

— В газете работал.

— В какой?!

— В «Воронежской коммуне». Был там ответственным секретарем.

Я ахнул: «Секретарь областной газеты — в рядовом звании!» Невольно вспомнил Вересова...

— А у нас в дивизионке некомплект! — сказал я и начал перебираться на свою платформу, чтобы доложить Кагану о Тулинове.

В это время с эшелона заметили, что вдалеке от железной дороги шли на бреющем полете три самолета. Чьи?.. Никто определить не мог. Кто-то из командиров пытался рассмотреть их в бинокль, но тщетно. Самолеты прошли стороной и скрылись за гребенкой леса. Все успокоились, но ненадолго: самолеты появились вновь, пересекая в нескольких километрах впереди железную дорогу, кажется, не обращая внимания на полустанок. Они вновь скрылись из нашего поля зрения и вдруг появились со стороны солнца, устремившись на эшелон. Это были немецкие бомбардировщики. Издали они ударили из пулеметов по двум установкам наших счетверенных «максимов». Началась паника: люди под пулеметным шквалом посыпались с платформ и из вагонов, многие уже оставались лежать, а сотни разбегались по полю, устремляясь к недалекому кустарнику. Жуткое это зрелище — расстрел с бреющего полета беззащитных и беспомощных... На платформы с машинами обрушились бомбы... Меня и на этот раз спас случай. Застигнутый, как и все, врасплох, я запутался в проволочных расчалках, которыми наш грузовик был прикреплен к бортам платформы, и не сумел спрыгнуть в ту сторону насыпи, которая могла укрыть от пулеметного огня. Сиганул навстречу «юнкерсу» в тот момент, когда он сбросил бомбу. Она упала по другую сторону насыпи. Погибли почти все. кто туда спрыгнул. (Запомнил печатника Беляева из Воронежа, ленинградца наборщика Худякова, которому оторвало руку, секретаря политотдела Попова, раненного в живот.)

Бомбежка и обстрел, казалось, длились вечность. Я отлеживался между высоким буртом сахарной свеклы и колесом платформы... Кто мог подсчитать, какие мы понесли тогда потери? У нас в редакции вместе с полиграфистами и шоферами до этого было двенадцать человек, а уцелело меньше половины.

Самолеты улетели. Полуразбитый эшелон местами горел. Вокруг вопили раненые и обожженные пламенем бензина из взорвавшихся бочек. К полустанку с опаской брели по полю уцелевшие бойцы и командиры.

8

Через какое-то время из Курска пришел санитарный поезд. А мы таскали на железнодорожный путь запасные шпалы и строили помост, чтобы стащить с платформ машины и ехать дальше своим ходом...

Многое уже позабылось, но помню, что мы оказались, наконец, в Серпухове, где получили от кого-то приказ разместиться за Окой в деревне. Вскоре к нам в редакцию хлопотами Кагана послали из батальона связи Филиппа Яковлевича Тулинова, назначив его секретарем газеты и со временем присвоив воинское звание «младший политрук». Потом оказалось, что он среди нас троих наиболее квалифицированный журналист, да к тому же еще и поэт. А держал себя застенчиво, будто стеснялся своей одаренности.

Наша 7-я гвардейская вошла в подчинение 49-й армии и вступила в оборонительные бои. Мы, работники дивизионной газеты «Ворошиловский залп», как-то не умели со своей невысокой вышки ощутить всю трагичность происходившего, видя, как спокойно и уверенно держали себя командир дивизии полковник Грязнов, комиссар Гулидов, командиры и комиссары полков. Не мыслили, что немцы могут ворваться в Москву, и были поражены, что нас вновь внезапно снимают из-под Серпухова, где наша дивизия после ее переброски сюда из-под Курска не уступила врагу ни шага. И вот приказ — полкам дивизии занять оборону по обе стороны Ленинградского шоссе от Крюкова до деревни Льялово (там сейчас вырос город Зеленоград — район Москвы).

Только после войны, когда вышли в свет мемуары Г. К. Жукова, я понял причины нашей переброски под Москву. Вспоминая в своей книге конец ноября 1941-го, когда наша 16-я армия отошла от Солнечногорска и на ближних подступах к Москве создалось катастрофическое положение, маршал писал: «Необходимо было во что бы то ни стало задержать противника на этом опасном

участке до прибытия сюда 7-й гвардейской стрелковой дивизии из района Серпухова...»

Во время этой переброски было промозгло, студено, сине. На дорогах — сплошной гололед, а нам предстояло вести типографские машины из-под Серпухова, через Москву в Химки... Перед этим при бомбежке у нас опять погибло несколько человек из типографии, в том числе один шофер. И мне, поскольку я еще под Ярцевом чуть-чуть научился держаться за руль, пришлось сесть за управление автобусом с наборными типографскими кассами. Решиться на такое можно было только от отчаяния и... самоуверенности. Но передний грузовик (с печатной машиной) вел наш весельчак и «доставала» москвич с замашками одессита Аркаша Марголин — прекрасный водитель.

В общем, добрались мы до деревни Бутаково, что рядом с Химками, более или менее благополучно, однако после этого я старался без крайней необходимости больше не садиться за руль машины, переключив свою страсть к самодвижущейся технике на трофейные мотоциклы.

На склоне того же дня по приказу редактора газеты старшего политрука Михаила Кагана я поехал на полуторке с шофером Захаровым в сторону Солнечногорска искать штаб дивизии, чтоб доложить начальству: редакция «Ворошиловского залпа» прибыла в назначенный пункт и занимается выпуском очередного номера газеты. Задание было выполнено — к утру газета отпечатана; старший политрук Каган на той же машине повез часть ее тиража на командный пункт дивизии... И больше в редакцию не вернулся: линия фронта за ночь передвинулась ближе к Москве, и шофер, не заметив «маяков», охранявших Ленинградское шоссе, проскочил в расположение противника. Машину встретили два выстрела из противотанковой пушки в упор...

Газету было поручено подписывать мне: «За редактора политрук И. Стаднюк», — что я и делал почти до окончания боев под Москвой. Однако 20-летнему политруку не решились доверить газету «насовсем», а может, я и редактировал ее недостаточно качественно, и вскоре к нам на должность редактора прибыл батальонный комиссар А. Г. Корнщиков — опытный газетный «волк» и очень хороший человек.

Когда завершилась Московская битва, 7-ю гвардейскую

стрелковую дивизию перебросили на Северо-Западный фронт, где она участвовала в окружении демянской группировки противника и в боях под Старой Руссой.

Немцы то и дело пытались вырваться из «мешка», нанося встречные удары из Демянска и Старой Руссы. В один из зимних дней их танки протаранили нашу оборону и устремились к деревне Ново-Рамушево, разделенную с деревней Рамушево рекой Ловать. В Ново-Рамушеве находились тылы 7-й гвардейской стрелковой дивизии и какие-то штабные отделы. Появление противника оказалось для нас полной неожиданностью. Защищаться было нечем, и началась паника: все кинулись в бегство по льду на другую сторону Ловати — на машинах, на санях, верхом на лошадях, а большинство пешедралом. Наша редакция и типография тоже устремились к Ловати, кроме одного грузовика — полуторки с рулонами газетной бумаги: куда-то запропастился шофер. И я по дурости решился сесть за руль, благо мотор машины недавно был прогрет. Вначале все у меня получалось: грузовик послушно шел по колее вслед за автобусом — наборным цехом. Но при съезде с высокого берега на лед я не удержал руля, неумело воспользовался тормозами, и машину развернуло поперек спуска. Пока выравнивал ее и ставил в колею, потерял время. А пулеметные очереди и пальба пушек немецких танков все приближались.

Противоположный берег Ловати тоже был высок и скользок. Поэтому на льду реки надо было набрать максимальную скорость. Прикинув расстояние к берегу, я почувствовал, что не сумею взять подъем — где-то на его середине надо переключить скорость с четвертой на третью или даже вторую. Получится ли?.. Не получалось. На подъеме при неумелом переключении скорости мотор у меня глох и машина сползала на лед. Пришлось давать задний ход, вновь набирать расстояние... И так несколько раз. А три немецких танка, выйдя на берег, расстреливали из пулемета бегущих через Ловать и карабкавшихся на крутизну берега людей. Я слышал, как пули секли рулоны бумаги, ждал, что вот-вот будут продырявлены колеса. Выскакивать из кабины машины уже было поздно. И я решился последний раз попытать счастья. На середине подъема, когда переключал скорость, почувствовал, что машину толкнула вперед какая-то неведомая сила, мотор у меня не заглох... Решив, что

меня толкнул танк, я, почти потеряв рассудок, нажал на газ и выбрался на противоположный берег. Панически мчал без остановки к деревне Кобылкино, затем к Черенчицам... А немецкие танки сойти на лед не решились.

В Черенчицах мы обнаружили, что в рулоны бумаги попали два снаряда-болванки и застряли в ней так, что пришлось кромсать бумагу пилой и топорами. Они-то, болванки, и вытолкнули машину на берег. Эпизод почти мюнхгаузенский, но свидетелями ему были многие и налицо — болванки.

Потом продолжались тяжкие бои в болотистых приильменских лесах. Весной 1942 года в распутицу передний край местами превратился в очаговую (не сплошную) линию фронта, что позволяло нашим разведчикам и «маршевым агентам» глубоко проникать в тылы фашистских войск, а немецким разведчикам — в наши тылы. Бойцы переднего края чувствовали себя неуютно. Особенно опасной стала работа связистов, посыльных, связных. Все были настороже.

В один из таких дней мне «дался в руки» сюжет для повести «Следопыты». Случилось это при обыденных обстоятельствах. В сопровождении автоматчика штабного подразделения шел я по лесу в один из батальонов полка. Автоматчик, молоденький солдат, на удивление оказался очень разговорчивым. Я сделал ему замечание, что, мол, идти надо тихо и быть наготове: из-за любого куста на нас могли навалиться немцы.

— А мне очень трудно молчать! — со смешком ответил солдат. — Наговориться хочется! До двенадцати лет я ведь был немым, а теперь без умолку болтаю...

Такое признание меня заинтересовало, и я уже сам попросил бойца объясниться подробнее.

— Ну, был немым — от рождения. Все слышал, понимал, а заговорить не умел. Мог только свистеть, — стал рассказывать солдат. — А однажды, когда мне уже было двенадцать лет, забрались мы в чужой сад за яблоками. Я стоял на карауле, но хозяина сада прозевал. Все хлопцы удрали, а меня он поймал. И так выпорол ремнем!.. В слезах прибежал я домой и стал жаловаться маме, что избили меня ни за что: заговорил вдруг! Немота исчезла!..

Когда парень возвращался из батальона в штаб полка, его захватили в плен немецкие разведчики. Об этом как-

то стало известно сразу же. Была срочно перекрыта системой секретов линия фронта на участке полка, и в поиски включилась полковая разведка, в которой служил один сибиряк-следопыт. Он сумел в лесной чащобе по только ему известным приметам обнаружить следы немцев и окружить их. Парнишку спасли...

9

Остро врезался в память и другой случай той голодной весны 42-го. Собрав материал для газеты в полку, который держал оборону под районным центром Залучье, я стал искать возможность вернуться в редакцию на попутных машинах. Но удача не сопутствовала: мешала распутица, автотранспорт был парализован. До штаба дивизии, располагавшегося в полусожженной деревне Козлово, надо было идти пешком, кажется километров двенадцать, а от штаба во второй эшелон дивизии — еще километров восемнадцать-двадцать (в деревню Сущево). И никакой гарантии, что в штабе найду транспорт... Посмотрел на свою топографическую карту и прикинул, что от Залучья до Сущева напрямик через лесные топи намного ближе. Правда, смущало, что между лесом и Сущевом протекала Робская Робья — не широкая, но глубокая речка. Зато от нее до редакции было всего лишь метров триста. И решился: начертил на карте линию азимута, снял с предохранителя трофейные автомат, «парабеллум» и двинулся в путь. Знал бы, что ждет меня впереди, пошел бы дальней круговой дорогой: лес был почти непроходим и так заболочен, что местами пришлось брести по пояс в воде или болотной тине. Но главное в другом. Выбившись окончательно из сил, я уже почти приблизился к Робской Робье, как вдруг натолкнулся в лесу на сбитый Ю-52 — немецкий транспортный самолет. Вначале испугался, полагая, что экипаж его жив. Но увидел в обломках мертвые тела, а из разломавшегося напополам самолета вывалились ящики и картонные коробки... Это были продукты... Десятки фашистских транспортников ежедневно снабжали ими воинство окруженной нашими войсками в районе Демянска 16-й немецкой армии фельдмаршала фон Буша. И наши зенитные части непрерывно охотились за «юнкерсами».

Продолжение следует

Стихи молодых

Стихи Галины ТЕПЛОВОЙ — иеординарны. Не сразу откроется, заиграет радугой певучая строка «васильковый день, соловьниый день», что таит в себе из древних славянских глубин память о соловьином дне — 4 июня, когда семилетний петух может снести черное яйцо, из которого выведется змей. И понятно, что в данном контексте все дальнейшие фразы произведения обретут новый смысл, а читатель невольно задумается о борении света и тьмы сегодня. Стихотворения, вошедшие в даяный цикл, как бы продолжают и дополняют друг друга, связуются в единый неразрывный организм, привлекая музыкальностью, простотой речн и естественной для поэтессы философичностью.

Галина ТЕПЛОВА

НАКАНУНЕ

Девушка пела в церковном хоре...

АЛЕКСАНДР БЛОК

1

Ах, какое осеннее злато!
Ах, какая небесная синь!
Пронестись бы на тройке крылатой
По раздольной, по вольной Руси!

Пронестись бы под звоны, под свисты
От заката — на ясный рассвет!
...Ах, как медленно падают листья
На дорогу, на выпавший снег.

И душа — будто в чем виновата —
Замирает... томится... без сил...
...Ах, какое ссыпается злато
На просторы Великой Руси...

2

Печальны сквозные просторы
Вольготной российской глуши,

Во всем — откровение взору,
Во всем — откровенность души.
И небо над полем — широ́ко,
И даль — широка и ясна,
И жизни ни краю, ни срока, —
Да жизнь эта скорбью полна.

Полынная, скудная, вздорная,
Крутая — как русская кровь,
Святая — как Правда Нагорная,
Как Матери боль и любовь.
До самого Неба — до Бога —
Хлебов позлащенная грусть...
И в горьких проклятьях дорога,
И сладко любить тебя, Русь!

3

Над рекою, у вещих ракит,
Там, где плещет-играет вода,
Покосившись, церквушка стоит,
Одинокая светит звезда...
А поодаль от пахотных мест,
Если темень не застит глаза,
Безымянный развиднется крест —
И в душе закипает слеза...

Обездолен родительский дом...
Вещий лист облетает с ракит...
На земле ли мы нынче живем —
Или небо сквозь нас моросит?..
А вдали, над рекою — гроза!
И сквозь сполохи молний литых
Материнские вижу глаза,
Слышу Слово о нас — о живых.

4

На небесах всего одна Звезда.
Несытый ветер рыщет по дорогам.
Такая глушь! — как будто нету Бога,
Как будто мир оставлен навсегда.

Меж берегов, пропавших в никуда,
На острых гребнях скального порога,

Неистово, как проповедь пророка,
Мрачна волной, витийствует вода.

Ни огонька на всю земную весь! —
Одна Звезда — и та померкла в тучах,
Лишь ветра гул да рокот вод могучих
Хранят о жизни роковую весть.

Да там, во мгле, где мыслится восход,
В грозовых далях светлый луч встает.

5

Так истина ясна — до боли, до бессилья:
Что можешь ты один? — так истина ясна! —
Когда и Божий Глас, и ангельские крылья,
И одолень-земля, и страсти без числа,
И детская слеза, и горестные руки
Скорбящих матерей, простершихся во прах,
И Светлый Иисус, за нас принявший муки, —
Не совесть в нас язвят, но порождают страх.

Что может человек — случайный и мгновенный,
Поверженный в тщеславь? — его ли в том вина,
Когда, наперекор Праксителю Вселенной.
С Бессмертием идет Вселенская война.
И каждый Божий день, разграбленный лукавым,
И плоть твою растлит, и душу оплетет:
«Где сила, там и власть; где злато, там и право;
А нищенка-Любовь — кого ж Она спасет?

Зачем тебе Любовь — Вселенская Жар-Птица? —
Уместно ли земных Бессмертьем искушать?
Всё снидется на круг: дорога в рай мостится,
Да сокрушает в ад, — к чему ж тебе душа?..» —
Так разум укрощен коварством и насильем,
Что истинна лишь смерть, и час ее пробьет.
...Но Грозный Судия — Взыскующий Мессия —
Я верую, Он есть! — И суть Его — Народ.

6

Не лги распятием Христовым,
И крестной мукой не клянись,

И утеснением суровым
Россию выкрестить не тщись!
Взгляни — сквозь мглу тысячелетий
Костры, распятья да кресты...
И, если все мы Божьи дети, —
О, род лукавый! — кто же ты?

Когда под властью Моисея
Свой век в пустыне ты влачил,
Знать, не раба, не блудодея,
Но Святый Дух в себе сгубил.
Небесной манной промышляя,
Вступив с Бессмертием в борьбу,
Ты на круги земного рая
Низвел вселенскую судьбу.

В избранье древнего обета
Ты агнца чистого заклал
И — залучив Ковчег Завета —
На Слово Божие восстал.
С тех пор бесовским наущеньем
Ты мир возводишь на крови,
И нет в тебе ни насыщенья,
Ни состраданья, ни Любви.

И нет тебе упокоенья
Под сенью Отческих оград —
В тебе самом твое отмщенье:
Закон и власть, кинжал и яд.
И не тебе сквозь смерть глухую
Предстать пред Ликом Огневым!
Да, твой Тартар! — не протестую,
Но Небеса — они живым!

И ты, Петрово сотворенье,
Россию выкрестить не тщись!
И адским камнем преткновенья
На путь Бессмертных не ложись!
Пусть человек Небесным Словом
Земные выверит дела, —
Чтоб Светом Истины Христовой
В нем память звездная взошла.

7

Глаза в глаза — сияла нежность,
Душа к душе — пылал Огонь,
И — беззащитна, безмятежна —
Слетала Птица на ладонь.
И голос — чистый, дерзновенный —
Ласкал и властвовал любя,
И цвел Цветок красы бесценной,
И Время верило в себя.

...Когда беспамятно-счастливой
Я пробудилась ото сна,
На черном зеркале залива
Сияла полная луна.
Нагие яблони стучались
Об индевеющий балкон,
Как будто к сердцу прикасались
Мечты, процветшие сквозь сон.

Уж сны обвыклись лицемерить,
Обвыклись путать Имена, —
Как научить себя поверить
Тому, чему дана цена?
Что золотой, что грош — не важно,
Когда быльем засеешь быль,
И на окне цветок бумажный
Прилежно впитывает пыль.

Нельзя грозу принять за вьюгу,
А Звезды ветром раскачать,
И безголосую пичугу
Не странно ль Птицей величать?!
Не странно ль, вольному, с рожденья,
Изладив сеть себе во зло,
Следить — как Чудное Мгновенье
Водой сквозь пальцы потекло?!

Когда б душе з е м н а я мера
Была от века суждена, —
То и тогда, должно быть, вера
Ее от скорби не спасла.
...Так много сердцем пережито
Булатных сполохов мечты,

Надежд, просеянных сквозь сито
Всесокрушающей тщеты.

Всеисцеляющей Любови
Неисцелимая вина!..
И длится ночь! — И в изголовье
Тяжелый свет гнетет луна.
И, оглушая, сердце бьется.
И рук бессильных не поднять...
Во что нам утро обойдется —
Нам не дано об этом знать.

8

В васильковый день, в соловьиный день
Свет Небес высок! — Дева, радуйся!..
Но темным-темна белой птицы тень
По лугам скользит, будто крадучись.

И моя душа — тяжелым-темна.
Ей и в Светлый День все кручинушка —
Все гнетет тоска, вся язвит вина,
Все одним-одна, сиротинушка.

В васильковый день, в соловьиный день
Воссияла Высь!.. Да ненадолго...
Без Твоей души — и моя, как тень,
Без Тебя и жизнь мне не надобна.

9

Всей душою, всем телом слушай! —
Да не сгубит нас простота! —
В год, когда у п р о с т и л и душу
И в бессчетный распяли Христа,
В год, когда по равнине голой
Припускались отцы в бега,
И Мария рыдала в голос,
Повалившись ничком в снега, —

В этот год — светлоликий, грустный,
Затворясь средь любимых книг.
Из созвездий земных предчувствий
Он слагал Всея-Светный стих:

«Всей душою, всем телом слушай
Добрый молодец, гой еси!..» —
Но во мглу отлетали души
Невоскресших Сынов Руси.

И Мария рыдала в голос,
Приклоняясь к родной земле...
Аржаной осыпался колос...
Разверзалася мгла во мгле...
Но — сияя сквозь мрак кромешный —
Над равниной цвела Заря, —
Будто чтила Огнем Нездешним
Всех, кто душу спалил не зря!

А сегодня — в сей День Воскресный,
В жемчугах благодатных гроз,
Он идет среди нас — воскресший,
Воскрешающий нас Христос.
Всей душою, всем телом слушай! —
Да прольется вновь Красота
В наши вечно живые души
Всея-Светным Огнем Христа!

10

Пламенеют рябинные гроздья,
Огневицей пылает земля,
И рассвет — огневой и морозный —
Понуждает в полет журавля.
Чуть заслышится клич журавлиный,
Будто ветром протянет сквозным!..
И опять над российской равниной
Только горечь полыни и дым.

Не звенят золотые березы,
Вековые дубы не шумят,
Лишь дождей поминальные слезы
Над процветшею жизнью грустят.
В эту грусть без конца и без края
Так зазывно, так больно смотреть!..
Но душа понимает, страдая, —
Это осень, а вовсе не смерть.

Это осень — без гнева, без страха
В багряницу себя облекла,
Будто смертную эту рубаху
Для воздвиженья к Свету ткала.
Пусть летят журавли за теплынью,
Пусть сквозит облетающий лес,
Но сияет над ветхой полынью
Благодать Незакатных Небес!

И у края Вселенского Поля
Я бессмертной душою клянусь:
Ты одна мне и вера и воля, —
Я навеки Твой подданный, Русь!
Да не меркнут небес Твоих сини!
Да не молкнет ветров Твоих гул!
Кто душой прикоснулся к России, —
Тот навеки душе присягнул!

11

Нет! Мы не умрем! И от слез не ослепнем!
И взысканы всуе не будем Судьбой! —
Сквозь морок разлуки Вселенские ветры
Провеют Бессмертьем над Русской Землей!

И травы взойдут! — И расступятся ало
Для Вышнего Света вдали небеса, —
И все, что Пресветлой Россией страдало,
Над тленною плотью воздвигнет душа!

Москва

Лариса СОКОЛОВА

ЧУДЕСА СЛУЧАЮТСЯ...

* * *

Это — жизнь...
Костры веков остыли,
и осталась прелая зола,
или суть известной, горькой были:
до меня земля моя была!

Я уйду — она все так же будет
на рассвете мягко стебли гнуть...
И пойдут по ней другие люди,
тот же круг пытаясь разомкнуть.

* * *

Когда бессильны слова утешенья
перед истинным горем!.. Возьму
боль чужую себе, как прощенье
за безвременно павших во тьму.
Сколько их, полных жизни и планов,
смерть сразила незримой косой
перед свежестью белых туманов,
очарованных млечной росой!..

* * *

Эта истина так чиста,
как холсты в вековой избе:
кто на небе нашел Христа,
тот его потерял в себе.

Мне иконою светит Русь
сквозь гирлянды бесовских звезд...
С детских лет на нее молюсь,
отдав душу костру берез.

Страсть его до небес бела
от разгула хмельных полей...
Тот костер не сгорит дотла
вместе с буйной душой моей.

* * *

Есть лица, подобные диким цветам,
что травам верны придорожным.
Не сразу они открываются нам,
а медленно и осторожно.

За этими лицами лучше видна
земля до травинки забытой...
И хочется выпить колодец до дна
со всей глубиною открытой!

* * *

Чудеса случаются, бывают...
По ночам в таинственной глуши
все кусты, деревья оживают
для бездомной чьей-нибудь души.
Их улыбки светятся нежнее
самых ясных, призрачных светил...
Кто не звал звезду небес своею,
тот земную долю не любил.
Сердце страстно жаждет постоянства,
как дождей иссохшие поля.
Путь к земле лежит через пространство —
странствует по времени земля...

Брянск

Дмитрий МИЩЕНКО

Рис. Ю. Макарова

ЛИХОЛЕТЬЕ ОЙКУМЕНЫ*

Исторический роман

ЧАСТЬ II

Обры

* Окончание. Начало в № 1—2 1991 г.

Для защиты стойбищ в паннонских и гепидских землях Баян оставил кандер-хакана и десять турм. Остальных повел на ромеев. Тридцать тысяч, которые вел сам, направил сначала к переправе в Сирмий, а оттуда ромейским берегом — на Сингидун. Еще тридцать тысяч передал Апсиху, чтобы тот прошел паннонским берегом Дуная до Августы и Виминакии и, найдя переправу, внезапно ударил по крепостям. Тем временем паннонские славяне должны были собрать рать и присоединиться к походу уже за Дунаем.

То ли земля стонала под копытами тысяч коней, стремившихся к Сингидуну, то ли епарх этой самой крупной ромейской крепости на Дунае имел чуткие уши, только авары еще задолго до подхода к Сингидуну увидели впереди небольшой ромейский разъезд во главе с центурионом, державшим на укороченном древке белое полотнище.

Каган сдержал коня. «Знают уже, куда иду. Оно и не удивительно: вон как бьем копытами землю за Дунаем. Ну-ну, посмотрим, что же скажут послы епарха?» Подъехав ближе к ним, спросил:

— Кто будете и чего хотите?

— Люди епарха Сифа из Сингидуна, достойный. Прибыли, посланные им, спросить, пошто каган переправился на ромейский берег, куда ведет свои турмы?

— На Сингидун.

Нарочитый Сифа старался быть спокойным, но голос выдал его.

— С каким намерением?

— Завладеть им и сесть в нем!

Центурион не мог понять: шутит каган или говорит правду.

— Насколько нам известно, — сказал он наконец, преодолевая смятение и тревогу, — каган в сердечной дружбе с Византией, даже пребывает на службе у нее. Почему же нарушает желанный для обеих сторон мир? Как понимать это и можно ли верить?

— Верь, центурион. Сифу скажи, пусть будет благоразумным и отдаст крепость без сопротивления. Со мной тридцать турм. Если он запрет передо мной ворота, а тем более разозлит меня напрасными потерями, велю привязать за ноги и разметать конями по полю. И другим, кто выйдет против меня с мечом, будет то же самое.

Сингидун не раскрыл перед аварами ворот, но и дер-

жался недолго. Не в тот, так на другой день город был взят и отдан каганом на трое суток воинам. На радостях Баян и пил со всеми, и не чурался пьяных оргий и ромейских дев, разве что не шлялся по сингидунским халупам и не сушил себе голову ромейским добром, зная, что о нем позаботятся другие. А когда проспался после хмеля и вспомнил о Сифе и его воинах, было уже не до мести. Прискакали гонцы от Апсиха с вестью. что крепости Августа и Виминакия, а также города и селения, прилегающие к ним, отныне аварские.

— Хакан-бег спрашивает тебя, повелитель, позволяешь ли идти дальше на города и селения Дакии?

— Не только позволяю — повелеваю: пусть пройдет с огнем и мечом по всей Дакии, Нижней Мезии, Скифии. И скажите, я буду идти рядом — землями Верхней Мезии, Македонии, Фракии. Сойдемся на берегах моря Евксинского и, если Небо поможет нам, а полон будет не слишком обременительным, пойдем и на Длинную стену.

Удача сделала его мягким — он отменил казнь Сифа и его воинов. И даже явил епарху свою милость: позвал и спросил, достойно ли с ним обходились, взяв в плен? А под конец сказал:

— Останешься здесь же, в Сингидуне, в своем доме и со своей семьей. А в знак благодарности за мою доброту поможешь нашему предводителю в крепости освоиться с башнями и всеми другими оборонительными сооружениями. О твоем возвращении в Константинополь поговорим после, когда в сече завершится наш разговор с императором.

XX

В Константинополь прибывали и прибывали гонцы. Сначала с Верхней Мезии, Дакии, затем — с Нижней Мезии и Фракии. Все взывали о помощи: идет неисчислимая сила, варвары, для которых нет ничего святого — грабят и насилуют людей, забирают их богатства и скот, разрушают, не оставляя камня на камне, города и святые церкви, если те ничего не дают или дают слишком мало золота.

Опасность варварского нашествия заставила думать об обороне северных земель сенат. Сенаторы пришли со своим решением к императору:

— Достойный василевс. Спасение в одном: уступить

персам, заключить с ними мирный договор и все когорты палатийского войска бросить на аваров. Они как саранча идут по северным нашим землям, не оставляя ничего живого.

— Где они сейчас?

— Опустошили Дакию, Верхнюю и Нижнюю Мезию, достали уже и Фракию. Похоже, теперь собираются идти на Константинополь.

— Неужели во всем Иллирике и во всей Фракии нет силы, которая преградила бы им путь?

— Силы провинциального войска раздроблены, сидят и едва обороняют крепости, аваров же тучи. Вся орда двинула на нас, и не только авары, но и паннонские славяне тоже.

— О боже, этого только не хватало!

— Варвары уже завладели городами и крепостями Сингидун, Виминакия, Августа, Ратерия, Акис, Ванония, Доростол. Только палатийское войско и сможет управиться с такой силой.

— Будто во Фракии, Иллирике, по всей империи нельзя набрать когорты, способные остановить аваров? — гневался император. — Где наши стратеги? Почему сидят и ждут неизвестно чего? Где слы наши?

У тех, кто стоял сейчас перед троном, кто был озабочен бедами империи, застыли от удивления и стыда лица. Стратеги... когорты... послы... А на какой счет? На все это нужны солиды, а где взять их?..

Излив гнев, император будто услышал, о чем думали сенаторы.

— Не знаете, где взять солиды для этого? А где всегда брали? Надо поднять подати, мыта, потрясти куриалов, торговый и ремесленный люд. Не идут сами с мечом на варваров, так пусть платят!

— На это нужно время.

— А кто говорит, что нет? Нужно. Поэтому обратитесь сперва к церкви, возьмите в храмах божьих, после вернем с лихвой.

Ему, видимо, не сиделось, хотелось действовать, и немедленно.

— Кто здесь из стратегов есть?

— Коментиол, Каст, Дроктон.

— Зовите их ко мне. Элпидия тоже.

Последний был хорошо известен в империи как посол. Не раз бывал в чужих землях, умел склонить к перего-

ворам, а там и к сердечному согласию предводителей многих земель. Это подбодрило сенаторов — василевс не иначе, как надеется на что-то, если зовет Элпидия. Если пошлет стратегов против аваров — будет хорошо, а пошлет слов к персам или к тем же аварам — еще лучше. Слы или положат конец долгому раздору с персами и вернут империи так необходимые сейчас когорты, или затеят переговоры с аварами и задержат их на далеких подступах к Константинополю. А это теперь важнее всего.

И в самом деле, Маврикий так и сказал Элпидию, как старшему среди послов, и Коментиолу с другими стратегами:

— Сегодня же готовьте сольство и отправляйтесь к аварам. Уверен, мечта Баяна — добиться немедленной выплаты долгов и обязательно в сумме, предусмотренной договором. Затягивайте переговоры как можно дольше. Согласитесь с условиями Баяна только тогда, когда уже нельзя будет не соглашаться. Вы же, — повернулся к стратегам, — должны использовать каждый выигранный у аваров день. Знайте: с персами быстро мы не замиримся. Поэтому на палатийское войско не рассчитывайте. Сейчас легионы, когорты, манипулы надо искать и собирать здесь, в ближайших провинциях. Я пойду на риск: оставлю при себе только гвардию, а в Константинополе — димотов. Все остальное, что есть в метрополии и в провинциях, отдаю вам. Все, до последней манипулы. Делайте что хотите, но вы должны выставить против варваров такую силу, которая пошатнет их турмы и заставит уйти с нашей земли.

Стратеги долго и, как показалось императору, довольно красноречиво отмалчивались. Маврикий не выдержал их молчания:

— Я требую невозможного?

— Когда речь идет о жизни или смерти, — взял на себя смелость ответить императору Дроктон, лангобард по происхождению, — невозможного быть не может. А все же, достойный император, собрать за такой короткий срок силу, равную аварской, не только пять, десять стратегов не смогут.

— А кто сказал, что вас только пять? Вы — предводители легионов, которые выйдут против аваров. В помощь себе берите кого хотите и сколько хотите.

— Где же они, те легионы?

— Уже сказано, — поспешил на помощь императору Коментиол, — в провинциях. Не лишним будет, — тут же повернулся он к Маврикию, — если к тому, что соберем под свои знамена, добавим и когорты, закаленные в сечах с персами. Не все, но хотя бы часть когорт, без которых в Персии можно пока обойтись. Эти когорты не только усилят провинциальные легионы, но и станут примером для них, если дойдет до сечи с аварами.

Маврикий слушал его настороженно, но, выслушав, изменился в лице.

— А что, — сказал, — это мысль. Часть когорт можно отозвать.

— В таком случае, — стратеги тоже ободрились, — не будем терять время. Но нам нужен эдикт василевса на формирование легионов и расходы из казны.

— Эдикт сегодня же будет послан тем, кого это касается.

Пора было уходить, но тут снова заговорил Коментиол.

— Я не все сказал, что должен был сказать василевсу. Пока одни стратеги будут готовить легионы, а другие выдвинутся навстречу аварам, позволь мне, император, пойти с нашим сольством к Баяну, хочу приглядеться к нему.

— Тебе, предводителю всего дела?

— А почему бы и нет? Пока сольство не вернется обратно, сечу с варварами все равно не начнем. Знакомство же, думаю, лишним не будет. Кто из нас знает кагана и его турмы?

Одни смотрели на Коментиола с удивлением, другие с восторгом. Мало ли, что такого еще не бывало, но ведь и в самом деле не помешает узнать аваров поближе. Это может принести пользу.

— Пусть будет так.— Император колебался недолго.— Только позаботься, стратег, чтобы здесь было кому заменить тебя, и сделай все, что положено...

Легко было сказать василевсу: сольству сегодня же выйти на встречу с аварами. Но пока собрались, прошло несколько дней. Коментиол не терял времени даром. Все, что можно было собрать для битвы с аварами в Константинополе и в окрестностях, собрал в два легиона. Во главе одного поставил Каста, другого — Мартина, и приказал им спешно идти к месту предполагаемой сечи с аварами — у Филипполя и Адрианополя. Других стратегов отправил в провинции, с тем, чтобы они сколотили

там хоть мало-мальски способные к бою когорты в помощь Касту и Мартину.

— Вам же, — наказал Касту и Мартину, — пока я буду у аваров, сделать из Филиппополя и Адрианополя неприступные крепости.

Коментиол повернулся к выходу и осенил себя крестным знамением. Он знал, на что идет, и знал, что, кроме бога, ему уповать не на кого. Воистину правду говорят побывавшие в переделках люди: лишь тот, кому нечего терять, может осмелиться на такое. Но, чтобы иметь под ногами хоть какую-то опору, Коментиол послал своих надежных людей к стратегам, сражавшимся с персами, чтобы вручили им, кроме эдикта императора, его личное послание, в котором описал положение на северных границах как граничащее с катастрофой.

«Против нас поднялись авары и славяне, — писал, не разъясняя, какие славяне, и тем намеренно сгущая краски. — На подступах к Константинополю стотысячное аварское войско, а на Дунае собирают силы склавины. Вся надежда на вас, достойные, и на ваши закаленные в сечах когорты. Шлите немедленно, и шлите все, что можно послать. На это уповаю, этого лишь жду. Опоздание на час может быть непоправимым, а на день — катастрофическим. Император понимает это и потому соглашается: пришло время замириться с персами, империи нужен лишь пристойный повод для такого замирения».

Стратег Коментиол знал, что воюющие с персами давно ждут замирения, поэтому не могут не обрадоваться, узнав, что оно близко и возможно. Глядишь, хоть и ненамного, а все же пришлют когорт побольше, чем можно ожидать от них.

Так думал в Константинополе, но, выйдя к аварам, уже другую думку не выпускал он из головы — как задержать их на дальних подступах к империи?

Первое, на что обратил внимание, подойдя к Анхиалу, где стоял табор кагана и верных ему турм, — авары не воспользовались виллами поверженных ромеев. Разбили свои шатры прямо перед собором святого Антония. Ожидал, что каган тотчас примет сольство, но его то ли не было в таборе, то ли был занят чем-то.

— Тем лучше, — заметил Элпидий и попросил позволения у аваров разбить свой шатер неподалеку, чтобы отдохнуть с дороги.

Хитрец Элпидий видел, конечно, как загорелись глаза у советников кагана. Те были довольны, что византийские слы не просились в виллы сородичей, а подобно им, аварам, предпочли шатры. Пока устраивались — прошли еще сутки. Авары все не звали.

— Каган знает, что мы императорские слы, — спросил Элпидий у советников, — что посланы на переговоры?

— Да.

— Так мы хотели бы уже вести их.

— Когда сочтет необходимым — позовет.

— Что, если Баян затеял что-то недоброе и тянет, чтобы сказать потом: «Поздно говорить, надо было раньше приходить»? — засомневался Элпидий, обращаясь к Коментиолу.

— Пустое, — успокоил Коментиол, — набивает себе цену, и только. Пусть. Нам не привыкать. Не напрашивайся больше, сиди и молчи.

— Как сидеть, если не сидится, стратег. И не случится ли, пока мы будем сидеть, а турмы станут стучать в медные ворота Августиона?

— Если к тому пойдет, нас предупредят. Мои разведчики сидят на дорогах. Другое лучше сделай: повели челяди накрыть стол пощедрее и позови к трапезе тех аваров, с которыми уже познакомился. Может, под хмельком языки развяжут...

Элпидий согласился с этим. Но пыл его скоро остыл: авары отказались от угощения.

— Видел? — испуганно посмотрел он на Коментиола. — Они все же что-то затеяли и только момента ждут, чтобы погнать нас, как приблудных псов. Надо добиваться встречи с каганом.

— Только не сегодня, Элпидий. Раз накрыл столы, садись и трапезничай. Делай вид, что тебя не волнует, что там задумал каган. Этим мы сломаем его рано или поздно.

И больше уже не обращал внимания на нытье посла. Снял с себя парадное убранство, переоделся в походное платье и сел за трапезу. Со стороны казалось, Коментиол любит гульнуть. И день, и другой веселился, ходил под хмельком по аварскому стойбищу, по улицам Анхиала как у себя дома, — быстро нашел, с кем разделить застолье, не отказывался, когда и его угощали. Но вот пришли от Баяна люди и напомнили:

— Завтра будьте у кагана. Ясноликий желает выслушать вас, ромейских слов.

Коментиол настолько опух от попоек, что каган смотрел больше на него, чем на Элпидия, и наконец спросил:

— Сказали мне, что ты императорский стратег?

— Истину сказали.

— А заодно и сол?

— О нет, достойный предводитель, не заодно. Сол я только сейчас.

— Почему же так? Отчего не вышел с легионами против меня?

Коментиол понял, что Баян злорадствует, но неразумно было бы отвечать ему тем же. Ромейское сольство еще своего не сделало. Поэтому он все обернул в шутку.

— Да оттого, что стратегов у императора больше, чем легионов, — и засмеялся.

Каган тоже повеселел, оживился.

— Это мне нравится. Впервые вижу сла, который не скрывает правду. Скажи тогда, достойный, с чем пришел к нам?

Коментиол выглядел настолько же простодушным, насколько искренним.

— Да с тем же и пришел. Василевс опечален раздором между империей и аварами и хочет знать, почему это случилось, как могло случиться? Сколько лет жили в согласии, сколько врагов наших утихомирили вместе, теперь — раздор. Каган повел свои турмы против повелителя и благодетеля своего, императора Византии. Почему так?

Что-то не понравилось кагану в его словах, и Коментиол, славившийся красноречием, заметив это, предпочел не продолжать.

— Разве император не знает, с чего начался раздор?

— Да ему что только не говорят! — уклонился Коментиол от прямого ответа. — Потому и прислал нас, слов своих, чтобы из твоих уст услышали правду.

— Мог бы и не слать, если так.

Элпидий вовремя заметил, что Коментиол то ли смутился, то ли растерялся, и поспешил на выручку:

— Мой советник в сольских делах еще не все сказал тебе, предводитель. Мы здесь не только затем, чтобы отнять у тебя время или узнать о причине раздора. Император послал нас сюда положить конец несогласию и

походу, который возник из-за несогласия. Ну а кто же, имея такое поручение, начинает разговор с конца?

Баян нервничал, хотя и сам не сказал бы, почему.

— Если заботитесь о мире с нами и желаете вести переговоры об этом, — отчеканил он, — пойдите сначала к своему императору и спросите, до каких пор будет издеваться над нами? Разве мы уже не заключали договор на мир и согласие? И не раз! А где то, о чем вы клялись на кресте? Почему отказываетесь от своих клятв и обещаний?

— О, достойный! — Видно было, Элпидия не то что не испугали, но даже обрадовали упреки кагана. — Если разногласия только из-за этого, то стоит ли нам ломать копья? Империя в великой нужде — это правда, казна ее пуста, но не настолько, чтобы не выплатить какие-то сто тысяч.

— Не сто, а триста! Вы уже третье лето водите нас за нос.

— Пусть и триста. Империя велика, хоть и трудно, но найдет, где взять.

— Великий вои! — Коментиол решил, что и ему нужно сказать слово. — Если ты поверил мне раз, поверь и второй: согласие возможно. Разве император не поймет, когда приду и скажу ему: выполним обещанное — и сече с аварами будет положен конец. А еще такое скажу: на битву против них истратим вдвое больше, а то и втрое, чем на мир. Выплатим обещанное — и все!

— Надо было раньше так думать.

— Надо было, да что поделаешь, если хлопот много, а император один. Он надеялся, что подпишет мир с персами — будут тогда и солиды, а будут солиды — с аварами расплатится. Когда же дошло до сечи, теперь иначе думает. Как один из его слов, предлагаю прервать переговоры на время, пока я поеду и переговорю с императором. Заверяю тебя, достойный, этим мы положим конец распре. Раз и навсегда.

— Договоренность уже была. Нам не слова нужны, а солиды. Пусть шлет.

— Конечно, я так и скажу. Я даже сольство оставлю у тебя, как залог, что переговоры между нами не кончены, они лишь прерваны на время.

Коментиол так и сделал: оставил Элпидия с посольством на поругание кагана, а сам, возвратившись в Кон-

стантинополь, занялся военными приготовлениями. Собранные в Византии манипулы и когорты были отправлены к местам предполагаемых сражений — под Филипополь и Адрианополь, а еще через две седмицы через Константинополь прошли и когорты, присланные стратегами из Персии.

— С нами бог и император! — доложили Коментиолу. — Мартин и Каст собрали под свою руку три полноценных легиона.

Тридцать тысяч... Разве это та сила, с которой можно выходить против аваров? Да что делать, если в казне нет таких солидов, каких хочет каган. И сенат сомневается, что каган остановится, даже если получит свои солиды. Баян и солиды возьмет, и походом пойдет. А тогда на какие шиши соберут необходимые легионы? Остается еще, правда, одно — поставить кагану условие: ему выплатят триста тысяч, но не раньше, чем он отведет свои турмы за Дунай и согласится подписать новый договор о ненападении.

«Кто же пойдет с этим к кагану? — думал Коментиол. — Регула и честь требуют, чтобы шел я. Но на кого оставлю легионы, если не вернусь из аварского табора? А-а, будь что будет, пойду к императору — как скажет, так и сделаю».

Маврикий и думать не стал. Хватит, мол, и гонца. Пусть доставит послание императора Элпидию, а тот, как и положено послу, завершит переговоры с каганом.

— Если я не появлюсь, каган догадается, что его принимают за дурака, и не согласится с нашими условиями.

— Он и так не согласится. Хватит того, что Элпидия бросаем в пасть этому удаву, и нет необходимости тебе лезть в нее.

— Тогда надо повременить с отправкой гонца, хотя бы несколько седмиц еще, пока я соберу в кулак все, что можно собрать.

Элпидий долго не мог решить, как ему выйти перед каганом и сказать то, что велено. Единственное, что ему оставалось — сделать вид, что принес радостные вести. Ведь император, как бы там ни было, а согласился выплатить долг аварам.

Дрожал, входя в шатер, и не зря. Едва заикнулся, что

солиды будут выплачены позже, каган подпрыгнул, как будто его вышвырнуло из катапульты.

— Вон вы ка-а-ак? — зарычал он на посла и повернулся к своим советникам и терханам. — Разбирать шатры! Немедленно! Сей же миг!

Поднялось что-то невообразимое. Кто-то из аваров набросился на Элпидия и сопровождавших его людей и в мгновение ока вышвырнули их из шатра.

— Постойте! — напрасно взывал Элпидий. — Мы же слы великой державы, люди неприкосновенные!

Пока кричал, их уже засадили в клетку в подземелье.

— Варвары! — стонал Элпидий. — Сколько ни учи, сколько ни отесывай их, так и останутся варварами. Ну, погодите, придет наше время, за все поквитаемся.

— Придет ли? — подал голос кто-то из его сольства. — Разве ваша милость не знает что означает — разобрать шатры? Мы обречены, нас велено казнить на смерть.

— Не может быть! Не посмеют!

— Это варвары, они все смеют. Сила-то на их стороне.

Заговорили и остальные. Не надо, мол, было затевать эти переговоры. Кто-то ругнул в сердцах императора Юстиниана, позвавшего этих варваров на их головы. Разве не знал, кого пригревал? Лучше было бы замириться со склавинами! Ведь договорились же с антами. уже лет сорок не воюют с ними...

Обреченные, они позволяли себе все: поносили покойных императоров, не щадили и здравствующих. Им теперь все равно — перед смертью чего бояться?! Так хоть душу отведут, выскажут, что камнем лежит на сердце.

Но они явно поспешили, хотя до поры не знали этого.

Кто-то из приближенных кагана взял на себя смелость сказать его верным: «Не казните ромеев до утра. Пусть уляжется гнев повелителя, тогда он спокойно взвесит все. И самые мудрые становятся в покое еще мудрее».

А на другой день из Константинополя примчался гонец от Таргита и сообщил кагану и его советникам, что все аварское сольство отправлено под охраной на остров Родос. Если что-то случится со слами ромеев, его, Таргита, голова и головы остальных аваров будут насажены на копья и выставлены на позор при въезде в Константинополь.

Баян, переждав несколько дней, велел выпустить ромеев из подземелья, чтобы убирались прочь.

XXI

Ничто не сдерживало теперь аварские турмы. Каган так и повелел, обращаясь к ним: на Константинополь! Идите и берите у ромеев все, что можно взять. А повеление кагана — повеление Неба. Почти без сопротивления пали перед ними ромейские крепости Залдапа, Паннасу, Троксум, угроза нависла над Филипополем и Адрианополем.

Коментиол представлял, какая злоба гнала Баяна вперед, но знал и то, что не было, кроме его легионов, другой силы, которая могла бы противостоять аварам. Сила не так велика, чтобы взять аваров числом, значит, надо разгромить их хитростью и умеьем.

— Что известно об аварах? — спросил он своих стратегов.

— Немного, достойный. Разведка сообщает: рыщут по Фракии, как голодные волки.

— Если рыщут: значит, стая разбежалась в разные стороны?

— Да. Каждая турма действует на свой страх и риск.

— Надо воспользоваться этим. Хорошо бы для начала спутать кагану все его планы. Ты, Каст, выходи со своими когортами к горе Эми и пощупай там аварские турмы. Ты, Мартин, отправляйся с легионом на Дунай, к городу Неи, но так, чтобы ни одна собака вас не видела, а уж как дойдете до цели, шумите как можно громче. Я в это время пощекочу самого Баяна. Хочешь не хочешь, а ему придется задуматься, откуда у нас такие силы.

Разведка докладывала, что турмы Баяна шастают всюду, сам же каган пока не выходил из Анхиала. Интересно, что он будет делать, если напасть на него прямо там? Засядет со своей конницей за стенами крепости или выведет турмы в поле? Здравый смысл говорит, что Баян должен обороняться. Но все же, так думает стратег, а вот как думает варвар — только одному богу известно.

И так, и этак прикидывал Коментиол за Баяна, но когда подошел к Анхиалу — глазам не поверил: ворота перед ним открыты, а аваров в городе нет. Снялись на рассвете и скрылись в тумане.

«Что же случилось? — не мог он понять. — Может, каган узнал, какая сила идет на Анхиал, и дрогнул? Или ушел на помощь турмам, против Каста и Мартина?»

— В какую сторону двинулись авары? — спросил он.

— На скифскую дорогу, достойный.

— Все сразу пошли или часть — вечером, часть — утром?

— Все сразу.

Выходит, торопились.

— Пошлите за аварами разведку, — приказал одному из стратегов. — Найдите кагана и не спускайте глаз. Может быть, от этого зависит вся операция.

След аварских турм, вышедших из Анхиала, отыскать было нетрудно. Конница поднимала тучи пыли, а широкая скифская дорога, выбитая копытами, напоминала изуродованную ниву. Труднее оказалось угнаться за ними — в ромейских легионах за конницей шли пешие легионеры, и авары все дальше и дальше уходили от преследователей. Когда же они заметили за собой конных наблюдателей, им ничего не стоило устроить засаду и накинуть на ромеев арканы. Тех, кто попытался ускользнуть, догнали и вырезали до ноги. А ночью внезапно поднялась буря, ливень смыл аварские следы. Новая разведка Коментиола гнала своих коней по скифскому тракту и день, и два, и три, но авары словно растворились. Скорее всего они свернули под дождем в сторону, а куда — только ветер это и знает.

Коментиол проклинал все и всех, кто попадал под руку, но от этого было не легче. Чтобы не нарваться на засаду, разбил табор, полагая, что разведка рано или поздно возьмет аварский след. Но правду говорят люди: ловит рыбак рыбу, да когда-нибудь и рыба его поймает. Каган как сквозь землю провалился со своими турмами, зато разведка Коментиола встретила гонцов от Каста, наконец-то порадовавшего стратега доброй вестью: легионеры Каста выследили в предгорьях, неподалеку от города Золдапы, три аварские турмы с пленными и награбленным по ромейским селениям добром и разгромили их. Лишь одиночки сумели выскочить из петли и понесли тревожную весть о беде, что победила непобедимых аваров.

Коментиолу, как предводителю, не к лицу было слишком уж выказывать свою радость. Но легко ли удержать ее в себе, если она прет, словно вода со дна. «Слава отважным!» — хотелось крикнуть ему, чтобы все поня-

ли, что герой здесь прежде всего он, мудро заставивший аваров бегать по Фракии, как перепуганных овец в загоне. Все же Коментиол удержался от бурных восторгов.

— Передайте Касту, — сказал он не без гордости, — я доволен доблестью его воинов. И еще: пусть идет к городу Нея — на соединение с Мартином, громя по пути аваров. Я тоже иду туда.

Пока Коментиол строил свои планы, легионы самого молодого из его стратегов — Мартина — напали на след кагана. Мартину до этого везло меньше, чем Касту. Если ему и попадались авары, то не больше сотни, но, как правило, они были перегружены награбленным добром и их брали, как кур на насесте. Схватки с ними славы Мартину не принесли. Поэтому так радостно вздрогнуло его сердце, когда разведчики сообщили, что по дороге к крепости Нея идет сам Баян с четырьмя турмами. Шутка ли: самого кагана посылает ему судьба! Что же делать? Затаиться в крепости или выйти навстречу кагану? Крепость так себе, надежда на ее стены невелика. Не лучше ли оставить ее, как защиту, на крайний случай?

Так и собирался сделать, но подъехали новые гонцы от тех, кто неусыпно следил теперь за каждым шагом аваров, и сообщили, что каган остановился на ночлег.

— Он что, разбил табор в расчете на долгую стоянку или это обычная ночевка?

— Да нет, простой ночлег.

Матерь божья! А что, если воспользоваться темнотой и, пока авары дрыхнут, окружить и ударить со всех сторон?

Молодость сгорает в желаниях и не знает удержу, особенно если это — желание славы. И Мартин решился. Грех было бы упустить такую удачу. Он сам пошел в разведку и, убедившись, что аварские турмы спят без задних ног, бросил на табор своих легионеров.

Внезапность нападения ошеломила аваров. Застигнутые врасплох, они думали не об обороне, не о сопротивлении, а о том, как выскользнуть из ромейской петли. Мало кто успел вскочить на неоседланного коня и мало кому удалось ускользнуть от мечей и стрел, хотя и пытались многие. Только верные кагана не покинули его. Они стали вокруг него стеной и, падая под стрелами, выхватили Баяна из кровавой круговерти, скрылись во тьме, затаившись до поры до времени на одном из поросших густыми зарослями островов на придунайских озерах.

Знай Мартин, где прячется Баян, не гонялся бы за теми, кто удирал во все стороны, а спокойно дождался бы дня, когда тот вылезет из норы, и без шума и крика взял бы кагана, раз и навсегда положив конец аварам, как племени. По молодости ли, а может, были на то другие причины, но стратег не догадался порыскать на придунайских островах. Каган воспользовался этим и вскоре объявился там, где не было ромеев, объявился только затем, чтобы не медля бросить клич: «Авары, ко мне!»

Не так много прошло времени, как снова собрались вместе две силы. Не сегодня, так завтра должна была быть сеча, какой и ромеи, и авары пока избегали, хотя и те, и другие понимали, что ее не миновать.

О том, что каган выскользнул из лап Мартина, нетрудно было догадаться не столько по тому, что его не нашли среди пленных и убитых, сколько по тревожным донесениям разведки: остатки разбитых аварских турм стягиваются как по команде в Маркианополь. Если они идут туда после стольких поражений, если их кто и зовет туда, то только каган.

Коментиол предпринял теперь, кажется, все возможное и невозможное, чтобы не выпустить Баяна из глаз и не дать тому застать себя врасплох. Поскольку другой надежной крепости поблизости от Маркианополя не было, Мартин посчитал за лучшее, и Каст с Коментиолом согласились с ним, разбить свой лагерь в предгорьях, чтобы закрыть аварам проходы в горах и теперь уж не разминуться с каганом, особенно, если тот решит вдруг прорываться во Фракию.

Горы охраняли тыл ромейских войск. К тому же в них полно было дичи и зверя. Пока не было вестей от Мартина, которому Коментиол поручил наблюдать за каганом, главный ромейский стратег со всею страстью отдался охоте. А где охота — там и веселье. Дней не считал Коментиол, купаясь в вине, забыл и о боях, и об аварах. Однажды только и встряхнул отяжелевшей с похмелья головой, когда кто-то из стратегов сказал ему: «Предводитель, мы упускаем момент, который может больше не повториться. Даем кагану возможность собраться с силами. Может быть, следует ударить на него, пока турмы рассеяны, а испуг, который нагнал Мартин, еще сидит у

него в пятках?» Задуматься-то задумался, да ненадолго, отмахнулся от толкового совета. «Маркнанополь, — ответил, — мощная крепость, за ее стенами кагана не так просто достать».

Сам снова ушел в горы, гонялся за зверем, пока не грянул-таки гром. Однажды уже не гонцы, а сам Мартин заявился к нему: каган оставил Маркианополь, идет в горы, прямо на ромейский табор.

— Сколько у него турм? Какая у него сила?

— Точно никто не знает, но, думаю, хватит, чтобы помериться с нами. Он собрал не только тех, что рыскали в Мезии, но и свежие турмы — из Паннонии.

Коментиол изменился в лице, обрушился на Мартина с руганью.

— И ты только сейчас говоришь мне об этом? Почему раньше не сообщил? Почему сам не перебил тех, что шли из Паннонии, позволил им объединиться с каганом?

— Потому что узнал об этом, когда они объявились уже под Маркианополем.

«Проклятье! Как это могло случиться?»

— Ты уверен, что они идут на нас?

— Если бы шли в Паннонию, давно свернули бы на другую дорогу.

— Через реку еще не переправились?

— Нет, хотя они уже недалеко от нас. Я приказал своим когортам стать заслоном на месте возможной переправы и дать бой.

— Разумно, хотя это вряд ли что-то решит. Мы успеем еще перейти на противоположный берег?

— Конечно! Если поспешим.

— Тогда так и сделаем. Я усилю твои позиции своими когортами. Каст переправится в стороне от обринов, чтобы взять их с тыла. Если обры ввяжутся в сечу, ударим с двух сторон. Такой неожиданный удар вызовет страх и панику...

Разведчики Баяна заблаговременно доложили ему, что ромеи засели по ту сторону реки, наделали завалов и ждут, когда он пойдет на них. Этого следовало ожидать, и все же, когда он услышал об этом, почувствовал, как повеяло холодом. Победы над теми, кто засел в укреплении, не дождешься. Наверняка на переправе встретят стрелами, а у завалов — мечами и сулицами. А где-то у них есть еще и конница. Нет, надо сначала вызнать, какая сила у ромеев, а потом уже решаться на что-то. Конечно, его турмам не привыкать навалом идти на пеших, но все же хитрость, уловка в таких делах бывает надежнее силы.

Пока Баян был у реки, сзади успел вырасти великоханский шатер, рядом с ним и другие. Но словно какая-то муха укусила его, когда он вернулся. Осмотрел лагерь и вдруг взбеленился:

— Ослы безмозглые! Вы где поставили шатер?! Не знаете разве: из шатра должно быть видно все сражение. Все! И наши турмы, и ромейские легионы!..

— Да где же взять такое место, если наш берег низинный?

— Так зачем ставите? Зачем, спрашиваю?

Метал громы и молнии, рыскал взглядом, чтобы ткнуть их носом, показать, где надо ставить шатер, но поскольку вокруг действительно была низина, свирепел еще больше. Пока не вскочил на коня и не ускакал к своим турмам. В шатер так и не вернулся, но прислал кого-то сказать:

— Ясноликий повелел сниматься и идти вон в тот лес.

— Так, может, лучше дождаться ночи?

— Да пока вы разберете шатер и сложите все в возы, кромешная темень будет! Начинайте! Всем остальным тоже велено отходить в лес, как стемнеет.

Куда пойдут из леса, когда — для всех, кроме Баяна, было тайной. Не иначе, как Ясноликий решил перехитрить Коментиола. Если так, то нечего и допытываться, что он задумал. Теперь он только перед самой схваткой скажет терханам: идите туда и сделайте то.

Баян, похоже, и в самом деле уверовал, что обведет ромеев вокруг пальца. На этот раз не они, а он заманит их в силки. Но случилось наоборот: там, куда каган направлял в сумерках свои турмы, уже стоял наготове и ждал лишь сигнала легион Каста.

Как случилось, что никто не заметил ромеев — об этом уже некого и некогда было спрашивать. Едва его турмы вступили в лес, как посыпались тучи стрел. Внезапность эта внесла сумятицу в передние ряды, те, кто успел, — развернули коней и, пока терханы разбирались что к чему, началась давка и паника. Уже ученые ромеями, авары думали, в страхе, только об одном — как унести ноги, пока не поздно. Тем более что из леса слышались уже призывные трубы — сигнал коннице: настичь аваров и взять на меч и сулицу.

Кто будет спрашивать в такой неразберихе, что делать? Бежали кто за своими терханами, кто от терханов, надеясь на быстрые ноги коней да на то еще, что близкая ночь укроет их от погони.

Бежали со всеми и верные, бежал с ними и он, Баян. Он понимал, что напуганных людей ничем не удержишь, и все-таки надо было подчинить их своей воле, иначе разгром будет полным. Ромеи ничего не делают просто так, если уж они замышляют что-то, то с далеким прицелом. Может быть, даже и паника эта взята ими в расчет.

Баян лез из кожи, чтобы вырваться вперед и повести турмы за собой. Кричал, чтобы терханы отворачивали турмы от леса, там мог быть очередной капкан, спасение надо искать только а поле.

То ли клич кагана дошел до ушей мчавшихся впереди конников, то ли они сами поняли, что страшнее леса сейчас ничего нет, но турмы, вернее остатки турм, стали уходить в низину. Когда рассвело, многих недосчитался каган. Он не спрашивал, где его люди, и так понимал, что разбежались в страхе перед ромеями, попрятались по балкам и перелескам. Неужели, думал, авары перестают быть аварами? Позор на его голову.

— Почему недосмотрели за своими же? — кричал он на верных и на терханов.

— Ночь была, предводитель. Разве усмотришь за всеми!..

— Когда надо, вы всегда ничего не видите. Скачите во все концы, а турмы должны быть при мне! Все, и немедленно! Пока не все потеряно. Я еще покажу вам,— сцепив зубы, смотрел он в сторону ромеев, — что такое настоящая военная хитрость. Баяна вздумали перехитрить. А это видели? — погрозил нагайкой.

Похоже, каган опять что-то задумал, иначе бы не похвалялся.

Турмы собирались долго, а все же собирались. Это немного успокоило Баяна. Он выехал на пригорок, долго всматривался в непроглядные ночью дали. Что видел там, о чем думал, кто знает. Только спустя время подозвал своих разведчиков.

— Скачите в лес, — приказал им, — разузнайте, кто стоял там против нас, где они теперь, сколько их. Помните, я должен знать это точно.

Ожидание было томительным, но разведка вернулась

довольно скоро. В лесу, доложили, легионеры Каста, того самого, который громил аварские турмы с полоном.

— А где остальные ромеи?

— Коментиол и Мартин на той стороне реки. Кажется, как стояли, так и стоят.

— Опять вам кажется!.. — Баян взорвался гневом.— Хватит кормить догадками, наелся уже!

И снова разведка кагана ушла в ночь, рыскала и ползала под самым носом ромеев, пока не удостоверилась: Коментиол и Мартин со своими легионами на месте, Каст же собирается преследовать кагана. Не иначе, как один хочет добить его и стяжать себе всю славу.

«Вот тут мы тебя и сцапаем, голубчик», — пообещал Баян. Он приободрился и с явным удовольствием стал отдавать распоряжения терханам — кому следить за перемещением Каста, кому надежно укрыться в засаде, а кому выдать себя за остатки разбитых аварских турм, бегущих в Маркианополь, под защиту крепостных стен.

Замысел, кажется, удался. Гонцы скоро доложили, что ромейские разведчики пошли по следу тех, кто отходит.

— Не мешайте им, пусть идут и пусть сообщат Касту, что турмы и каган бегут в страхе.

Он и в самом деле торопился отойти как можно дальше от соединенных сил ромеев. А около полудня приказал турмам остановиться на ночевку и разбить лагерь. Здесь догнали его гонцы от турм, оставленных в засаде.

— Ромейская разведка, — сказали, — вернулась, и Каст протрубил в путь.

— Пусть трубит, не мешайте. Когда пойдет на нас, отрежьте его от Коментиола и Мартина, чтобы ни один ромей не прошел ему на помощь. Остальное сделаем без вас.

Думая об этом «остальном», Баян рассуждал так: «Пусть моя расплата над ромеями будет мизерной, но она должна быть. Иначе мои турмы вообще потеряют веру. А без веры, в страхе, они будут бежать от ромеев, пока не окажутся за Дунаем».

Рассчитывая на легкую и, возможно, окончательную победу над аварами, Каст гнался за Баяном, не глядя по сторонам. Ему и в голову не приходило, что у аваров хватит хитрости и коварства заманить его в силки. Думал, следующей ночью обрушится бурей на аварский табор, а повернулось наоборот — на рассвете авары сами налетели на его лагерь. И откуда они только взялись —

напирали со всех сторон, вал за валом накатывались на его когорты. Защищаясь, легионеры остервенело метали стрелы, сулицы — авары падали, но число их, казалось, не убывало. И вот уже они смяли передних и пошли давить и топтать всех подряд. Крик, гам, предсмертная агония — все смешалось, команды Каста были бессмысленны в этом хаосе, где никто никого не слушал, не слышал, где каждый стоял только за себя, хотя и стоял до последнего вздоха.

Каст попробовал было пробиться с остатками, что еще держались возле него, к горам, где было спасение, где была помощь, но скоро убедился в тщете своих усилий: петля, приготовленная аварами, надежно затянулась.

Скрепя сердце он приказал выбросить белое полотнище и сдаться на милость победителя. Баян торжествовал. И когда подвели к нему Каста, спросил:

— Как тебе нравится наша победа, стратег?

Каст потупил взор и молчал. Поле боя было устелено трупами его легионеров.

— Хорошо смеется тот, предводитель, — выдавил наконец из себя, — кто смеется последним.

— Надеешься, что Коментиол отомстит за тебя?

— Коментиол... А может, кто-то другой. Не забывай, ты поднял руку на империю.

— Вам тоже надлежало бы помнить, что вышли на прю с самими аварами. Взял в плен тебя, возьму и соратников твоих, и не только тут, а и за Длинной стеной кое-кого достану.

Говорил скорее для того, чтобы похвалиться, а будто в воду смотрел. Коментиол был настолько поражен разгромом Каста, что, опасаясь встречи с аварами в поле, покинул горы и спрятался за надежными стенами Адрианополя и Филиппополя. Этот его нежданный-негаданный для Баяна маневр открыл кагану путь во Фракию. Аварские турмы воспрянули духом. Еще бы, сами ромеи испугались их. Теперь самое время взять у ромеев то, чего не взяли в прошлый раз. И они брали. Начисто обдирали уже обобранные недавно селения, города — и славили своего премудрого кагана, брали на меч и сулицу новые — и снова славили и величали Ясноликого великим воином и повелителем из повелителей. Только сам повелитель что-то не больно радовался этому ликованию. Он был задумчив, раздражен, взрывался из-за каждой мелочи, но особенно доставалось его верным, ко-

торым приказывал добывать, проверять и перепроверять сведения о ромеях.

— Узнайте, — говорил, — как отнеслась империя к отступлению Коментиола и потере Аперии, Ираклеи, Чурула.

— Молчит империя, Ясноликий, ей язык прищемило.

— Неправда! — гневался он. — Не верю, чтобы молчала. Адрианополь — последняя ромейская застава во Фракии. Дальше — Длинная стена, за ней — Константинополь. Не может быть, чтобы император не понимал, что для него Адрианополь! Значит, он должен думать, как не потерять его.

Баяна не особенно волновало, что он попытался, но не смог взять стены Адрианополя. Коментиолу из Адрианополя, как и из Филиппополя, идти некуда. Тогда почему Коментиол не стал защищаться в горах? Почему он ушел оттуда не в Анхиал, не куда-нибудь еще, а именно в Адрианополь? Говорят, с испугу не знал, что делать. Пустое. Эта хитрая лисица просто так ничего не делает. Наверняка тут что-то кроется, но что? Жадно расспрашивал своих разведчиков, пытаясь докопаться до сути, но разгадки не находил. Вот это и досаждало ему больше всего.

Двое суток готовились авары к осаде ромейской крепости. Но осада так и не началась. Рано утром, когда аварский табор еще спал, на него ринулись ромейские когорты, но не те, что сидели в крепости, а те, что подошли на помощь Коментиолу со стороны Филиппополя и Аркадиополя. Это были легионы Иоанна, Мартина и Дроктона. Нападение было столь сокрушительным, что турмы Баяна да и он сам едва успели вскочить в седло в чем спали. И от этого часа Коментиол, преследуя их, уже не давал им ни сна, ни отдыха, пока Дунай не остался у них за спиной.

XXII

Сыновья стояли перед больной, высушенной годами, матерью, будто дубы на соколиновежской поляне, один крепче другого. Оно и не удивительно — молодые, в полной мужской силе. Правда, Добролику уже четвертый десяток пошел, но остальным нет и тридцати.

— Садитесь, дети мои. Садитесь и расскажите, как

живете-можете на своих волостях, в круговерти семейных и родовых дел.

Смотрела на них подернутыми печалью глазами и думала про себя: или так уж сильны были их с Волотом желания, или такая доля выпала им, но как мечтали когда-то, так и вышло. Повелел Волот: народи матери-Тивери и княжему роду на Тивери сыновей-соколов — и народила, шестерым жизнь дала. Говорил, когда ласкал в брачном ложе: «Желаю, лада моя несравненная, чтобы дети наши уродились похожими на тебя, самую милую из всех красавиц на свете, а ростом и ратным духом удались бы в меня», — так и есть. Вон какие красавцы, и вправду подопрут собою горы и удержат, станут по краю границ земли Тиверской — и никого не пустят. Как же не радоваться ей, не гордиться такими сынами?!

— Сами, жены ваши, детки живы-здоровы?

— Да что нам станется? Лета не обсели еще. Скажите лучше, как вы тут? Печаль, видим, не покидает нашу матушку?

— Печаль, дети мои, мне уже не прогнать, а все остальное хорошо. Живу вами да вашим счастьем.

Помолчала немного.

— О Светозаре ничего не слышали? Где он сейчас? Когда вернется в Тиверь?

— Не от кого было услышать, матушка. Вот когда сам вернется, тогда и узнаем.

— А гости заморские разве не ходят в Черн?

— Гости ходят, но мелкие, такие, что мало знают.

Покачивая головой, Миловида вроде бы соглашается с ними, а сама думает, как это в самом деле плохо, что не от кого узнать, как Светозарко живет у ромеев, никто не знает, где теперь и старший ее, Радимко, ушедший с товарами в гости. Новую дорожку торит Радим. После отца сел он на отчий стол и взял на себя бремя княжения. Много воды утекло с тех пор в Днестре, еще больше — в Дунае. А за водой и лета плывут, люди один за другим уходят. Вон скольких уже нет. Пошел вслед за князем своим его побратим и лучший советчик в делах земли Тиверской Стодорко, еще раньше не стало Чужкрая, Кушты, Ближики, Бортника, постарел, хотя и не оставил ратную службу в стольном городе Тивери, Власт. Да, когда вече посадило на княжий стол Радима, а Стодорко пошел в Вырай, воеводой в Черне стал он, а предводителем тиверской дружины — младший сын ее и брат Радима — Добролик. Данко и Велемудр выросли за это время до сотников, уже и у них жены, дети, свои волости и терема. Не останется обделенным и самый младший — Остромир. Лишь Светозарко без своего пристанища, и, кто знает, будет ли оно у него. Десятое лето идет, как пошел к ромеям в науку, а все не возвращается. Или настолько понравилась ему та наука, или такая долгая она? Хотя бы весточку подал.

— Держитесь брата-князя, дети мои, — сказала она этим, которые при ней, — да земли своей, они не дадут вас в обиду. Отец хотел, чтобы вы были твердью для стола и рода нашего, для всей земли Тиверской.

— За нами не станет, да будет ли Радим держаться нас? — несмело, но довольно прозрачно намекнул Данко.

— Почему же?

— Просил я, чтобы и меня взял в море — поучиться, посмотреть, как сбывать пушнину. Так он и слушать не захотел. «У тебя есть повинность, — сказал, — вот и стой при ней».

— И правду сказал, сынок. Плохо будет, если каждый из вас будет делать то, что захочется. Повинность есть повинность.

— А если не по сердцу? Если мне за море на торги хочется?

— Вернется Радим, поговорим с ним об этом. А самому против его воли идти негоже. Воля князя — закон для всех, для брата также. Кто знает, может, это и к лучшему, если один из вас на столе будет сидеть, лад земле и людям давать, другой торги будет вести, третий — дружину собирать да заботиться, чтобы была научена ратному делу, могла защитить землю от напасти.

— Стараемся, матушка, — поспешил успокоить Добролик. — Нас много, а земля одна, каждый должен искать в ней себе место и помнить: заботится о ней не только князь: вместе с князем заботятся и братья его. С этим и пришли к вам, матушка, чтобы убедили Радима и сказали ему, чтоб не брал все только на себя, надорваться может.

— Неужели он не доверяет вам?

— Так не думаю, доверять он нам доверяет. Но и Данко правду говорит: надо было ему ехать с мехами в Томы вместе с братом, чтобы со временем перепоручить Данко это дело. И на обратном пути не следовало бы ему самому заворачивать к кутригурам, чтобы отобрать у

них коней для дружины. Разве не справился бы с этим Велемудр, он уж и не так молод.

Мать не спорит. Правильно думают ее дети, она бы и сама так рассудила, и отец бы согласился с ними. Зрелость сыновей радует, но и тревога закрадывается в сердце: еще один порывается за море. Не много ли? Хватит с нее и Светозара! Сердце обливается кровью оттого, что не знает, где Светозар, что с ним? А если еще и Данко уйдет за море, если и ему глянутся чужие края и растратит годы свои на чужбине? Как, да и можно ли привыкнуть к этому, смириться? Охо-хо, исстрадается она тогда по ним, как в свое время исстрадалась Божейкина мать.

Миловида, как могла, старалась скрыть от детей свои тревоги. А уехали из Соколиной Вежи — отлеживала недуги свои и сновала невидимую нить печали материнской и заботы о них. Все переживала: почему так? Неужели сердце вещует ей беду? «Боже, отведи и заступи! — молилась она. — Не дай умереть без весточки от сыновей моих!..»

А в глазах, стоило только прикрыть их, все являлся и являлся ей ее Светозарко. Материнское сердце не ошибается, чуя беду своих детей. Если бы у него все хорошо было, давно вернулся бы к матери, порадовал всех своим возвращением и успехами не просто ученика, а мужа, отмеченного вниманием самого императора и двумя титулами после учения в школе высших наук — эскулапа и стольника. А может, загордился успехами и гордость память ему отбила?

Говорили ему, советовали: дождись лета, пойдут в Тиверь лодии с товарами — дашь несколько солидов навикулярию и будешь дома. Где там, и слушать не захотел! Когда это еще пойдут лодии и пойдут ли? Предупреждали: неспокойно во Фракийских горах и Мезийских долинах, авары грабят всех без разбору — нет, отмахнулся, разве аварам нужны, мол, путники, у которых в карманах ветер гуляет. Купил на последние солиды коня с седлом, перекинул через плечо гусли и пошел скифским трактом к Дунаю.

О себе он не беспокоился. Гусли за плечами и голова на плечах, да и не пустая, как-никак — от строчки до строчки знает «Илиаду» и «Одиссею», знает высшие науки, которые изучал по системе «тривиума» и «квадриума». Кому расскажет в дороге занимательную историю,

кому споет и сыграет на гуслях, кому жалобу напишет, кого травами вылечит целебными или лекарствами, которые советуют отцы медицины Гиппократ и Гален и которые везет с собою в Тиверь, — его и накормят, и напоят за это да еще и спасибо скажут. При нем только бесага да несколько книг в ней, но таких, ценность которых вряд ли кто сможет постичь. Один сборник Гиппократа чего стоит. А «Илиада», а «Одиссея»? А «Corpus jurescivitas»? Э-э, такие книги не только седмицу или две, а и всю определенную богами жизнь могут кормить. И не только его, Светозара с Тивери, а и весь люд земной.

Как-то он проезжал мимо поля и повстречал работавших там жнецов. Один из них по недосмотру ранил другого, да так, что кровь хлестала из раны. Увидев это, он не стал расспрашивать, что да как, а соскочил с коня, попросил, чтобы дали чем перетянуть ногу выше раны, а когда кровотечение ослабло, приложил подорожник и завязал рану полотном, которое подала ему жена раненого.

Его обступили, стали спрашивать, кто, откуда, не эскулап ли?

— Он самый, — усмехнулся.

— Так оставайся, молодец, хоть на время у нас. Работы, как видишь, много, а пособить некому.

Наверное, не согласился бы, поехал дальше, но жена раненого уцепилась за стремя и не отпустила уже, пока не упросила.

— Смилуйся, молодец, — сказала. — Смилуйся и останься. Кто пособит мужу моему без тебя? Помрет же. Видит бог, что помрет, если оставишь.

Что скажешь ей? Оно и правда, за раненым надо было еще смотреть и смотреть. И он поступился своим, думая, останется на день, а не уехал, пока не обошел все селение и не вылечил всех больных. Зато в путь проводили как князя. И еды, и лакомств разных дали столько, что до самого Черна хватило бы. И напутное доброе слово сказали.

— Неспокойно на дорогах ныне, — предупредили. — Будь осторожен. На ночь останавливайся только в селениях, к людям жмись. Да прислушивайся, что они скажут, а потом уж решай, идти дальше иль как.

Грустно было уезжать от этих простых и добрых людей. Как родные стали они ему. Если бы там, за Дуна-

ем, не было у него еще роднес, может, и не ушел бы от этих. Что надо ему, кроме крыши и ласки сердечной, жены и детей? А здесь бы имел их. Всего седмицу побыл, а мог поклясться: все, о чем думал, было бы у него!..

Он оглянулся еще раз на селение и усмехнулся. Опомнись, молодец! Разве жена и крыша — самая большая радость? Неужели забыл, что песня тебе дороже крыши, путешествие — слаже жены? Когда-то из-за песниуслады при матери не остался, теперь же, как окинул взглядом свет, когда узнал, что такое тайна неопознанного в мире, и подавно усидеть не сможешь.

Чем ближе к Мезийским долинам, тем пустыннее становилось на дорогах и тревожнее в селениях. Даже возле жилищ люди редко попадались на глаза. Постучишь в одни ворота, в другие — заперто, никто не откликнется на голос путника. О ночевке говорить нечего.

— Что тут у вас случилось? — подстерег-таки одного селянина и придержал за полу. — Мор, что ли, в селении?

— Нет, пока да как бы не случился. Авары неподалеку, не сегодня, так завтра нагрянут.

— Ну и что?

Фракиец уставился на Светозара так, словно тот с неба свалился.

— Да ведь погибель наша идет.

Понимал, что лучше всего и безопаснее было бы стать на постой, но к кому проситься, если люди здесь сами себя боятся?

«Поеду, пока едется. Может, впереди более доверчивые попадутся», — понадеялся и двинулся вперед. А напрасно: почти сразу же, как выехал в поле, встретился с воинами при броне.

— Кто такой? — Они угрожающе обступили его. — Откуда идешь? Куда?

Понял: это они, обры. По одежде похожи на гуннов, волосы заплетены в две косы.

— Эскулап, — назвал он себя. — А иду в Анхиал, Томы. Люди изнемогают там от немощи, язв, звали прибыть и оказать помощь.

— Пойдешь с нами.

Это были разведчики кагана. Долго пришлось ему рыскать вместе с ними по околиям, но в конце концов привели его к кагану.

Снова выспрашивали: кто, откуда, видел ли где поблизости ромейские когорты, а если видел, то где? Он говорил, ничего не скрывая, да и скрывать нечего было. От самого Константинополя идет, а ни одного ромея не видел. Если в чем и слукавил, так это в том, что умолчал о себе, что он ант и идет за Дунай, в свою землю. Всетаки столько уже наслышался об обрах, об их коварстве и хитрости, что предпочел не испытывать судьбу. Однако, кто знает, что было бы для него лучше? Каган, услышав, что пленный может лечить людей, не стал больше ни о чем слушать.

— Вчера ранен терхан одной из лучших моих тури. Поди и исцели его. Пока этого не сделаешь, дальше не пойдешь. А не исцелишь, вообще не уйдешь отсюда.

Да, подумал Светозар, такому поперек лучше не говорить. К тому же, хоть он и изучал грамматику, философию, дидактику, право, он еще дал и клятву Гиппократа — везде, всегда и любому оказывать врачебную помощь. В тягостном настроении ушел он от кагана. Но как посмотрел, сколько раненых у кагана, как умирают они от ран — забыл на время обо всем, даже о Тиверя. Повелел, чтобы ему принесли чистую одежду и штуку полотна, чтоб поставили на костры казаны и кипятили воду, да и взялся за дело. Осмотрел сперва терхана, так израненного, что можно было только удивляться, как еще держится в нем жизнь, потом и других. Промывал раны, накладывал повязки, резал и зашивал, останавливал кровь и попутно ругал обров, помогавших ему, чтобы поворачивались побыстрей, подавая то одно, то другое. Он настолько удивил их своим умением, что кто-то из обров с восторгом рассказал обо всем кагану, и тот проявил великую милость, оставив великоханский шатер, чтобы прийти и взглянуть, как врачует ромей раненых.

Когда же наконец эскулап пришел к нему и напомнил, что он выполнил волю предводителя — жизнь терхана, как и всех раненых, что с ним, вне опасности, — Баян, поглядев на Светоазара, изрек:

— Ты нужен нам, молодец. Оставайся у нас.

— Но меня ждут, — поспешил возразить Светозар и осекся, чтобы не сказать лишнего.

Каган не придал значения его словам.

— Подождут, — сказал. — Идет сеча, такие, как ты, должны быть возле раненых. Тем более что ты только

начал поднимать их на ноги. До того, как поставишь, еще далеко.

И Светозару пришлось остаться. Подневольным он себя не чувствовал, но все же что ни день, то больше убеждался: надо бежать! Тех, кто помогает ему выхаживать раненых, не так и много — он сумеет отвлечь их внимание и уйти, чтоб они не сразу хватились его. Но бежать надо не раньше, чем раненые встанут на ноги. Тогда он и не особенно нужен будет обрам.

Это была еще одна его ошибка, едва ли не самая пагубная. Он убежал, казалось, в самый неподходящий момент, какой только можно было выбрать, — когда ромеи погнали обров из-под Адрианополя, и снова попался в руки аваров. Но, увы, они уже не знали, как дорожил им, эскулапом, каган, и бросили в одну кучу с теми пленными, которых нахватали, когда громили Каста и грабили города, отходя из Фракии.

С ними он перешел Дунай. Гонимые ромеями аварские турмы переправлялись следом за пленными. Не раз порывался Светозар сказать: «Я не легионер, я эскулап». Но его никто не слушал. Гнали в одном стаде с остальными по долинам Паннонии. Какие тут могли быть просьбы, какие ответы? Разве что наградить кнутом, если сильно надоедал.

Не раз вспоминал мать. Знал, что в это лето она ждала его возвращения. А не придет — будет рвать на себе волосы, жалея, что отпустила когда-то в чужую землю да еще и других уговаривала: «Пусть идет, пусть попробует добиться того, чего хочет».

Сколько месил ногами щедро политую весенними дождями Паннонию, столько и думал: как убежать? Днем и пробовать нечего. Если не конем, так стрелой, а догонят; на ночь же пленных вязали десятками и оставляли спать где придется, лишь бы не убежали.

А бежать было край как надо. Пленные иной раз уже не могли подняться после ночевки на ноги, а то и падали на ходу, падали и уже не вставали. Их пока было немного таких, но с каждым днем их становилось больше. Люди изнемогали в основном от грязи и нечистот, которые были повсюду — на немытых седмицами руках, на брошенной под ноги, словно псам, еде, в водоемах, из которых пленным приходилось утолять жажду.

— Вы не доведете нас до ханского стойбища, — заметил Светозар одному из предводителей турмы, которая

охраняла пленных. — Если и дальше будете так кормить и поить, как до сих пор, наверняка не доведете. Начался мор.

— Откуда знаешь? — прислушался обрин.

— Я гиппократик, эскулап. Учился в Константинополе, потому и знаю: это мор. Если он охватит пленных, то не пощадит и вас, воинов кагана.

Обрин смерил его пытливым взглядом.

— В самом деле эскулап?

— Да.

— А что, по-твоему, делать?

— Отобрать и вести отдельно всех, кто болен, а еще лучше оставить их в каком-то из паннонских селений до выздоровления. Остальным надо давать вареную пищу и кипяченую воду.

— Хм, — обрин злорадно усмехнулся. — Чего захотел — вареной пищи. Мы себе-то не варим ничего. А вот отобрать занемогших... Может, это и дело.

Он огрел коня и умчался, но на первом же привале позвал Светозара и сказал:

— Тут задержимся. Будем отбирать больных. Ты, как эскулап, пойдешь дальше с ними.

Снова напасть. Из одной было выскочил, так в другую попал. Это же придется ухаживать за всеми немощными, смотреть, чтоб дотянули до ханского стойбища. А как смотреть, как заботиться о них, если под руками нет ничего для этого? Только и может, что совет дать: там не пейте, это не ешьте. Пока сам не подхватит какую-нибудь хворь. А если это мор, то так и будет.

Но на другой день думал уже иначе. Раз его оставили с больными, то теперь легче найти подходящий случай, чтобы бежать.

Помогая пленным, он приглядывался к обрам: где они, за кем следят и следят ли. Не заметил, чтобы за ним следили особо. А ночью несколько совсем обессилевших пленных позвали Светозара: «Спаси, молодец. Дальше нет сил идти».

Ему бы сказать, что нет у него никаких лекарств, что вся надежда у них только на самих себя, но язык не повернулся произнести такое. Успокоил их как мог. Пообещал пойти к людям, поспрашивать, нет ли поблизости трав, которыми можно одолеть язвенницу. В селении, возле которого расположился табор пленных, он спросил

одного из склавинов, шедшего с водой от криницы: не знает ли он такую траву — конский щавель.

— Знаю, — не задумываясь, кивнул тот.

— А он есть где-нибудь поблизости?

— Да около дороги есть и в ярах тоже.

И опять ему стало не до побега. Дождался рассвета и пошел к предводителю охраны просить, чтобы задержался на день: надо набрать трав, которыми можно лечить больных. Иначе мор свалит их всех.

Обрам не терпелось идти дальше. Однако и угроза мора пугала. Помявшись, они позволили-таки эскулапу пойти в поле. Набрав трав, он, думали обры, будет лечить больных и в дороге.

Те из пленных, что просили его ночью о помощи, возвращения Светозара уже не дождались — умерли. Зато другим, кого болезнь еще не свалила окончательно, отвар из конского щавеля спас жизнь. Светозар набрал его с запасом, едва ли не полный воз. Заставляя пить горькое зелье едва ли не всех подряд, он радовался, видя, как день ото дня к людям возвращается сила, а с ней и уверенность, что жизнь продолжается, не все еще кончено и, может быть, они как-нибудь выкарабкаются из своих бед.

Прошло еще несколько дней, и пленные наконец дотащились к назначенному им месту — глубокому оврагу на паннонском берегу Дуная, где расположился общий табор. Тут только они узнали, что мор выкосил немало пленных, да и аваров, в том обозе, что шел впереди них. Узнал об этом и каган — гонец помчался к нему сразу, едва обоз достиг переправы.

— Беда, Ясноликий, — гонец упал в ноги кагану.— Турмы твои одолевает мор!

Баян застыл как изваяние. Ни один мускул не дрогнул на его лице, только холодно блеснули и сузились глаза.

— Где они?

— Возле Сингидуна, по ту сторону Дуная. Терханы спрашивают, как быть: вести турмы и пленных через Дунай или ждать, пока успокоится язва?

— Что ты мне про язву да переправу? — вспыхнул наконец, вскакивая, Баян. — Что с турмами, что с моими сыновьями? Кого поразил мор, многие ли занедужили?

— Одни только начали болеть, достойный, а среди тех, кто слег, есть и твои сыновья.

— Кто?

Гонец не решался — говорить или нет? У кагана сыновей много. Если считать только от законных жен, так и то пальцев на руках и ногах не хватит. А есть же еще сыновья от наложниц. Но среди тех и других есть самые любимые сыновья кагана — его опора и надежда. Что, если среди семерых, которых забрал мор, будут и такие? Тогда от гнева Ясноликого ему едва ли удастся уйти живым.

— О мудрый и милостивейший среди милостивых, — нашелся, что сказать, гонец. — Пощади меня, непонимающего. В великом горе, спеша поведать тебе о нем, я не узнал, кого из сыновей твоих постигла смерть. А их семеро ушло от нас.

— Дандал, Икунимон живы?

— Эти живы. Дандала, Икунимона, брата Калегула видел. О других не знаю.

— О Небо! — Баян перешагнул через ползающего в ногах гонца и твердым шагом двинулся к выходу. Собирался сесть на коня и скакать к Сингидуну, на переправу, но раздумал и круто повернулся к верным.

— Скачите к переправе, — приказал им, — и точно узнайте, кого из сыновей моих скосил мор. Предводителям скажите: ни турм, ни пленных через Дунай не пускать. Пусть идут все в верховья Сава, переправятся там на наш берег и станут табором. Пока не убедятся, что мор погас, табора не оставлять. Слышали, что сказал?

— Слышали, предводитель.

Хоронили сыновей кагана недалеко от стольного стойбища, на высоком берегу Дуная, но матери и кровные из родов не оплакивали их. Таким было повеление кагана. Чтобы мор не перебросился на стойбище, умерших сыновей кагана доставили по Дунаю в небольших, наглухо закрытых бычьей шкурой, лодиях. Когда же захоронение закончилось, сопровождавшие их повернули в обратный путь. Лишь после этого к семи неприметным могилкам на возвышении дозволено было подойти конным турмам — тем, которые ходили в свое время с наследными сыновья-

ми кагана в походы и сечи. Каждый из воинов вел за собой в поводу оседланного, при полной броне, коня, и каждый шел с калансувой, полной земли. Сказав последнее «прощай», высыпали землю на одну из могилок и тихо, степенно отходили. Казалось, их печальному шествию не будет конца. Только поднимались и поднимались холмы над погребенными. Их стало видно сперва в стойбище, а потом и далеко окрест, насколько хватал глаз. И когда последний из воинов отдал дань уважения сыновьям кагана, только тогда позволено было подойти к могилкам и оплакать погребенных их близким — матерям, братьям, сестрам, всем, кто жил в стойбище кагана и так или иначе был причастен к его роду.

Плакал над свежими холмами и сам каган. Ссутулившийся, надломленный, подходил он к каждой могиле, бросал горсть земли, воздавая каждому, как воин воину, должное, и приговаривал, глотая слезы:

— Прости, сын. Прости и прощай! Дорого заплатят враги за твою смерть. Так дорого, что и тем, кто в утробе матери сейчас, не будет покоя на земле. Небом клянусь: не будет! Мы еще возьмем Константинополь. Мы еще погуляем на пожарищах из ромейских костей.

Можно было понять печаль и горе отца. Но нельзя было понять другого — как, после всего, что случилось на фракийских и мезийских долинах, можно мечтать о расплате? Ведь авары позорно бежали от ромеев! До расплаты ли теперь? Надо Небо молить, чтобы не случилось худшего. Если ромеи узнают, что от аварских турм почти ничего не осталось, они могут перейти Дунай. А если перейдут, грядет погибель, потоп разольется по их стойбищам и земле.

Каган, однако, не думал так. Отдав дань уважения умершим, он остался с женами справлять тризну по детям. День пили и оплакивали одну могилку, второй — другую, третий — третью. И так всю седмицу. Тяжелые раны бередили его душу, каган проклинал неудачи, постигшие его, великого воина, и, забыв обо всем, предавался утешениям и ласкам любимых жен, которые, впрочем, едва ли могли его утешить. Седмица шла за седмицей, и советники кагана тревожно зашептались: как быть, что делать? Никто из них не осмелился бы нарушить закон: когда каган с женами, никому не дозволено появляться ему на глаза. Ждать же тоже нельзя. Разведчики доложили, что ромеи не ушли восвояси, а стали лагерями

в ближних от Дуная городах и селениях и чего-то выжидают. Может, пока не решаются преследовать аваров из-за мора? Тогда не лучше ли аварам, пока ромеи боятся или раздумывают, попытаться замириться с ними?

— Надо звать кагана. Без него ничего не решим.

— Как звать, если не дозволено?

Советники опускали глаза.

— А погибели ждать дозволено? — поднялся Апсих. — Придется и это брать на себя, если среди вас нет мужей.

Советники не устыдились его слов, но, напротив, оживились все до единого.

— Иди, хакан-бег. Только тебе он и сможет простить такое вторжение.

Апсих подъехал к шатрам и позвал жену кагана по имени, попросил выйти к нему. Какое-то время никто не отзывался. Наконец она подала голос:

— Кто ты и чего тебе?

— Неужели не узнаешь? Апсих я, хакан-бег. Позови Ясноликого.

Снова молчание. Но уже не такое продолжительное.

— Зачем он тебе?

— Скажи, дело требует. Я не смел бы беспокоить его, но есть неотложная нужда. Надо решить, как быть с ромеями.

— Ясноликий сказал, чтобы убирался прочь, — послышался злорадный голос.

Теперь уже Апсих молчал, потому что в самом деле не знал, как ему быть.

— Я-то могу убраться, да Коментиол все еще стоит на Дунае. Верные люди говорят, что он-то не собирается убираться.

Вместо ответа из шатра вскоре вышел Баян.

— Это правда или ты шутишь со мной?

— Не было бы правдой, разве посмел бы я объявиться перед повелителем. Есть точные сведения: он потому пока не переходит Дунай, что боится мора. Надо бы воспользоваться этим и замириться с ромеями. Советники ждут тебя, предводитель. Приди и вразуми, как быть.

— Только не сегодня. Завтра.

Советоваться было о чем. С чем придут к ромеям? С тем же, что и раньше: чтобы платили субсидию? Как предлагать им это после того, как ромеи разбили их во Фракии?

— А если вернуть им пленных? — подал голос кто-то из советников.

— Как — вернуть?

— У нас их двадцать тысяч. До зимы их так и так надо куда-то сбыть, иначе перемрут. А куда мы их денем, если все работорговые рынки византийские? Вот и пойти с этим к императору: пусть платит половину или даже четверть цены и берет своих легионеров.

— Это может быть поводом для переговоров, но не причиной примирения. Ищите причину.

Искали день — и не нашли, искали второй — тоже. А на третий сами ромеи случились и подсказали. Пришло сольство от Коментиола с предложением возвратить им стратега Каста. Без него, мол, с Дуная не уйдут.

Советники явно обрадовались, но Баян сдвинул брови.

— Это как же — отдать? Без мира и согласия? Чтобы тот же Каст опять завтра повел ромейские легионы на аваров?

— Стратег Коментиол дает слово: уйдет с Дуная, если вернете Каста. Этим положим начало переговоров о мире и согласии.

Советники и глазами, и всем своим видом показывали Баяну, что надо соглашаться. Но каган уже закусил удила, ему было не до советников.

— Стратег Коментиол говорит одно, а император может сказать другое. Лучше, если мы обменяемся сольствами — и немедленно, а сольства уже договорятся, как быть с Кастом.

Ромейские нарочитые пытались убедить Баяна в своем, но кагана было не переубедить. Единственное, что пообещал он слам Коментиола, — Каст до подписания договора будет жить в тепле и достатке. А чтобы освобождение его ускорилось, пусть стратег Коментиол посодействует быстрому уложению договора между аварами и империей. Аварские слы выйдут в Константинополь со дня на день.

Когда ромеи ушли, советники решили, что на прежнего аварского сла в Константинополе Таргита полагаться не следует. Пусть видит император, что авары еще могут помериться силой с Византией.

Решили сказать императору, что они, авары, склонны жить с Византией в мире и согласии и быть ее стражами на Дунайских границах, однако лишь в том случае, если Византия наймет их как войско, а не будет держать за рабов, как до сих пор; если она, империя византийская, будет соблюдать договор с аварами и исправно платить им субсидии, а не уклоняться от уплаты, как было до сих пор. Если же речь пойдет о выкупе стратега Каста, сольство должно сказать императору: авары согласны возвратить Византии не только Каста, но и всех других пленных — и легионеров, и ромейских людей из городов и селений. Однако император должен знать: все, что взято воинами в сече, — добыто кровью и принадлежит воинам и их кровным. Каган не властен забрать добычу и вернуть императору. Разве только по выкупу. Если будет мир и согласие, выкуп будет всего в полцены. Если же ромеи станут упорствовать в этом, то, в конце концов, пленных можно сбыть еще дешевле.

Слы аварские вернулись из Константинополя довольно скоро, да привезли не так много. Император соглашался уложить с аварами договор на мир и согласие, однако за сторожевую службу на границах обещал платить не сто, а все те же восемьдесят тысяч солидов. За стратега Каста согласился дать столько, сколько просили, а остальных пленных отказался выкупать вообще.

— Даже за четверть цены. Покупают, сказал, рабов, а законы империи запрещают кому бы то ни было покупать или продавать граждан Византии. Если авары хотят взять за них солиды, пусть обращаются к родственникам пленных.

Это было как гром среди ясного неба. И кагана, и его советников такое решение императора совершенно обескуражило, на какое-то время они потеряли дар речи. Как же так?! Ведь уже сосчитано, сколько они получат за пленных! А теперь — подумать только — куш уплывает из рук. И потом, а что же им делать с пленными? По стойбищам, как рабов, их никто не возьмет — поражены язвой, а кормить двадцать тысяч ртов за красивые глаза... Кому это надо?

— Что же вы сказали императору?

— Сказали, что такой договор не подпишем. С пленными пусть себе, как знает, так и делает, а если еще двадцать тысяч солидов платить не станет, мира не будет и договор с Византией не подпишем.

Не часто нарушает каган обычаи, идущие еще от дедов-прадедов. А на этот раз нарушил. Не усидел, вышел перед слами и сказал:

— Хвалю за мудрость, слы мои. И за мужество тоже.

Пусть знают ромеи: мы не боимся их. — Повернулся к советникам и продолжил, обращаясь ко всем: — Это не беда, что мы оступились перед ними во Фракии, что наши турмы понесли там ощутимые потери. Род аварский — плодовитый род. На место тех, что пали в сражениях, придут другие, моложе и сильнее, чем их братья и отцы. Перенятая слава — еще не перенятая победа. Мы еще померимся силой с ромеями.

Не очень надеялись советники, что померятся еще силой с ромеями, тем более теперь, когда турмы их поредели да и предводитель их постарел, годы уже выбелили всю голову, но услышали его суровый, уверенный голос — и воспряли духом: так будет! Перенята слава — еще не перенята победа!

Все, казалось, радовались мудрости и мужеству кагана, только Апсих был угрюм и обеспокоен чем-то. Когда каган обратил на него внимание, он сказал:

— Чтобы перенять у супостата победу, надо сперва очиститься.

Он сказал это тихо, сдержанно, но услышали его все.

— От чего?

— Хотя бы и от скверны, что принесли с собой из Фракии.

— Может, хакан-бег скажет яснее?

— Можно и яснее. Что будем делать теперь с недобитками императора — пленными? Мор, занесенный ими, набирает силу. Он много людей заберет, а дело-то к зиме.

Каган долго и пристально посмотрел на Апсиха.

— Хакан-бег не знает, что делать? — чуть усмехнулся он. — Вывести в поле и перебить всех до одного.

Советники изумленно смотрели на своего предводителя и молчали. Даже у них, видавших виды, это не укладывалось в голове.

— Все двадцать тысяч?

— Сколько есть! Императору не жаль, четверть цены поскупился дать, а у вас что, рука дрогнет?

— Их же двадцать тысяч, Ясноликий!

— Другого ничего не остается. По стойбищам таких не пошлете, на рынках тоже не продадите. Мор есть мор. Надо положить ему конец, и выход один: убить пленных. А чтобы это не кололо сильно глаза, отбирайте их по сотне или тысяче, выводите в поле и напускайте на каждую тысячу новую турму, хорошо бы из самых молодых воинов. Пусть учатся мужскому делу и закаляют сердца для грядущих сеч.

XXIII

Наступала поздняя осень. Чаще и чаще замолаживалось небо, моросило, и Светозар с каждым днем все больше убеждался: он бессилен управиться со всеми людьми, тем более спасти их всех. Хорошо еще, что среди пленных нашлось немало таких, кто согласился помогать ему, — собирали травы, варили отвар, свежевали коней, выделенных обрами для кормежки, и следили, чтобы все, что идет в пищу, было по возможности чистым. Но все эти старания лишь сдерживали наступление мора, побороть же не могли.

— Надо что-то делать, — обратился Светозар к обрам в надежде, что они видят, какая грядет беда, не останутся равнодушными. Но обры не спешили. Одни отмалчивались, другие похлопывали его по плечу, отшучивались: «Отвар, отвар! Давай свое зелье». Но скоро он надоел им своими напоминаниями, и они словно озверели.

— Пошел вон! Каган думает, каган знает, что делать.

— Почему же не делает? Не к лету, к зиме дело идет.

Его стегали нагайкой, приговаривая:

— Пошел вон! Придет время — сделает.

А время шло, дожди лили все чаще и чаще, и надежды на кагана становилось все меньше и меньше. «Может, мне самому к кагану обратиться? — пришла однажды мысль и уже не отпускала Светозара. — А почему бы и нет? Я княжич. Скажу охранникам, кто я и что желаю видеться с каганом, чтобы просить его уведомить Антию, где я. Родные не поскупятся, хорошо заплатят ему за меня. Это-то кагану наверняка передадут. А уж как увижусь с ним, скажу и про пленных: надо что-то делать, иначе погибнут все».

А время шло, дожди лили все чаще и чаще, и надежды — спасение несчастных. К тому же по табору прошел слух, что император выкупил стратега Каста, а Каст, уезжая в Константинополь, будто бы пообещал своим легионам, что в Константинополе сразу пойдет к императору и договорится, чтобы тот выкупил всех остальных. Каган продает их за четверть цены — это не такой уж большой убыток для казны, чтобы сомневаться или скупиться.

«Каган любит золото, — думал Светозар. — Если ска-

жу, что я княжич из Тивери, он ухватится за это, пошлет гонцов к брату. А пока то да се, упрошу кагана дать пленным кровлю, в тепле, может, и справимся с мором».

Выбрав удобный момент, он напросился, чтобы его пропустили на важный разговор с терханом одной из турм, только что прибывшей на помощь страже.

— Ты в самом деле эскулап? — спросил тот Светозара. Это был молодой, почти одних лет со Светозаром, терхан.

— Да.

— Среди пленных много больных язвой?

— Чуть ли не каждый десятый. У меня к тебе челобитная.

— Потом...

— Она касается меня лично, однако и этих несчастных так же. Я не только эскулап, который учился высшим наукам в Константинополе. Я — княжич из Тивери, из Антской земли.

— Вот как?

— Да. Я хотел бы увидеться с каганом, тем более что мы виделись с ним под Чурулом, и спросить, чтобы послал гонцов своих и уведомил князя Тивери, что я здесь. Он получит за меня хороший выкуп.

— Сейчас не до этого. Иди и отбери самых слабых, кого надо лечить под крышей.

Светозар просветлел лицом:

— Каган заботится о пленных?

— Прежде всего пораженных язвой. Их наберется тысяча?

— Достойный, их и две наберется уже.

— Так отбери первую тысячу. За другими придут после.

Светозар метался между больными, поднимая их, уже почти мертвых: «Вставайте, вставайте! Вас поведут в жилище, в тепло. Каган знает о вашей беде, заботится о вас».

Когда набрал тысячу и вывел из оврага, какое-то сомнение шевельнулось в нем, он спросил терхана:

— Может, и мне с ними пойти?

— Нет, — резко возразил тот. — Здесь людей больше, оставайся и ты.

В самом деле, хотя с обрами ушли те, кто едва переставлял ноги, оставшимся здесь, в таборе, было не легче.

И не только потому, что и они не могли похвалиться своим здоровьем. Светозар понимал, когда дело дойдет до очередной тысячи, каждому захочется уйти первым. Ведь с теплом была связана теперь едва ли не единственная надежда на жизнь. Начнется смута — кто тогда удержит людей? Стратеги? Но обры держат их отдельно, видно, надеются на выкуп. А надо, чтобы кто-то следил за порядком. Одного его, Светозара, на всех не хватит. Придется поговорить с терханом, чтобы во главе каждой тысячи поставили центуриона, который хотя бы проследит за порядком при расселении пленных по жилищам.

Очередь следующей тысячи наступила вскоре, но пришла за ней новая турма, во главе которой был уже другой терхан и другие речи были у него. Никто уже не спрашивал, есть ли больные. Приказали выставить тысячу — и повели. А через некоторое время с той стороны, куда увели ромейскую тысячу, прискакал на взмыленном коне один из пленных, — видно, он выбросил из седла какого-то зазевавшегося обрина, и крикнул с крутопади:

— Не верьте аварам! Они сказали, что ведут нас в Сингидун, а вывели в поле и вырезали всех до ноги!

Его заметила стража и кинулась к нему, но всадник, выкрикнув слова страшной правды, стремительно исчез. Все, кто слышал его, не знали, что делать. Верить не хотелось, но и не верить было нельзя. В такие минуты правду можно узнать не только по словам, но и по голосу. И каких еще доказательств надо искать или ждать, если сказано: «Не верьте аварам!» Разве их, пленных, надо убеждать в этом? Аварская нагайка их уже давно убедила во всем.

— Братья! Это похоже на правду! Не выйдем отсюда, если снова придут за нами!

Многотысячная толпа забурлила, закипела. Люди кидались от одного к другому, искали друг у друга совета и не находили. Растерянность и отчаяние сеяли страх.

— Не поддавайтесь, когда будут брать! — кричали одни. — Будем держаться друг друга!

— А что высидим?

— Да, так нам и дадут сидеть. Смотреть на нас будут. А на что у них мечи и нагайки?..

— Надо послать нарочитых к кагану. Скажем страже: пока нарочитые не вернутся от кагана, никуда не пойдем!

— А кто нас послушает?

Это спросил Светозар. Он видел, он был уверен, что люди ищут спасительную мысль, хватаются за нее, как утопающий за соломину, но все, что они говорят, их не спасет.

Толпа утихла, но только на миг.

— А коли так, надо броситься всем на аваров и раздавить их!

— Вот это уже дело! Я тоже так думаю: если авары решили перебить нас, другого выхода нет и быть не может. Мы без брони, это правда, но нас много. Надо взять колья, исхитриться и одолеть стражу. Поляжет нас немало, это тоже правда, но не все.

— Дело говоришь, эскулап.

— Дело! Пойдем лавой на стражу. Их не так много. Пусть ляжет нас тысяча, зато остальные разбегутся по оврагам и дунайским зарослям — пусть ищут ветра в поле.

Возбужденная толпа вмиг разобрала наготовленные для костров поленья, удобные если не для нападения, то хотя бы для обороны. Авары, заметив это, сообразили, к чему идет: оседлали коней, приготовили броню и стали лавой.

Другого выхода из яра не было, только через них. Это не испугало пленных, да такая запруда и не могла сдержать их. Светозар шел впереди. Он остановился перед всадниками, стоявшими на пути.

— Что случилось, эскулап? Куда собрались?

— К тебе, предводитель.

— Что, все разом?

— Да. Желаем знать, до каких пор собираетесь держать нас в этой яме? Каган повелел вести нас в город, так ведите!

— Придет время, поведут.

— А почему не сейчас?

— О том другие знают, не мы.

— Терпение пленных кончилось. Ведите всех, кто здесь, в Сингидун.

— Сказано: поворачивайте обратно и ждите!

— Чего, смерти?

Терхан потянулся к мечу, хотел было пригрозить, но в этот миг случилось то, чего и Светозар не ожидал: кто-то из пленных выскочил из-за его спины и с маху огрел терхана палицей. Кто-то еще тут же выбросил предводителя из седла. На помощь своему терхану кинулись авары. Они подняли на дыбы коней и бросили их на толпу. Падали под копытами поверженные, но пленные словно не замечали этого. Кто защищался как мог, кто бил врага палицей, кто успевал дотянуться до стремени, а другой в это время, изловчившись схватить всадника за ногу, выдергивал его из седла. Напиравшая толпа с криком «Не верьте аварам!» давила все и вся. У них, обреченных па смерть, не было выбора. Они гибли от мечей, гибли под копытами коней, но, несмотря ни на что, наступали на аваров и, наконец, подмяли их под себя, а немногие оставшиеся вынуждены были отступить и открыть им дорогу.

Что было дальше, могли видеть только боги из под-

небесья. Но даже они были бессильны помешать им или что-то изменить в происходящем. Гудела от топота тысяч и тысяч ног земля, слышалось тяжелое, похожее на шум прибоя в бурную ночь, дыхание, время от времени раздавались выкрики сраженных насмерть или тяжело раненных людей. Никто не молил о пощаде, о помощи. Каждый думал лишь об одном — как убежать от погони, не попасть под стрелу или меч варвара-обрина. Подхлестываемые злобой и яростью, авары скакали обочь человеческого потока, страшась приблизиться и вступить в него, чтобы остановить, и только их стрелы настигали и поражали то одного, то другого ромея... Урон был пока невелик, и все же, подчиняясь какому-то неясному, может быть, инстинктивному велению, человеческий поток время от времени круто менял направление, откатывался назад, бурлил круговоротами, точно стремительная река, вдруг уперщаяся в крутой и скалистый берег. Проходил миг — и снова устремлялся вперед поток людей, влекомый отчаянием, страхом, надеждой на жизнь и свободу.

Где тут было оглядеться, подумать о помощи? Пока все знали только одно: спасение возможно, но возможно, если они будут держаться вместе. Они и держались сколько было сил. Главное сейчас заключалось в том, чтобы не споткнуться, не упасть, не отстать от толпы. Кто отважился на невозможное, тому не следует останавливаться на полпути. Да, их убивают, но их тысячи, всех не убьют, как бы ни старались, тем более что и до лощин, поросших бурьянами, не так уже и далеко. И бежать им не в гору, а вниз, — должны выдержать. И когда наконец дорога действительно ощутимо потекла в долину, — люди воспрянули духом. Прибавилось силы, радость засветилась в глазах. Не от этого ли не сразу заметили беглецы, что авары, сопровождавшие их всю дорогу подобно лютым псам, вдруг оказались впереди и погнали коней, отрезая пленных от лощин и оврагов. И это бы еще ничего, но вдали, обтекая беглецов, чтобы взять их в кольцо, показалась конная лава, видимо, еще одна аварская турма, посланная каганом для расправы над пленными.

— Братья! — заметив опасность, прокричал Светозар. — Поворачиваем направо, бежим к Дунаю! Теперь только он спасет нас!

Они видели, что спешившая на помощь охране турма уже приготовилась, конники дали шпоры коням и подняли их на дыбы, направляя на беглецов, спасение которых было так близко и которые все не верили, что им надо поворачивать и почти наверняка — под мечи и стрелы.

А турма тем временем обнажила мечи и лавой понеслась на них. Боже милостивый! Спаси и помилуй! Кроме Дуная и его пречистой воды, теперь и вправду не на что надеяться.

Кто-то упал, обессиленный страхом, кто-то перескакивает через него и бежит, куда глаза глядят, но спаянный отчаянною надеждой человеческий поток не распался. Гудит воздух, гудит земля от топота ног, но еще сильнее — гудит от ударов копыт, и небо дрожит в испуге и удивлении перед тем, что делается на земле. А кони уже настигли пленных, уже заработали всадники, не жалея сил и не зная пощады — слетали головы обреченных, падали они, как снопы, пронзенные сулицами. Лютости обров не было предела. Им доставляло неудобство и они особенно злились из-за того, что пленные бежали толпой, один к одному, и эта теснота не позволяла им гулять вольно: убив одного, приходилось выбирать другого, убив другого, выбирать третьего. И все — на лету, не останавливаясь, теша наполненное звериной яростью сердце.

— Обходите этот сброд с обеих сторон! — повелел один из аварских терханов. — Отрезать им путь к воде!

— Пусть ныряют, — ответил со смехом другой. — Дунай широк, посмотрим, переплывет ли его хоть один!..

— Они поражены мором, загадят реку! Повелеваю: прикончите их на берегу!

Прикончить так прикончить. Им ли, молодым да сильным, не управиться? Махали и махали мечами, разжигая в себе гнев и ярость. И все же, как ни старались, а преградить пленным путь к воде так и не смогли. Они валили их, словно траву в поле, но беглецы будто обезумели. Они ничего не замечали вокруг, ни на что не обращали внимание. Они напирали и напирали на всадников, оттесняя их от берега, и тут же кидались в воду.

Преследование давно превратилось в кровавую бойню. Где были и что делали в той бойне терханы и другие предводители, воины аварские не ведали. Ослепленные кровью, они не оглядывались и не смотрели по сторонам. И не было меры пролитой крови, которой обагрился Дунай. И ни один из обреченных не поднял рук, не попро-

сил о пощаде. Даже те из них, которые падали от ран, уже на последнем вздохе проклинали обров и всем видом своим, блеском угасающих глаз как бы говорили: «А все же всех нас вы так и не убили».

XXIV

Карпаты и восточные Альпы — испокон веку славянская земля. Как и предгорья, и долины, что лежат между Дунаем и горами. Они — их зеленый, родной дом, милое сердцу наследство дедов. Да, и богатое, и родное, и милое, но не очень привольное. Тесно народу в горах. Подгорья, правда, просторнее, долины и вовсе безграничные, богатые землей плодоносящей, но нет здесь жизни народу славянскому. О покое и помышлять нечего. Давно когда-то приходили сюда готы, опустошали поля, грабили народ, вынудив потесниться в горы; прошли гунны — и тоже перевернули все и грабили, а ограбленных потеснили еще дальше в горы. Теперь объявились обры. И так без конца. Битым шляхом народов нарекли их землю, край их любимый, и заставили наконец задуматься, а не время ли им вообще покинуть и горы, и подгорья, если не всем, то хотя бы молодым, которым нет здесь ни поля, ни раздолья, но у кого есть сила, значит, и надежда добыть себе другую землю, другую жизнь?

Может быть, и не появилась бы такая мысль, не созрело решение, если бы не грабители. Приходили на их землю и силой брали их детей в походы, на разбой к соседям. Пошли так раз, пошли два, да и привыкли. А привычка, как известно, вторая натура. Подпирала убогость, подпирал голод, потому и потакали сперва молодцам, пока не убедились, что ничего лучшего им не придумать, как пойти и сесть в задунайских землях всем своим родом. Край богатый, а ромеи пока другим заняты — воюют и в Африке и с персами, и Италию хотят прибрать к рукам.

Окончание на стр. 161

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» В ИРАКЕ

СПЕЦВЫПУСК

На снимках: мальчишки Багдада; в медресе идет урок ткачества; в лавках столицы Ирака недостатка в товарах нет.

Фото В. ЗЕНКОВА

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ТОВАРИЩ

Более полугода внимание всего мира приковано к Персидскому заливу. Нет такой газеты, журнала, не говоря уже о радио и телевидении, которые не сказали бы своего слова о конфликте между Ираком и Кувейтом. И тем не менее редакция «Молодой гвардии» получает немало писем, авторы которых считают, что советская пресса нередко однобоко освещает события в зоне Персидского залива, положение в Ираке, из публикаций нелегко нарисовать целостную картину.

В ноябре прошлого года несколько сотрудников «Молодой гвардии» побывали в Ираке. Сегодня мы публикуем их материалы. Разумеется, авторы не претендуют на всестороннюю объективность, но, думается, читатели найдут ответы на многие вопросы, о которых умалчивает как официальная, так и «независимая» пресса.

В БАГДАДЕ ВСЕ СПОКОЙНО

События, которые разворачиваются в Персидском заливе, пожалуй, интереснее и занимательнее, чем сюжеты «Тысячи и одной ночи». Какие неожиданные повороты совершают политики мира! То Джордж Буш угрожает под орех разделаться с Саддамом Хусейном, то тот же самый Буш предлагает министру иностранных дел Ирака Тарику Азизу прибыть в Вашингтон для личной встречи, а своего госсекретаря Джеймса Бейкера намерен направить в Багдад для встречи с Хусейном. Как в знаменитых арабских сказках, рассказанных находчивой Шахразадой царю Шахрияру, чаша жизни то резко падает вниз, то стремительно поднимается вверх, так и информация, поступающая с Ближнего Востока, то заставляет замереть сердце, то вызывает улыбку. Разве не с негодованием мы восприняли новости о том, что наши специалисты в Ираке находятся в ужасном положении? Но потом выяснилось, что это далеко от истины. А с каким чувством воспринимались новости из Ирака, которые позднее оказались недействительными? Именно таковы были утверждения чуть ли не всей мировой прессы относительно демонстраций, расстрелянных в Басре, ввода танковых подразделений в Багдад!

«НАМ БЫ ТАКУЮ БЛОКАДУ...»

Каждый, наверное, помнит, как собирался в дорогу один из героев «Тысячи и одной ночи» Синдбад-мореход. Отправляясь в очередное путешествие, он покупал себе прекрасные и роскошные

Остров Невест. Так встречали иностранцев в лагере мира и дружбы.

товары. Мы же, сотрудники «Молодой гвардии», приглашенные министерством информации и культуры Ирака и предупрежденные о строгом таможенном контроле как в Москве, так и в Багдаде, об эмбарго, за которое проголосовали почти все члены ООН, отправлялись в командировку в Ирак налегке. Да, собственно, это соответствовало и нашей цели — своими глазами увидеть, что происходит в блокадной стране.

Самолет Аэрофлота расстояние от Москвы до Багдада покрывает за четыре часа. Нам же дорога обошлась более чем в шесть часов. Не успел Ту-154 оторваться от взлетной полосы Шереметьева-2, как стюардесса на русском и английском языках объявила, что самолет делает промежуточную посадку в Анкаре. Как оказалось, эта вынужденная посадка в Турции вовсе не прихоть Аэрофлота, а требование страны — члена НАТО, которая бдительно следит за тем, чтобы неукоснительно выполнялись условия блокады Ирака. В аэропорту Анкары наш самолет тщательно осмотрели турецкие таможенники. И только после этого мы продолжили полет.

В Багдадском аэропорту наш самолет, едва остановившись у аэровокзала, был взят сразу же под охрану автоматчиками. А на таможенном контроле мы попали в объятия двух сотрудников министерства внутренних дел Ирака. Нам пояснили, что делается это для нашего же спокойствия, ведь страна на военном положении, мало ли что может быть.

И вот мы мчим на «тойотах» со скоростью не менее 160 километров в час по хорошо освещенной автостраде. По сторонам мелькают высокие пальмы. Теплый ветер врывается в кабину. В Москве было холодно, а здесь, в Багдаде, плюс 19! Машины перестраиваются в правый ряд, ныряют под виадук, потом поднимаются на другой, и мы оказываемся на небольшом острове, образованном Тигром. «Это остров Невест,— объясняет сопро-

вождающий.— Тут молодоженам на несколько дней предоставляется благоустроенный коттедж, и они проводят свой медовый месяц. Все расходы — за счет государства».

На следующий день мы, знакомясь с Багдадом, увидели торгующие магазины и лавки. Судя по прилавкам, в товарах недостатка нет. Сами иракцы утверждали, что такого выбора не было даже во время восьмилетней ирано-иракской войны. Непривычны были и цены. Нам казалось, что из-за блокады они должны резко подскочить. Однако ничего подобного не произошло.

Что и говорить, непривычное ощущение овладело нами. Как такое могло случиться, что в стране, посаженной, по сути дела, на паек всем мировым сообществом, есть практически все, а в нашей стране, где двери для каждого распахнуты настежь,— пустые прилавки, угроза голода? В то время, когда в Багдаде каждому выдавали по шесть килограммов в месяц муки, в Псковской области отпускали три буханки на человека по списку, да и то не всегда. В то время, когда в лавках Багдада в свободной продаже лежало сливочное масло, в той же Псковской области килограмм его доходил аж до 11 рублей, а килограмм мяса на московских рынках продавался за 30 рублей! «Эх, кабы нам такую блокаду!» — воскликнул один из наших знакомых в Москве, когда мы ему рассказали, что увидели.

В Ираке почти начисто отсутствует спекуляция. Поднимать цены на продукты выше оговоренных государство частнику не позволяет. За сокрытие товара предусматривается смертная казнь. Рассказывают, что в один из дней торговцы овощами, прежде всего помидорами, увеличили цены. Правительство тут же среагировало — определило цену не выше 500 филсов за килограмм помидоров. Торговцы в знак протеста вообще приостановили продажу. Последовала новая мера правительства — предупреждение о том, что частные лавки будут конфискованы. На следующий день прилавки ломились от овощей.

Фотография на память. Журналисты «Молодой гвардии» вместе с сотрудниками кафедры русского языка Багдадского университета

В государственных магазинах мы видели перечеркнутые старые ценники. Снижение цен коснулось многих промышленных товаров, в основном тех, которые были вывезены из Кувейта.

Чтобы избежать голода, руководство республики принимает неординарные меры. Повышены закупочные цены на сельхозпродукты. Неиспользуемые земли отдали феллахам. К маю ожидают на них первый урожай. Так что, убеждали нас хозяева, голод иракцам не грозит. Определенную стабильность придает система социальной защиты населения, особенно малоимущих. Продукты первой необходимости, цены на которые поднимать запрещено, находятся на дотации.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ

Основа благополучия Ирака — нефть. Страна экспортировала ее до кувейтского конфликта во многие страны мира. Были построены нефтепроводы к портам Средиземного моря и Персидского залива. Во время войны с Ираном нефтепровод, связывающий месторождения юга страны с нефтезаправочными причалами Персидского залива, не функционировал, нефть вывозилась через порты Средиземного моря, куда она доставлялась по нефтепроводам, проложенным по территории Турции, Ливана и Сирии. Но теперь и эта магистраль замерла.

Навстречу потоку нефти, вытекающему из Ирака, тек другой поток — валютный. Именно валютные поступления от реализации нефти давали возможность Ираку ускоренно развивать свою экономику, строить современные промышленные предприятия, благоустраивать города, повышать уровень жизни людей. В 70-е годы в стране быстрыми темпами строились новые заводы и фабрики, теплоэлектроцентрали, линии электропередачи, домостроительные комбинаты, школы, учебные центры, институты, музеи. Республика постепенно отказалась от завоза многих товаров иностранного производства. Она начала производить строительные материалы, химические удобрения, некоторые виды пластмасс, искусственное волокно, кожи. На валюту, полученную от продажи нефти, Ирак не только приобретал за рубежом необходимое оборудование, но и заимствовал технологию, нанимал квалифицированных специалистов. С помощью иностранных государств, в том числе Советского Союза, построены десятки промышленных объектов.

Ирак до кувейтского конфликта по запасам нефти входил в первую десятку государств. Открытые здесь в начале XX века месторождения резко обострили соперничество между Англией и Германией за обладание Двуречьем. Англия рассчитывала превратить этот район в топливную базу для своего быстрорастущего морского флота. О том же мечтала и Германия. Соперничеству положила конец первая мировая война. Англичане оккупировали юг Ирака — Кувейт, бывший тогда провинцией Османской империи — союзницы Германии, а затем превратили его в свою колонию. Само название «Эль-Кувейт» — так названа столица Кувейта — иракское и означает «Маленькое поселение».

В 1925 году англичане навязали Ираку соглашение сроком до 2000 года, согласно которому им предоставлялось монопольное право на разведку и

Памятник в честь победы в ирано-иракской войне. Слепки кистей сделаны с рук Саддама Хусейна.

добычу нефти практически на всей территории страны. 95 процентов акций принадлежало западноевропейским компаниям, которые стремились во что бы то ни стало сохранить монопольное положение. Связано это было с тем, что нефтяные месторождения Ирака характеризуются относительно поверхностным залеганием, средняя глубина скважин составляет около 800 метров, высокое внутрипластовое давление дает возможность обходиться без обводнения скважин и без откачки нефти: она поступает наверх самотеком. Себестоимость иракской нефти незначительна. Скажем, чтобы добыть баррель нефти (баррель — 159 литров) в США, надо вложить 3155 долларов, у нас в Западной Сибири и того больше, а в Ираке — около 70 долларов.

После свержения феодально-монархического строя и провозглашения 14 июля 1958 года республики были приняты меры по ограничению деятельности иностранных компаний в стране и защите интересов иракского народа. Сегодня Ирак — полновластный хозяин своих нефтеносных недр. Теперь вместе с 19-й провинцией, как именуют иракцы Кувейт, он обладает одной третью мировых запасов нефти.

Ирак с момента своего создания в 1921 году отказался признать отторгнутый Кувейт как государство. Все последующие иракские правительства требовали вернуть оторванную от страны часть. Такое требование поддерживало население Кувейта. По этому поводу в мае 1939 года в Кувейте даже произошло восстание, но эмир Сабах при поддержке англичан жестоко его подавил. Придя к власти в 1968 году, партия Арабского социалистического возрождения (БААС) тоже не признавала Кувейт государством. С вопросом о присоединении Кувейта Ирак не раз обращался в ООН, Лигу арабских государств. Но все безрезультатно. В последние годы шейх Кувейта Сабах бросил в тюрьмы сотни сочувствующих Ираку. Сам он присвоил огромное состояние. По одним данным — 60, по другим — 100 миллиардов долларов, которые держит в американских банках. У него более 50 жен. Он послушно проводил проамериканско-израильскую политику в регионе. На Западе заявлено о вкладах Кувейта в размере 220 миллиардов долларов в банки Европы и Америки. Семья Сабаха контролирует вчетверо большую сумму, чем валовой национальный продукт Сенегала, Кот-д'Ивуара и Камеруна, вместе взятых.

После войны с Ираном Ирак оказался в трудном экономическом положении — сократилась добыча нефти, прекратились валютные поступления, увеличился внешний долг. Но, несмотря на это, Ирак вышел из войны мощным в военном отношении. А вот это не очень-то пришлось по душе империалистам США, Англии, Израиля, которых не устраивает сильный арабский мир и уж тем более сильный и мощный Ирак. Им нужен раздробленный и слабый арабский мир, они хотели бы видеть сильным в этом регионе только Израиль.

Говоря иными словами, национальные интересы Ирака, который намеревался играть главную роль на Ближнем Востоке, сцементировать арабов, поднять арабский мир на уровень ведущих индустриально развитых держав, вошли в противоречие с интересами США, их союзников и сателлитов, каким, например, являлся Кувейт. Используя свое почти монопольное влияние на нефтяной рынок, США вместе с марионеточными режимами Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Кувейта начали проводить политику экономического удушения Ирака. Резко повысилась добыча нефти в этих странах, а цены на нее были сбиты с 28 долларов до 11, а затем и до 6 за баррель. Ирак моментально стал недосчитывать миллиардов, на которые он уже спланировал расходы. Иракцы попытались убедить арабов отказаться от такой политики, нарисовали ее губительные последствия. Однако это был глас вопиющего в пустыне. А Кувейт после этого не предупреждая, без всяких объяснений, перенес свои пограничные посты на 70 километров в глубь иракской территории. Этот шаг в Багдаде расценили как удар в спину. К этому времени в Ираке располагали данными о планировании США и Кувейтом военного заговора против него. Ускоренно вооружалась Саудовская Аравия. Еще за месяц до нападения Ирака на Кувейт она подписала с США контракт на закупку военной техники на 3,1 миллиарда долларов. В него вошли 315 современных танков M1-A2, 30 танковых тягачей, 175 специальных грузовых автомобилей, бронетранспортеры. Чуть позже было подписано еще одно соглашение о поставке оружия на четыре миллиарда долларов. Это соглашение также заключалось до конфликта.

— 2 августа кувейтская революционная молодежь подняла восстание и свергла эмира Сабаха, — говорил нам министр информации и культуры Ирака Л. Джасем. — Но, учитывая близость кораблей США, революционеры обратились за помощью к Ираку, а затем попросили объединиться с нами. Мы согласились на такой шаг. Так была восстановлена историческая справедливость. Ведь Кувейт — это отторженная провинция Ирака.

Министр развернул лежащую на столе карту времен Османской империи.

— Вот, посмотрите, — сказал он, — на карте нет такого государства. Есть Кувейт — часть Ирака, в то время часть Османской империи.

Из иракской печати мы узнали, что режимы Кувейта и Саудовской Аравии — это маленькие агенты сионизма в арабском мире, что в Саудовской Аравии наряду с американскими, английскими, сирийскими, египетскими войсками находятся и израильские. Они только поменяли цвет и опознавательные знаки на военной технике.

Ирак бросил вызов США и их господству на Ближнем Востоке. Саддам Хусейн призвал арабов к единству в борьбе за независимость, против закулисной игры за спиной палестинцев, чья жизнь практически проходит под дулами автоматов израильтян. Он связал решение проблем Персидского залива с уходом израильтян из оккупированных земель Палестины.

Как вторжение Ирака в нефтяную империю США расценили интервенцию в Кувейт сами палестинцы. Об этом, в частности, заявил член Исполкома Организации освобождения Палестины Ф. Каддуми. Судя по его словам, арабские массы настроены против США.

— Американцы обратились в ООН, где обладают мощным влиянием, и добились резолюции о выводе наших войск из Кувейта,— говорил нам председатель Комитета дружбы, мира и солидарности Ирака А. Сальман.— Американцы кричат о правах человека. Но есть ли у них такое право? Нет! Как они даже об этом могут заикаться после Кореи, Вьетнама, Никарагуа, Гренады, Панамы? И в то же время древний народ Палестины живет под прицелом автоматов. 23 года назад Израиль захватил территорию четырех арабских государств, игнорирует 80 резолюций ООН о возврате этих земель, и никто не ввел за эти годы войска, чтобы принудить Израиль покинуть оккупированные территории. Почему?

Сегодня многие международные деятели считают, что выход из персидского кризиса возможен через решение ближневосточной проблемы в целом, то есть и решение арабо-израильского конфликта. К такому пониманию бесспорно подтолкнул Ирак.

НАШИ В МЕЖДУРЕЧЬЕ

В Вавилоне говорили по-русски! Несколько человек толпились у знаменитых Иштарских ворот и разглядывали на них рельефное изображение дракона. Они-то и разговаривали по-русски.

— Иштар была, кажется, богиней любви и войны? — спросил один.

— Кажется,— отвечал другой.— Это ж надо, Вавилону уже более четырех тысяч лет!

Оказывается, небольшая группа наших специалистов, работающих по контракту в Дивании, на юге Ирака, приехала на экскурсию в Вавилон. Контракт в Дивании — один из самых первых, который заключен между нашей страной и Ираком. Сейчас наши специалисты восстанавливают участки трубопроводов, срок эксплуатации которых истек. Все они много лет проработали до этого кто в Сибири, кто в Казахстане на прокладке газо- и нефтепроводов. Рассказывая о своей работе, о житье-бытье в Ираке, они ни на что не жаловались. Техника работает, оборудование есть. Правда, жить стало грустнее, когда домой уехали жены. Средний заработок — 400—500 долларов. Хотя контрактом оговорена зарплата не менее двух тысяч долларов. Ведь условия работы, несмотря на юг, здесь не сахар. Несколько месяцев в году температура достигает 40—50 градусов в тени. А какая тень на обустройстве газопровода! С октября жалованье наших специалистов увеличили на 20 процентов. Эту надбавку сразу же окрестили «гробовой». Странно, рассуждали мы, почему ее ввели с октября, а не со 2 августа, когда возникла опасность для жизни? Узнали мы, что выходцы из развивающихся стран, выполняя черновую работу, например, подметая улицы, получают ничуть не меньше наших высококвалифицированных специалистов.

— Тревожно ли сейчас работать в Ираке?

— Мы не ощущаем никакой опасности,— сказал водитель А. Попов.— Иракцы к нам относятся приветливо. В наших взаимоотношениях ничего не изменилось. Любую нашу просьбу исполняют быстро. Единственное, что беспокоит,— это новости, поступающие из Союза. По спутниковой связи мы принимаем радио- и телепередачи. Получаем газеты. Сколько всего говорится об Ираке! Неужели некоторые наши журналисты и комментаторы не задумываются о последствиях своих слов и выводов, о том, как это отзовется на нас? Мы приехали сюда не развлекаться, а работать.

Начальник строительства теплоэлектростанции «Юсифия» И. Волков.

До конфликта в Ираке трудилось около пяти тысяч человек. Намечалось, что к концу года их количество увеличится до восьми тысяч. Но сейчас, когда пишутся эти строки, в Ираке осталось чуть больше трех тысяч человек. Это значит, что наша страна вместо прибыли понесет убытки.

Советско-иракское сотрудничество активно развивалось на благо не только иракской экономике, которая была сильно подорвана длительной войной с Ираном, но и нашей. Треть всех валютных поступлений мы получали именно из Ирака. По объему товарооборота с нашей страной среди развивающихся стран Ирак вышел на второе место после Индии. Общий объем обязательств СССР по подписанным с Ираком соглашениям и контрактам по линии экономического и технического сотрудничества в год составлял не менее четырех миллиардов инвалютных рублей. Ежегодно мы получали от него 1,6—1,7 миллиарда долларов. Причем Ирак регулярно погашал свою задолженность. Только в 1989 году он поставил в нашу страну 12,2 миллиона тонн нефти на сумму 1,574 миллиона долларов и выплатил 50 миллионов долларов наличными. Иракскую нефть мы поставляли в Индию, Румынию, Болгарию.

Иракская экономика очень сильно была ориентирована на нашу. В феврале прошлого года на четвертой встрече государств — членов Совета арабского сотрудничества Саддам Хусейн призвал всех бизнесменов арабского мира переориентировать свои инвестиции в СССР и страны Восточной Европы, перепугав бизнесменов Запада.

Озабоченность и тревогу по поводу наших экономических потерь мы особенно почувствовали на строительстве теплоэлектростанции «Юсифия», которая возводится в восьмидесяти километрах от Багдада на реке Евфрат. Запланированная мощность ТЭС 1260 мегаватт. Она будет самая большая в Ираке.

— Это — один из наших выгодных контрактов в Ираке,— сказал нам начальник строительства И. Волков, который в последнее время работал в Новосибирске.— Половину денег за стройку мы

получим в свободно конвертируемой валюте. Весь объект оценен в один миллиард долларов. Первый блок намечено пустить в апреле 1992 года, потом через пять месяцев — второй, через столько же — третий. И так далее. Всего шесть блоков. Но полной уверенности, что все будет так, как запланировано, нет. Потому что не хватает не только рабочих рук, но и оборудования, завозимого из СССР. До введения эмбарго оборудование и строительные материалы, механизмы и жилье для специалистов приходили с большим опозданием. Грузы шли через иорданский порт Акаба, хотя уже тогда Морфлот мог бы разгружать их в иракском порту, что было бы значительно дешевле и быстрее. При эмбарго все поставки приостановились.

Здесь, как и в Дивании, после отъезда жен в Союз, наступила скука. Не все выдержали ее, некоторые стали прибегать к спиртному. Начались даже драки. Одна закончилась печально — в ход был пущен нож, пострадал человек.

В начале декабря было принято решение разрешить выезд из Ирака всем желающим. Уедут наши специалисты или нет? Наверное, уехать не проблема. Но разумно ли так поступать? Дальновидно? Видимо, прежде чем принять решение об окончательном расторжении контрактов, надо все тщательно взвесить. Но при этом надо помнить, что безопасность наших людей, работающих в Междуречье, главное. А потому надо сделать все возможное, чтобы конфликт в Персидском заливе разрешился мирным путем.

ОРУЖИЕ НЕ ТОЛЬКО СОВЕТСКОЕ

Все мы стали свидетелями того, как в советской печати была развернута кампания по обличению наших военных специалистов, которые по контрактам находятся в Ираке, чуть ли не в пособничестве агрессору. Знакомясь с публикациями, возникало ощущение, что именно Советский Союз вскормил и взрастил армию Ирака, до зубов вооружив ее автоматами, пулеметами, танками, самолетами, ракетами...

Что и говорить, в Ираке немало нашего оружия, но, кроме него, есть американское, французское, бразильское, китайское.

На Ближнем Востоке вооружается не только Ирак. Мы уже упоминали выше о вооружении Саудовской Аравии. То же самое делал Кувейт. Постоянно насыщает оружием свою армию Израиль. Вооружаются Сирия, Южный Йемен, Эфиопия. Так что прежде чем обвинять нашу страну в каких-то неблаговидных делах, надо в них скрупулезно разобраться. То же самое произошло и с нашими военными специалистами. Некоторые газеты и журналы договорились до того, что будто бы наши генералы разработали и осуществили операцию по захвату Кувейта!

Так случилось, что мы были не первыми, кто уже встречался с нашими военными специалистами в Ираке, а также с военным атташе В. Пацалюком. До нас это уже сделали корреспонденты «Известий» и «Комсомольской правды». И тем не менее и руководитель группы советских военных специалистов генерал-майор Анатолий Банников, и военный атташе Виктор Пацалюк нашли время для встречи.

— До конфликта в Ираке было 216 наших специалистов. Вместе с женами и детьми — 400, — рассказывал А. Банников. — Сейчас

осталось 93 и еще 38 переводчиков. Ведь многие специалисты по-арабски не разговаривают. Имейте в виду, здесь работают не только военные специалисты, а и гражданские лица, те, кто хорошо знает военную технику, кто принимал участие в ее изготовлении. И еще запомните, мы никогда не были советниками, как представляют нас некоторые средства массовой информации. Никто из иракцев с нами никогда не советовался, как им поступать. Мы не вмешиваемся ни в мобилизационные планы, ни в оперативные, ни в организацию и проведение занятий по боевой подготовке с личным составом. В чем наша задача? Оказывать помощь в освоении и эксплуатации поставленной по межправительственным договорам военной техники, обучать курсантов военных колледжей тем или иным дисциплинам.

Во время нашего пребывания в Ираке оставались специалисты по ремонту и эксплуатации бронетанковой техники, средств противовоздушной обороны, знатоки полигонного оборудования, специалисты по авиационному оборудованию, преподаватели военных колледжей, курсов, контракты которых заканчиваются в конце 1990 года или в новом году.

Изменилось ли отношение иракцев к нашим военным специалистам после того, как в сообщениях западных информационных агентств промелькнула мысль, что будто бы Советский Союз предоставит американцам полную информацию о военном потенциале Ирака? Ухудшилась ли жизнь наших военных, когда Иракское информационное агентство ИНА выступило с заявлением, которое было опубликовано во всех газетах, неоднократно передано по радио и телевидению, в котором, в частности, говорилось, что если Советский Союз предоставит США требуемую информацию, то иракцы будут вынуждены предпринять действия, которых требует их национальная безопасность? Иракская сторона намеревалась прекратить эвакуацию советских граждан, которые посвящены в военные тайны, знают о вооружении, его поставках и военной промышленности Ирака.

— Нет, мы не почувствовали каких-либо изменений, — сказал А. Банников. — Нам по-прежнему доверяют. Наши специалисты, если это необходимо, могут выехать в любую войсковую часть. Только надо соблюсти установленный порядок: подать заявку в министерство обороны Ирака не позднее, чем за неделю. Я вот, например, завтра уезжаю в командировку.

— Куда? — поинтересовались мы.

— А вот на этот вопрос я ответа вам дать не могу.

АРАБСКИЕ МОТИВЫ

В чужой стране хочется знать все: как одеваются и что едят, какие поют песни и как отдыхают, что смотрят по телевизору и какие отмечают праздники... Конечно же, за несколько дней полное впечатление о стране, людях, обычаях получить непросто, но заметить некоторые детали можно.

В Багдаде сразу же бросается в глаза полное отсутствие на улицах женщин. Если днем еще можно увидеть одну-две женские фигуры в черном, спешащие по своим делам, то вечером, особенно в многолюдных местах, это исключено. Не видели мы женщин и за прилавками магазинов. Иракские женщины либо заняты домаш-

Светлана Аль-Варда и Лемья Назад Абдуль-Джабар — ассистентки кафедры русского языка Багдадского университета.

Одна из многочисленных мечетей столицы Ирака.

ним хозяйством, воспитывают детей (иракские семьи, как правило, большие), либо трудятся в народном хозяйстве, но на легких работах. Не видели мы и пьяных. Преступность в Ираке практически отсутствует.

Мечта каждого иракца иметь свой дом, который является символом семьи, домашнего очага, морального и материального благополучия. На первый взгляд большинство домов здесь однотипны. Это в основном одно- и двухэтажные строения под плоскими крышами и с небольшими участками земли. Но при более пристальном рассмотрении обнаруживаешь, что каждый дом построен по индивидуальному архитектурному проекту. Это несколько напоминает наши старинные русские деревни, где каждая изба была оригинальная, по-своему украшалась резными наличниками, рубилась либо углом, либо лапой. Всем воинам, пришедшим с ирано-иракской войны, правительство выделило сумму в размере восьми тысяч динаров на строительство своего дома. Так были оценены заслуги каждого перед родиной.

В Ираке, как и у нас, бесплатное образование. Оценки в школе выставляют по стобалльной системе. Учеба продолжается 12 лет. Мы побывали в одной из школ Багдада. Здесь нет привычных нам парт и столов. Дети сидят за малюсенькими приставками, на которые можно положить книгу, тетрадь. От этого в классах просторно и свободно. В школах приучают детей к различным ремеслам. С 10 лет они обучаются гончарному искусству, чеканке, ткацкому мастерству. В медресе мы увидели гончарные круги, ткацкие станки. В Ираке нет детских домов, редки разводы.

В Багдадском университете заведующий кафедрой русского языка доктор Адхам спросил нас:

— Не желаете остаться преподавателями русского языка?

Мы, переглянувшись, улыбнулись.

— А почему вы улыбаетесь? — продолжал Адхам.— У нас сейчас возникли трудности с преподавателями русского языка. Если есть желание, пожалуйста, заключайте контракт.

Мы сами не решились на такой шаг, но обещали, что о просьбе доктора Адхама сообщим в журнале...

Сам Адхам обучался в Московском университете. Женился на русской. Теща живет во Владимире. У него двое детей. Каждое лето они приезжают к бабушке.

— Можно сказать,— говорил Адхам,— связь с Советским Союзом у нашей семьи крепкая. Теща каждый месяц присылает газеты, журналы. Кое-что выписываем сами. Но на 1991 год подписка на все без исключения издания очень подорожала, почти в два раза. Например, чтобы выписать «Молодую гвардию», надо более 30 динаров.

В этом году на четырех курсах — обучение в университете четыре года — русский язык изучают 418 студентов. 70 процентов из них — юноши. Выпускники университета работают переводчиками, в министерстве иностранных дел, в министерстве внутренних дел. Один из наших сопровождающих учился как раз у доктора Адхама. Стипендии выплачиваются только отличникам. Размер ее — 50 динаров. Общежитий у университета нет. Каждый иногородний снимает комнату.

Если заведующий кафедрой и его заместитель доктор Имад разговаривали с нами по-русски с акцентом, то ассистенты кафедры Светлана Аль-Варда и Лемья Назад Абдуль-Джабар на чистом русском языке. Где эти молодые арабки, а им чуть более 20 лет, так хорошо научились говорить по-русски?

— Мы обе наполовину русские, наполовину арабки,— сказала Светлана Аль-Варда.— Наши мамы — русские, а отцы — иракцы. Мы обе с Лемью закончили филологический факультет университета. Теперь работаем на этой кафедре. Помогаем иракцам изучать русский язык.

В настоящее время в Ираке проживает более 600 русских женщин, вышедших замуж за иракцев. Все они не теряют связь с Родиной. В этом им помогает наше посольство. Некоторые смешанные семьи дружат между собой.

По вечерам мы смотрели телевизор. Уже на третий день, усаживаясь поудобнее в кресла, мы знали, что не увидим ни рокеров, ни блуда, ни эротики, ни садистских убийств. Две телевизионные программы очень насыщены информацией, которую передают не только по-арабски, но и по-английски, по-французски. Музыка, уж если заиграет, то непременно национальная. Все передачи построены так, что они не раздражают, не будоражат. Мы не услышали ни одного выпада против своего народа, армии, правоохранительных органов.

Чем больше мы знакомились с жизнью иракцев, тем яснее становилось, что они свято чтут традиции и обычаи, уважают предков и религию, не позволяют унижать себя и глумиться над тем, что дорого каждому.

В памяти любого народа есть свои священные даты. Для русского сердца незабываемы Ледовое побоище под предводитель-

ством Александра Невского, Куликовская битва, Бородино, Курская дуга. У арабов тоже немало подобных событий. Благодатная земля Месопотамии притягивала полчища завоевателей. Кто может точно сказать, сколько произошло на ней битв, сколько пролито арабской крови?! В память об одном из больших сражений, происшедших в 637 году, создана панорама Касидийи, находящаяся недалеко от Багдада. Она напоминает Севастопольскую панораму Рубо, посвященную обороне города во время Крымской войны в 1853—1856 годах. Панорама Касидийи запечатлела один из критических моментов сражения. Неприятель теснит арабов. И вот в это время арабы направляют на своих противников верблюдов, на спинах которых укреплен пылающий тростник. Животные ломают оборону неприятеля, обеспечивая тем самым путь к победе. Это, пожалуй, самый яркий эпизод панорамы. Звенят сабли, развеваются флаги, слышен сплошной конский топот. И вдруг все это заглушает бег верблюдов с горящим тростником. Устоять против живой огненной лавины невозможно.

Иракцы гордятся этой победой. Рассказывают о ней так живо и образно, будто она произошла не более тысячи лет назад, а при их жизни. Они гордятся своими предками. Они надеются, что их потомки тоже будут гордиться ими.

Валерий ЗЕНКОВ.
Багдад — Москва.
Ноябрь — декабрь, 1990 год

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ

Багдадские заметки по русскому вопросу

У России нет друзей. Нашей огромности боятся. Избегай войн...

Александр III — наследнику

Самолет набирал высоту. Мы возвращались в страну, народ которой, пытаемый собственным правительством по внушениям «мировой закулисы», судорожно сжался в думах о хлебе насущном; в страну, где, кажется, безумцы «делали политику», раздирая на части народы, семьи, души.

Только что мы видели прилавки магазинов, наполненные снедью, одеждой, мебелью, радиотехникой. Только что мы проезжали мимо шеренг разнообразных частных домов, по великолепным дорогам, в бесшумных скоростных автомобилях. Сплоченный единой волей народ боготворил национального вождя, судить о котором мы, как иностранцы, прибывшие из России, не имеем морального права.

Мы летели на родину. Из страны восемь лет воевавшей и теперь находящейся в жесткой блокаде «мирового правительства».

Что привело нас в Багдад, помимо приглашения иракской стороны? Не только явная тенденциозность направленной против арабских народов прессы. В первую очередь — потребность попробовать с «геополитической» точки зрения, на примере чрезвычайной ситуации, которая обнажает приводные ремни маховиков войн и экономических катаклизмов, взглянуть на нашу полуубитую землю. И на тех, кто смеет говорить от имени русского народа (то есть триединого — великороссов, малороссов и белорусов) и других народов нашей родины, терзаемой соответственно ее потенциальной огромности: и духовной, и материальной.

Только что в эфире и в газетах пронеслась очередная постылая серия споров и прожектов, направленных не на то, чтобы делить, а на то, чтобы делить, и делить как можно несправедливее. Бесстыдство бросалось в глаза, несмотря на притерпелость. По-прежнему «не замечался» великий опыт мирного строительства Отечества, в насильственном безмолвии держалась львиная доля населения, «обзываемая» русскими, но торопливость те ли безнаказанности, то ли страха быть разоблаченными, «обогащала» обычное бесстыдство какой-то уж очень особенно смрадной пошлостью. Кажется, все неотмершее, недобитое, направленное на созидание и мир, все честное, чистое, родное «ушло в скит», словно не желая быть хоть сколько-нибудь причастным к шабашу унижающей народ «перестройки».

Наши предки хорошо знали, что одним из самых досаждаемых душе грехов является беспокойство по недостойным поводам. К последним относили все, что вне Бога и размышлений о спасении души. Вульгарным проявлением этого греха в наше время, когда греховность уже носит почти исключительно вульгарную форму, являются насажденные в наше сознание хлопоты о «дальнем» в то время, когда ближний и «ближнее» попросту гибнет.

Характерной для нашей страны чертой стала непрестанная забота об английских докерах и французских студентах, американском голодающем и... о компартии Берега Заячьей Тоски. Такая многопопечительность внедрялась в сознание при помощи учебников и газет, при помощи гомункулусов-телекомментаторов, особенно эклогично выглядевших на фоне неспасаемых от радиации, полуголодных, нещадно эксплуатируемых соотечественников.

Но даже если не думать о том, что практически все средства массовой информации СССР, как и авторитетные мировые агентства и радиоголоса, находятся в руках «связанного» одной целью клана (спасибо, Спартак Иванович Беглов, за добротные лекции на международном отделении факультета журналистики!), даже если не думать об этом аксиоматичном факте, все-таки у нас, как у великой страны, национальные интересы простираются достаточно далеко. И уж, конечно, Ближний и Средний Восток, как наше геополитическое «предбрюшье», ближе нам, а не Соединенным Штатам, к примеру. Тем паче, что держава наша чуть ли не на треть — мусульманская. Когда она была православной, все было в целом более чем нормально, и магометане ощущали себя полноправными подданными Русского Царства. Теперь же, когда русские находятся в положении, слишком похожем на положение палестинцев, когда их представляет бывший партаппаратчик Ельцин и министр иностранных дел, с трудом говорящий по-русски, или такие деятели, как Примаков, Арбатов, оставленные у власти после отсечения всех «отсохших ветвей», как бы от имени славян выступая категорически антиарабски, они восстанавливают друг против друга десятки миллионов сограждан

Торговые ряды в одном из пригородов Багдада.

Несомненно, рукою их подпевал размножены расклеенные по всему Дагестану листовки с угрозами русскому населению и с апелляцией к «молодому тигру» — Саддаму Хусейну. Конечно, этот отъявленный национализм — дело не русское и специфически подлое. Поэтому и отправлялись мы в Багдад, настроенные «проиракски»...

Что больше всего поражает, когда вдруг выбираешься из-под «либерального террора»? Культ. Не культ личности (он есть, и это внутреннее дело страны, испытывающей жгучую потребность быть собранной в единый кулак). Культ труда.

Здесь не видно праздношатающихся. Все заняты. Даже шоферы не стоят без дела, хотя машины — это неломкие «тойоты», «шевроле», «фольксвагены», «ниссаны», да и бензин по-нашему 20 копеек за литр, а «хвостов» у заправочных нет.

В историческом музее можно увидеть манекены и группы манекенов, «занятых трудом», здесь запечатлены все виды ремесел, все виды тяжкого труда феллахов, арабских крестьян. То же видишь и в обычной школе: мастерские чеканки, керамики, кожевенного дела, резьбы по дереву, швейные, слесарные. Даже торговцы в многочисленных лавочках Багдада не источают омертвелости и торгашеского высокомерия, хорошо нам знакомых. Зев каждой лавчонки хорошо освещен и из нее — прет товарный сель: сотни, если не тысячи, видов товара. Блокада проявилась здесь в том, как нам сказали, что исчез американский шоколад. Трудолюбие здесь — традиция, и потому традиционно иракцы закупают продовольствие мешками, благо цены позволяют это делать. При среднем заработке 200—250 динаров хлеб стоит 4 динара, огурцы-помидоры —0,4, сахар —0,2, мясо — 4—6 динаров за килограмм. Конечно, цены после объявления блокады возросли, кое-что выдается по карточкам. Однако только «кое-что». И нормы: рис и сахар — по 1,5 кг, мука —6 кг на человека в месяц. Это, пожалуй, и все нормы. Следует учесть, что в этой стране с древней цивилизацией отлично понимают иерархию видов трудовой деятельности, и наиболее оплачиваемые служащие здесь — учителя, инженеры, врачи. Их заработок достигает 750 динаров (не при наших врачах, а тем паче медсестрах и акушерках будь сказано). Исключение составляют офицеры: они в Ираке, пожалуй, наиболее почитаемые из «светских» профессий. Дом, машина и прочее для них нередко бесплатно. Особенно если они становятся кавалерами боевых орденов: каждому ордену и каждой степени соответствует своя система материального — постоянного! — поощрения.

Если б я верил в сердечность или хотя бы в государственный инстинкт наших депутатов, вписал бы: вчитайтесь! Офицеры в Ираке «хорошо зарабатывают», сделает вывод иной читатель. А вдовы — еще больше, замечу я. Офицеры в Ираке — это люди, служащие беззаветно. Если не беззаветно, они рискуют потерять все, даже жизнь. Их труд — действительно ратный, не позволяющий подернуться жирком. И спрос с них, можно сказать, лютый...

Нефиксированный заработок у многих строительных рабочих — до 20—25 динаров в день, у феллахов — до 15 динаров. Кстати, в последнее время работы у крестьян прибавилось: Саддам Хусейн распорядился передать в их руки от 40 до 200 гектаров пахотной земли, отрезанной от более крупных владений... Безработица появилась в последнее время в связи с сокращением из-за блокады небольшой части промышленного производства: пособие составляет 100—120 динаров.

Узнав, что мы из Советского Союза, официант в ресторане произнес, видимо, единственную известную ему фразу по-русски: «За край свой насмерть стой». И, кроме явной уважительности, слышался в этой забытой нами поговорке настороженный вопрос. Тяжко ощущать себя представителями страны-предателя... И все-таки нас здесь уважают — меньше, чем американцев и прочих европейцев, но уважают.

Знают нас в работе.

Иракская фирма, специализирующаяся на строительстве военных объектов, прислала своих представителей в Юсифию, на инспекцию возводимой нашими рабочими ТЭЦ (заказ на 1 миллиард долларов, фактически уже вырванный у нас из рук действиями «мировой закулисы»). Инспекция закончилась тем, что иракцы попросились поучиться, заявив: «Вы работаете качественнее всех». Мы убедились в этом. Здесь даже питьевая вода чище, чем та, которую привозят из Багдада в цистернах. Триста человек, оставшихся на стройке, трудились как триста спартанцев. «Из-за денег»,— бросит иной читатель. Да, и из-за денег. Но и потому, что дорвались до работы, делать которую не мешают. Конечно, рабочих грабят: заработки советских специалистов в 5—8 раз меньше, чем заработки уважающих себя и уважаемых своими правительствами «западников». Родные ведомства беззастенчиво отбирают эту разницу, которая в среднем составляет 2—3 тысячи долларов в месяц на рабочего. Таким образом, 25—30 тысяч в год идет «незнамо куда». «Знамо»! В структуры по циничной эксплуатации русского (в основном здесь — русского народа). «Ваня», считай, отрывает от себя до полумиллиона рублей (1:20), а взамен получает презрительные плевки, которые пока по простодушию своему принимает за «недоразумения». Такого, кажется, не было никогда и нигде, при самом гнусном рабстве. «Возникать» бесполезно, все равно найдутся несчастные «штрейкбрехеры» из Союза, заработки которых во много раз еще ниже.

«У нас тут маленький Союз!» — сказал мне один азербайджанец, имея в виду согласную, дружную работу немаленького коллектива. Он спросил, возвращаться ли ему в Баку, где идет война, или оставаться здесь, где война возможна. Добавил: у меня и здесь, и в Ереване много друзей-армян, что делать мне?.. А мне? Я советовать отказался: всех нас загнали в резервацию, всех скопом — от армян до эстонцев. Кстати, два эстонца, попросив не называть имен, извинились от имени своего народа перед русскими Эстонии и, в частности, Таллина (то есть Ревеля, городка в Прибалтийском крае). И от этих извине-

ний становилось и горько, и неловко: сколько друзей и в Риге, и в Вильно, и все мы теперь как оплеванные.

Признаться, на фоне этих тяжких мыслей не воспринималась с должным придыханием арабская экзотика — даже в Вавилоне наибольшее впечатление произвели встреченные случайно нефтяники-сибиряки, которые поведали историн в том же духе.

А настоящий Вавилон был — на острове Невест в Багдаде, где нас поселили в «лагере мира». Казалось, тут собралась «вся Европа»: англичане, французы, итальянцы, греки. И американцы были, даже бывший генеральный прокурор США. Англичане собирались разбить лагерь на границе между Ираком и Кувейтом, и позже сделали это (нас на юг не выпускали). Греки были похожи на американцев — молчаливы, сдержанны. Итальянцы на ходу сочиняли песни «за мир». Среди всех было немало иудеев. Все сильно смахивало на наши застойные бдения по поводу «мира»...

Встречи с европейцами, более приватные, оставили тягостное впечатление: наши проблемы им неинтересны, вопросы морали их по большому счету не интересуют, «Горбачев — гений политики». В общем, тот же убогий набор штампов, та же поверхностность, боязнь «копать глубже», что и у отечественного перестроечного гомункулуса. Можно от всей души поздравить наших властителей дум из «Голоса Америки» и примыкающих к нему советских телерадиостанций, из пошлейшей «Нью-Йорк таймс» и ее жалких филиалов типа «Аргументов и фактов». Кстати, вскоре после нашего возвращения их коллектив депутатов РСФСР (извиняюсь за выражение) проголосовал в числе 161 жаждущего благоденствия ротшильдам-рокфеллерам за счет русских ребят, которых народные депутаты возжаждали видеть в песках Аравии. Вот она, плотная группа славных «аргументщиков»: Мещерский, Угланов, Зятьков, Старков (с

Могила Нвизвестного солдата в Багдаде.

двумя последними автор этих строк имел счастье работать в «застойные» годы — это самое «светлое» время его жизни. Чудные люди!) В той же воинственно-долларовой компании — «взглядовцы» Политковский, Мукусев, Любимов. А также «крутой мужик» Травкин, разогнавший русскую фракцию своей партии, в свое время вытянутый из небытия газетой «Советская Россия».

А Европа... Европа возмутится всерьез, когда получит цинковые гробы. Или если русское сырье перестанет обеспечивать ей стабильность. Но пока у нас у власти «демократы», ей нечего опасаться: будут и бриллианты мешками, и лес с черноземом, и нефть с газом, и чугун с бумагой...

Международная политика, какой она демонстрируется прессой, питаемой несколькими агентствами, находящимися в одних руках, как правило, мало соответствует реальности. Пропаганда создает страхи и мнимое спокойствие, раздувает ничтожных политиков и ни звука не проронит о тех, кто в действительности «делает политику».

Кому выгодно происходящее в заливе? Пока можно сделать примерно следующие выводы.

США. Они укрепляются в регионе, «выжимая» нас и в военном, и в экономическом отношении.

Израилю. Облик СССР, как друга арабских народов, исказился в подобострастной мине. Собственные кровавые преступления Израиля, свирепая и непрерывная агрессия против палестинцев, собственное ядерное оружие в пустыне Негев — все это остается как бы «за скобками». Израиль вроде как сторона страдательная. Багдад грозился «страшнющими бонбами».

Кому невыгодно?

Странам третьего мира, теряющим на повышении цен на нефть. Западной Европе, вынужденной рабски следовать американской политике. Нам.

Бесполезно вспоминать о том, что «мы могли бы» просто-напросто наложить вето на отвратительную резолюцию ООН о блокаде Ирака (Саддам Хусейн перепробовал все меры по мирному сдерживанию американских притязаний, замаскированных под «кувейтскую политику цен»).

Не исключено, что вообще вся «игра» ведется против нас.

У Ирака — американские самолеты «Кобра», французские самолеты и системы ПВО, бразильские системы залпового огня. Из ФРГ пришли такие «гербициды», которые скоренько стали химическим оружием, а семерых немецких торговцев («стрелочников») отправили под суд. Да, мы построили атомный реактор. О нем знает весь мир и вся наша «левая». Реактор на 5—10 Мгт. А вот французы построили — на 40. Да еще биологическое оружие. Из лабораторий... США. Оттуда переданы штаммы сибирской язвы, холеры и прочих «прелестей». 50 иракских ученых прошли соответствующую подготовку... где? Там же, в ныне «гневных» США. А каяться в дружбе с «диктатором» кому? «Конечно, нам!» — верещит наша младоумная «левая».

Что же касается «единой структуры» наднационально-вненациональных деятелей, жаждущих никому не ведомого всемирного единения при непременном условии фактического расчленения России, то о ее наличии в первом приближении задумываешься, обозревая тесный круг политиков, дельцов, «властителей дум», который, в сущности, олицетворяет всю мировую политику. Они «перетекают» из одного качества в другое, но не «тонут». И их очень мало в мировом

Во дворе Исторического музея.

масштабе. Во втором приближении угадываются очертания «мировой закулисы». Сначала «Общество Круглого Стола», основанное 5 февраля 1881 года Сесилем Родсом (после его смерти это, по сути, масонское общество возглавил Альфред Мильнер, представитель лорда Ротшильда, один из главных финансистов октябрьского переворота наряду с Максом и Полем Варбургами, Яковом Шифом). Затем идет основанный в мае 1919 года «Институт Международных Отношений» (для краткости перечислим лишь некоторых его членов: Морганы, Рокфеллеры, Кеннеди, Д. Эйзенхауэр, Д. Ф. Даллес, Макнамара, Киссинджер, Никсон, Эдлай Стивенсон, Гарриман, Джон Гэлбрейт, Картер, Джонсон, Эдвард Хит, Бжезинский и прочие). Кстати, в начале 1991 года З. Бжезинский заявил следующее: «Я считаю, что ваша страна должна прекратить свое существование...» А кто ты такой, Бжезинский? — хочется спросить, но боязно... В 1959 году был издан специальный (секретный) документ, подтверждающий давнюю цель, если не данность: создание мирового правительства и включение в мировое государство стран, именующих себя социалистическими, в том числе СССР.

Дальнейшее развитие все та же структура получила в мае 1954 года в отеле «Бильдельберг». Соответствующий клуб ставил ту же маниакальную цель: создание мирового правительства (а в общем-то его дальнейшее развитие). К этим «китам» можно прибавить так называемую Трехстороннюю комиссию и множество других, якобы независимых, открытых и тайных групп и организаций, связанных с «китами» общей целью и, вероятно, общим руководством. В верхушке этой сети действует картель финансистов-монополистов мира, возглавлявшийся до недавнего времени Дэвидом Рокфеллером. Буш давно в этой компании, действующей, в частности, при помощи созданной 22 декабря 1913 года Федеральной Резервной Системы, которая позволила крупнейшим банкам печатать доллары без ведома конгресса США.

В данном (и единственном, достойном учета) контексте все эти «акулы капитализма» — родные братья наших прошлых и нынешних пламенных интернационалистов-экуменистов — граждан мира, и все — социалисты, все действуют в одном направлении: создание всемирной демократической республики, в которой «сталинизм» покажется сладким сном. В которой не будет границ, за коими можно было бы спрятаться, скрыться. Не будет отдельных самобытных наций (насильственное «растворение» России в серной кислоте «нового мышления» — важное, если не главнейшее звено в этой цепи). Зато будет свирепая, беспощадная «Мировая Демократия» с миллионами одураченных бесправных бывших французов и эстонцев, англичан и великороссов, поляков и молдаван.

Ландсбергис хвалится каким-то всемирным паспортом — значит, их уже выдают?

В Брюсселе готов крестообразный гигантский компьютер «Зверь», куда будет «заложено» все человечество.

ООН все явственнее сбрасывает личину миролюбия и гуманности.

Эти, казалось бы, разрозненные, но примечательные приметы — лишь крохотная часть океана подобных примет. Океана, который при помощи всемирного п с и х о ф а ш и з м а (кино, телевидение и пресса) практически невидим для нас, следящих за убогим спектаклем с участием ничего не решающих статистов.

...Шеварднадзе, плачась, патетически восклицал, что «мы защитим жизнь и достоинство наших людей, в каких бы странах им ни угрожали». Надо бы понимать, что наше ввязывание в любой конфликт облегчается примитивной провокацией, за которой дело не станет, если того потребуют интересы «мировой закулисы». Лукавого Цахеса не беспокоит то, что кровь наших людей льется в Закавказье, Бессарабии. Он «не замечает» сотен тысяч беженцев, миллионов бесправных в уделах-«республиках». Он и такие, как он, живут лишь талмудическими абстракциями. В историческом плане они — главнейшие виновники всеобщего возбуждения, чреватого втайне направляемыми конфликтами. И если мы, «в частности», народы великой добротолюбивой России, хотим выжить, мы должны в оба глядеть, чтобы подобные типы не пользовались нашей растяпистостью. Они-то объединятся (капиталы сейчас потихоньку перебрасываются в Австралию, Швейцарию и другие страны). А мы с нашей легковерностью в лучшем случае проснемся с номерочком на шее...

Ирак... Памятники Хусейну. Лютые законы, но и отсутствие преступности. Казни и пальмы. Пулеметные вышки и мечети. Чужой, напряженный, но симпатичный народ, как и любой народ — со своим характером, обликом, со своей, особенной судьбой, не терпящий надругательства и насилий, противящийся бесчеловечной заведенности разного рода интернационалов.

Не до экзотики. Не до лирики. Не муэдзина молитва трогала душу — бабушкин тихий голос явственно возникал в этом далеком от России мире. Не лязгающие броней «демократии» впечатляли, а избы наши, на чужбине более отчетливо встававшие перед внутренним взором.

Нет нам места в мире, кроме России. Все «не то», такова природа наша. На третий день дает о себе знать ностальгия. А дома — страна, изъеденная червями, продаваемая и предаваемая, оккупированная и насилуемая, но — родная и не такая беззащитная, какой хотелось бы видеть ее черной силе.

Какой можно сделать вывод из автобанов, вавилонов, арабской вязи, пулеметов и прочего? По-моему, единственно возможный: ПОРА ДЕЛАТЬ РУССКОЕ ДЕЛО. Автобаны приложатся..

Игорь ДЬЯКОВ

О СОТРУДНИЧЕСТВЕ СПЕЦСЛУЖБ КУВЕЙТА И США

ИЗЛОЖЕНИЮ НА БУМАГЕ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Смею посрамить того, кто скажет, что самые доверительные разговоры и сокровенные беседы ведут между собой только закадычные друзья. Ничего подобного! Вот сообщение с грифом «Совершенно секретно», которое генеральный директор генерального управления государственной безопасности Кувейта, бригадир Фахад Ахмед Аль Фахад направил министру внутренних дел Кувейта, его Превосходительству шейху Салиму Сабах Аль Салим Ас-Сабаху. В первых строках сообщения говорится о визите бригадира Фахада вместе с полковником управления безопасности губернии Аль Ахмади в штаб-квартиру Центрального разведывательного управления США, который состоялся 12—18 ноября 1989 года.

Далее генеральный директор пишет, что 14 ноября 1989 года он встретился с генеральным директором ЦРУ США, что была достигнута договоренность о том, что в штаб-квартире ЦРУ пройдут подготовку 128 человек, которые будут использоваться для охраны эмира Кувейта. Генеральный директор ЦРУ, продолжает бригадир Фахад, высоко оценил наши меры, принимаемые для борьбы против течений, поддерживаемых Ираном. Он выразил готовность предпринять совместные шаги для ликвидации очагов напряженности в регионе. Американская сторона считает необходимым, чтобы мы уладили отношения с Ираном для его нейтрализации, оказывали на него экономическое давление, способствовали укреплению союза между Ираном и Сирией.

Один из пунктов секретного сообщения касается Ирака. В нем, в частности, говорится о том, что с американской стороной достигнута договоренность о необходимости воспользоваться плохим экономическим положением в Ираке, чтобы давить на его правительство и заставить его определить границы с Кувейтом. ЦРУ передало бригадиру свои рекомендации о способах давления на Ирак.

В конце своего донесения генеральный директор сообщил, что американская сторона выделила специальную телефонную линию для организации срочного обмена мнениями и информацией, которые не подлежат изложению на бумаге.

Ну как, посрамлены те, кто считает, что доверительные беседы ведут между собой только закадычные друзья? Как видите, самые откровенные разговоры происходят между сотрудниками спецслужб. Если кто-то все-таки сомневается в этом, то прошу записать номер телефона, по которому можно срочно обменяться мнениями и информацией, которые не подлежат изложению на бумаге, лично с генеральным директором ЦРУ. Вот его телефон: 202-659-5246. Записали! Лучше запомните! Я бы на вашем месте не стал доверять бумаге. Мало ли что может случиться...

В. ЗАБУРДАЕВ

У КАЖДОГО СВОЙ ИНТЕРЕС

Как показывает опыт, истинные цели и национальные интересы проявляются во время критических или кризисных ситуаций.

Неожиданностью для Запада и стран Персидского залива стала проиракская позиция Иордании, которая от Кувейта и Саудовской Аравии систематически получала помощь. Ирак сегодня компенсирует поставки нефти, в которых отказала Иордании Саудовская Аравия. Оглядываясь на иракскую армию, Иордания не может позволить, чтобы задушили Ирак голодом и блокадой, поскольку ее, лишенную всяческих полезных ископаемых, защищать, как Саудовскую Аравию или Кувейт, никто не станет. Как показал опыт с Западным берегом реки Иордан, который давно уже оккупирован Израилем, ни ООН, ни США и никто другой не спешит его отвоевать. Поэтому собственная безопасность для Иордании превыше всего.

«В ночь на 2 августа, как только Джорджа Буша информировали о вторжении иракских войск в Кувейт, как пишет римская «Панорама», он позвонил по телефону трем деятелям: М. Горбачеву, королю Фахду и Президенту Турции Т. Озалу. Из трех телефонных разговоров последний был самым важным...» Турецкий президент, не колеблясь ни минуты, приказал блокировать наземные коммуникации с Ираком, перекрыть нефтепровод, быстро присоединился к общей блокаде Ирака. Он стремительно использовал сложившуюся ситуацию для получения от парламента чрезвычайных полномочий. Моментально Турция заговорила об огромном экономическом ущербе от кризиса в заливе из-за своей верной союзнической позиции. Цифра возможных убытков от возможных доходов исчислялась в 3,5 миллиарда долларов и продолжает расти. На самом же деле Турция ничего не потеряла, поскольку «плату за солидарность» Т. Озал согласовал с Дж. Бейкером. «Госсекретарь США прилетел в Анкару с богатыми дарами: обязательство Саудовской Аравии поставить вместо Ирака нефть Турции; чек на один миллиард долларов эмира Кувейта; списание долга Турции США; новая военная помощь на сумму 1,2 миллиарда долларов и обещание, что администрация Д. Буша окажет нажим на ЕЭС для вступления в него Турции, безрезультатно ожидаемое с 1987 года. И еще более вожделенный подарок, о котором мечтают в Анкаре, в случае территориального раздела Ирака (после возможного вооруженного конфликта) — передать Турции Мосул и Киркук, два иракских северных района, богатых нефтью. Американская сторона, по мнению «Вашингтон пост», действует с полным осознанием явных и тайных национальных интересов Турции. Кризис в Персидском заливе предоставил туркам счастливую возможность вернуть себе лестное звание «бастиона НАТО» в борьбе за интересы Запада, утраченное после уменьшения былой мощи СССР. А это означает сохранение американской военной помощи Анкаре в размере 450 миллионов долларов. Такое же решение приняли и страны ЕЭС. В новом благоприятном свете заиграла «поправка по южному региону» в отношении Турции, по кото-

рой американцы передают Турции некоторые устаревшие образцы боевой техники.

Старая, верная союзническим обязательствам Англия, смело и решительно, как это всегда делала ее «железная леди», встала рядом с Соединенными Штатами, придерживая «Щит пустыни» левой рукой. Правда, есть и дополнительные стимулы, которые движут англичанами. С одной стороны, это долг перед американцами за поддержку во время фолклендского кризиса. С другой —35 миллиардов долларов, вложенных Кувейтом в английскую экономику за последнее десятилетие. Остался еще один стимул, который порой может показаться анахронизмом, но теребит старую зарубцевавшуюся рану эпохи прошлого, покалывая прямо в сердце. Не все уже помнят, но и не все еще забыли, что Ирак — бывшая английская колония, и отношения между бывшим повелителем, который еще не был тогда оплотом демократии Запада, и вассалом, а проще — отсталой колонией никогда не отличались взаимной симпатией. А ведь прошло с тех пор чуть более 20 лет.

Для Германии кризис в заливе явился «как досадное недоразумение средь шумного бала объединительного триумфа». Союзники по НАТО прекрасно это понимают и не хотят портить Германии «медовый месяц» сообщениями о скандалах в чужой арабской семье. Но немцы по-своему отнеслись к текущему моменту. Бывшие гедеэровские военнослужащие, которых изгоняли со службы, изъявили готовность пойти наемниками в саудовскую армию. А представители бундесвера в правительстве поставили вопрос об изменении конституции страны, чтобы получить право легально посылать войска за пределы своей территории. Полученный полный суверенитет Германии подразумевает и это право. Начинать-то когда-то нужно.

Мало чем отличается японская позиция от германской. Ее главный акцент сделан на оказании финансовой помощи «пострадавшим от кризиса», а точнее, финансировании солидарности и единства. Японский премьер-министр провояжировал по арабским странам в поисках новых источников импорта нефти взамен потерянных Ирака и Кувейта. Япония твердо придерживается принципа: на Ближнем Востоке у нее нет союзников и друзей, а есть только торговые партнеры. Однако в самой Японии участились выступления различных сил против попыток правительства отменить поправку к конституции страны, запрещающую посылку войск «самообороны» для войны в других странах. Видимо, архаичные конституционные поправки времен «холодной войны» в новую эру устарели.

О совершенно независимых и вполне свободных странах Европы, таких, как Бельгия, Норвегия и другие, много говорить и писать очень трудно. Их позиция предельно ясна и последовательна. Они дружно, по сигналу тревоги послали в зону залива по самому современному, отлично оснащенному военному кораблику, которые аккуратно пристроились в кильватер американских авианосцев.

Труднее всех из западных стран агрессию Ирака против Кувейта переносит Франция. Имея особые отношения с Ираком, которому она поставила сверхточные ракеты, ядерный реактор, современные истребители и, возможно, еще что-нибудь, Франция не хотела бы выставлять своих военных в качестве мишеней в общей массе «многонациональных сил» (МС). Поэтому она сразу же отказалась присоединиться к МС, подчеркивая самостоятельность своего вначале военно-морского, а затем и наземного вмешательства. Координация действий — да; единое командование — нет. Но, по мнению экспертов, отсутствие единого командования делает фактически невозможным какие-либо самостоятельные военные действия Франции, кроме как под «руководством и при главной военной роли США», но при французском «политическом прикрытии». «Мы выступаем против сценария, предусматривающего масштабное наступление против С. Хусейна и его военно-политической инфраструктуры»,— заявляют в Париже.

США преследуют в районе залива свои скрытые цели, идущие дальше французских. Так, они считают, что свержение С. Хусейна, уничтожение его военного потенциала, вероятно, гарантирует американцам присутствие в ключевом районе. Боязнь за судьбу заложников толкнула западные страны к вынужденной солидарности и побудила Францию «идти следом за американцами». В то время как для нее сейчас не менее важно оказать реальное влияние на развитие ситуации в Ливане, где события развиваются очень стремительно.

Северо-западный сосед Ирака, где правит такая же, как и в Ираке, баасистская партия, является самым последовательным и непримиримым врагом Ирака. Сирия была на стороне Ирана в восьмилетней войне. Одной из первых она направила свои войска в Саудовскую Аравию после 2 августа, отдавая дань международному сообществу, но и надеясь на взаимность, которая ей так необходима для одобрения своей политики в Ливане. При поддержке «ограниченного сирийского контингента по поддержанию мира в Ливане» был сокрушен христианский генерал М. Аун, которого тайно поддерживали Ирак и Франция. Многих ставит в тупик вопрос ирако-сирийского антагонизма. Чаще всего его относят к личной взаимной неприязни и антипатии между руководителями этих стран. Но это несколько просто и наивно. Дело, пожалуй, в том, что обе ветви партии БААС, правящей в обеих странах, досконально знают стратегические планы друг друга. И если устремления Ирака повернуты на юг к нефти, то Сирия устремлена на север к Ливану, который традиционно сирийцы считают сферой своих национальных интересов и влияния. А когда соседи повернулись друг к другу затылками, хотя и думают по-баасистски одинаково, диалога между ними не получится. И наверное, еще долго не будет взаимопонимания.

Израиль, надев противогазы и выглядывая на полголовы из-за иорданского забора, кричит во все горло, что он готов отразить любую агрессию Ирака, если тот попытается разгромить их американского союзника. За все время существования израильского государства, пока оно выступало бастионом интересов США, а следовательно, и «демократии» в исламском мире, перед ним возникла реальная угроза со стороны Ирака: хорошо вооруженного, бескомпромиссного, а главное, лишенного традиционного воздействия международного сионистского капитала.

В Ираке фактически нет прямого или косвенного влияния ни Востока, ни Запада. Это страна, подчиненная сугубо интересам панарабского национализма, который не приемлет ни коммунизма, ни капитализма, ни сионизма. Израильское руководство всегда боролось и препятствовало экономическому и военному укреплению арабов, включая Ирак, Египет, Саудовскую Аравию. Но национальные экономические интересы ряда стран, стремление получить конкретные выгоды, вступили в противоречие с интересами безопасности Израиля. Поэтому в Ираке появились западногерманские хи-

мические технологии, французский атомный реактор, советское вооружение.

Стратегической ошибкой Израиля в сложившейся кризисной ситуации был расстрел палестинцев у мечети «Аль-Акса». Это не замедлило сказаться на отношениях с США, которым все труднее выдерживать двойной стандарт в отношении подобных действий. При всей дипломатической эквилибристике, которой великолепно владеют американцы в ООН, они были вынуждены присоединиться к резолюции СБ ООН, осуждающей действия Израиля.

И, наконец, последний, но, пожалуй, самый трудный и каверзный аспект кризиса в Персидском заливе — это позиция палестинцев и их отношение к сложившейся ситуации.

Иракское руководство сразу после оккупации Кувейта заявило о своей приверженности решению палестинского вопроса путем освобождения Израилем оккупированных территорий и образования там палестинского государства. Палестинцы прошли долгий и тернистый путь от положения беженцев, народа в изгнании, лишенного прав, предписанных ему решениями ООН, до военно-политической силы, которая во многом влияет на ситуацию на Ближнем Востоке. Практически все арабские страны в той или иной мере заявляют о поддержке палестинцев. Но вся беда в том, что заявления делаются не для решения проблемы, а для достижения собственных интересов. Палестинская проблема стала дежурным лозунгом арабов, который объединяет их. Но, к сожалению, она и вносит раскол в их ряды, поскольку каждый тянет, рвет палестинцев на свою сторону, оплачивает их «дружбу и услуги». А в результате этот народ, его организации и формирования стали «подсобным инструментом» в руках различных государств, политических сил.

В качестве реакции на израильскую колонизацию арабских земель и создание там поселений возникло стихийное массовое движение протеста палестинцев и арабов, которое оформилось в известную «интифаду», или «революцию камней», когда палестинцы попытались невооруженным путем добиться своих прав. Но израильское руководство не придало этому протесту должного внимания, пытаясь ликвидировать и подавить его силой. Именно в кульминационной его фазе, когда безоружные массы, не добившись своих целей, охваченные отчаянием, злостью и решимостью бороться до конца, происходит аннексия Кувейта и Ирак официально объявляет о начале новой фазы борьбы с Израилем за решение палестинской проблемы. Это означает, что на бочку с порохом, которую представляет сейчас многомиллионная масса палестинцев, рассеянных по всему региону, поставлена мина с часовым механизмом, и время ее взрыва знает только один человек — Саддам Хусейн. Палестинцы восприняли действия Ирака как последний шанс добиться своих прав в создавшейся общей обстановке хаоса и противостояния в регионе. В острое противоречие вошли национальные интересы безопасности Израиля, который категорически отказывается увязывать палестинскую проблему с оккупацией Кувейта, с национальными устремлениями палестинцев и иракцев, которые водрузили палестинское знамя над развалинами Кувейта. И с каждым днем все больше арабских националистов, исламистов и прочих радикалов обращают свой взор к этому символу, который может постепенно заслонить «образ иракского агрессора». Следовательно, время в нынешней ситуации работает на Ирак.

Александр ШМОРГУН

КРАХ БЛИЦКРИГА

КОГДА ПОДПИСЫВАЛСЯ НОМЕР...

В тот момент, когда этот номер журнала подписывается в печать, идет бомбардировка Ирака. Началась война. Ее пламя опалило страны Ближнего Востока. США выступили в качестве агрессора. Дж. Буш с помощью оружия хочет навести НОВЫЙ ПОРЯДОК в этом регионе. На Ирак обрушиваются тысячи тонн бомб. Многонациональные силы, возглавляемые США, имея неоспоримое преимущество в вооружениях и технической оснащенности, намеревались молниеносно сломить сопротивление иракцев, в считанные дни завершить войну. Однако чуда не произошло. Блицкрига не получилось. Война приняла затяжной характер.

Трудно предположить, что произойдет в зоне Персидского залива в то время, когда журнал дойдет до подписчиков. Поэтому лишь напомним, что резолюция Совета Безопасности ООН предусматривала освобождение Кувейта, а не разрушение Ирака. ООН как миротворческая организация должна была решать конфликт мирными средствами. Именно для этого и была создана эта международная организация. Заметим, что США сначала декларировали о направлении своих войск в Саудовскую Аравию для ее защиты. Но время показало, что у США совершенно иные цели.

А тем временем все сильнее в мире раздаются голоса, осуждающие агрессию против свободолюбивого арабского народа, все громче звучит призыв: «Руки прочь от Ирака!»

ЭПОХА БОРЬБЫ И ПОБЕД

Внук И. Сталина Евгений Джугашвили в роли своего деда в фильме «Яков — сын Сталина» (с п р а в а). Справа от него — правнук Сталина Вася. Роль Г. Жукова играет актер М. Ниффи.

Интервью с Евгением Джугашвили читайте на стр. 166.

ВРЕМЯ В ЛИЦАХ

Многие из нас были свидетелями того, как разные юбилеи обставлялись не только бюстами, но и памятниками, документальными фильмами, одами, стихами и еще много чем другим. Не вырвать из народной памяти вакханалию революционного времени, когда с площадей и улиц со свистом и гиканьем буквально выдирались памятники героям русской военной славы, великим гражданам нашего Отечества. Это ж надо, даже стихи по этому поводу сочиняли, вроде хорошо теперь известных алтаузенских, в которых призывалось расплавить памятник Минину и Пожарскому! А разве можно забыть, как низвергались многочисленные бюсты и памятники в честь вождей, возведенные уже в советское время? Сегодня, когда мы узнали о многих преступлениях тех, кто стоял у руля октябрьского переворота, появились законные требования, связанные с ниспровержением памятников лицам, незаслуженно занявшим пьедесталы. Законны, скажем, такие требования относительно памятника Свердлову в Москве. Ведь этот деятель является организатором гражданской войны в стране и массовых репрессий.

Автор публикуемых бюстов — скульптор и архитектор Александр Сидорович Гринько. Он пришел в редакцию и рассказал о своей идее увековечить основателей и продолжателей коммунистического и рабочего движения, а также тех, кто оставил заметный след в борьбе за мир.

В мастерской скульптора мы увидели также бюсты германского канцлера Коля, Ким Ир Сена, папы римского. Показал А. Гринько и целую галерею портретов руководителей коммунистического и рабочего движения, выполненных углем. Свои произведения Александр Сидорович намерен продемонстрировать широкой публике. Он считает, что необходимо создать мемориальный комплекс, посвященный видным прогрессивным деятелям.

Что ж, скульптор и архитектор А. Гринько вправе защищать свою идею, свое творческое кредо. Ведь скульптура — монументальное искусство, которое объемно отражает время в человеческих лицах.

В. ЕРШОВ.
Фото автора и А. САЛЮКОВА
Москва

На снимках: Д. Буш; М. Тэтчер; М. С. Горбачев; патриарх Русской православной церкви Алексий II; скульптор А. Гринько.

ГОЛОС, КОТОРОГО НЕ УСЛЫШИШЬ С ЭКРАНА

На празднике славянской письменности в Киеве выступление Надежды не предусматривалось. Но друзья все-таки попросили ее спеть. А киевляне, как известно, публика избалованная, многое повидавшая. А тут вышла маленького росточка, хрупкая, вовсе не знаменитая девушка, но как песню запела, в зале будто солнце вспыхнуло — светлее и ярче стало.

Зал замер, будто превратился в единый слух. И вместе с песней вливался в души и свежий воздух пробужденья. А потом зал взорвался аплодисментами. Люди вставали, дарили неизвестной певце из северного русского края цветы, просили петь еще и еще.

Самобытный талант Надежды Бурдыковой сегодня признан многими. В позапрошлом году на Всесоюзном фольклорном празднике в Новосибирске, ставшем великолепным фестивалем русской песни, обряда, российских традиций, ее удостоили высокого титула «Серебряного голоса России». А началась концертная программа фестиваля неожиданно. В рамках фестиваля, куда приехали гости из Москвы, Ленинграда, Новгорода, Краснодара, Якутии, Тюмени, Литвы, Латвии, Алтая и даже гости с далеких Гавайских островов, в Доме ученых должна была состояться встреча с писателями Сибири. Надю попросили на этой встрече спеть одну-две песни. И вдруг за полчаса до начала выясняется, что почти никого из писателей в зале нет. Причину случившегося определять уже поздно, а надо было что-то предпринимать, ведь в зале собралось около тысячи человек.

На сцену вышел член оргкомитета фестиваля профессор-сибиряк М. Мельников, извинился и сказал: «Товарищи, просим вас сдать билеты в кассу. Встреча с писателями не состоится. Правда, у нас есть в гостях девушка из Вологодской области. Она поет песни на свои же стихи и на стихи Николая Рубцова...» Зал напряженно слушал, потом медленно загудел, готовый в любую минуту взорваться от недовольства. И тут Надя в русском костюме появилась на сцене. И «держала» в изумлением восторге зал в течение трех часов. Не ушел с концерта практически никто. Она пела все новые и новые песни, будто из заветной шкатулки, доставая их из сердца. Они были главным ее наследством и богатством. И где-то в середине концерта зал ожил, проникся, отозвался. И как не откликнешься, коль слышишь такие слова:

Богатыри, вам песня посвящается
С надеждою, любовью и теплом.
К богатырям Россия обращается,
Вам кланяется женщина челом...

После концерта она молчала три дня, столь велико было душевное напряжение, с каким пела она на сцене. А город бурлил. И бежала по нему добрая молва о вологодской девушке, чей талант так неожиданно и ярко, будто солнце, засиял на сибирской сцене. Ее искали, тревожась о том, что она покинула город, несмотря на настойчивые требования сибиряков устроить новую встречу. Наконец Надежду разыскали. И снова концерт в одном из крупнейших залов города — ДК «Академия». И опять звучали прекрасные песни, одухотворенные высоким словом и смыслом, и снова будто ворвались в зал дыхание полей, вольный русский ветер, шелест цветов.

Разговаривать с Надеждой непросто. Не каждому раскроет она секреты своего сердца, поведает мысли. Да и говорит она все больше не о себе. О разрушенных храмах и вере, о холодном цинизме, заморозившем наши сердца, о разъединении людей. С необыкновенной любовью рассказывает о потрясающей российской певице с Урала Елене Андреевне Сапоговой, чей талант писатель В. Распутин назвал «нашим национальным достоянием». О москвичке Татьяне Синицыной — прекрасной исполнительнице народных песен. О балалаечнике-виртуозе Юрии Клепалове. Об ансамбле «Живая вода», о своих земляках — деревенских мужиках и женщинах, сельских самородках-умельцах...

Действительно, до чего же мы дожили, коль русский народ не знает, не видит и не слышит своих прекрасных певиц Сапогову и Синицыну, продолжателей традиций Руслановой. Если многомиллионная аудитория не имеет возможности увидеть и услышать ансамбли «Живая вода», «Казачий круг», несущие своим творчеством любовь и знание народных традиций. Но верю, пробьются к людям и песни Сапоговой и Синицыной, будут услышаны и серебряные родники Надежды Бурдыковой. Нам бы только помнить, беречь в сердце рубцовское, выстраданное: «Россия, Русь! Храни себя, храни». И не в этих ли словах наше спасение, сила, наша надежда на будущее?

Николай БУЛАВИНЦЕВ,
Вологодская область

ВАВИЛОН. Века занесли город многометровым слоем земли. Так выглядят стены после реконструкции. Знаменитые Иштарские ворота.

ТОВАРИЩ

Дмитрий МИЩЕНКО

ЛИХОЛЕТЬЕ ОЙКУМЕНЫ

Исторический роман

Окончание. Начало на стр. 81

Пробудилась мысль — пробудилась и кровь склавинов, собрали молодую силу и пошли за Дунай. И не напрасно: сели там, в Иллирике, и сидят, как твердь склавинская. Их успех поманил многих. Идут и утверждают себя в Иллирике, хотя немало еще среди склавинов и тех, кто занимается только промыслом за чужой счет.

Потому и собрались сегодня в доме старшего из князей склавинских — Лаврита: что-то молодцы слишком уж зачастили с промыслами за Дунай, так зачастили, что хоть стражу ставь — не от ромеев, не от аваров, а от своих, чтоб не ходили туда, где могут мозги вправить.

— Вы забываетесь, — говорил князь-отец, остро глядя из-под седых бровей на князей окольных земель — на Ардагаста, Пирагаста, Мусокия, — забываетесь, говорю, что беда одна не ходит, а с детками. Мало вам нашествия обров? Не убедились еще: если бы были вместе, не ходили бы по ромеям, земля наша не подверглась бы опустошению, не знали бы беды.

— Обры еще поплатятся за это, — не удержался, погрозил Пирагаст. — Еще пятки поджарим им и морда будет в навозе, дайте время.

— Дайте время! — передразнил его князь-отец. — Вы имели его, да упустили по глупости на ветер. Надо было не к ромеям идти прошлым летом, а держать силу свою наготове. И ныне надо об обрах думать, и ни о чем другом. Когда они обломали себе зубы на ромеях, дали деру из Фракии, вот тут и было оно, ваше время. Пойти бы на них и отблагодарить за опустошение. Так, что не знали бы, где сесть. А вы за Дунай, на Фессалоники нацелились. В итоге ни Фессалоники не взяли, ни обров не проучили.

Князья, покряхтывая, чесали затылки.

— Кто знал, что они пойдут на ромеев? Вроде же заодно с ними, на службе у них были.

Это размышлял вслух Ардагаст. Мусокий поддержал его:

— Если бы знать тогда, что между ромеями и обрами свара будет, давно бы вытурили этих асийских бродяг за Дунай.

— То-то и оно, что ничего не знаем, — князь-отец с досадой пристукнул посохом. — Вот это и беда наша! А надо бы знать, прежде чем задумывать, куда идти, что делать. Из-за неведения своего и самоуправства и терпим беду. Кто во что горазд! Да разве это дело? В единстве мы живем или нет? Я вам князь-отец или нет?

Князь Лаврит был не на шутку разгневан, и молодые, подвластные ему князья Склавинии вынуждены были потупить взор и помолчать какое-то время.

— Может, и так, — нарушил молчание Ардагаст, — и наверное, что так: сначала, как идти на кого-то, надо вызнать, какую силу имеет он и где та сила. Однако и не идти мы уже не можем, отец-князь. Ведь те из наших людей, кто сел за Дунаем, в ромейских землях, пока еще не окрепли на новом месте и просят помочь им нашей силой, а второе — наших нам здесь уже не удержать, в походы рвутся.

— Горе земле, — Лаврит воздел к небу старческие руки, — горе той земле, чьих детей посетит равнодушие или неуважение к ней! Боги! Такую благодать послали вы людям, даровав им эти горы и подгорья! В чем их вина перед теми, которые называют себя сынами Склавинии?

— Горы ничем не виноваты, милостивый князь. И край наш тоже ничем не виноват. Они у нас такие, что лучше их нигде не найдешь. От чужих людей вся вина, все беды. Сам говорил: кого только не было здесь, и все топтали нам грудь, нашу любовь к земле. Больше других надругались над ней обры. А склавины-иллирийцы, между прочим, когда зовут наших людей к себе, сулят им покой.

— Какой там покой! Вы же сами видели: обры прошлись лавой по Фракии. А где обры, там кровь и насилие.

Он был сегодня особенно упрям, князь Лаврит. Так упрям, так недоволен ими, что сомнение закралось Ардагасту в сердце: вряд ли удастся склонить князя-отца на свою сторону. А склонить надо. Воины склавинские воспылали духом, их уже не сдержать. В конце концов, он так и сказал, как думал:

— Так вы запрещаете поход?

— Не советую. — Лаврит помолчал. — А если хотите, то и запрещаю. Ромеи побили обринов. Теперь они в силе. Вы что, знаете, какая это сила? А если это — палатийские когорты императора, те, что успели вернуться из Ирана?

— Об этом можно узнать еще до похода.

— Так сначала узнайте, а потом приходите ко мне за согласием. И еще одно скажу вам, князья Склавинии: не туда направляете свою мысль. С Византией мы были соседями прежде, будем соседями и дальше. Говорил и еще скажу: обры — вот кто наипервейший супостат. Думаете, вы так окрепли, что можете и себя защитить, и тем, что на краю Византии живут, помочь. Так идите тогда с этой своей силой на обров, сотрите их с лица земли, а потом уже о другом думайте. Я вам в который раз уже говорю: разгромлены и побиты, а до вас это так и не дошло. Другого случая может не быть. И не врагов, а союзников, думаю, следует вам искать в византийцах.

Князья переглянулись.

— А что, это и вправду так. Князь-отец дело говорит: обры побиты, и сильно побиты. Тут бы и добить их, чтоб не знали больше беды от них. Вспомните, как опустошили нашу землю! И кто постоянно угрожает ей? Опять они! От них — все угрозы.

— Братья! — поднялся высокий и могучий, как дуб, Мусокий. — Князь-отец правду говорит: авары — наши первые и самые злые враги. На них и пойдем. Тем более что и ромеям они теперь ненадежные союзники. Слышали небось, что учинили обры на днях с ромейскими пленными? Порубили всех, как траву в поле.

— Как это?

— Хотели сперва продать тем же ромеям, да у императора или казна пустая, или еще что помешало, но отказался он выкупать своих легионеров. А у тех язва, мор, каган и повелел турмам: порубить все двадцать тысяч, все равно, мол, девать некуда.

Мусокию не поверили. Это просто не укладывалось ни у кого в голове.

— Откуда князь знает это?

— Из самых достоверных уст, братья. Встретил на торжище человека, который убежал от этой лютой казни. Хотите, я приведу его сюда, сами услышите. Тем более что он не ромей, из наших сам, из славян. Княжич антский.

— Вот как? А как же очутился среди ромеев? Воином был у них или стратигом?

— Нет. Постигал науки в Константинополе. А когда возвращался домой, обрины слапали его.

— Веди его сюда, — оживился князь Лаврит. — Такой много может знать.

XXV

Мать Миловида почти совсем не вставала в последние дни. Лежала слабая, осунувшаяся, ее едва можно было узнать. Изредка она открывала глаза, с болью смотрела на детей и внуков.

«Какая же ты странная, мать-природа, — думала она, гляля на них. — Щедро наградила нас с Волотом — как сами хотели: только сыновьями. А им поскупилась на такую радость. У Радима из трех детей две девки — Добрава и Милея, у Добролика только девки — Ярослава и Добромира. И у Данко девка — Нига. Неужели и дальше так будет — и к добру ли это?»

Переборов сомнения, глянула веселее: а может, так и надо? Сыны — опора стола, дочки — продолжательницы рода. Вон какие пригожие, все в бабку красотой удались. Вот они-то и нарожают сыновей, дадут роду крепкий подрост. Усилиями князя и народа тиверского надежного мира удостоена земля, почему бы и не множиться родам!

Миловида собиралась звать к себе детей и внуков — пора, думала, прощаться с каждым, но тут услышала, как постучал кто-то в ворота соколиновежского терема, а потом раздались радостные женские крики, возбужденный разговор.

Все, кто был у Миловиды, насторожились: когда мать больна, кому в этом доме может быть весело? Милана собиралась уж пойти и узнать, в чем дело, но двери раскрылись, и одна из челядниц, сияющая, появилась на пороге:

— Возрадуйтесь, княгиня! — скорее не сказала, а пропела она. — Светозарко возвратился.

Милана со Златой дернулись было бежать вслед за отрочатами, которых сразу как ветром сдуло, но опомнились, сдержали себя.

— Мужайтесь, матушка, — успокаивали они Миловиду, хотя у самих сердечко прыгало. — Вы уже переболели свое, хватит.

Княгиня словно не слышала, не могла глаз оторвать от двери. И когда наконец он появился, подошел к ее ложу, единственное, на что хватило у нее сил — протянуть к нему свои наболевшие руки и выдохнуть:

— Светозарко! Свет мой горевой! Я таки дождалась тебя.

С этого дня уже не Милана, не Злата, не челядь княжья — сам Светозар просиживал возле больной дни и ночи, выхаживал ее. Лишь изредка, когда она засыпала от снадобий, уходил он ненадолго в лес, отыскивал по окольным ярам и лесным опушкам целебные травы. Готовил настои, варил отвары и все уверял матушку: вот как выпьет она все, что он готовит ей, так и встанет на ноги, еще и на его свадьбе попляшет.

Больная не перечила, пила его горечь, зато сладки были ей речи сына. И все же, поглядывая на его лицо, она горестно вздыхала и с грустью говорила:

— Ох, лебедик ты мой. Я свое отжила уже. А как ты будешь жить — вот что болит у меня. Все давно поженились, живут в достатке, в радости, детей нарожали. А где твои достатки, твои дети где? Простить себе не могу: зачем пустила тебя за море, в науку ромейскую? Разве я думала, что сделаю тебя самым несчастным в роду?

— А может, и не таким уж несчастным, матушка?

— Да ты посмотри на себя, на кого ты похож? Кожа да кости, вот и все, что принес из ромеев.

— Ошибаетесь, матушка. Измученный я, это правда. Нет жены, добра не нажил — тоже правда. Зато другое есть — понимание мира и людей.

— Что с него, твоего понимания? Станешь баяном, будешь ходить от оседка к оседку, лечить людей...

— И это дело, разве нет? Но это только малая часть из того, что могу сделать для земли своей. Я познал мир, познал людей, особенно когда попал от ромеев в кровавую школу аваров. Много горького, матушка, но много и утешительного познал я в странствиях и скитаниях по свету.

— Что же ты собираешься делать все-таки?

— А побуду сначала возле вас. Сам наберусь силы и вас на ноги подниму. Коли все хорошо будет, подамся землей Трояновой — в Киев, к брату Богданко на Втикичи.

— Зачем тебе это, сынок? Оставайся в Соколиной Веже. Отойду — Вежа твоя будет. Тут и терем, и поле, хватит тебе и добра всякого.

— А Остромирко?

— Об Остромирке князь позаботился уже.

— И все же хочу землю свою увидеть — всю, как есть, и народ на земле Трояновой, а тогда уж решу что-нибудь. Или в Соколиной Веже сяду, чтобы послужить земле и народу чем смогу, или пойду в Волын, возьму обещанное вечем место. Но все это потом, когда обойду землю и завершу теми путешествиями свою науку.

Мать смотрела на него, такого родного. Ей так хотелось согласиться с ним, но и не могла она. Что-то пока мешало ей, и она догадывалась, что: все ждала, может быть, он сам заговорит об этом, но не дождалась, пришлось самой спрашивать.

— Скажи, — осмелилась она однажды, — принял ли ты, будучи в ромеях, веру Христову?

— Не принял бы — не мог бы и учиться там, матушка.

— И уверовал в нее?

— Н-не знаю пока... Если быть откровенным, это тоже зовет меня пойти по своей земле.

— Дивное говоришь ты, сын.

— Зато правдивое, матушка. Ромеев видел, обров видел. Должен и к своему народу приглядеться, чтобы знать и остановиться в чем-то.

Она долго молчала, думая, потом сказала:

— Побудь возле меня, дитя мое. Пока жива — побудь, потом делай как знаешь. А Соколиную Вежу я завещаю все ж таки тебе.

XXVI

Вернулась к Светозару его сила. Окреп, расцвел — молодость взяла свое. Лишь одно плохо, мать недолго продержалась, несмотря на все его эскулапские старания. Только лето, как он вернулся, да зиму перезимовала.

Однажды весной, пожелав, как обычно, доброй ночи детям, она тихо и незаметно отошла.

Хоронили ее, как и велела, по христианскому обычаю. Убогими были те похороны. Народ, послушный своей вере и своим богам, не пошел за гробом христианки. Не пели псалмов, провожая в последний путь. Когда и что петь, знали только близкие, особенно Милана со Златой. Но им не до песен было. Зато на поминки — тризну по княгине-покойнице — тиверцы пришли без колебаний. И на тризне не молчали, не только пили да ели, но и воздавали хвалу княгине Миловиде. А уж как дошло до песен и танцев, не жалели себя. Чтобы знала покойница, что она не чужая им. Чтобы знала и весела была там, в солнечном Вырае, чтобы не гневалась на них, не держала обиды на сердце, как они не держат на нее за то, что приняла чужую веру, чужому богу молилась. Но, как бы там ни было, а княгини лучше ее тиверцы не знали— помнят об этом и детям, и внукам своим о ее доброте и справедливости говорить будут.

Тоскливо стало в Соколиной Веже без Миловиды. Светозару немалых сил стоило удержать себя в отчих стенах. Если бы не обычай, не обещание, которое, как и сестры, дал матери — помянуть душу покойной, не усидел бы в этих стенах. Да так, собственно, и сделал: отбыл сорок дней по умершей, да и пошел к старшему брату, князю на Тивери.

— Пойду я, Радим, и надолго. Знаю, забот у тебя много, а все же хоть изредка наведывайся к нашему праотчему дому... Возвращусь из странствий разве что на следующее лето, на тризну-поминки по матери.

— Хочешь все же обойти всю Троянову землю?

— Да.

Князь не собирался отговаривать брата, но не мог и не удивляться его прихоти.

— А как же с повинностью, которую возложило на тебя вече?

Светозар внимательно посмотрел на брата, весело блеснули его глаза.

— Ты что, всерьез об этом?

— А почему бы и нет?

— Думаю, тогда решили так, только чтобы примирить как-то вече.

— Да нет, Светозар. Если хочешь знать, люди ждут твоего возвращения, надеются на тебя. Келагаст творит

много такого, что недостойно князя, а князя-предводителя во всей земле и подавно.

— Думаешь, смогу прибрать его к рукам и поставить на место?

— Если явишь себя достойно, а тебя, наверное, тому и учили, вече может попросить Келагаста со стола, отдав его тебе. Народ недоволен им, и князья окольные тоже.

— В роду дулебов есть свой наследник.

— Того наследника Келагаст и близко не подпустит к столу.

— На стол не зарюсь, брат, — откровенно сказал Радиму. — А в Волыне я тоже буду и пригляжусь к Келагасту. Только не сейчас, погодя...

— Куда же теперь идешь?

— Пойду по Тивери, потом к уличам, потом к брату Богданко на Втикичи, к росам за Росью и непременно в Киев. Этот град на Днепре давно манит меня. А уж после Киева пойду на Волын.

— С собой берешь кого?

— Нет.

— Почему?

— Не в поход же иду. Возьму гусли, сменную кобылицу, да и все. Идти буду по теплу. Себя гуслями прокормлю, кобылицу — травой.

— Пустое надумал, — нахмурился князь. — Пойдешь землями, где леса да леса, а в них и зверья всякого, и татей хватает. Как хочешь, но одного я тебя не пущу. Возьми хоть сколько-нибудь воинов, бери ногаты, еду, тогда уж и иди. Ты же княжьего рода! Тебе ли гуслями кормиться?

Киев не показался ему таким огромным и величественным, как рисовала молва. Едва ли выехал из лесу — и сразу же оказался перед высокой стеной, поставленной на земляном валу. Лишь ворота да вежи по обе стороны ворот и показывали: это не просто крепость в лесных дебрях, это — город. Величие полянской тверди над Днепром обозначилось позднее, как миновал строения под стеной и ближе к площади, затем — саму площадь перед княжим теремом, и увидел требище с ликами богов, а потом и сам терем, вознесшийся над великой рекой.

— О-го!.. — сказал он восхищенно и переглянулся с воинами, которые стояли по обе стороны от него. — На такую гору не всякий конь взберется. Правду люди говорили: тверд Киев на восточных границах земли Трояновой. Как далеко видно отсюда степь, как гордо вознесся город над степью!

Переступая порог княжеского терема, Светозар испытывал волнение. С большими и светлыми надеждами шел он сюда. Но не ждал, что встретят его печальной вестью.

— Князь болеет, — сказали ему, — и принять гостя не может.

— Так, может, потом? Я подожду.

— Надежды мало, молодец. Он очень слаб.

Что же делать? Повернуться и уйти? Сказано однозначно: очень слаб. Но как уйти, если не для пустого разговора шел сюда.

— Я сын князя Волота из Тивери, Светозар, — пояснил челяди. — Князь должен помнить меня по вечу в Волыне. Скажите ему, возвратился из Константинополя, хотел бы побеседовать.

На этот раз ему велели подождать, сказав, что передадут его слова княжичу Велемиру.

Княжич сам вышел к гостю, приветил, обласкал, как положено доброму хозяину, а потом уже пригласил на беседу.

— Князь и вправду очень болен. Так что я боюсь за него и не хотел бы обременять его сейчас делами. Княжич из Тивери может сказать мне все, что его беспокоит, а я коротко передам отцу.

Светозар понимал, что ему не до многословья. Однако не сказать того, о чем думал, не мог. Там, за Дунаем, очень неспокойно ныне, может, сильнее, чем когда-либо. Византия, победив обров, воспрянет духом, а это значит, что у императора и его стратегов может разыграться аппетит на чужие земли. С другой стороны, обры, не поживившись в Византии, будут искать другой поживы. Он был у них, много слышал, но еще больше видел и потому уверен: тот, кто не задумываясь изрубил в куски двадцать тысяч пленных только из-за того, что их нельзя было продать с выгодой, — тот не станет раздумывать, сообразуясь с целесообразностью и доводами разума. Каган соберет последние силы и пойдет на ратный промысел к соседям. А идти ему, кроме славянских зе-

мель, некуда. И им, славянам, пока не поздно, следует позаботиться о единении между склавинами и антами — о единении, которого, кстати, давно нет. Лишь это даст им возможность одолеть обров.

— К сожалению, — вздохнул Светозар, — анты тоже не могут похвалиться надежным союзом. Окольные князья поговаривают, будто Келагаст сеет раздор. Плохая примета и не ко времени. Об этом и хотел поговорить с князем Киева. Хочу идти к Келагасту и сесть при нем на то место, которое назначило мне волынское вече. Но кто лучше князя киевского знает, что представляет из себя Келагаст и как мне быть с ним?

— Тревоги гостя справедливы, — сказал, раздумывая, Велемир. — И у антов не все ладно, и за антами тоже. На днях тревожная весть пришла в Киев: Византия замирилась с обрами и сразу вторглась своими легионами в земли склавинов. Эта сеча может погубить склавинов.

— Уже так?

— Так, княжич. Надо немедленно что-то предпринимать, иначе разгром склавинов может стать и нашим разгромом... Я все же пойду к отцу, скажу ему о тебе, — решился наконец Велемир и встал. — Подожди меня, это недолго.

Оставшись наедине, Светозар подошел к окну, из которого было видно Почайну, а дальше и седой Днепро, и долы за Днепром.

«Боже праведный! — подумал он. — Всего лишь одно лето минуло, как был там, на земле склавинов, удивлялся, как добр и приветлив народ, как отзывчив на беду — ведь все это на себе испытал. А теперь уже сами склавины в беде...»

Он вспомнил, как был на княжеском совете у их старшего князя-отца — Лаврита. Выходит, не напрасно печалился тогда умудренный годами князь непослушанием молодых, и не их ли непослушание привело к вторжению? Что же теперь ждет славян? Сумеют ли склавины выстоять в ратном поединке с ромейскими легионами или нет? И как поведут себя в этом случае они, анты? Неужели станут отсиживаться и молчать, ссылаясь на то, что у них с ромеями договор на мир и согласие? Очень возможно, что будет именно так, а нежелательно, чтобы так было. Да, Велемир правду сказал: их разгром станет и нашим разгромом. Это без сомнения. Это так.

XXVII

В Волыне Светозар не спешил говорить, кто он на самом деле. Поселился за городом, взял в руки гусли и пошел потолкаться, послушать, что говорят торговые люди. Он уже хорошо знал, что думают князья земли Трояновой о предводителе на Дулебах, а вот что говорит простой люд — шорники, кузнецы, рыбаки, те, кто трется возле княжьего терема, и те, кто далек от него. Чтобы расположить людей на разговор, он пел песни. И веселые, что сзывают в круг и заставляют забыть о горе, и грустные, которые берут за сердце, а то и слезу заставляют пролить, и такие, от которых только что расчувствованное сердце твердеет, как сталь. Как-то народу вокруг него собралось много, и он запел об убитых на Дунае.

Лица людей окаменели. Кажется, он и сам не ожидал, что чужая беда может так тронуть. Едва он закончил песню, кто-то спросил:

— А что, песняр сам все придумал, или обры и впрямь так жестокосердны с подневольным им людом?

Светозар улыбнулся, легонько тронул струны.

— Придумка, чтобы знали, всегда повторяет голос чьего-то сердца, как и оно отзывается на беду или радость человеческую.

— Может, и так, а все же...

— Не верится, да?

— Как поверить? А ромеи? Неужели они простили обрам такую бойню, такое издевательство над своими людьми?

— Видно, простили, если пошли после той бойни всей своей ратью не на обров, а на склавинов, которые немало натерпелись от тех же обров в то же лето.

— Да, — торговый люд стал на сторону Светозара.— Истину говоришь, песняр: не похоже, чтоб ромеи горевали по своим. Мы тоже слышали, что беда свалилась от них на плечи склавинов. Ты, песняр, человек божий, везде бываешь, много видишь и знаешь, а не скажешь ли нам, когда же придет конец бедам нашим, когда будет конец жестокости человеческой, как и безрассудству?

— А то вы сами не знаете, когда!..

— Где ж тут узнаешь, когда народ пошел такой, что в него и в ступе не попадешь?

— При чем тут народ? — возразил из толпы суровый

на вид, похоже, обиженный чем-то, человек. — Будто народ только и думает о сражениях, будто он посылает рать на рать и начинает сечи. Это все от князей, предводителей, у них зло да корысть на уме, они правят миром, они проливают кровь неповинного народа.

— Думаете, так?

— А чего ж не думать? Или из того, что сказал песняр, это не видно? Или наш князь чем-то лучше предводителя обров или ромеев? Скажете, что он не пролил столько крови, как те двое? Так прольет еще, увидите.

Сказал и пошел прочь.

— Типун тебе на язык, — выругался кто-то из шорников.

— Чего это он так? — спросил Светозар, кивнув на уходившего.

— Обида у него на князя Келагаста. Тот умыкнул дочку его и сделал своей наложницей.

— Вот те раз!.. Неужели у князя Келагаста есть наложницы? А Даная что?

— Небось не рада. Всякое говорят, да это только разговоры. Кто знает, что у них на самом деле.

Дела-а... Келагаст, значит, не только с окольными князьями своевольничает, но и с народом дулебским тоже. На что же он надеется? Разве такого князя будут уважать люди? Кто же пойдет за таким, тем более в тревожный час? А тучи уже сгустились на границах земли Трояновой, вот-вот беда может грянуть...

Нет, не к добру все это. Ох, не к добру. Что же делать теперь ему, Светозару? Плюнуть на Келагаста и вернуться на отчую Тиверь? Оно вроде и так: возле грязи и чистый может вываляться в грязи. А не пожалеет ли потом, если уйдет? Князь Тивери, как кровный, был бы ему верной опорой и однодумцем, это правда. Но не князь Тивери и не другой князь будет вести посольские переговоры, если до того дойдет, а только Келагаст, только через Волын. Об этом, когда дело касалось антов, поговаривали в Византии, это же слышал от князя-отца Склавинии Лаврита. Если так, разумно ли спешить с побегом от Келагаста? Волын — не один Келагаст, здесь и совет старейшин, и Даная, наконец. Не может быть, чтобы старейшины так уж одобряли Келагаста. Может, и Даная — не такая уж бесправная и бессловесная наследница княжьего стола на Дулебах? А убежать из Волына — это никогда не поздно. Надо сначала попробовать, не удастся ли приструнить Келагаста, образумить его.

Помнит ли его Даная? Тогда, когда перед вечем она присягала вместе с мужем своим народу, могла и не заметить отрока из Тивери. Он же, Светозар, помнит ее с тех пор. Сколько лет прошло, а не смог забыть. Стояла на вежице статная, гордая, поразив красотой своей. Даже голос ее не забыл он, помнит даже, как она молчала, какими чарами веяло от ее сомкнутых в смущении уст. Тогда, глядя на нее с немым восторгом, он удивлялся, что есть такая красавица, такая княжна на антах, а позднее, в ромеях, и гордился этим. Когда между отроками заходил разговор о женской красоте, так и говорил: подобных, как на антах, жен нигде нет. И почему-то не мать свою, красавицу из красавиц, а ее, Данаю, имел в виду.

— Скажите княгине, — пришел он наконец в княжеский терем, — что ее хочет видеть княжич Светозар из Тивери.

Челядник склонил в почтении голову, однако глаза говорили, что не очень-то он верит, что перед ним княжич.

«Неужели я так убог, — подумал Светозар, — что даже челядь мне не верит?» И тут же заметил в раскрытых дверях ладную женскую фигуру рядом с девушкой, такой же белоликой и пышноволосой, как и хозяйка терема. Улыбнулся их поразительному сходству и поклонился Данае.

— Прошу княжича, — пригласила она запомнившимся ему еще с того давнего веча голосом. — Прошу проходить в терем. Если не ошибаюсь, княжич и есть тот отрок, который боролся с мужем моим, Келагастом, при избрании князя-предводителя?

— Тот, княгиня. Узнала или догадалась?

— А чего бы мне не узнать, — усмехнулась Даная, — если гость мой был отроком тогда, а в поединке с мужами одержал верх.

— Да чтобы помнить так долго, нужна особая причина. Столько лет прошло! Я за эти годы изменился до неузнаваемости.

— Это так! — Она просияла лицом. — Стал настоящим мужем. Думаю, не так ратным, как думающим. Или и ратному делу обучен?

— Больше изучал законы бытия, дела сольские, Гип-

пократову науку, призванную заботиться о здоровом человеческом духе и здоровом теле.

Присев рядом, Даная не сводила с него восхищенных глаз. Хотя восхищаться должен был бы он ею. Кажется, он впервые в жизни видел так близко женщину в расцвете лет такой чарующей и нерастраченной еще красоты.

«И такую жену Келагаст меняет на наложниц? — спрашивал он себя, не зная, что ответить. — Кто же он? Гулящий обавник или муж, отвергнутый Данаей? Почему же она терпит его?»

— Ты, княгиня, мало изменилась с тех пор, — признался он. — Если бы не дочь, подумал бы, что и не было этих лет. Я не ошибаюсь, это твоя дочь?

— Да, — она привлекла к себе и поцеловала дочку.— Единственная моя отрада, из-за которой и не замечаю, сколько воды утекло в Буге... Иди, Лилейка, к наставнице, — поднялась и проводила девочку к дверям, и, закрыв их, просто и непринужденно вернулась к прерванному разговору. — Интересно, княжич настолько хорошо усвоил Гиппократову науку, что может баять людей?

— А княгиня разве нуждается в этом? — отшутился он.

— Да нет.

— Я тоже так думаю. Зная, что такое здоровье человека, могу засвидетельствовать: княгине мои услуги не нужны.

— Зато их потребует народ.

— А князь? — поймал он ее на слове.

Даная, видно, принадлежала к людям, которых настораживает даже невинное любопытство. Она потупила взор и как-то пригасла вся.

— Не буду лукавить, — сказала чуть погодя, — князь тоже требует помощи. Только не на немощь тела жалуется он. Разумный совет не помешает ему.

«Она читает мои мысли, или как это понимать?»

— До меня дошли слухи, — решился он на большее,— будто Келагаст тем и прославился за эти годы, что не очень-то прислушивался к дельным советам.

— То-то и беда.

— Чем же я помогу тогда, если так?

— Кто же еще поможет, если не ты? Отроком брал верх над мужами. Теперь, когда возмужал и ромейские школы прошел, на тебя и надежда.

— Тогда Келагаст стоял перед вечем — не смел своевольничать.

— И сейчас ты не один будешь. Есть совет старейшин, есть, наконец, я.

— Ты? — скорее слукавил Светозар, чем переспросил. Даная не обиделась. Она помолчала немного, но решила быть искренней до конца.

— Мне едва ли не больше всех приходится бороться с ним, как с князем. Одна беда: когда злюсь на него, не могу думать трезво. А будешь еще и ты рядом, появится и трезвость. Не забыл, думаю, что вече затем и послало тебя в науку к отцу, а отец — к ромеям, что верили: возвратишься достойным советником князю-предводителю.

— Даная преувеличивает.

— Да нет, Даная видит дальше других, потому и говорит так. Келагаст, чтобы знал, всего лишь воин. Дать лад земле без разумного совета он не способен.

— Скажу княгине, что и говорил уже: если не слушает совета...

— Будем едины — послушается. А нет — скажем, что всем говорят в таких случаях: пошел прочь. Своевольный князь не может быть предводителем дружины, а народа троянского и подавно. Из сына моего, Мезамира, князь и то лучше будет, особенно с таким стольником, как ты.

Вот оно как! Келагаст для нее — ничто. Она в самом деле может стать его надежным союзником. Только почему? Из-за обиды на князя, или она выше этого?

— Если так говорит дочь князя Добрита, если она верит мне и надеется на меня, быть по сему: останусь при Келагасте, конечно, если на то будет и его воля.

Она улыбнулась, не скрывая, что довольна его словами.

— Об этом узнаешь завтра, самое большее — послезавтра. А сегодня будь нашим гостем, дорогой княжич.

Сказала и поднялась проворнее, чем следовало бы княгине, и заторопилась к челяди, хотя, думал он, могла бы и не спешить так.

Нельзя сказать, что происходившее в последние годы на Дунае совсем не касалось антов, но там, где дунайские события непосредственно не затрагивали их, они

предпочитали не вмешиваться. Когда до них дошло известие, что «авары пошли походом на ромеев», анты лишь удивились: «Что они себе думают?» Когда же узнали, что «ромеи бросили палатийские когорты против аваров», — то удрученно покачали головами: «Доигрались. А впрочем, пусть ромеи собьют с них спесь, может, меньше будут зариться и посягать на чужое». Где-где, а в защищенном лесами Волыне сами анты чувствовали себя надежно, звон мечей за горами особой тревоги здесь не вызвал. Уже много лет они живут в мире с соседями, почему бы не думать, что и дальше так будет? Может, это ощущение надежности и покоя повлияло и на Данаю. А с появлением Светозара она и вовсе воспрянула духом, куда и девалась тоска, что стояла у нее в глазах. Даная снова стала живой и деятельной, будто вторая молодость вернулась к ней. Но точно, пожалуй, никто бы не сказал, что заставило ее так преобразиться, разве лишь новый стольник догадывался об этом. Однако от близких к князю людей не ускользнуло, что с появлением Светозара Даная сделалась решительней и тверже в своих суждениях, что советы стольника ей особенно по душе, что раздражение, а то и враждебность ее к своему мужу перестали быть тайной для всех, в княжеских делах она вообще, кажется, перестала считаться с ним. Даже выслушав старейшин, она обязательно спросит, а что думает Светозар, на князя же и глазом не поведет, будто того и нет на совете. Как-то раз прямо на людях сказала ему: он, Келагаст, должен не забывать, что посажен на княжий стол временно и что время это уже кончилось, в княжем роду на Дулебах есть законный наследник — ее сын. Стольник Светозар едва утихомирил их тогда, и Данаю, и Келагаста. Да и то, вряд ли бы ему это удалось, если бы не старейшины да не тревога, что всколыхнула в те дни дулебский народ. А началось все с того, что с Дуная прискакали в Волын нарочитые от склавинов.

— Беда, братья! — сказали они. — Ромеи замирились с Ираном и бросили против нас палатийские когорты. Это такая сила, с которой одна наша рать не справится. В сече с ними пал лучший предводитель склавинских воинов — Ардагаст, жертвой подлой измены стал Мусокий. Придите, анты, зовем вас, и станьте в помощь нам. Вспомните, мы кровные братья с вами, негоже нам в такой час сторониться друг друга.

Даная, узнав об этом раньше других, сразу явилась к стольнику.

— Что делать будем, Светозар? — спросила растерянно.

— Соберем совет старейшин. Подумаем вместе с ними, как быть нам, что делать.

— Это же надо случиться такому, — сказала она с таким искренним и глубоким сожалением, что Светозар безошибочно почувствовал за ее словами не просто жалость, но и понимание тех отдаленных бед и утрат, тень которых уже нависла над славянской землей.

Да, его, Светозара, как мужа, знающего римское право, удостоенного звания стольника, гостеприимно приняли в Волыне и нарекли на совете старейшин первым советником князя-предводителя, а также — слом земли Трояновой. С Келагастом он был в добрых отношениях, князь вполне доверял ему, но гораздо ближе сошелся Светозар с Данаей. Хорошо понимая ее, он не мог не разделить ее беспокойства.

Когда собравшийся совет выслушал склавинов, старейшины обратились прежде всего к нему.

— Княжич Светозар. Ты долго был в ромеях. Скажи нам, чем вызван и с чем связан поход за Дунай и именно на склавинов?

— Причина всему одна: частые походы склавинов в ромейские земли и намерение склавинов сесть в захваченных землях навеки.

Келагаст счел за необходимое переспросить:

— И это в самом деле так?

— В Византии походы склавинов, как и вторжение обров, у каждого на устах. Ромеи давно требуют от своего императора: «Замирись с персами, сними палатийские когорты и брось их против обров и славян». Так и случилось.

— Так как же нам быть?

— С Византией нельзя не считаться. Однако и не пойти на помощь склавинам мы тоже не можем.

Заговорили советники. Одни соглашались со Светозаром, другие, напротив, сомневались. Они никак не могли взять в толк, как это можно — и склавинам помочь, и Византию не разгневать?

Поинтересовался этим и Келагаст.

Светозар был готов к ответу. Да что там готов, — он давно выносил его в сердце, ибо, еще когда направлялся

в Волын, предвидел, что поражение обров от ромеев обернется бедой для антов.

— Вы знаете, — ответил он, — что с ромеями у нас договор. И пойти сейчас против них ратью означало бы нарушить давно и надежно установленный мир.

— Мы же не в их землю вторгаемся, — возразил кто-то, — пойдем на помощь к братьям, против которых они подняли меч.

— Это все равно. Так или иначе, пойдем на ромеев и биться будем с ромеями, а такая сеча, как ни крути, — нарушение уложенного договора. Надо поступить мудрее: послать — немедленно! — сольство к ромеям и сказать им: «Склавины — наши кровные. Если вы, ромеи, друзья антам и желаете остаться ими и дальше, отведите свою рать за Дунай и оставьте землю Склавинии в покое. Если не сделаете этого, мы, анты, вынуждены будем выйти и стать против вас всей своей силой». Примут во внимание — хорошо, не примут — соберемся и пойдем.

— Разумно! — согласились с ним. — Правда, и разумно, и честно. Если не послушаются и не уберутся восвояси, не мы, а они будут виноваты в нарушении покоя между нашими землями.

— Можем добавить, — подбросил в костер искру Светозар, — если у вас гнев на склавинов — гасите его в сечах со склавинами на своей земле, от чужой — руки прочь!

— Верно! От чужой — руки прочь!

— Соглашайся на это, князь! Разумный совет.

— А чтобы сольство не тратило время на дорогу в Константинополь, — подсказал кто-то из старейшин, — надо отправить слов прямо к стратегам, которые борются со склавинами.

— Нет, — засомневались другие. — Нарочитых лучше послать и к стратегам, которые грабят Склавинию, и к императору. Так будет вернее.

Келагаст поднял меч и, дождавшись тишины, сказал:

— Все ли согласны с этим?

— Все!

— Значит, так и сделаем: пошлем слов в обе стороны. А тем временем будем собирать рать.

— И поставим ее на границах, — посоветовали старейшины. — Чтобы ромеи видели: мы можем и переступить их, если не уберутся из Склавинии!

— А это верно! Поставим рать на границах! Небось ромейские стратеги сразу тогда завертят задницами.

Келагаст не возражал. В нем заговорил дух воина, жаждущего победы, и он охотно со всем соглашался. Для него это был подходящий случай показать себя миру. Даже если император уйдет со Склавинии по доброй воле — все будут знать: заставили уйти анты; дойдет между антами и ромеями до сечи — опять же всем будет известно: славяне взяли верх над ромеями потому, что там были анты, а вел антов князь Келагаст. И тогда Даная уже вряд ли посмеет упрекнуть его в чем-либо или напомнить лишний раз: ты — князь до поры до времени. Сильных не судят, а от способных взять верх над таким супостатом, как ромеи, не отрекаются.

XXVIII

К стратегам, что стояли во главе ромейских войск в Склавинии, послали других слов, Светозару же, знающему Византию, ее людей и ее нравы, посоветовали идти в Константинополь. Да он и сам не возражал. Он понимал, что ромейские стратеги вряд ли послушаются антских слов и уйдут из Склавинии без позволения императора, к тому же он действительно хорошо знал Константинополь и ему легче, чем кому бы то ни было другому, можно подступиться к императору. Разумеется, имело значение и то, что никто не знал так окружение императора, как он. И он, Светозар, мог бы поклясться, что решение императора о ратном походе зависит не столько от него самого, сколько от его окружения. Среди этих людей немало и учителей Светозара, и его друзей по альма-матер. На них была у него немалая надежда.

Когда прибыл в Константинополь и заговорил с посольскими людьми о своей миссии, не мог не заметить: ромеи удивлены, а если точнее сказать, то и встревожены намерением антов вмешаться в их распрю со склавинами. Эта тревога быстро прокатилась по всему Августиону — слух о том, с чем прибыли в Византию анты, дошел и до аварского сольства, которое при Маврикии постоянно пребывало в Константинополе. Разумеется, о миссии Светозара скоро стало известно и кагану, хотя ему это и показалось весьма и весьма сомнительным. Он гораздо больше склонен был доверять не Таргиту, а посланным в Склавинию разведчикам, сообщение которых

действительно взволновало Ясноликого, — будто бы анты, оставаясь верными договору с ромеями, готовы прийти к ним на помощь, и, как только палатийские легионы разобьют склавинов, они вместе с ромеями пойдут на аваров. «Знай, Ясноликий, — предупреждали разведчики, — дружины антских князей уже стоят на границах Склавинской земли в Карпатах».

Разнобой в сведениях вызвал раздражение кагана. Как смеют хоть ромеи, хоть анты идти в Склавинию, топтать конями ее землю? Разве они забыли, что Склавиния — его земля! Он был там, владел ею, а то, что ушел из нее, еще ни о чем не говорит. По своей воле ушел оттуда, по своей воле и вернется, заставив склавинов платить ему дань.

— Небо свидетель тому, — вспыхнул он необузданным гневом, — этого нельзя оставлять так.

— Верно! — подхватили позванные на совет терханы. — Этого так оставлять нельзя!

Старых терханов поддержали вчерашние отроки, особенно те, которые успели отличиться в сечах, стали предводителями в турмах и молодыми советниками кагана. Всего этого было достаточно, чтобы всколыхнулось море и волны гнева пошли гулять по аварской земле. Одна выше другой.

— Мы опозорены, Ясноликий! Учти, ромеи все еще считают нас своими слугами, конюхами! — говорили кагану.

— А анты? Почему идут в Склавинию анты? Труби, достойный предводитель, поход! Дай нам волю — и мы вытурим за Дунай ромеев, преградим путь в Склавинию антам!

И только самые престарелые из советников кагана, умудренные прожитыми годами, остерегались такой поспешности и поговаривали меж собой: неужели эти крикуны возьмут верх?

— Не торопитесь! — осаживали они молодых. — Спешить будете в сражениях, а не здесь. Трезвый ум подсказывает другое: пусть сначала анты передерутся с ромеями из-за склавинов. Нам же, аварам, следует дождаться удобного случая и пожать плоды тех побед.

— Ждите, как же, дождетесь! Ожидаючи, яиц не высидишь. Небо свидетель: толку из этого не выйдет!

Каган, долго молчавший, хотя и возмущенный в душе трусостью стариков, решил положить конец спорам.

— Согласен с одними, — посмотрел в сторону молодых, — но и советом старших не пренебрегаю. Лезть в сечу, не оглядевшись, не следует. Однако и молчать, когда речь идет о Склавинии, нельзя. Или мы не авары?! Зовите писцов!

Баян был уже очень стар, чтобы метать, как когда-то, громы и молнии. Он сидел на возвышении белый, как лунь, ссутулившийся, с лицом, сплошь изрезанным глубокими бороздами морщин. По нему видно было, что он пытается собраться с мыслями, но ему это не удается. То ли гнев мешает ему, то ли старость уже неспособна отыскать нужное в закоулках памяти. Тем, кто помоложе и поумней, становится неловко за кагана. Кричат — Ясноликий, а сами думают: где она, та ясноликость, если предводитель их больше похож на злого духа? Его величают мудрым среди мудрых, а он уже двух слов связать не может. Когда бы не былая слава его, давно сказали бы: «Иди, старче, доить кобылиц на выпасах, уступи место другому». Но слишком уж велика слава Баяна, чтобы посметь сказать вслух то, что позволяет себе тайная мысль.

— Выскажем гнев свой на папирусе, — Баян вспоминает, наконец, о чем он говорил, — и пошлем его как предостережение императору Византии и предводителям антов. Если вступим в сечу с ними, пусть знают, почему пошли на них. Пишите, — повелел писцам и снова замолчал, сосредоточиваясь.

Послание не было таким гневным, каким хотели бы видеть его советники кагана, но все же в нем было то, о чем думали они и чего желали.

«Милостивый император! — размеренно диктовал каган. — До нас дошел неутешительный слух, а люди склавинские подтвердили его и свидетельствами, что ромейские легионы, покоряясь твоей воле, перешли недавно Дунай и направились в Склавинскую землю как карающая и своевольная сила. Очень удивлены и возмущены этим твоим поступком, император. Несколько лет тому подписывали мы с тобой договор и присягали, что река Дунай будет мироносной границей Ромейской и Аварской земли, нам — к вам, вам — к нам, а также к подвластным нам, аварам, славянам не вольно будет ходить, что от того дня будем жить в мире и согласии. А где он, тот обещанный мир, и где согласие? Или вам, ромеям, неизвестно, что земля Склавинская с тех пор,

как гулял там аварский конь и возносился над поверженными склавинами аварский меч, принадлежит аварам? По праву завоевавших победу и славу принадлежит, василевс! Почему же пошел туда и берешь то, что наше? Разве это не та татьба, которой ромеи так громко попрекают других? Разве союзники и добрые соседи поступают так?

Хотели бы знать, как понимать это? Неужели империя желает новой сечи с аварами?

Остаюсь верный нашей договоренности и надеюсь на лучшее.

Каган аваров, гепидов и славян Баян».

Антам послали другое послание. Их не упрекали в нарушении мира и согласия, зато сказали им: если перейдут границы Склавинской земли, авары будут считать их своими врагами и будут действовать по отношению к ним так, как велит действовать совесть каждого, на кого посягают тати.

— Гонцы, которые доставят наше послание Таргиту в Константинополь, найдутся, — вслух размышлял каган. — А кого пошлем слом к антам?

— Позволь мне, — вызвался Апсих. — Я быстро успокою их.

— Ты здесь нужен, — не раздумывая, возразил Баян. — Кто знает, как повернется, может, придется готовить турмы и вести на антов или ромеев. Поедет, наверное, Калегул.

Тот явно не испытывал такого желания, как хакан-бег. Медленно встал и переспросил кагана, тем уже выказывая свое несогласие:

— Ты в самом деле так считаешь, Баян?

— Не считал бы, не называл бы твоего имени.

— Может, именно мне и не стоит показываться на глаза антам.

— Это почему же?

— Разве каган не помнит, как погиб Мезамир? Его младший брат теперь предводитель антов. Он был тогда с Мезамиром и все видел.

— Ну и что?

— Может отомстить мне, а через меня и всем аварам.

— Когда это было? И ты давно уже не отрок и ант. Не узнает он тебя, Калегул. А узнает, так что же, этим мы и проверим, какой из него предводитель.

Сказанное каганом, похоже, никак не укладывалось у

Калегула в голове. Он долго мялся, не решаясь больше ни возразить, ни сесть на свое место. Один из сыновей Баяна, что уже ходил в терханах, воспользовался этим замешательством и выступил вперед.

— Позволь мне, отец, пойти к антам.

Это был Икунимон, утешение и надежда Баяна. Ему только двадцать пять лет, но он и статен, и умен, и хваткой в отца. Да, таким же вот горячим был и он, Баян, в молодые годы. Только выдержки не хватало младшему Баяну.

— Хочешь сам возглавить сольство, — спросил Баян, — или пойдешь вместе с Калегулом, как один из слов?

— Зачем вместе? Калегул отказывается, так пойду сам. Получше узнать антов не помешает.

Его отвага ласкала сердце Баяна. Хотелось окинуть всех присутствующих на совете умиротворенным взглядом и сказать: быть по-твоему, сын! Но что-то не позволяло ему сказать именно так.

— То, что возлагаем на тебя, будет много значить в судьбе наших родов. Понимаешь ли это, сын?

— Почему не понимаю? Должен удержать антов на границах земли Склавинской, не допустить их вторжения в Склавинию.

— Если справишься с этим, сдержишь уже занесенный над нами меч, считай, положишь Склавинию к ногам аварских родов. Дело важное, поэтому пойдешь к антам в паре с Калегулом. В случае чего опыт придет на помощь молодости, а молодость — опыту.

XXIX

Императора Маврикия не слишком обеспокоило послание кагана: у него есть там, за Дунаем, как и на юге от Дуная, сила, способная утихомирить кого угодно. Это не собранные наспех когорты, это испытанное палатийское войско варвар. Оно в два счета выметет склавинов из Придунавья, а потом и за тебя возьмется, подожди. И все же что-то мешало Маврикию. Больше всего досаждало, что его вторжением в земли склавинов недовольны не только авары, но и анты. Эти не ограничатся посланием, сами вон стучат в Августион, жаждут говорить.

— Аварам дайте ответ на послание и хватит с ни-

ми, — сказал он сенаторам. — Антов же придется выслушать.

— Что ответим им, выслушав?

— Во-первых, надо убедить их, что в раздоре повинны не мы, а склавины. Они уже много лет не прекращают татьбы на византийских землях, только и знают, что вторгаются в границы империи, грабят людей, самовольно садятся на окраинах Византии. Если анты так уж переживают за склавинов, пусть образумят их. Прекратят татьбу — мы вернемся за Дунай.

Маврикий помолчал, словно вспоминая что-то, потом спросил:

— Кто из антов пришел на переговоры с нами?

— Стольник Светозар. Несколько лет тому учился в высшей школе Константинополя и был награжден этим титулом за успешное овладение науками.

— Вот как! Ну что же, это, может, и к лучшему. Завтра просите его ко мне.

Немногого добился Светозар, увидевшись с императором. Зная, как щедры ромеи на посулы и как скупы на дело, он, вздохнув, сказал императору на прощание:

— В таком случае, между антами и ромеями нет больше договора на мир и согласие.

— Как это? — не поверил Маврикий. — Такого не может быть!

— Однако так. Была, василевс, договоренность не переходить Дунай, считать его вечной межой между ромейскими и славянскими землями. А вы перешли.

Император начал отступать, вертелся, словно необъезженный конь под седлом, но Светозар оставался непреклонным, стоял на своем: или империя немедленно отзовет свои когорты из Склавинии и этим однозначно подтвердит, что твердо намерена жить со славянами в мире и дальше, или между нею и антами будет сеча. Маврикий не хотел уступать, но пришлось: пообещал Светозару найти согласие со склавинами. Как только это произойдет, сказал, так ромеи снова будут сидеть в своей земле, славяне — в своей.

— Если так, — ухватился Светозар, — пусть император уже сейчас повелит своим стратегам — Петру и Гудуису — прекратить сечу и договориться со склавинами о мире и согласии.

Маврикий смотрел на него глазами, в которых сквозило и сожаление, и печаль, и недовольство. Видно было: вот-вот он не сдержится и скажет: а не много ли хочешь, молодец? Однако сдержался, сказал другое:

— Мы подумаем об этом.

Ответ воистину ромейский: вроде и да, а вроде и нет. Слабое утешение. Светозар шел из Августиона, едва волоча ноги. Зря столько времени просидел в Константинополе, ничего не высидел. Больше, чем полстолетия жили анты с ромеями в мире, теперь приходит конец. Если ромеи не одумаются вместе со своим императором, то, пока он дойдет до своих, будет сеча.

Не знал Светозар, что рано он опустил руки. Большего, как ни удивительно, добился тот из антского сольства, которого послали в Склавинию к предводителю ромейской операции за Дунаем, племяннику императора Петру и стратегу Гудуису. Был ли так ловок и удачлив антский посол или независимо от него сложилось так, но сложилось лучше, чем у Светозара. Появление антов в ромейском лагере за Дунаем, как и угроза с их стороны — пойти против ромеев, если не уберутся из Склавинии, не обрадовали Петра и Гудуиса. Весть о приближении антов взбудоражила и легионеров. Те, будучи вконец измотанными походами и сражениями, зароптали: до каких пор будут скитаться по свету? Уже сколько лет, воюя в Иране, не видели своих жен, детей, матерей, а императору все мало, загнал их теперь за Дунай, в славянские дебри, откуда многим из них уже не будет возврата. Сечи еще не было настоящей, а легионеры гибнут и гибнут в мелких стычках. Это сейчас, а что будет, если их застанет здесь зима, а вдобавок еще и анты объявятся на их голову?

Нашлись предводители, думавшие если и не совсем так, то близко к этому, и не побоявшиеся пойти к стратегам и прямо сказать им:

— Легионеры вконец измучены походом и требуют возвращения за Дунай, к женам и детям.

Оба стратега — и Петр, и Гудуис — и без таких напоминаний знали о давнем обычае ромейского войска: при первом удобном случае легионеров отпускают на зиму домой, на прокорм и отдых возле жены, детей, как знали и то, что такого отдыха не было вот уже несколько лет подряд, во всяком случае для тех, кто пришел из Ирана. Но что могли сделать стратеги, если их когорты

рыскают по земле Склавинской то туда, то сюда, а покорности от склавинов как не было, так и нет. Что они скажут императору? Что разбили Ардагаста, когда перешли Дунай, а потом Мусокия? Да, разбили, да, после этого ни одна склавинская рать не вышла против ромейских легионеров, однако и покорности нет, и покоренных людей не видно. Все и вся попряталось в лесах, в горах, покрытых лесами. А на рассвете или ночью то в одном, то в другом месте объявляются ватаги склавинов и наносят когортам чувствительные удары. Они, стратеги, давно убрались бы из этой треклятой Склавинии, но как уйти, если ничего не добились от ее предводителей?

— Надо подождать, — тяжело вздохнув, сказали стратеги тем, кто передал им требование легионеров идти на зиму по домам. — Мы уже отправили нарочитых к императору. Посмотрим, что скажет император.

— Чего ждать? Пока анты пойдут на нас?!

— Почему скрываете, с чем прибыли антские слы? — кричали стратегам собравшиеся кучкой легионеры.

Надо было как-то успокоить крикунов, да уже и не крикунов, а бунтовщиков, но как? И стратеги, чтобы предотвратить назревающий бунт, вынуждены были рассказать о том, с чем пришли анты.

— Желаем знать, что делают предводители, чтобы не дошло до сечи с антами? — зычно крикнул один из легионеров.

— Покорность и спокойствие! — призвали стратеги к порядку. — Антам сказано: мы приостанавливаем поход в Склавинию, пока император завершит переговоры со слами антскими и прикажет нам, что делать дальше. Такой ответ остановил антов на границах Склавинской земли. Они успокоились, так успокойтесь и вы.

Однако сказанное было неправдой. Стратеги ромейские ничего подобного еще не говорили антским послам, но после угроз от собственных легионеров им ничего не оставалось, как слово в слово повторить то же самое и антам.

XXX

Келагаст томился в бездействии. Идти в Склавинию было явно преждевременно, но и ожидать послов надоело. Ну ладно, Светозара нет долго, так ему вон куда надо идти, да и там, в Константинополе, не быстро дело делается. До королей, императоров не так просто достучаться. А почему нет посланных к ромейским стратегам, в Склавинию? До них не так уж и далеко. Что, не поддаются стратеги на уговоры или какую мерзость задумали, как в свое время с Мезамиром? Вроде бы на них это не похоже...

Предводитель антов и отоспался уже после похода к границам Склавинии, и набражничался вволю со своими воеводами, а дальше-то что? Так вот и ждать, отлеживаясь? С ума сойти можно.

— Ополчение дулебское уже прибыло на указанное им место? — спросил он одного из воевод.

— Если бы прибыло, известили бы.

— А князья окольные? Тоже не дают о себе знать?

— Уличей, русов еще не было, а князь Радим прибыл вчера под вечер и стал лагерем.

— Тогда готовьте застолье и зовите князя Радима и главных мужей его на трапезу.

Веселые застолья возле шатра Келагаста если и прекращались, то лишь на время, когда надо было отоспаться захмелевшим. Князь повелел, чтобы столы гнулись от щедрот Дулебской земли, а застолье всегда было достойно предводителя такой силы, как антская. И повторял это не раз, а бывало, и ругался на челядь, если что не так. Но больше пил да упивался славой, на которую подвыпившие не скупились; одним словом — дорвался до волюшки. Волын далеко, упрекать князя некому, даже молчаливая обычно жена не бросает здесь подозрительных взглядов. А поводов и причин для веселья хватало. Вчера тиверцы гостили, сегодня прибыло дулебское ополчение, завтра или послезавтра явятся уличи. Всех звал. Да и как не отметить счастливый переход?! А надо было еще и напутствовать на день грядущий. С побратимами же, как известно, одной чашей вина не обойдешься.

Тиверцы, как и уличи, отведали хлеба-соли у Келагаста, обменялись с ним братницами, посидели, сколько положено, да и пошли к себе в лагерь. Зато воеводы Келагаста, его опора в дружине, гостевали и днем и ночью. Только и знали, что славили своего предводителя, клялись стоять за него горой.

— Мы тебе верим, — талдычили князю, — верь и ты нам. Когда дойдет до сечи, не опозорим мечей, прославленных нашими дедами и прадедами, добудем тебе славу, достойную князя над князьями!

Захмелевшему море по колено. То соглашался с ними,

кивал головой, то вдруг втемяшилось что-то, заспорил с ними.

— А я, — говорит, — не верю, что добудете.

— Это нам, мужам своим, не веришь?

— Да какие вы мужи? Какие, спрашиваю, мужи и друзья, если не можете добыть своему князю самое простое — девку-утеху!

Гостечки притихли. Видать, не ожидали услышать такое от князя. А потом у одного, у другого заблестели глаза.

— Мы, — сказал один, — и в самом деле недостойны своего предводителя, если так заботимся о нем.

— Мы же здесь не на день остановились, братья! — подхватил другой. — Разве в жизни только и радости, что медовый напиток да застолье? Надо и о другом позаботиться.

Медлить с такой заботой не стали. На другой же день привезли несколько девок и поставили перед Келагастом. Вот, выбирай, какая тебе больше по нраву, а то и всех бери.

Князь выбирал недолго. Остановил взгляд на пышущей здоровьем и красотой девке, не по летам рано созревшей, хотя и испуганной вконец.

— Как зовут тебя?

— Дарина.

— Останешься при мне, Дарина. В жены беру тебя себе. Все остальные, — еще раз оглядел других, — будут прислуживать тебе. Желаешь, чтобы прислуживали, как княгине?

— Нет, нет. Ничего не хочу от князя, ничего не требую. Об одном прошу: пусть ищет себе другую княгиню, а меня к матушке отпустит.

— Пустое. Когда-нибудь будешь благодарить меня. Иди и готовь себя к браку.

Плакала, просила, умоляла князя — напрасно. Келагаст оставался непреклонным. Что ему, ведь это не первая девка такая. Вон сколько их плакало, а где теперь их слезы? Чтобы как-то уломать девку, сказал всем остальным, которых оставил при ней, как челядниц, что из лагеря их отпустят, только когда уговорят Дарину стать князю женой и подготовят ее к свадьбе. Богами клянется: будет так и только так. Намерения его честные, а что умыкнул Дарину, так удивительного в этом

ничего нет: такой уж в их земле обычай от дедов-прадедов.

Поверила ли Дарина в искренность княжьих намерений, никто не знает, она только плакала да на стены кидалась, а что девки поверили, то все видели. Уж как они ее обхаживали, уговаривали, к покорности призывали, да еще и на богов ссылались — всякой ли позволено быть княгиней на антах?! Так старались, что и сами поверили, и князю сказали, что все идет, как надо. А Дарина-то взяла да и все испортила им. Послали ее в баню, оставили ненадолго одну, потом кинулись, а она повесилась с горя-отчаянья.

Князь прямо взбеленился после этого, метался с рыком, словно дикий вепрь в загоне, не зная, на ком злость сорвать. Ох, и не поздоровилось бы девкам-челядницам от него, но тут, на их счастье, гонец объявился, сообщил: обры прислали к князю-предводителю своих послов, которые желают видеться с ним. Ну, тут уж князю не до девок стало, а те тоже ворон не считали — под шумок скорехонько исчезли из лагеря.

— Как же быть со слами? — переспросил князя кто-то из воевод. — Сказать, пусть разбивают шатры и ждут?

— А чего им ждать? — удивился Келагаст. — Хотят видеться, так давайте принимать.

Видно, от того, что случилось с Дариной, сердце Келагаста было смущено, да и в голове ясности не было. Не подумал, что обрам после долгой дороги надо дать отдохнуть, да и угостить бы не мешало, а между делом, может, и выведать, чего прибыли, чтобы знать потом, что сказать, когда до разговора дойдет. Но зато поспешил созвать окольных князей и главных мужей своей рати. Сообразил, что речь пойдет о делах всеантских, потому все анты и должны были быть при разговоре с аварами.

Конечно, аварское сольство об отдыхе и не заикнулось, коль скоро анты были готовы сразу же принять послов кагана. Они едва успели привести себя в порядок с дороги, как перед вечером их позвали в шатер Келагаста.

Князь принял их довольно торжественно. Он восседал на возвышении в праздничном убранстве, не менее нарядны были и князья союзных племен, сидевшие от него по обе стороны. Видно, не столько присутствие, сколько число антских князей, бывших здесь, удивило аваров. Не ожидали, что у князя столько советников. Или это какой-то подвох? Говорили Келагасту хвалебные речи,

клали перед ним подарки кагана, а сами то и дело зыркали по сторонам: что, мол, это все значит?

Аварский посол был не просто учтив и вежлив, но и льстив, однако, до поры. Когда от подарков перешел к делу, тон его изменился. Зачем, с нескрываемым неудовольствием спросил он, зачем это предводитель антов вывел столько воинов на границы своей земли? Неужели это правда, что он собирается выступить против ромеев и вступиться за склавинов? Или правда в другом: не хочет ли князь идти на помощь ромеям?

Келагаст, было успокоившийся перед свиданием с послами, чуть не взорвался от такой бесцеремонности.

— Мы, анты, в чем-то провинились перед аварами, что должны объяснять свои действия?

— О нет, этого мы не сказали, — поспешил возразить обрин. — Всякий волен делать то, что велят ему честь и совесть. А все же, должны предостеречь... Собственно, мы затем и прибыли к антам, чтобы сказать: земля Склавинская завоевана аварами и с тех пор она их данница. Антский поход в Склавинию — на стороне склавинов или против них — означал бы посягательство на владения каганата.

— Даже так? — терпение Келагаста лопнуло, и он оборвал посла аваров на полуслове. — А ты, достойный сол, вместе со своими родичами чего-нибудь другого не мог выдумать? С какого это времени Склавиния стала вашей? По какому праву?

— Говорил уже: была сеча, в которой мы одолели склавинов, и с тех пор они платят нам дань.

— Ты лжешь! — гневно бросил Келагаст и едва не вскочил, чтобы вышвырнуть их вон, но удержал себя. Оперся руками о стол, на котором восседал, и продолжил: — Склавины не были покорены вами и дань вам не платят! Если же они ваши данники и, значит, находятся под вашей защитой, то почему вы поспешили с сольством к нам, а не послали в помощь им свои турмы? Почему, спрашиваю?

— Вот затем и пришли к князю, чтобы сказать: каганат не хотел бы, чтобы еще и князь вмешивался в спор между ромеями и склавинами. Мы, авары, сами придем на помощь склавинам. Дождемся, что скажут ромеи на наше требование к ним оставить Склавинию, и пойдем, если не оставят.

Ответ аварского сла казался довольно-таки убедительным. Это раздражало и не устраивало Келагаста.

— Склавины прислали к нам, своим братьям, людей и просили помощи в ратной борьбе с ромеями. А кто просил вас? Кто, спрашиваю?

Обрин заколебался, и этого было достаточно, чтобы судьба его дела повисла на волоске.

— Думаешь, я не узнал тебя? — нарушая посольский обычай, поднялся-таки Келагаст. — Думаешь, поверю такому, как ты? Или обры настолько дерзки, или бог совсем лишил их разума, если посылают просить мир и согласие того, кто способен сеять только смерть? Ты брат кагана, Калегул, так?

— Я не скрываю этого.

— Однако и не сознался. Думаешь, не знаю, почему? Кто кричал тогда, когда перед твоим Баяном стояло антское сольство: «Убей этого анта!»? И разве не из-за тебя в шатре кагана пролилась кровь и пал жертвой мой брат Мезамир? И после всего ты посмел прийти и угрожать нам?

— Достойный князь! — Икунимон сделал шаг вперед и стал рядом с Калегулом. — К тебе пришло сольство от каганата, а не ослепленный ревностью отрок, на которого у тебя гнев в сердце. Вспомни, когда это было...

Говорят, если боги хотят покарать кого-то, они лишают его разума. Мужи, посланные на великое дело — добыть мир и согласие, — вместо переговоров затеяли ругань, вместо разума явили безумство.

— Месть — голос крови! — возразил Икунимону Келагаст. — Она не знает забвения!

— Зато знает другое, — не счел нужным промолчать Калегул и стал угрожать князю. — У палки два конца, князь. Если поднимешь меч на наше сольство, не только ты, весь твой род будет наказан самой жестокой карой. Авары не прощают невинно пролитой крови!

— А-а! Так вот как, значит! — Келагаст сделал шаг вперед и выхватил меч. — Авары не прощают, а мы должны прощать?!

— Остановись, князь! — вскочил и грудью стал между Келагастом и аварами Радим. — Здесь говорили правду: ты не с родаками кагана имеешь дело, а со слами каганата.

Но вмешательство Радима не спасло Калегула. Предводитель дулебов был слишком искусным воином, чтобы

не сделать то, что задумал: он как бы уступил тиверскому князю, отходя назад, и тут же сделал выпад, в одно касание проткнув уж было успокоившегося обрина мечом.

Все оцепенели. Анты смотрели на умирающего Калегула, обры — на их князя.

Икунимон, понимая, что теперь уже не до посольства, успел подхватить падающего от смертельной раны сородича и, пятясь, стал отступать вместе с опомнившимися аварами к выходу. Смятенные и поникшие, они уходили в безмолвии. Но это не спасло их. Ослепленный ненавистью, почти обезумевший Келагаст снова бросил клич:

— В мечи их! Порешить всех до единого, чтоб и семя не осталось!

Тиверский князь Радим снова попытался преградить путь дулебам и остановить их: образумьтесь, ослепленные, подумайте, что вы делаете! Но его не слушали. Видя это, и другие князья земли Трояновой встали рядом с Радимом.

— Чините протест? — лютовал Келагаст. — Являете непокорность?!

— Волю большинства являем тебе, князь! — ответил Радим. — Прошу, одумайся и покорись.

— Мы в походе. Моя воля здесь — закон. Вперед, мужи!

С тяжелым сердцем князья оставили шатер Келагаста, оставили затем, чтобы на воле стать вместе со своими мужами вокруг обров и отгородить их от дулебов.

Келагаст со своими людьми грозно напирал на них, и скоро вслед за препирательствами вспыхнула настоящая сеча. И кто знает, чем бы все это кончилось, если бы на них не выскочил вдруг отряд конных.

— А, чтобы вас! Вы что, с ума посходили? — крикнул кто-то из подъехавших.

Нападавшие остановились. К ним в сопровождении посольских приближался Светозар.

— Что случилось, спрашиваю?

— А то, что видишь, — первым отозвался Радим. — Князь-предводитель поднял руку на аварское сольство, убил их посла, брата Баяна. Хотел и других порешить, вот и пришлось нам защищать обров.

Светозар с печалью смотрел на них.

— Что вы наделали!.. — сказал погодя. — Тебя спрашиваю, Келагаст, сын славного Идарича. Что ты наделал?

— А ничего! — зло огрызнулся князь. — Отомстил виновному в смерти брата моего Мезамира и только.

— Не только, предводитель. Очень может быть, что ты отомстил всему нашему народу. И жестоко отомстил. Должен был помнить, это не ромеи, которые могут понять чье-то сумасшествие, это — обры.

XXXI

С разных сторон возвращались антские послы к лагерю Келагаста в Карпатах, однако и те, и другие возвратились чуть ли не в один день, и что более всего утешило всех — принесли добрые вести. От них стало известно, что боги покарали не только Калегула, но и императора Византии Маврикия тоже не помиловали. Чем-то, видать, прогневал он своего всевидящего или не в себе был Маврикий, когда забыл, что из всех благочестивых деяний императора более всего украшают выдержка и рассудительность. Ему советовали: будь выше гордыни, уступи, ведь это не охлос взбунтовался, а легионеры, опора твоего трона. Хотят, чтобы отозвал их на зиму в империю, — отзови; говорят, устали в сечах — дай отдых им. Твое нигде не пропадало и тут не пропадет. Нет, не послушал стратегов, ни тех, что взывали к нему из-за Дуная, ни тех, что говорили их устами здесь, в Августионе. Впал, вместо милости, в великий гнев и изрек: «Никаких уступок! Тоже придумали — идти на зиму к женам. Там, в Склавинии, пусть зимуют, если не сумели покорить варваров до зимы». Увы, этого оказалось достаточно, чтобы легионеры от слов перешли к делу — взялись за мечи и вынудили своих стратегов бежать за Дунай, под крыло императора.

Пространство, говорят мудрые люди, не любит пустоты. Не потерпели ее и ромейские легионеры. Завладев лагерями — каждая когорта своим, легионеры кричали до хрипоты и требовали возвращения домой. И продолжалось это до тех пор, пока не нашелся среди них один, который и взял верх над бунтовщиками.

— Вы что думаете, — сказал он, — пойдем на зиму к женам и будем греться возле них в радости и покое? А что скажет император, когда узнает, что мы подняли меч на своих предводителей, больше того, самочинно

оставили поля сражений, отдали врагу то, что взяли у него ценой собственной крови? Неужели не понимаете: за это нам будет одна награда — цепи, а то и смерть? Близко смотрите, легионеры! А надо бы смотреть с заглядом вперед.

Это был центурион Фока, коренастый, сбитый из мускулов полуварвар, о чем недвусмысленно говорили его огненно-рыжие волосы. Легионеры знали его как смелого и справедливого предводителя. Знали, что он никогда не молился на императора, даже позволял себе посмеиваться над ним. Лицо центуриона было обезображено в сечах, но это только вызывало еще большее почтение к нему. «Шрамы красят воина, а шрамы из-за Маврикия,— смеялся сам Фока, — тем более». Да, у него были причины злиться на императора, но то, что говорил он легионерам сейчас, вызвало у них раздражение.

— Ты что же, — сказали они ему, — советуешь нам ползти к императору на брюхе и лизать ему ноги?

— Да нет! — возразил Фока. — Давайте подумаем, что лучше: зимовать в Склавинии или явить покорность свою императору? По мне, так ни в том, ни в другом смысла нет. К иному зову вас, легионеры: станем плечо к плечу, двинем на Константинополь и скинем Маврикия с престола — вот это будет победа! Пока в Августионе сидит Маврикий, покоя ни вам, ни вашим ближним уже не будет! Он всех нас изведет в сечах! И вот еще что скажу: Константинополь ненавидит Маврикия. Стоит нам объявиться там, как народ константинопольский бросит его в Пропонтиду.

— Правду говорит! Пока Маврикий в Августионе, покоя нам не знать!

— На Константинополь! Плечо к плечу — и на Константинополь!

Антские послы, узнав о бунте, не спешили покидать Склавинию, ждали, чем завершится дело. От бунта зависело теперь больше, чем от посланий императора. Пробраться к легионерам в лагерь и вызнать, что они собираются делать — не было никакой возможности. А слухам, хоть их было и много, доверять опасно. Но наступил день, когда они наконец точно узнали, что некий Фока, полуварвар и всего лишь центурион, привел взбунтовавшихся легионеров в Константинополь и сел на место Маврикия в Августионе. А уж как сел, казнил не только Маврикия и его род — брата, жену, малолетних детей,

но и многих из знатных людей, среди них и выдающегося стратега Византии Коментиола.

Сразу после этого склавины вышли из лесов, стали собирать свои поредевшие силы и садиться там, где сидели и раньше. У антов отпала необходимость идти на помощь им. Все эти перемены к лучшему успокоили сердца антских князей, ожесточившихся было из-за стычки дулебов с обрами.

— Слава богам! — говорили они, готовясь покинуть этот и счастливый и несчастливый лагерь. — Слава мудрым и добрым богам! Все-таки уберегли нас от пагубных сеч и сражений.

На обратном пути коротали время в веселых разговорах, и каждый старался убедить себя, что бедам пришел конец, а содеянное с обрами Келагастом раз и навсегда кануло в небытие. В конце концов, ведь спасли же они аварское сольство от погрома, погиб только один Калегул. А того Калегула жалеть нечего. Разве каган не знает, что брат его удостоился того, что заслужил. В таких случаях обычай у всех один: смерть за смерть и кровь за кровь.

Нетрудно было убедить себя, что авары погорюют, узнав, чем завершилось их посольство к антам, да и примолкнут. Никто не воспринимал всерьез угроз, брошенных сгоряча аварскими слами: «Не думайте, что все это сойдет вам с рук, каган жестоко отомстит за пролитую здесь кровь». К сожалению, случилось не так, как думалось. Еще не успели анты вернуться домой, а в стойбище Баяна над Дунаем примчались на взмыленных конях три всадника из тех, что были в посольстве Калегула и Икунимона.

— О великий и мудрый! — упали они кагану в ноги.— Покарай антов, они подняли руку на слов твоих!

— Как это?

— Сначала убили Калегула, всех остальных отпустили. А в пути, уже по эту сторону гор, настигли и нас. Мы спасали раненого Икунимона и чудом остались живы.

— Так где же сын мой? Где Икунимон?

— Мы не донесли его, он скончался почти сразу после сечи. Сказал, чтобы ты знал, что анты напали на них, чтобы замести свои кровавые следы...

И без того согнутый уже годами и печалью каган, казалось, прирос к месту, на котором сидел в этот горький час, и стал похож на сыча, злобно выглядывающего из

дупла. Он действительно оцепенел, не мог слова сказать. Непонимающе смотрел на гонцов, принесших страшную весть. Что-то цепеняще-холодное было в его взгляде, от которого мороз пробежал по коже скорчившихся у ног кагана аваров, — не сговариваясь, они стали задом отползать к выходу, а на улице закричали:

— На помощь! Каган умирает... На помощь, скорей!

Сбежались все, кто был в стойбище, Баян же, еще не потеряв сознания, выискивал среди них одного — хакан-бега Апсиха, единственного, кто мог исполнить его последнюю волю — поквитаться с антами. Но именно Апсиха и не было среди присутствующих в шатре. Когда же наконец он появился и увидел, что Баян порывается к нему, собирая последние силы, он сам торопливо спросил его:

— Что, Ясноликий?

— Анты... анты...

О Небо! Как мало осталось от когда-то могущественного и грозного Баяна. Лишь блеск в глазах и желание сказать еще что-то, на что не было уже сил. Он схватил цепенеющими пальцами руку хакан-бега, попробовал опереться на нее — и не смог.

Но речь еще вернулась к нему.

— Подними всех, — сказал уже на последнем дыхании. — Всех, кто способен держать меч, и поведи на антов. Отомсти за Икунимона... Живым и мертвым — всем отомсти!

И испустил дух. Только остекленевшие глаза продолжали смотреть на Апсиха. Казалось, они спрашивали: «Слышал, что повелеваю? И мертвый не прощу, если не исполнишь мою волю!»

Смерть эта случилась в начале седьмого столетия. Соседи говорили: «Это знамение. С отходом неугомонного аварского предводителя уйдут в небытие частые и непонятные ссоры между народами, которые осели на Дунае, перестанет литься щедро пролитая вдоль отшумевшего в сечах века кровь».

А будет ли так, одни боги ведают. Люди сотворены для лучшего, им всегда хочется верить: будет лучше, чем было, чем есть.

Киев

Перевод с украинского В. ГОРБАЧЕВА

Татьяна **СМЕРТИНА**

ЗНАХАРСКИЕ ТРАВЫ

ЛЕСНОЙ СОН

Бор высокий мой,
Сны ракитовы...
Сосны-ельники
Малахитовы!
Я легко засну
Под шептанья птах,
Там, где шмель струну
Оборвал в цветах.
Тихо листья льет
Сон-травв на грудь...
А в ногах цветет
Зелье — не забудь!
Землянику мнут
Мои плечики...
Вкруг меня поют
Звон-кузнечики...
И плывет мой сон
Меж сестер-берез!
Мотылек — бантом
На волне волос...

ЧЕРНИКА

Красива черница
В еловой светлице.
Подол — синью в ноги,
Платок — на чело.
А волос-то долгий —
Воронье крыло.
Любую девицу
Счернявит черница.
Сок ягод и листья —
Экзему очистят,
Ожоги затянут.
И язву и рану...
С черники полночной —
Прозорливей очи.
И ей испокон
Весь лес покорен—
К ней клонятся ветки,
Мхи
    бархатью льнут,
И, падая,
        белки
Шелками бегут.

ГЕРАНЬ ЛУГОВАЯ

Ой, лиловая герань,
Цвет-недужница, не вянь!
В деревнях тем зельем ране
Растворяли боли-камни.
Нежноцветица нужна
При леченье глаз, бельма...
Плечи стерты коромыслом —
В ночь приложь герани листья.
С той травою тело мой —
Если язвы жгут волной,
Выпадает волос долгий...
Костолом-травою волглой,
Омутным отваром дремным
Обмывайте переломы.
Плод гераневый — игла.
Даже кость сшивать смела...
Чуть раскроется герань —
Засиреневеет рань.
Лепестков язычно-рдяность,
Полусинь, бредовость, алость...
Вышивала я герани —
До сих пор они не вянут.
Ворожила над геранью —
Может, тоже не завяну...

Дмитров, Московская обл.

Григорий КЛИМОВ

ДЕЛО № 69

КЛИНИКА И ПОЛИТИКА

«Неузнанным феноменом» назвал В. В. Розанов К. Леонтьева в своей знаменитой статье. Можно с чистой совестью переадресовать эти слова нашему современнику писателю Григорию Петровичу Климову — писателю, как сейчас принято называть, «русского зарубежья».

Бросается в глаза незаинтересованность основной массы наших революционеров-демократов насущными проблемами страны, но активность их неисчерпаема. Так на что же идет их энергия? «В Ленсовете — на 121-ю статью» (о гомосексуализме)», — утверждает А. Невзоров в интервью «Комсомольской правде». Но, открыв «Собеседник» или взглянув на «Взгляд» (прошу прощения, «ВиД»), убеждаешься, что Собчак далеко не одинок, когда «сам» Сахаров этой теме уделял столько внимания (совесть русского народа!). Хотя по меньшей мере странно, учитывая тяжелое положение страны. Но это только для нас с вами...

В середине 1960-х годов на Западе началась какая-то непонятная эпидемия. И пошла вся эта зараза из Америки, из самой богатой и, казалось бы, самой нормальной страны в мире. По всей Америке вдруг вспыхнули дикие студенческие и негритянские бунты, типичный союз гнилой интеллигенции и социальных низов. Одновременно всю Америку захлестнула грязная волна самой невероятной порнографии и наркотиков. Резко увеличилась статистика убийств, изнасилований и грабежей. А Верховный суд США словно тоже сошел с ума и поспешно раскручивал все гайки законов, отменив смертную казнь и всячески поощряя преступность, анархию и нигилизм. Прямо какая-то чертова карусель.

По улицам маршировали демонстрации педерастов и лесбиянок — и тоже требовали себе свободы. Американская пресса с величайшим удовольствием размазывала всю эту грязь на своих страницах и беспомощно бормотала о «больном обществе». Но что это за болезнь — молчок, тайна, табу. Постепенно эта болезнь перекинулась из Америки в Европу, а затем и в СССР в форме так называемых «диссидентов», несогласников и инакомыслящих. А сегодня эта болезнь легла в основу многих сторон так называемой «перестройки».

Но в чем же дело? Что за болезнь?

Об этом и о многом другом — в книгах Г. Климова «Князь мира сего», «Имя мое легион», «Протоколы советских мудрецов» и «Дело № 69», главы из которой мы предлагаем читателям «Молодой гвардии» с любезного согласия автора. Это книги о дегенерации и дегенератах, о «героях нашего времени»...

Когда появился роман Климова «Князь мира сего», некоторые литературные критики писали: «А почему Климов назвал это романом? Ведь это ж сущая правда!» Действительно, чтобы написать все это, сначала нужно самому покрутиться в этой чертовой карусели.

Климов в 1949—1950 годах работал в Гарвардском проекте в Мюнхене, занимавшемся психологической войной против СССР. Затем, в 1951—1955 годах, он был председателем Центрального

Объединения Послевоенных Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ) и главным редактором их журнала «Свобода». Практически Климов был руководителем одного из засекреченных спецпроектов американской психвойны. Подобную роль сегодня играет масонская ИМКА-Пресс, которая печатает Сола Женицкера. Позже, в 1958—1959 годах, Климов работал — в качестве консультанта — также в Корнельском проекте в Нью-Йорке, где тоже занимались всякими хитрыми психологическими исследованиями, связанными с Венгерским восстанием 1956 года.

Но как же из всего этого получился роман «Имя мое легион»? Говорят, что в точности по басне дедушки Крылова: «Навозну кучу разрывая, Петух нашел Жемчужное зерно». Рациональное зерно. Княгиня пресса, подруга князя мира сего, очень не любит, когда этого князя дергают за хвост. Поэтому вполне естественно, что о книгах Климова в нашей прессе будет или гробовое молчание (что мы и видим пока), или лживая ругань. Легионеры похитрей будут отмалчиваться. А легионеры поглупей будут врать и ругаться — вот по этому самому вы их и узнаете..

Сергей ЖАРИКОВ

Настоящая правда
всегда неправдоподобна.

Ф. М. Достоевский

О ЧЕМ МОЛЧАТ СОЛОВЬИ *

ОТ АВТОРА:

Вся наша зарубежная пресса, как соловьи в мае, заливается восторженными песнопениями о советских диссидентах, несогласниках и инакомыслящих, которых в СССР садят в дурдома. А на Западе из этих дурдомщиков делают героев нашего времени.

Вот и решил написать то, о чем эти соловьи помалкивают.

Почему, скажут, такой странный подзаголовок — публицистика и сатанистика? Да, видите ли, знаменитый философ Кьеркегор говорит, что в наше время дьявол поселился в печатной краске. Вот я и решил выяснить, что это такое за чертовщина. И не потому ли наши соловьи кое о чем помалкивают?

Философы уверяют, что дьявол — это самое ироническое, саркастическое и насмешливое существо на свете. Почти как Чарли Чаплин. Но сам дьявол чрезвычайно щекотлив и терпеть не может иронии и насмешек.

Почему? А это вы сейчас увидите.

Как учил известный Козьма Прутков, посмотрим в корень. Когда дядя Сэм начинал психологическую войну против СССР, то это дело поручили лучшему мозговому тресту Америки — Гарвардскому университету. Для этого в 1949—1950 годах создали специальный Гарвардский проект, в котором и я сам тоже немножко работал.

Главную роль в Гарвардском проекте играл профессор Натан Лейтес и еще целый кагал сионистских мудрецов с длинными марксистскими бородами и хромавших на левую ногу. Эти мудрецы мудрили-мудрили и намудрили «комплекс Ленина», то есть они постановили, что всю американскую психвойну следует базировать на «комплексе латентной гомосексуальности Ленина».

Чтобы не быть голословным, замечу, что об этом потом писалось в журнале «Дер Монат», который был официальным органом Американской Военной Администрации в Германии («Дер Монат», № 107, август 1957, с. 19). Писал это сам главный редактор этого журнала Мельвин Ласки, из левых евреев и один из моих бывших берлинских кумпаньонов. Источник, так сказать, официальный. Позже об этом упоминалось также и в «Новом Русском Слове» (от 23.IX.1958).

Поскольку я сам работал в Гарвардском проекте, то теперь, оглядываясь назад, могу сказать еще следующее. Пока гарвардские мудрецы (по поручению американской разведки) заглядывали под хвост товарищу Ленину, советская контрразведка тоже не дремала — и заглядывала под хвост гарвардским профессорам.

В том же Гарвардском проекте на Ламонтштрассе в Мюнхене работал некий Вадим Ш-н, свеженький перебежчик, который до этого был лейтенантом советской контрразведки и переводчиком английского языка в Праге. Поскольку между разведчиками всех стран существует своего рода профессиональная коллегиальность, американские разведчики в лагере Камп-Кинг в Оберурзеле около Франкфурта, где проверяли всех перебежчиков, встретили Вадима очень радушно и даже не обокрали его с головы до ног, как это обычно делалось там с другими перебежчиками, а послали Вадима работать переводчиком в Гарвардском проекте.

Это был высокий худощавый блондин с гнилыми зубами и пренебрежительной усмешкой на губах, который прекрасно говорил по-английски, с подчеркнутым оксфордским акцентом, как говорят уважающие себя англичане, чтобы их не спутали с американцами. Кроме того, Вадим нисколько не скрывал, что он честный, открытый педераст, то есть тоже «ленинец». Гарвардские мудрецы так обрадовались этому «ленинцу», что классифицировали его как типичного представителя советской «золотой молодежи» и потом носились с этим «золотым мальчиком» как дураки с писаной торбой.

Каждую субботу к Вадиму приезжал его приятель Альфред, агент американской разведки Си-ай-эй из Камп-Кинга, которого ему якобы приставили для связи. А Вадим уточнял: «Для половой связи!»

Альфред был молодым человеком приятной наружности и с большим, как чернослив, черным пятном на щеке. В темные средние века такие пятна называли печатью дьявола. И вот, случайно, точно такая же печать на щеке агента Си-ай-эй. Руки у Альфреда были мокрые, скользкие и такие мягкие, что при рукопожатии его ладонь сворачивалась в трубочку, как у кисейной барышни.

Потом Вадим и Альфред так подружились, что их и водой не разольешь. Так Вадим работал в Гарвардском проекте до самого конца, и через его руки прошли все материалы этого проекта.

По окончании Гарвардского проекта «золотой мальчик» Вадим бесследно исчез. Он даже не попрощался со своим миньоном Альфредом, который потом ходил очень опечаленный.

Позже, когда я был президентом ЦОПЭ (тоже один из спецпроектов психвойны), агенты Эф-би-ай годами ходили ко мне и другим сотрудникам Гарвардского проекта, пытаясь найти следы Вадима. Но «золотой мальчик» как в воду канул.

В современной западной литературе теперь процветает так называемый модернизм, к которому стремятся также и наши советские диссиденты. Чтобы меня не обвиняли в отсталости, дам вам

* «Дело № 69». Изд-во «Славия», 1974, США.

пример такого модернизма. Знаете, раньше был соцреализм, а я ввожу соцмодернизм.

Говоря о «золотом мальчике» Вадиме, поскольку большинство педерастов употребляют друг дружку не в зад, а в рот, то похоже на то, что с самого начала Гарвардского проекта советская разведка натягивала в рот американскую разведку. В полном смысле этого слова.

А ежели этот модернизм кого-нибудь покоробит, то я только следую примеру знатного диссидента Солженицына, который в своем «Одном дне» на весь мир вопит: «А тебе хрен в рот» («Новый мир», № 11, 1962).

Если агенты Эф-би-ай за истекшие 25 лет еще не выяснили, где обретается «золотой мальчик» Вадим Ш-н, то я могу им помочь. Вадим преспокойно уехал в Англию. Если когда-то кузнец Вакула ездил верхом на черте, то Вадим прикатил в Англию верхом на агенте английской Интеллидженс сервис, то бишь на очередном педерасте.

Почему Эф-би-ай не могло найти следов Вадима? Да потому, что эти следы замела английская разведка.

Почему и в английской разведке опять педераст? Да потому, что в западных разведках педрики играют почти такую же роль, как в советской разведке члены компартии.

Почему?.. Ах, почему, почему! Много будете знать — скоро состаритесь.

Одним из моих коллег по Гарвардскому проекту был еще Александр Даллин, сын известного меньшевика и биографа Ленина — Давида Даллина, каковой однокашник Ленина тоже крутился около Гарвардского проекта. Потом проф. А. Даллин работал в Гуверовском «Институте по вопросам войны, революции и мира» при Станфордском университете в Калифорнии, где марксистским козлам поручили охранять капиталистическую капусту.

Но если вы спросите моих коллег, проф. Даллина, проф. Лейтеса или Мельвина Ласки, что же это за «комплекс Ленина», то эти специалисты по революциям скорее откусят себе язык, чем выдадут эту тайну.

Знаменитый доктор Фрейд, изобретатель психоанализа, говорит, что латентная или подавленная гомосексуальность (...) является корнем большинства психических болезней. Это подтверждает и знаменитый профессор Ломброзо, говоря, что вырождение или дегенерация состоит в основном из половых извращений и психических болезней. А с точки зрения религии это та самая штуковина, которую испокон веков называют дьяволом.

Итак <...> гарвардские мудрецы взяли себе на помощь самого... товарища сатану. То есть сделали ставку на легион психически больных людей, которых в средние века называли ведьмами и ведьмаками. В доброе старое время этих ведьм и ведьмаков иногда жгли на кострах под душеспасающие псалмы Инквизиции. Во времена Великой Чистки ведьмак Сталин, лучший ученик товарища Ленина, стрелял этих «ленинцев» в подвалах НКВД или гнал их в Сибирь, называя их не без основания бешеными собаками. А теперь этих новых «ленинцев» просто садят в дурдома, где их ставят раком и накачивают им в задницу сульфазин или аминазин. А если это не помогает, то их выбрасывают за границу — в качестве 3-й евмиграции из СССР (евмиграция — это еврейская миграция).

С религиозной точки зрения формула этого дьявола такова: князь мира сего, имя которому легион; он же князь тьмы, который делает все в темноте, сзади и наоборот; ангел смерти и враг рода человеческого, который не может любить и не любит тех, кто любит. Этот дьявол есть первопричина всех споров и раздоров, начиная от самой простой драчки между мужем и женой и кончая всемирными войнами и революциями.

Дьявол — первый экстремист, анархист и нигилист; это корень всех пороков и преступлений — как уголовных, так и политических. Дьявол есть лжец и Отец лжи, который теперь поселился в печатной краске, который любит принимать вид ангела света и который теперь маскируется под гуманиста и либерала, под демократа и диссидента, под несогласника и инакомыслящего, и который есть п я т а я к о л о н н а в с е х в е к о в и н а р о д о в. Кроме того, дьявол частенько обещает карьеру, славу и богатство, но в конечном итоге обычно приносит только горе и несчастье.

Каково количество этого легиона? Нашумевшая американская статистика доктора Кинси говорит, что 37% населения США более или менее знакомы с гомосексом. Из этих 37% только 4% — это честные, полные и открытые «гомо». А остальные 33% занимались этим же самым потихонечку, частично или по совместительству — 5 лет, 3 года, 1 год, один раз или даже только мечтали об этом во сне, но вплоть до оргазма. Вот эти-то 33% и являются, в принципе, латентными или подавленными «гомо».

Одновременно американская статистика говорит, что 18,5% населения США являются более или менее психически ненормальными и нуждаются в лечении. Если сопоставить 37% доктора Кинси и эти 18,5%, то получается ровно половина, то есть каждый второй легионер из легиона д-ра Кинси, к тому же еще и психически ненормальный. Если округлить население США до 200 миллионов, то получается легион в 74 миллиона кинсианцев, из которых 37 миллионов являются к тому же еще и психопатами. Легион довольно солидный. Для примера посмотрите на миллионы и миллионы американских хиппи.

Вот, в принципе, тот «комплекс латентной педерастии Ленина», на котором гарвардские мудрецы базировали всю психвойну против СССР. При помощи спецпроектов, где насадили спецмальчиков и спецдевочек, через спецрадио и спецпечать, будоражат советских «ленинцев». А советское КГБ, прекрасно зная все гарвардские фигеле-мигеле и шахер-махеры (например, при помощи того же «золотого мальчика» Вадима), преспокойно сажает этих новых «ленинцев» в дурдома. Кстати, большинство этих новых «ленинцев» являются детьми или родственниками тех ленинцев, которых Сталин перестрелял во время Великой Чистки (Тарсис, Жорес и Рой Медведевы, Якир и т. д.).

Ох, скажут, все это высокие материи. А вы, дядя Гриша, нам попроще, по-русски. Ладно, попроще, комплекс Ленина, латентная или подавленная гомосексуальность, 33% доктора Кинси — в упрощенной форме, в большинстве случаев это то самое, что называется французской любовью, минетом или «69». В общем, французский анекдот. Потому-то и данный обзор называется «Дело № 69». <...>

Наш знаменитый философ-чертоискатель Бердяев любил бормотать о каком-то таинственном союзе сатаны и антихриста. Но философы еще предупреждают, что дьявол не только большой комик,

но и страшный путаник. Поэтому смотрите, чтобы дьявол не запутал вас насчет антисемитизма.

Поэтому, чтобы тут и не попахивало антисемитизмом, предупреждаю, что все мои сотрудники в составлении данного обзора — это крупнейшие еврейские ученые. Знаменитый еврейский профессор Ломброзо — отец научной дегенерологии и криминологии. Еще более знаменитый еврейский доктор Фрейд — изобретатель психоанализа и ротового эротизма. Знаменитый философ Кьеркегор, отец философии экзистенциализма, то есть дегенерации в философии, тоже из евреев. А в области дегенерации в литературе моим советником является известный еврейский доктор Нордау-Зюдфельд, который после Теодора Герцля был вождем сионизма № 2. Я уж не говорю о таких мелочах, как мои бывшие коллеги по Гарвардскому проекту — проф. Лейтес, проф. Даллин, проф. Фишер, и т. д.

В таком окружении я сижу прямо как председатель совета сионских мудрецов и сам почти сионист. И я всех этих мудрецов только анализирую, синтезирую и систематизирую. Делаю, так сказать, конструктивные выводы. Какой же тут может быть антисемитизм?!

А если кому-нибудь в данном обзоре померещится антисемитизм, то в этом виноват знаменитый философ-чертоискатель Бердяев, который бормотал про союз сатаны и антихриста. Но ведь некоторые называют Бердяева лучшим русским философом XX века. И евреи очень любят Бердяева. А я иду по стопам Бердяева — и только ставлю точки над «i».

Вот потому-то философы и предупреждают, что дьявол не только большой комик, но и страшный путаник.

Но довольно теории. Теперь перейдем к практике — к нашему обзору о психвойне, дурдомах и нечистых силах.

ПРОТОКОЛЫ СОВЕТСКИХ МУДРЕЦОВ

(Отрывок)

Прибывающие из СССР советские диссиденты-инакомыслящие, вроде Есенина-Вольпина, Медведева или Чалидзе, совершенно свободно перезваниваются по телефону и обмениваются посланиями со своими коллегами-диссидентами в Москве. Так, как будто никакого Железного Занавеса и не бывало. Так, как будто и советской власти уже нет.

Поэтому я решил проверить, существует ли еще советская власть, и написать в Москву письмо. Дай, думаю, напишу прямо в КГБ. Спрошу насчет этих загадочных диссидентов и инакомыслящих, которых там садят в дурдома. Чего мне здесь, в Нью-Йорке, бояться? Ведь меня-то они в дурдом не посадят.

Сказано — сделано. Написал я вежливенькое письмо — прямо в КГБ. И к моему величайшему удивлению, получаю ответ. Ответ этот в форме отпечатанного на ротаторе отрывка из конспекта лекций в каком-то специальном Институте НИИ-13 при Академии наук СССР, который занимается какой-то высшей социологией и который теперь заменяет бывший Институт красной профессуры.

В общем получил я что-то вроде отрывка из «Протоколов советских мудрецов». Сверху красный штемпель «Совершенно секретно». Но для меня, по-видимому, сделали исключение.

В этом отрывке даются принципиальные ключи к пониманию проблемы советских дурдомов, диссидентов и инакомыслящих. А о дальнейшем судите сами.

Лекция эта предназначена только для руководителей советского правительства. Лекцию читает профессор высшей социологии Топтыгин, по совместительству генерал-майор 13-го отдела КГБ:

— Товарищи курсанты, в настоящее время западная пресса шумит на весь мир о мощном демократическом движении в СССР. Главную роль в этом концерте играют советские диссиденты пера и чернила, якобы гениальные писатели-гуманисты и поэты-новаторы, которые весело накручивают «Самиздат» и, таким образом, смело борются за вечные идеалы свободы, равенства и братства.

— Одновременно западная пресса страшно возмущается, что в СССР этих гениев и гуманистов, свободолюбов и добролюбов, почему-то сажают в спецпсихбольницы СПБ, психушки и дурдома, где этим диссидентам и инакомыслящим накачивают в зад сульфазин и аминазин. А люди читают и думают: «Что это за чертовщина?»

— Чтобы понять проблему с нашими диссидентами в литературе, нужно знать некоторые принципиальные законы высшей социологии, которую некоторые из вас называют черной социологией. За время советской власти все мы так привыкли к фальсификации истории, что в дальнейшем, чтобы устранить всякие сомнения и докопаться до объективной истины, я буду оперировать преимущественно фактами, появившимися в западной печати, причем только в серьезной печати.

— Прежде всего выясним принципиальную взаимосвязь между умом и безумием. Казалось бы, смешной вопрос? Но вот и открываю вам «Нью-Йорк таймс», отдел обзора книг за 3 июня 1962 года. Там сообщается, что недавно группа американских ученых провела детальное исследование великих людей и пришла к такому странному выводу:

— Хотя связь между гениальностью и безумием вовсе не обязательна, но большинство гениев, как правило, психически ненормальны. Когда выбрали 78 самых великих имен в истории человечества, то обнаружили, что более 83% из них были явными психопатами, около 10% были немножко психопатами — и только приблизительно 7% гениев были нормальными людьми. (...)

— Теперь заглянем в область литературы. Вот я беру книгу Макса Нордау «Вырождение», которая вышла по-русски в 1902 году. В этой книге доктор Нордау анализирует творчество философских и литературных гениев XIX века — Ницше, Шопенгауэра, Толстого, Золя, Флобера, Бодлера, Ибсена — и приходит к печальному заключению, что, с точки зрения медицины, все они душевнобольные выродженцы, выродки, дегенераты, где эта дегенерация состоит из душевных болезней и половых извращений.

— Следует заметить, что доктор-психиатр Нордау-Зюдфельд является учеником и последователем знаменитого профессора Ломброзо, отца дегенерологии, который прославился своей книгой «Гениальность и помешательство». Одновременно профессор Ломброзо является отцом научной криминологии. Кстати, Ломброзо итальянский еврей, а Нордау-Зюдфельд немецкий еврей. Очень рекомендую почитать их книги в нашей библиотеке.

— Итак, что же получается? Ведь испокон веков писателей называют властелинами человеческих душ. А у них самих души-то больные! Какой-то парадокс?

— И заранее скажу вам, что это задача такая же неразрешимая, как квадратура круга, вечный двигатель или эликсир жизни. Все дело в том, что общество отмирает или вырождается сверху, а не снизу. Иначе в обществе не будет прогресса, движения. Поэтому теоретически эти выродженцы на верхах общества всегда в большинстве. Но практически никто из них в этом не признается. Вот это и есть тот самый дьявол — князь мира сего, имя которому легион, лжец и Отец лжи, всегда пытающийся доказать, что он не существует, что он никто и ничто. Но это ничто ничтожит. Ведь вырождение — это медленная смерть, растягивающаяся на несколько поколений.

— Говоря о писателях, знаменитый революционер Робеспьер сказал так: «Писателей нужно объявить вне закона, как самых опасных врагов народа» *. Почему? Да потому, что французская революция была идеологически подготовлена этими самыми писаками. И головорез Робеспьер знал это лучше, чем кто-либо другой. Правда, потом он и сам попал под гильотину.

— Известный современный английский писатель Чарлз Сноу, крупный ученый-физик, лорд, пэр и член британского парламента, автор книги «Коридоры власти» и противник по перу, писал, что «9 писателей из 10 — политически порочны» и что, не оказывай писатели столь дурного влияния на политическую жизнь народов, «мир, пожалуй», не знал бы Аушвица» **.

— Теперь разберем процесс вырождения немножко более подробно. Главную роль в этом процессе играет гомосексуальность, где на каждого одного честного, полного и открытого гомо приходятся десять скрытых, частичных, подавленных или латентных гомо, которых вы никогда не увидите, но которые психуют гораздо больше открытых гомо.

— А за всем этим прячутся садизм и мазохизм, комплексы разрушения и саморазрушения, убийство и самоубийство. Ведь фрейдисты прямо говорят, что гомосексуальность является психологическим корнем любой агрессии и агрессивности, начиная от самой простой драчки между мужем и женой и кончая всемирными войнами и революциями.

— Напомню, что согласно американской статистике доктора Кинси 37% населения США так или иначе знакомы с гомосексуальностью. Из этих 37% только 4% честных открытых педерастов, а 33% занимались этим же самым 5 лет, 3 года, 1 год, один раз или даже только мечтали об этом во сне, но вплоть до оргазма. Округляя население США до 200 миллионов, получается невидимый легион в 74 миллиона человек, которые признаются в этом только в анонимных анкетах доктора Кинси.

— Но что еще хуже — среди интеллигенции эти 37% возрастают больше 50%. А среди таких интеллигентных людей, как литераторы, эти 50% превращаются в 75%.

— Потому-то философ Кьеркегор, отец философии экзистенциализма — гомосексуалист, горбун и довольно честный еврей из

* См. книгу проф. Несты Вебстер «Тайные общества», 8-е изд.. Лондон, 5-я с., предисловия.

** См. статью М. Корякова в «Мостах», № 6, 1961, Мюнхен, с. 274.

выкрестов — довольно авторитетно говорит, что со времен изобретения печатного пресса дьявол дегенерации поселился в печатной краске. Мы из вас здесь таких философов сделаем, что вам, как Шопенгауэру, будет тошно смотреть на окружающий мир.

— Ну а с поэтами дело обстоит еще хуже, чем с писателями. Чтобы вы не подумали, что я (...) придираюсь к невинным поэтам, приведу вам мнения классических авторитетов:

— Древнеримский поэт Гораций говорит о своих собратьях-поэтах так: «Здравый человек не может стать поэтом, а только сумасшедшие» (Ep. 2. 3.295) *.

— Древнегреческий философ Аристотель, величайший ум античного мира, писал, что гениальность и помешательство чаще всего и ярче всего встречается у поэтов.

— А знаменитый философ Платон в своей книге «Государство» для построения коммунистического общества ставил такое обязательное условие: изгнать всех поэтов за границы этого государства **.

— Кстати, все эти три авторитета — и Гораций, и Аристотель, и Платон — сами были немножко педерастами. Так что они это дело знали не только в теории, но и на практике. Но... за этим прячутся душевные болезни.

— Вот потому-то у большинства литераторов, поэтов и писателей, всегда какие-то странные конфликты с окружающей средой. Милейший юморист Гоголь в конце концов уморил себя голодом. Правдоискатель Достоевский попал в Сибирь. А богоискатель Лев Толстой под анафему. Теперь говорят, что это, мол, царизм виноват.

— Потом пришла революция. Свобода, братишки! Поэта-акмеиста Гумилева расстреляли в ЧК. А поэт-символист Блок помер сам, но в состоянии полного умопомешательства. Поэт-имажинист Есенин не только зарезался, но еще и повесился. Футурист Маяковский пустил себе пулю в лоб. Поэт Мандельштам сошел с ума и погиб в концлагере. Поэтесса Марина Цветаева повесилась. И даже сам глава Союза советских писателей Фадеев тоже застрелился.

— Теперь американцы говорят, что это советская власть виновата. Но, посмотрим, как обстоят дела в самой Америке. Лучшим американским поэтом XX века считается Эзра Паунд. Но этого самого своего наилучшего поэта, властелина человеческих душ, американское правительство в 1945 году арестовало и посадило в железную клетку. В полном смысле слова в клетку, как бешеную собаку. Потом Паунда судили за государственную измену, вернее — за антисемитизм, и посадили в сумасшедший дом. Своего лучшего поэта, который оказался диссидентом, американские демократы держали в клетке и в сумасшедшем доме целых 13 лет! Так долго, 13 лет, даже мы наших диссидентов в дурдомах не держим. Вот вам и Америка, страна классической демократии?!

— Чтобы литература была яркой, нужны конфликты, драмы, трагедии, несчастная любовь, убийства и самоубийства, войны и революции. А первопричиной всему этому является дьявол дегенерации. И чтобы правдиво описать все это, нужно знать это на практике, то есть быть дегенератом.

* См. книгу Ланге-Эйхбаума «Гений, безумие и слава». Мюнхен. 1928, с. 299.

** См. книгу проф. Ломброзо «Гениальность и помешательство».

— Лучший американский писатель и нобелевский лауреат Эрнест Хемингуэй, посидев в психбольнице, то есть в том же дурдоме, вдруг взял и застрелился *. А до этого его отец тоже застрелился. И даже его сестра Урсула тоже покончила самоубийством **. А писанина Хемингуэя сильно попахивает садизмом ***. Вот это и есть: комплекс разрушения — и саморазрушения. И эти штучки передаются по наследству, как генетический капитал, как судьба, как карма.

— А если мы возьмем лучшего американского драматурга и тоже нобелевского лауреата Юджина О'Нила, то его личная жизнь — это сплошная драма: один сын покончил самоубийством, второй сын дважды пытался покончить самоубийством и сидел в сумасшедшем доме. Даже его пасынок — и тот покончил самоубийством. Да и сам Юджин О'Нил тоже покушался на самоубийство. Его мать — наркоманка, его дети — наркоманы и алкоголики.

— Чтобы сбежать из этого драматического дома и от папы-драматурга, его дочка Оона вышла замуж за знаменитого комика Чарли Чаплина. Но и тут трагикомедия: Ооне 18 лет, а Чарли... 54 годика! И у весельчака Чарли личная жизнь была очень невеселая: его побросала целая куча жен, тоже не жизнь, а сплошная трагикомедия. А в случае такого неравного брака, 18 лет — и 54 года, все опытные люди только усмехнутся и скажут: «Хм, хм, попахивает Лолитой» ****.

— Кстати, милейший Чарли Чаплин по крови немножко еврей, а его мать умерла в сумасшедшем доме *****. Но это обычное явление среди знаменитых людей: у американской богини киносекса Мерилин Монро не только мать, но также дед ****** и бабка умерли в сумасшедшем доме. А бедная богиня киносекса покончила самоубийством.

— Все вы, конечно, помните страшно жизнерадостного и жизнеутверждающего американского писателя Джека Лондона. Но свою собственную жизнь он почему-то покончил самоубийством — в 40 лет, отравился морфием. А у весельчака Марка Твена жизнь была такая печальная, что в конце концов он стал переписываться с дьяволом. Обе дочки Твена повыходили замуж за евреев, а потом покончили самоубийством.

— Итак, говоря о неприятностях с литераторами, пусть американцы нам не рассказывают, что в этом виновата царская власть или советская власть. Так как в демократической Америке картина нисколько не лучше. Виновата в этом не окружающая среда, не социальный строй, а сами литераторы, поэты или писатели, у которых, в большинстве случаев, беспорядок в голове и в штанах. А они валят все с больной головы на здоровую.

— Но эту печальную правду сказать трудно. Ведь пресса-то в их руках — и они вас просто не будут печатать. Да еще и обругают. Потому-то философы и говорят, что дьявол дегенерации — это лжец и Отец лжи, который всегда пытается доказать, что он

* См. «Русская Жизнь» в Сан-Франциско от 24.VIII.1966.

** См «Русская Жизнь» от 10 ноября 1966 г

*** См. «Нью-Йорк Таймс» от 4 марта 1962 г., секция обзора книг, с. 16.

**** Все данные о Юджине О'Ниле взяты из книги Кросвела Боуэна «Проклятье выродженцев», Нью-Йорк, 1959.

***** Это пишет сам Чарли Чаплин в своей автоб. книге «Чаплин»

****** См. израильск. газету «Трибуна» за 30 авг. 1973 г., с. 20.

не существует. Потому-то экзистенциалист Кьеркегор констатирует, что в наше время дьявол поселился в печатной краске.

— Профессор Ломброзо объясняет этот парадокс так: чтобы быть настоящим писателем, поэтом, большим артистом или художником, нужно иметь очень и очень чувствительную, восприимчивую, утонченную душу, то есть нервную систему и психику. А это одновременно является как бы началом всяких неврозов, психозов, нервных и психических болезней, половых извращений и так далее прочее. И получается порочный круг. Парадокс.

— Дьявол дегенерации прячется в двух местах — в голове и в штанах человека. Но в голову человека так просто не заглянешь, а в штаны — это куда проще. Поэтому половые извращения — это тот внешний признак, по которому эти легионеры узнают друг друга. И мы тоже. Хотя нас интересуют не половые извращения, а душевные болезни, но начинать приходится с половых извращений.

— Дело в том, что именно половые извращения являются тем цементирующим началом, которое объединяет этот легион, создает в них общность судьбы, чувство солидарности — и делает из этих солидаристов то тайное братство, которое является в конечном итоге партией партий и союзом союзов. Но бесплатным приложением к этому являются психические болезни.

— Говоря о писателях и поэтах, невольно возникает вопрос: неужели дегенерация — это неизбежная плата за гениальность? Нет, это вовсе не обязательно. Например, самый великий гений русской литературы — Александр Сергеевич Пушкин — был совершеннейше нормальнейшим человеком. Поэтому его и называют чистым гением, солнечным гением. Потому и говорят, что высший талант — от Бога. А дьявол ему только подражает. Потому дьявола и называют — обезьяна Бога.

— Но и дьявол тоже не дремлет. Ведь Пушкина затравила и убила шайка педерастов. Начиная от хромоногого педераста князя Долгорукова, который написал анонимный «диплом», послуживший причиной дуэли, и кончая голландским посланником, педерастом и бароном Геккерном и его приемным сыном, тоже педерастом и фактическим убийцей Пушкина — Дантесом.

— Подведя такую научную базу, посмотрим же теперь на наших диссидентов, раскольников, инакомыслящих и прочих «демократов». С точки зрения высшей социологии, у большинства из этих диссидентов сразу заметны три очень характерных родимых пятна. Разберем их по порядку.

— Первое родимое пятно: большинство из них — это писатели, поэты и прочие щелкоперы и бумагомаратели. Но пишут эти писатели-диссиденты, как правило, в стиле так называемой «орнаментальной прозы», а диссиденты-поэтишки увлекаются модернизмом. Однако с точки зрения психиатрии эта «орнаментальная проза» и модернизм есть не что иное, как мозговой разжиж, то есть шизофрения, раздвоение личности, умозамешательство. Вот я вам сейчас незаметно всунул образец такой «орнаментальной прозы»: вместо умопомешательство я сказал умозамешательство. А вы этого не заметили. И читатели этого не замечают. Но зато психиатры это очень даже замечают. Кстати, у Солженицына вы эти «орнаменты» найдете на каждой странице. Сову по полету видно, а диссидентов — по почерку.

— Второе родимое пятно: почти все эти диссиденты — это ев-

реи, люди в смешанных браках с евреями или продукты этих браков, то есть полуевреи и так далее прочее. Но знаменитый еврейский профессор-психиатр Ломброзо в своей книге «Гениальность и помешательство» пишет следующее:

«Именно среди евреев встречается больше образованных и талантливых людей, но и сумасшедших среди евреев в 4—6 раз больше, чем среди окружающих. В Германии евреев-сумасшедших было в В раз больше, чем среди немцев».

— Среднее арифметическое из 4—6—8 будет 6. Теперь возьмем демократическую американскую статистику. Эта статистика говорит, что в США 18,5% населения более или менее душевнобольные. А сколько же это будет у евреев, если у них в 6 раз больше? 1В,5×6=111%, то есть больше 100%. Вот и разбирайтесь, кто из них умнее, кто полоумные и кто безумные. Вот вам и избранный народ, божий народ. А в случае смешанных браков с евреями и продуктов этих браков, полуевреев и так далее, дело обстоит еще хуже, вдвое хуже. Это, как правило, браки больных людей. И продукты этих браков, как правило, тоже больные.

— Вот потому-то мы теперь и разрешили выезд или эмиграцию евреев из Советского Союза. А многих мы просто сами выпроваживаем — высылаем, как, например, Тарсиса, Бродского, Чалидзе, Жореса Медведева, и т. д.

— Профессор Ломброзо, отец науки о дегенерации — дегенерологии, это величина всемирно известная. А поскольку он сам еврей, то его довольно трудно заподозрить в антисемитизме. А результаты — сами видите какие. Кстати, если вы присмотритесь к тем, кто выезжает теперь из СССР по израильской визе, то вы увидите там необычайно большой процент людей в смешанных браках с евреями или продукты этих браков — полуевреев и так далее. Но большинство из них это тщательно скрывают, словно стыдятся чего-то.

— Третье родимое пятно: среди этих инакомыслящих диссидентов подозрительно много людей типа РВН, то есть Родственников Врагов Народа, да еще из крупных партийцев, из той ленинской гвардии, которую Сталин перестрелял, называя их бешеными собаками: Якир, Медведев, Тарсис. Возьмем, например, хромоножку Валерия Тарсиса, который маскируется под грека. Его отец Яков Аронович Тарсис и брат его отца Иосиф Аронович Тарсис-Пятницкий были евреями и профессиональными революционерами. Тарсис-Пятницкий был ближайшим помощником Ленина, секретарем Исполкома Коминтерна и членом ЦК партии. Во время Великой Чистки 30-х годов этих обоих братцев ликвидировали, подмели и сына Тарсиса-Пятницкого. А вот Валерия Тарсиса пожалели, оставили. Теперь, глядя на этого Тарсиса, вы поймете, почему этих РВН подмели вместе с родителями.

— Кстати, к этим диссидентам примкнула даже Светлана Сталина-Аллилуева, дочка того самого Сталина, который перестрелял родителей этих самых диссидентов. Теперь папа Сталин, вероятно, переворачивается в гробу и сожалеет, что не ликвидировал и свою собственную дочку. По первому закону марксистской диалектики — о единстве и борьбе противоположностей.

— Товарищи, более подробно мы поговорим об этих диссидентах на следующей лекции. А вы тем временем в качестве домашнего задания сами подготовьте практические примеры насчет этих

трех родимых пятен. Так, как в случае Тарсиса. Приучайтесь шевелить мозгами самостоятельно!

— Говоря о наших так называемых диссидентах, хорошо вспомнить старую философскую истину, что революция пожирает своих детей. Как свинья поросят. Ну, вот эти поросята теперь и кричат. Поросята типа РВН кричат о гуманизме. Лучше б они покричали о том, что делали их отцы. Ведь все-то это за грехи отцов.

— Кстати, я решил провести один маленький эксперимент. Я пошлю эту лекцию за границу — и посмотрим, что будет. Одновременно я пошлю это в советскую прессу. Но я думаю, что результат будет тот же самый: хотя эта лекция, как вы сами видите, материал явно сенсационный, но очень мало кто это напечатает. Почему? Да потому что, как говорит философ Кьеркегор, в наше время дьявол поселился в печатной краске. Но тогда мы увидим, где именно он обитает. (...)

Герои нашего времени:

АНДРЕЙ АМАЛЬРИК — СОВЕТСКИЙ ХИППИ

Обычно мы узнаем новости из газет и журналов, которые создают героев нашего времени, как Андрей Амальрик, по американским газетам. «Историк» с большой буквы и автор «нашумевшей» книги «Доживет ли Советский Союз до 19В4 года?».

Все мы читаем об этом в газетах и журналах. Но кто из нас читал эту книгу в оригинале? Всю эту информацию мы получаем как бы из вторых рук. И иногда эта информация поразительно расходится с действительностью.

Недавно я прочитал в о р и г и н а л е книгу А. Амальрика «Недобровольное путешествие в Сибирь» по-английски, издание Харкорт, Нью-Йорк, 1970. Это своего рода автобиография Амальрика. И то, что пишет о себе сам Амальрик, поразительно расходится с тем, что пишет о нем вот уже годами — и по сей день — периодическая печать.

Итак, будем листать книгу Амальрика по порядку. На суперобложке книги стоит: «Он интересуется авангардным искусством...» Хм, авангардное искусство — в принципе это область психопатологии. Как правило, все эти «авангардисты» — это просто психически больные люди.

Амальрик сам пишет (с. 72), что в первый раз его арестовали и судили вовсе не за политику, а по 228-й статье Уголовного кодекса — за производство, хранение и распространение п о р н о г р а ф и и! Это относится к пьесам Амальрика и иллюстрациям к ним Зверева. Но это опять-таки психопатология. Настоящая порнография — это психическая болезнь, для которой в медицине есть специальный термин — войеризм.

За эту порнографию Амальрика в 1965 году, как «социального паразита», выслали в Сибирь, где он работал в колхозе. Но уже через год, в 1966 году, ему разрешили вернуться в Москву. Надо сказать, что наказание поразительно легкое.

В предисловии говорится, что сотрудниками Амальрика были Павел Литвинов (внук того Литвинова), Александр Гинзбург и Юрий Галансков. Невольно возникает вопрос: сотрудники в чем — в порнографии?

На стр. XIII Предисловия Александр Есенин-Вольпин сам заявляет, что он нигилист. Вот те на! А мы, веря западной прессе, думали, что он демократ, нежный поэт, пламенный борец за свободу и права человека? Да ведь нигилисты — это те самые «бесы» Достоевского.

Амальрик говорит (с. 196), что его фамилия семитского происхождения, но на стр. 20 он заявляет, что официально он не еврей. Но зато все его приятели, таки да, евреи. Кстати, во времена инквизиции в Испании там был такой генерал-инквизитор Алонзо Манрик, кардинал-архиепископ Севильи, чистокровный еврей-выкрест. И имя Алонзо Манрик очень перезванивается с именем Андрей Амальрик.

Амальрик сам пишет, что его выгнали из Московского университета за тихие успехи и громкое поведение. Значит, это студент-недоучка. Вот те на! А где же знаменитый «Историк» с большой буквы, как его годами величает западная пресса — и повторяет как попугай наша эмигрантская печать?!

Когда я читал книгу, вернее — брошюрку, Амальрика «Доживет ли Советский Союз до 1984 года?», она для меня так попахивала перепечаткой из американского журнала «Форин Аффейрс» — органа госдепартамента, что я невольно подумал: «Это состряпали американцы и просто подсунули на подпись Амальрику. Типичное «уишфул тинкинг».

Теперь эта загадка разъяснилась. Ведь «Историк» с большой буквы — это просто студент-недоучка. Судя по всему, просто советский хиппи.

Прадед Амальрика по матери был цыганом и конокрадом (с. 34). Дядя по матери был расстрелян во время Великой Чистки, как «враг народа», в 1937 году. Этот дядя, Евгений, увлекался Велимиром Хлебниковым и лично дружил с ним. Плохой признак. Хлебников был из «авангардистов», и здесь нужно знать формулу: ворон к ворону летит. Кроме того, этот дядя, Евгений, до своего расстрела был прокурором по особым делам, значит в НКВД, и сам людей расстреливал. Ну, туда ему и дорога.

Мать Амальрика развелась с мужем. Плохой признак. Статистически разбитые семьи дают наибольший процент дефективных детей.

Мать Амальрика умерла от рака мозга. Тоже плохой признак. Мозговые болезни, вплоть до головной боли, частенько передаются по наследству. В американских больницах на всех психов заполняют подробнейшую анкету, где спрашивают, были ли где в семье головные боли, особенно хронические, и какие-либо мозговые болезни.

Муж сестры матери Амальрика в 1951 году был арестован и осужден на 5 лет, как «социально опасный элемент». Отец этого мужа был комиссаром в правительстве Ленина. Видимо, в семье большой процент «перманентных революционеров».

Если прадед Амальрика по матери был цыганом и конокрадом (с. 34), то прадед Амальрика по отцу увлекался анархистом Прудоном, был социалистом-анархистом, кроме того, он был психопатом и в конце концов покончил самоубийством (с. 197). Вспомним, что в своем романе «Бесы» Достоевский прямо пишет, что его «бесы» тоже увлекались не кем-нибудь, а товарищем Прудоном. И это не случайность. Достоевский хорошо знал то, что он писал.

Затем Амальрик пишет, что брак его бабушки, то есть дочки

прадеда-самоубийцы, был очень несчастлив. Тоже обычное явление. Дело в том, что «бесы» водятся в двух местах: в голове — и в штанах (или под юбкой). Это вам скажет и папеле Фрейд.

Следующим номером Амальрик сообщает, что по отцовской линии в семье идет наследственная летаргия. Однажды его отец спал, не просыпаясь, целую неделю. Но, несмотря на это, уже в 1917 году дед по отцу голосовал за большевиков (с. 199). Типичные «перманентные революционеры».

Мать Амальрика была на 6 лет старше отца. Только на 10-й год брака родился первый ребенок — Андрей Амальрик. Ох, ох, ох, опять плохой признак. У Троцкого жена была старше его на целые 10 лет (1-я жена). И у Ленина та же самая история. Когда жена старше мужа, с точки зрения папеле Фрейда, это означает Эдипов или матерный комплекс. Это все признаки «перманентных революционеров».

Отец Амальрика в 1941 году был осужден на 8 лет за «антисоветские выражения», это участь всех «перманентных». После войны отец Амальрика работал маляром, потом стал алкоголиком. По ночам его мучили кошмары, то есть черти мучили. Здесь надо заметить, что большинство алкоголиков — это психически больные люди. В 1960 году отца Амальрика разбил паралич (правая рука, правая нога и паралич речи (с. 196—204). Тоже плохой признак. Как говорится в Библии, виноград не растет на терновнике.

Насколько можно судить по книге, отца Амальрика паралич разбил не в результате преклонного возраста, а значительно раньше, что частенько встречается в семьях с дурной наследственностью, где уже есть наследственная летаргия и где есть прадед-анархист, психопат и самоубийца.

По советским законам для получения пенсии нужно проработать 25 лет. А отец Амальрика в значительной мере был таким же «тунеядцем», как и его отпрыск: сначала он работал осветителем в кино, то есть настоящей профессии у него не было, потом работал маляром, а потом вообще не работал постоянно, так как был алкоголиком. В результате хотя его и разбил паралич, но пенсии ему не давали. А сын-тунеядец нигде не работал, оправдываясь, что ему нужно ухаживать за отцом. Так они и жили не тужили. Пока у Амальрика не завязалось знакомство с КГБ...

Когда Амальрик познакомился с КГБ в результате порнографии, тунеядства и так далее, то он стал оправдываться, что он не может работать, так как вынужден ухаживать за отцом, которому не дают пенсию. И что же вы думаете? КГБ устроило отцу пенсию! Даже в обход советских законов.

Сам следователь КГБ вместо того, чтобы бить Амальрика по физиономии, как это делалось при Сталине, теперь ходил по советским учреждениям и устраивал старому алкоголику пенсию! Только чтобы его сын не баловался и не занимался порнографией. И только когда все это не помогло, только тогда Амальрика немножечко командировали в Сибирь, меньше чем на год.

Каждый американец, прочтя американское издание книги Амальрика, которое я разбираю, скажет, что КГБ — это очень милая организация, вежливая, корректная и предупредительная, куда симпатичнее, чем нахальные американские полицейские. И все это описано с большими подробностями. Я же сидел и думал: «Что за черт? Неужели это правда? Или это какая-то хитрая провокация?»

И потом: «Но где же «Историк» с большой буквы, герой нашего

времени? Ведь он же сам говорит, что он просто студент-недоучка! Ведь это типичный советский хиппи. Та самая пакость, которую мы здесь в Америке ругаем за бунты и поджоги университетов, за наркотики, за паразитизм».

Вот недавно судили алкоголика Якира и его компаньона Красина, которые прямо признались, что всю свою писанину, под которой они подписывались, они получали из-за границы. Очень похоже, что та же история и с «нашумевшей» книжкой-брошюрой Амальрика «Доживет ли СССР до...».

Как-то проф. Ульянов написал в «Новом Русском Слове» статью о Солженицыне, где разбирал всякие странности в этом деле — и даже ставил вопрос о какой-то провокации. Поднялась целая буря. Так или иначе, но нужно признать, что во всем этом деле с советскими «диссидентами» очень много всяких странностей.

Ведь западная пресса одним духом рекламирует и Амальрика, и Солженицына, и Сахарова. Прямо святая троица. И все эти «диссиденты», надо сказать, чрезвычайно солидарны, настоящие солидаристы. И держатся они все друг за дружку, как, извините, вши за мокрый кожух. Один за всех — и все за одного. Кукушка хвалит петуха, поскольку хвалит он кукушку. И, без сомнения, есть нечто, что их объединяет. И крепко объединяет. Но что это такое?

И почему западная пресса, делая из Амальрика героя нашего времени, вот уже годами — и по сей день — выдает кукушку за соловья? И почему это повторяет как попугай наша эмигрантская пресса?

По этому поводу знаменитый философ Кьеркегор, отец философии экзистенциализма, то есть декаденции в философии и литературе, сказал, что со времени изобретения печатного пресса дьявол поселился в печатной краске. А философ Кьеркегор — горбун, гомосексуалист и довольно честный еврей из выкрестов — этого дьявола знал довольно хорошо. И еще надо вспомнить, что в Библии этого же дьявола называют лжецом и Отцом лжи. Видимо, вот поэтому-то пресса и такая лживая.

Но это вовсе не означает, что все читатели должны принимать кукушкины яйца за голубиные. Иногда лучше усмехнуться и сказать: «Эх, не морочьте вы нам голову!»

Наши теперешние «диссиденты» идут в основном по двум линиям: неотроцкизм и необердяевщина. И не мешает напомнить, что наш знаменитый философ-чертоискатель Бердяев, которого наши левые элементы называют лучшим русским философом XX века, говоря о революционерах, любил бормотать про союз сатаны и антихриста. Но что это такое?

В свое время в США вышла биография Евтушенко «Преждевременная биография», написанная им самим. Интересно, что подробное предисловие к этой автобиографии было написано таким странным любителем поэзии, как Аллен Даллес, бывший начальник американской разведки Си-ай-эй. Но ничего в этом удивительного нет, если принять во внимание, что Си-ай-эй, помимо всего прочего, занимается также и психологической войной, или, как говорят специалисты, психвойной или войной психов.

Так или иначе, в моем разборе жизни и продукции Амальрика я пользуюсь тем же самым методом, каким Аллен Даллес анализировал жизнь и продукцию Евтушенко. Дай, думаю, спрячусь за авторитетного человека.

Герои 3-й эмиграции:

ВАЛЕРИЙ ТАРСИС-СИНЕМУХОВ

Тарсис является типичным представителем трех советских диссидентов, которых в СССР сажают в дурдома. А западная пресса — и значительная часть нашей эмигрантской прессы — делают из них героев нашего времени, которые якобы борются за свободу и права человека в СССР.

Теперь первая сенсационная пыль улеглась, и о Тарсисе известно немного больше, чем раньше...

Издательство «Посев» (НТС) печатает Тарсиса и уверяет, что он чистокровный русский и новый Златоуст. Сам Тарсис уверяет, что он грек и потомок Аристотеля. А некоторые люди говорят, что он помесь грека с канарейкой.

Тогда «Новое Русское Слово» решило напомнить Тарсису, кто он такой. Оказывается, Валерий (бывший Вениамин) Яковлевич Тарсис является сыном Якова Ароновича Тарсиса, брат которого, Иосиф Аронович, был известен в русской революции под псевдонимом Пятницкий. Этот Пятницкий был ближайшим сотрудником Ленина по ввозу в Россию подпольной литературы и оружия, а затем был одним из руководителей Коминтерна. Да и сам Тарсис проговаривается, что его отец «скрывал оружие для революционеров в 1905 году».

Дальше «Новое Русское Слово» сообщает, что во время Великой Чистки в 1937 году отец В. Я. Тарсиса, Яков Аронович, и его брат, Иосиф Аронович Тарсис-Пятницкий, были ликвидированы как враги народа. Заодно подмели и сына Тарсиса-Пятницкого. Вероятно, старые чекисты теперь сожалеют, что тогда же не подмели и Валерия Тарсиса.

Советский Энциклопедический словарь говорит, что Иосиф Аронович Пятницкий-Тарсис был членом ленинского РСДРП с 15-летнего (!) возраста. После революции он был секретарем Исполкома Коминтерна и членом ЦК партии. Да, заслуженный большевик.

Но тут возникает целый ряд вопросов. Почему это Тарсис стесняется своих заслуженных предков? Почему Тарсис скрывает, что он еврей, и выдает себя за грека? И даже врет, что ему дали греческий дипломатический паспорт! И почему всю эту ложь повторяет НТС-овский «Посев»?

Над заголовком «Посева» стоит эпиграф «Не в силе Бог, а в правде!». Но в пункте Тарсиса «Новое Русское Слово» оказалось гораздо честнее, чем «Посев».

Первой женой Тарсиса была еврейка Роза Яковлевна Алкснис. Брат ее отца — старый большевик командарм Алкснис, командующий Военно-Воздушными Силами ВВС СССР, тоже был расстрелян во время Великой Чистки. В общем, хорошая советская семья. И даже странно, чего это там Тарсису не нравится? Или, может быть, он тоже перманентный революционер, потомственный революционер? А потому-то они и перестреляли друг дружку во время Великой Чистки.

20 лет Тарсис был членом компартии. В месяцев он сидел в дурдоме. Потом его выпустили или, вернее, выдворили за границу, называя его вдогонку психопатом, параноиком и маньяком.

Однажды я слушал выступление Тарсиса в «Доме Свободной

России» в Нью-Йорке, организованное НТС. Я нарочно сел поближе к столу президиума, шагах в пяти от Тарсиса. У героя нашего времени маленький череп, низкий лоб и огромные, как у троглодита, челюсти. Маленького роста, с непропорционально коротенькими ножками и ручками, словно какой-то недоразвитый. Во всей фигуре какая-то дисгармония и диспропорция. Движения тоже какие-то плохо координированные. И глаза какие-то мутные (может быть, перед выступлением его накачали транквилайзерами?).

Одна нога Тарсиса на несколько сантиметров короче другой. Хотя он и уверяет, что это результат фронтового ранения, но... как ему верить, если он упорно врет, что он не еврей, а грек? Может быть, это хромота и врожденная. А врожденная хромота — это плохая примета. Это один из главных признаков того, что называется вырождением или дегенерацией, чему сопутствуют и всякие прочие дефекты, в том числе и в голове.

Это прекрасно знал и Достоевский, романы которого, включая и «Бесы», кишели хромоножками и сухоручками. Кстати, такими сухоручками были товарищ Троцкий и Вильгельм II. А насчет хромоножек... Таким же хромоножкой был вождь меньшевиков Мартов-Цедербаум (хотя там тоже врали, что его «в детстве нянька уронила»). А ведь хромоножка Мартов-Цедербаум был вторым после Ленина человеком в истории русской революции. Такой же хромоножкой была и знаменитая еврейская революционерка Роза Люксембург, к тому же она была еще и кривобокая. Такой же хромоножкой была и известная меньшевичка Вера Александровна, жена Соломона Шварца, редактор нашего известного «Чеховского Издательства».

К знаменитым хромоножкам принадлежали также: анархист батько Махно, убийца Кирова — Николаев (лошадиная стопа), из-за чего-то и началась Великая Чистка; Иосиф Геббельс (тоже лошадиная стопа), один из крупнейших прохвостов в истории Талейран. Хромоножкой (лошадиная стопа) был и основоположник анархизма в литературе Байрон, который принадлежал к официальной «школе сатанистов» в литературе (это официально сообщает литературный словарь-энциклопедия Бенэ), он же является и прототипом всех бунтарей — героев нашего времени в литературе. А одним из вождей анархизма в живописи был хромоножка Тулуз-Лотрек (здесь врут, что он якобы «упал с лошади»).

Ладно, сижу я и слушаю Тарсиса. Сначала он просто повторял то, что мы уже читали в «Посеве». А потом он многозначительно заявил, что будет читать свои новые стихи. И тут он понес такое... Про Иисуса Христа и каких-то вздыбившихся жеребцов, и еще что-то такое, что и сам черт не разберет... Явная ахинея и ересь, бред сумасшедшего, но с явной примесью богохульства.

Справа от меня сидел архиепископ Чикагский Серафим. Послушав богохульный бред Тарсиса, владыка Серафим встал и, демонстративно стуча каблуками, вышел из зала. Божьи старушки в зале морщатся и потихоньку крестятся, как от антихриста. А мутные глаза Тарсиса вдруг немножко прояснились. А из углов рта текут слюни.

Слева от меня сидел мой приятель, доктор-психиатр, заведующий одним из сумасшедших домов в Нью-Йорке. Смотрит он на меня и подмигивает: «Случай явно клинический... Конечно, он не совсем сумасшедший, но... таких мы тоже сажаем» — и показывает мне большую связку ключей от сумасшедшего дома, которая висит у него на поясе.

В зале чувствовалось явное замешательство. Поводырь из НТС дергал Тарсиса сзади за полы пиджака, чтобы он кончал. Но бравый диссидент не сдавался и, размахивая руками, докричал свою ахинею до конца. Кто знает, может быть, перед докладом его недостаточно напичкали транквилайзерами?

Здесь напрашивается параллель с еще одним дурдомщиком, тоже героем нашего времени — Иосифом Бродским, который в своих стихах любит упоминать Христа наряду с матерщиной (например, смотри стих «Натюрморт»). Бродского тоже сначала подержали в дурдоме, а потом насильно выслали по израильской визе. Теперь он преподает русский язык в одном из американских университетов.

Употребляя имя Христа, оба эти дурдомщика подделываются под «неохристиан» типа Бердяева. Того самого философа-«богоискателя» Бердяева, которого за это самое «богоискательство» в 1915 году царский Святейший Синод приговорил к вечной ссылке в Сибирь, — явление в русской истории совершенно исключительное. Потом даже и либерал Керенский посадил одержимого чертоискателя Бердяева за решетку, а Ленин в 1922 году просто выслал его за границу. Так же, как теперь высылают Тарсиса и Бродского. Ничто не ново под луной.

В доброе старое время цыгане водили по ярмаркам медведя с кольцом в носу и показывали всякие фокусы: как медведь пьет сахарную водичку из водочной бутылки, а потом танцует гопака. А теперь НТС-овцы подобным же образом, как цыган-поводырь, таскают по эмигрантским собраниям Тарсиса и прочих дурдомщиков, показывают свои фокусы и при этом даже собирают деньги на освобождение матушки-России.

Некоторые прибывающие теперь на Запад советские «диссиденты», так называемая 3-я эмиграция, иногда сгоряча говорят, что и русские и советские — это нация рабов, быдло (у Тарсиса — это Дуропляс), которое не может жить без палки царской или палки советской. В действительности же дело обстоит так: нормальные люди всегда склонны подчиняться авторитету власти, а психи... всегда психуют, и на Востоке — и на Западе. Уж в Америке столько свободы, что частенько тошно становится, а психи все равно психуют и требуют еще больше свободы.

Мы же, русские, иногда просто из чувства приличия стесняемся повторить то, что свободно говорит американская пресса. Например, серьезная американская пресса открыто говорит, что НТС финансируется американской разведкой Си-ай-эй. А мы это не только сказать, но даже и повторить боимся или, вернее, стесняемся. Но теперь подошло время сказать это безо всякого ложного стыда. Ведь если сегодня «освободить» Россию при помощи этих «диссидентов» — Тарсиса, Литвинова-младшего, братьев Медведевых, Якира, Синявского и Даниэля и так далее вплоть до Светланы Сталиной — то будет в точности то же самое, что было в 1917 году! То есть на колу висела мочала, начинай сначала. Ведь все это не что иное, как неотроцкисты, часть которых маскируется под неохристиан, необердяевцев. А ведь Сталин, уничтожив Троцкого, делал все то, что проповедовал Троцкий. Ведь коллективизацию и индустриализацию выдумал не Сталин, а Троцкий, а Сталин все это только воплотил в жизнь.

Пока НТС на деньги Си-ай-эй печатал всякие эмигрантские книжечки, ладно, мы тогда помалкивали, ведь это нам не вредит. Но то, что НТС делает сейчас... это уже, как говорится, другой миндал. И теперь время сказать: Бог не в деньгах, а в правде!

Я, например, американский налогоплательщик. Кстати, я плачу налогов значительно больше, чем президент США Никсон, которого за это самое очень критиковали в американской прессе. Так вот, поскольку НТС печатает книжечки Тарсиса на мои деньги, то я имею полное право посмотреть, что это такое. Чтобы меня не обзывали рабом и быдлом, я занимаюсь тем, что называется конструктивной критикой.

Вот недавно в Чикаго был конгресс психоаналитиков-фрейдистов, где выступала даже дочь самого Фрейда. И этот конгресс происходил под странным лозунгом «Гомосексуальность — и агрессия!», то есть это была основная тема этого конгресса. И опять скажут: «Что это за чушь?»

А все дело в том, что с точки зрения фрейдистов — гомосексуальность тесно связана с садизмом и мазохизмом, из чего происходят комплексы разрушения и саморазрушения, комплекс убийства и самоубийства. А все это, вместе взятое, является первопричиной любой агрессивности и агрессии, начиная от самой обычной драчки между мужем и женой, и кончая всемирными войнами и революциями. А ведь психвойна это тоже война. И без гомосексуальности тут просто не обойдешься. Вот потому-то профессор Натан Лейтес и базировал Гарвардский проект на «комплекс латентной педерастии».

И если вы сегодня присмотритесь к советским «диссидентам» как к группе, вы сразу увидите, что там действительно довольно много общего с Лениным и его профессиональными революционерами, с товарищем Троцким и его перманентными революционерами, со всеми теми, кого Сталин перестрелял во время Великой Чистки. Ведь большинство этих новых революционеров — это дети и потомки старых революционеров. И, откровенно говоря, все это то же самое кодло. Хотя НТС и уверяет нас, что это идеалисты, борющиеся за права и свободу человека в СССР.

Но оставим высокие материи и теории в стороне и посмотрим лучше на писанину Тарсиса. Заранее скажу, что я Тарсиса не читал. Зачем мне тратить время попусту? У меня другой метод. Я посмотрел на подписи под рецензиями, которые расхваливали Тарсиса, и вижу, что все это псишки, легионеры, о которых в Библии говорится, что имя им легион, потому что их много. Всех я их знаю годами и знаю, что они всегда расхваливают друг дружку. И уж их-то не обманешь, нормального человека они никогда хвалить не будут. В общем, скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты. Это метод нахождения истины из обратного — экс адвэрсо.

Но, как полагается в демократическом обществе, я выслушал и другую сторону. Некоторые нормальные люди, почитав Тарсиса, в своих рецензиях пишут: «Возьмем (раздутую) «Палату» № 7... Дочитать такую вещь до конца трудно... Хочется спросить читателя, одолевшего «Палату» до конца: неужели он не возмущен восторженными отзывами об этой повести? Ведь эти отзывы в совокупности с достоинствами самой повести здравомыслящего человека не могут не возмущать (это как раз то, что я пишу в предыдущем абзаце. — Г. К.)... нельзя не заметить в авторе выпирающей мании

величия (ха, ха, ха, я это и не читая уже знал. — Г. К.)... А рядом с манией величия при встрече обнаружилось и другое: какое-то болезненное тяготение к обнаженному женскому телу» (из статьи В. Королева в «Русской Жизни» от 26.7.1966).

Есть такая поговорка, что один дурак десяти умным голову заморочит. Наглядным примером этому является дурдомщик Тарсис.

Философы говорят, что дьявол — это самое насмешливое и ироническое существо на свете, но сам он терпеть не может иронии и насмешек. Так вот, давайте-ка подергаем этого дьявола за хвост.

Кстати, сатановедение сейчас в большой моде в Америке. Например, в Нью-Йоркском университете открылись специальные курсы по колдовству, магии и сатанизму, и туда записалось столько студентов, что лекции пришлось перенести в одну из крупнейших аудиторий университета. Это пишет бывший американский коммунист Кеннет Гофф в своей брошюре «Сатанизм — отец коммунизма» (с. 4).

Видите, как продвинулась вперед наука в американских университетах? Да, скоро ведьмы из Нью-Йоркского университета будут летать на Луну верхом на помеле. Или верхом на пылесосе. И это очень просто. Нужно только сначала хорошенько наглотаться наркотиков — и тогда вы полетите не только на Луну, но и на Венеру. Вот и весь секрет этой науки.

А вот в такой серьезной газете, как «Нью-Йорк таймс» (от 1 июня 1970, с. 24), пишут, что в Университете Калифорнии некий вундеркинд Исаак Боневич получает ученую степень бакалавра в области магии и собирается учиться дальше, чтобы получить ученую степень доктора наук в области магии! Видите, все это совершенно всерьез.

Ах, скажут, при чем здесь Тарсис — и сатановедение? Очень даже при чем. В доброе старое время душевные болезни называли бесами, а душевнобольных просто одержимыми, и в некоторых случаях их просто жгли на кострах под душеспасающие псалмы Инквизиции. Все это прекрасно знали <...> Сталин и Гитлер,— и гнали... подобных в концлагеря, подвалы НКВД или газовые камеры. Вот таким-то образом погибла и вся семья Тарсиса. А Тарсис служит живой иллюстрацией этих печальных истин.

Поскольку теперь в моде компьютеры и сатановедение, то я вместо компьютера завел себе маленького чертика и, когда нужно, просто дергаю его за хвост. Это чтобы люди не удивлялись, откуда я все это знаю. Так вот, кликнул я моего чертика и спрашиваю:

— Эй, как там насчет Тарсиса? Нормальный он или нет?

И моментально я получаю справочку: в газете «Наша Страна» от 25 октября 1966 года пишут, что в Св. Серафимовской церкви в Нью-Йорке протоиерей Александр Киселев повенчал 60-летнего Тарсиса с 20-летней швейцарской гражданкой Ханной Дорман (подчеркнуто чертиком. — Г. К.). С Ханной Дорман Тарсис познакомился за несколько дней до венчания.

Я смотрю на моего черта и говорю:

— Ну что ж, видно, что сверхмужчина... Ухарь-купец, удалой молодец...

И мой черт схватился за живот и регочет-хохочет, аж по ковру катается от смеха:

— Ох, Григорий Петрович, вы меня уморили. 60 лет и 20 лет!

А вы знаете, что дьявол склонен к экстремам, что он очень любит прятаться за самые лучшие человеческие качества? А вы знаете, что у него масса алиби и инкогнито?

И начинает мой черт рассказывать такие похабные французские анекдоты, что их даже и повторять как-то неприлично. И Фрейда тут притянул, и комплекс Электры, и 37% доктора Кинси. А потом нахально ухмыляется:

— Кстати, Ханна Дорман швейцарская еврейка. Так что брат Киселев повенчал двух евреев. Хм, хм, хм, кстати, недавно в этом же церковном зале брата Киселева делал доклад вождь НТС Артемов. Замечаете связи? И брат Киселев очень благосклонен к эсеру Роману Гулю из «Нового Журнала», а ведь это ж все старые бомбисты. Потому и говорят, что вокруг мирянина крутится один черт — вот как я вокруг вас. А вокруг священника, как Киселев, крутится десять чертей.

Наши «диссиденты», то есть неодекаденты, обычно пишут своего рода тайнописью, символами, криптографикой, орнаментальной прозой, которую понимают такие же легионеры, как они сами, а нормальные люди, как правило, все это не замечают. Вот такой же криптограммой, тайнописью написан и мой разговор с моим придворным чертом. Как в «Мастере и Маргарите» у Булгакова.

Если Тарсис вздумает обижаться, то пусть обижается на черта. А если он скажет, что чертей нет, то мы вызовем в свидетели всех ведьм из Нью-Йоркского университета и бакалавра или, вероятно, уже доктора магии Исаака Боневича из Калифорнийского университета.

Чтобы не ошибиться, посмотрим еще разок на писанину Тарсиса. Беру еще один отзыв нормального человека: статью К. Новосадской «Ядовитая муха» в «Русской Жизни» от 29 и 30 июня 1966-го Это про «Сказание о синей мухе» Тарсиса. Издание «Посева», который теперь сеет ядовитые плевелы. Суть этой повести о синей мухе в том, что герой-автор проникся жалостью к синей (трупной) мухе, которую люди уничтожают, вид этой трупной мухи наводит его на некоторую аналогию с собственной участью.

Г-жа Новосадская находит, что содержание этой «Мухи» заключается в «словоизвержениях, облеченных зачастую в форму очень туманную, как говорят «заумную», наводящую «тень на ясный день»... Все это перемежается с далеко не чистоплотными интимными излияниями автора... Нашли место в «Сказании» и кощунственные выпады, оскорбляющие чувства каждого христианина... образы и мысли порнографического свойства».

Ага, вот оно — чертово копыто, порнография, что мы уже видели также и у Андрея Амальрика, который в первый раз был арестован не за политику, а за порнографию. И та же самая история с Анатолем-Кузнецовым, который пишет предисловие к сугубо порнографической книге «Октябрина и русское подполье». Все они — и Тарсис, и Амальрик, и Анатоль — все они одним миром мазаны.

Еще раз повторяю, что я и «Муху» тоже не читал. Я все это и без чтения знаю. Высший пилотаж.

Но в некоторых местах я должен согласиться с Тарсисом, а не с г-жой Новосадской, которая возмущается словами Тарсиса: «Философы... ничем не отличаются от обычных кретинов — юродивых, святых, пророков, одержимых и прочих психопатов» (с. 11).

К сожалению, действительно есть печальная взаимосвязь между умом и безумием, между гениальностью и помешательством. Но это вовсе не означает, что каждый кретин — это гений. Кроме того, гениев единицы, а кретинов — миллионы. И многим из этих кретинов хочется казаться гениями.

Еврейский профессор Ломброзо называет таких кретинистых чудаков, которые лезут в гении, маттоидами-графоманами и говорит: «Из 245 маттоидов-графоманов 44 были «пророками»... У маттоидов обычно плоская ушная раковина. Обычно такие личности становятся во главе тайных обществ, заседающих в кафе или политическом клубе, делаются основателями новых сект или их апостолами».

Затем проф. Ломброзо заключает, что политикам следовало бы подумать о проблеме маттоидов, что их нужно лечить, иначе они могут наделать много бед для общества (с. 182 его книги).

А ведь проф. Ломброзо был как-никак отцом научной криминологии. И неужели КГБ этого не знает? Конечно, знает. Ну, вот по совету проф. Ломброзо КГБ теперь и сажает этих чудаков в дурдома — или выгоняет их за границу, где из них, сенсации ради, делают героев нашего времени. Но синие мухи — трупные мухи. И они разносят трупный яд.

От редакции. «Деликатная тема», которую мы затронули с помощью русского американца Г. П. Климова, нас, как здоровых людей, до поры до времени не волновала. Мы искали аргументы в спорах, взывали к логике, к совести, к непреложным историческим фактам и к нынешней очевидности. В ответ слышали злобное шипение, наблюдали еще пущее беснование. Тогда и закралась многим в голову мысль: а как насчет психопатологии?.. А тут еще «леволиберальный» разгул порнографии, защита нашими демократами с пеной у рта всякого рода извращений, расцвет политической проституции. И еще — навязчивое «обучение» населения «любви». Эти, явно дегенеративные, попытки выглядят анекдотично, если учесть, что предпринимаются в пику национальной традиции. Извращенцы, нравственные и физические, учат русских «любви» — русских, чьи семьи до известного времени насчитывали до 10—16 детей! Данная публикация означает, в частности, что дальнейшие диспуты с дегенератами и извращенцами мы признаем нецелесообразными. А за более свежими данными, в которых будут фигурировать и нынешние «отцы русской демократии», дело не станет.

Очерк и публицистика

Теймураз АВАЛИАНИ,
народный депутат СССР, председатель забастовочного комитета Кузбасса в июле 1989 г.

СПОКОЙНОЙ НОЧИ, «МАЛЫШИ»?!

Любят малыши популярную телепередачу. И о чем-то полезном узнаешь, что в жизни пригодится. И сказку послушаешь. И с колыбельной тети Вали, бывало, заснешь. Великое дело сон для человека. И силы восстанавливает, и заставляет все забыть. И хорошее, и плохое. А сколько зла совершалось, совершается и будет совершаться, пока человек «спит»... При кажущейся буйной, стремительной жизни народ держат в тяжелом сне. Сказки рассказывают. Колыбельные поют. Уму учат. Голову морочат. То кто-то лимузины бронированные отказался сделать. То НЛО видели. То Израиль Молдову собирается фруктами накормить. Дела же идут в стране, наоборот, из рук вон плохо. Плохо, но так, как задумано главными сказителями.

...Когда я спрашиваю товарищей из Закавказья: «Неужели сложно прекратить междоусобицу, разжигание национализма?» — почти все искренне отвечают: «Давно пора!» Но стоит этот же вопрос задать не одному человеку, а группе армян или грузин, или азербайджанцев — все дружно начинают убеждать в том, какие они хорошие и какие другие плохие. Выходит, каждый человек в отдельности претензий не имеет. Но, как только соберутся в группу, страсти разгораются. Эффект толпы. Как бы кто не посчитал тебя трусом. Безусловно, причины можно найти и в историческом прошлом, и в настоящей жизни. Особенно если задаться целью их найти. Можно вспомнить и татаро-монгольское нашествие и заорать: «Отомстить!» Можно вспомнить времена инквизиции и потребовать покаяния от католической церкви. Можно в информационных программах по местному телевидению Вологды или Москвы, Ульяновска или Ташкента настойчиво подчеркивать национальность уголовных убийц и их жертв. Глядишь, и страсти разгорятся. Но ведь убивают, не спрашивая ни фамилии, ни национальности. Преступный мир интернационален. А если учесть эмоциональность и темперамент закавказских народов, вражду между ними разжечь не составляет большого труда.

Как дальше будут развиваться события? Предположить можно. Толкают к рассоединению и многие другие силы. Каждая со своих позиций и цель своя. Усилия же их объединенные ох как выгодны государствам, давно стремящимся устранить СССР с политической арены мира. И в первую очередь выгодно США. В этой связи процитирую рекомендацию А. И. Солженицына: «...и так я вижу: надо безотложно, громко, четко объявить: три прибалтийских республики, три закавказских республики, четыре среднеазиатских, да и Молдавия, если ее к Румынии тянет больше, эти одиннадцать — да! — непременно и бесповоротно будут отделены». Вот так безапелляционно — отделить! Александр Исаевич — тоже одна из сил, брошенных в дело разобщения народов и государства Российского, создававшегося с Ивана Грозного. И его тоже слушают (читают) во всей стране. И третья часть этого вопроса — судьба экономической интеграции. Трещина в дружбе, трещина в политических взаимоотношениях прямо и сильно отразится (уже отразилась) на хозяйственно-экономических связях. Они будут основательно порваны. С кем тогда интегрироваться?

Следующий вопрос. Наше государственное устройство. Многие века наше государство держалось на авторитарной власти, на силе центральной власти. Видимо, поэтому никто не придавал значения законам. Жизнь сама по себе, законы сами по себе. Не страшно было выпускать самые утопические законы, самым утопичным из которых были конституции СССР и в первую очередь статья о праве наций на самоопределение. Мы критиковали законы других стран и страшно гордились правом республик на выход из СССР. Это была самая глупая статья, самая жестокая (да простят мне «демократы» эту оценку) статья в нашей Конституции. Действительно, может ли нормально функционировать государство, если любая его часть действительно может в любой момент хвост показать? Нет, не может. Так и случилось.

Разве разъезжались бы семьи в разные республики: сын — в Литву, дочь — в Таджикистан, родители — в Молдавию, если бы знали, что через 10—20 лет это могут быть совершенно разные страны, со своими границами, таможнями, с культивированием неприязни к людям другой нации? Конечно, нет! Люди свято верили, что живут в едином государстве, где уважается человек, какой бы нации он ни был.

Без наведения порядка в стране, в каждом регионе ни одна реформа с места не сдвинется. Но сначала каждый гражданин страны, напуганный вакханалией самостийности, должен получить гарантию своей безопасности. Гарантию жить в единой и надежной стране, которая не преподносила бы ему каждый день сюрпризы. Завтра будет рынок, капитализм. Но разве я вложу свои капиталы в любом регионе нашей страны, без уверенности, что он не объявит себя свободным и не приберет мои денежки? Конечно, нет. И так каждый. Такой гарантией должна быть Конституция (и никакой не союзный договор), утвержденная всем народом путем референдума. Договоры заключают страны, веками ведущие хозяйство в своих национальных границах. Но и они (Западная Европа) с дальнейшим расширением интеграции будут вынуждены заключить договор об аннулировании всех договоров, всех регулирований между собой.

Мы ничего хорошего для народа не сделаем, пока не будем иметь сильную власть (исполнительную и судебную), способную заставить каждого гражданина страны выполнять законы. Это фундамент любого государства. Только после этого шага можно

приступать к каким-то самым простейшим экономическим реформам, понятным каждому человеку, в надежде на успех. Какими же должны быть эти реформы? На что должны быть направлены? Также на внедрение контролируемого (ограниченного) рынка. Каким путем? Путем одновременного предоставления права всем без исключения предприятиям продавать часть своей продукции (в 1991 году, скажем, 15 процентов, в 1992-м — 30 процентов, в 1993-м — 50 процентов) по договорным ценам кому хотят, включая заграницу. Об этом я твержу уже много лет. Официально вносил свои предложения в комиссию II Съезда народных депутатов СССР, членом которой был.

Только после начала действия такого порядка можно было давать возможность начать работать кооперативам и мелким частным предприятиям, они бы получили возможность обеспечиваться средствами производства (оборудованием и материалами) по ревльным рыночным ценам и законно продавать свою продукцию по ценам рынка из законных источников, не соприкасаясь, как сейчас, ежедневно с уголовным кодексом. О формах собственности. Почти все утверждают, что рынок может быть только при частной собственности. Это не совсем верно. В любой стране мира продукция, выпускаемая кампаниями, концернами, — это не частная собственность, а коллективная. Налоговая политика любого государства тоже делает выпускаемую продукцию не исключительно частной собственностью, даже чисто частного предприятия. Я уже ие говорю о влиянии государственных предприятий, таможенных тарифов, квот и т. д. Но рынок-то при всем при этом во Франции, Англии или ФРГ есть! Рынок есть и у нас, и будет самый настоящий, если, кроме частной собственности, будет и государственная собственность, и коллективная.

Здесь считаю необходимым сделать еще одно отступление от основной мысли и предупредить всех рвущихся в миллионеры и миллиардеры, и всех тех, кто расчищает им дорогу. Июльская (1989 года) забастовка шахтеров, потрясшая всю страну и породившая далеко идущие последствия, была вызвана, в частности, подогретой ненавистью на несправедливость в распределении материальных благ между регионами страны и отдельными категориями граждан. Разница же, вызвавшая ненависть, по международным меркам была ничтожная. Какова же будет ненависть рабочего класса, когда он увидит, что новоиспеченные предприниматели живут в 20—50—100 раз богаче рабочего?! Когда увидят виллы и дворцы новой номенклатуры? Россия не Германия, не Англия и даже не Франция. В России веками (веками, а не 70 лет) воспитывалась ненависть к неправедным богачам. Разин, Болотников, Пугачев, революции начала XX века — это только вершины айсберга. Айсберг под водой. Так что капитанам Российского государства и здесь надо смотреть в оба. А это все будет! И роскошная жизнь нуворишей, в десятки раз шикарнее «партократической». И перегон ими капиталов за границу. И нищета миллионов, еще более разительная на фоне блеска роскоши. По всем признакам нас ждет не западноевропейский стиль общества, а наш сегодняшний, смешанный с индийским. Причем более индийский, чем европейский. Июльская же забастовка 1989 года была на грани восстания.

Нам предсказывают страшную безработицу. 40—50 миллионов безработных заполнят биржу труда. И это при сегодняшнем дефиците рабочей силы почти во всех регионах страны. Что, разве завтра проснемся и увидим все свои заводы, фабрики, шахты реконструированными по последнему слову техники? Увидим, что современная механизация и автоматизация выкинула людей с производства? Нет, не увидим. На это в самом лучшем случае потребуется десяток лет. Это можно сделать только в одном случае — если умышленно спровоцировать в стране разруху. Ввести анархию в народнохозяйственный комплекс и остановить заводы, фабрики, шахты, совхозы. Остановить жизнь. Что сегодня успешно и делается вновь испеченными политиканами, под визг национализма и «демократии». Необходимо решительно, но поэтапно, в течение, видимо, пяти лет, переходить на рыночную экономику, имея твердую и сильную власть, способную в любой миг вмешаться в ситуацию. У нас опять же кричат: «Хватит ждать! Бросай его в глубокое озеро! Научится плавать — выплывет!» Кого бросать? Весь народ. Все 300 миллионов человек! Нет, господа, сегодня речь идет не о том, чтобы кого-то одного научить плавать. Сегодня вы предлагаете этим методом научить плавать весь народ, миллионы людей. А когда в озере много не умеющих плавать, они не только друг друга утопят, но и тех, кто умеет плавать, с собой прихватят. Это авантюра, а авантюры всегда кончаются крахом. Но, видимо, есть силы, которым как раз крах и нужен. Я знаю, что они хорошие пловцы. Но четко вижу, что тонущие утянут их за собой. Просто они не имели дела с сильными тонущими людьми. А тонущий, даже слабый, опасен крайне.

Сегодня частникам, кооператорам государство (нас с вами) легко обманывать под шум прессы. Предпринимателей не обманешь. Работать будем в 3 раза больше, получать в 1,5 раза. Но почему это же нельзя сделать сегодня на государственных предприятиях? Не система виновата, а наше с вами воспитание. Один человек, десяток людей, эмигрировавших в США, ФРГ, попадая в ту среду, быстро в ней перевоспитываются. У нас же среда остается прежней, господа «демократы». Перевоспитанием некому заниматься. И тут самое обидное и плохо объяснимое — ведь подавляющее большинство журналистов, писателей, артистов, других деятелей культуры, от кого зависит воспитание народа, думают так же, как и я. Но верховодят сегодня в этом мире другие. Большинство же стремятся им подражать. Обидно! В такое время каждый должен взять на свои плечи предельно посильную ношу и постоянно задумываться: как оценят его действия предки и потомки? Обращаться за оценкой к своей совести, если она есть.

Никакие новые государственные образования нас не спасут. Мы сами должны быть другими. Эта работа на десятилетия. Эту работу надо начинать немедленно.

Если бы я имел реальный авторитет, то с призывом не расходиться обратился бы ко всем народам, населяющим СССР, и в первую очередь к великороссам. Вы что, с ума сошли? Мы все далеко не чистых кровей. В моих венах течет кровь грузинская, немецкая, русская, чухонская. А сколько еще? Одному Богу известно. Мы веками жили в одном народнохозяйственном объединении. Намного дольше США. В США хватило времени, чтобы понять всю пользу объединения. Их водой не разольешь.

В каком регионе, где идут «демократические преобразования», народ стал жить лучше?

Только вместе, только в едином государстве, только благодаря

добросовестному труду мы можем обеспечить всем гражданам, населяющим нашу страну, спокойную, достойную жизнь.

Вполне возможно, что победят эмоции, а данные и схожие с моими предложения не будут приняты. На сегодняшней территории СССР образуется 20—30 государств со своими бутафорными армиями, марионеточными правительствами и президентами. Тут же возникнут территориальные претензии одних «государств» к другим. Вспыхнут между ними войны. Как в таких случаях всегда бывает, будут приглашены в помощь иностранные войска, войска ООН. Но это будет не повторение Ливана или палестино-израильского конфликта. Это будет третья мировая война, это будет второй всемирный потоп.

Выбив СССР из положения супердержавы, США не упустят возможности этим воспользоваться. У некоторых стран создастся необходимость объединиться для противостояния. Начнется лихорадочное наращивание вооружения уже нового поколения. И это будет идти одновременно с первыми последствиями развала СССР.

Нарушение равновесия во всем всегда чревато громадными бедами. Найдется масса людей, которые завопят, что я запугиваю. Поживем — увидим. Последствия можно перечислять, но они всегда бывают значительно трагичнее всяких предсказаний. Посеявший ветер пожнет бурю.

Таким образом, мы сегодня стоим перед неимоверно большей дилеммой, чем думаем. Мы стоим перед дилеммой уничтожения в перспективе не только нашего государства, но и мировой катастрофой. Можно, конечно, смеяться над этим выводом, но так произойдет, если будет нарушено равновесие.

Возможен и другой вариант. Может повториться история нашего государства с начала XV по середину XX века. Безусловно, на другом витке спирали, в другой интерпретации и в более короткий отрезок времени. Это может произойти, если по каким-то причинам страны Американского континента откажутся от вмешательства в дела Европы и Азии, но драматизм происходящих событий будет во много крат сильнее, чем на предыдущем историческом витке.

Вопрос о забастовках. Вопрос о демократии. В июле 1989 года забастовка, не поддающаяся оценке по западным меркам, охватила многие районы страны. Ударным отрядом выступили шахтеры-угольщики. Эти забастовки нельзя назвать чисто экономическими, но преобладали требования по улучшению жизни народа и в первую очередь некоторых угольных регионов, где жизненный уровень и снабжение значительно отставали от других регионов страны. В то время выхлестнувшиеся на площади городов массы не приняли позиции представителей практически всех партий и движений, сгоняли их с трибуны, освистывали. Верили только своим собратьям-рабочим. Прошло всего полгода, и к новому, 1990 году положение резко изменилось. В этих регионах благодаря большой работе нарождающихся партий и движений и одновременно растерянности в рядах КПСС, особенно в центральном руководстве, политические требования стали выходить на первый план, четко проявилась их антикоммунистическая направленность. Все политические требования подсказывались народу очень квалифицированными идеологами. Главное направление было — долой! Долой правительство! Долой КПСС! Долой оккупантов! Долой министерства и так далее. Лозунг — долой! — безотказно действовал во все времена и у всех народов, и организаторы прекрасно понимали его. Призывы к политическим забастовкам, забастовки, нарушение кооперированных поставок, экономических связей, падение трудовой дисциплины в условиях увеличивающегося хаоса, призывы игнорировать любую власть привели к падению производства, анархии в экономике. Рабочие и все, кто живет с рубля, с зарплаты, получили бумерангом ухудшение своей жизни. Вслед за падением производства, снижением выпуска продукции, призывов не собирать урожай и запугиваний голодом возникли паника и полное опустошение прилавков магазинов. Средства массовой информации, демократы заорали: саботаж! Нет, господа дорогие, не саботаж, а просто-напросто профессиональная некомпетентность, как тех новых, пришедших к власти, так и старых, некомпетентность и апломб снизу доверху. Собчак и Попов призывают к созданию левоцентристского правительства. А что это такое? Кто в него войдет? Из того, что было слышно от этих левоцентристов, они представляют себе, что экономикой им не надо заниматься. Только политикой. Самим ездить по заграницам да принимать здесь заграницу. Перекреститесь, господа! Ваши мечты — иллюзия. Чтобы такую страну вывести из кризиса, надо пройти через жесткую и одновременно гибкую политическую и экономическую диктатуру! Работать день и ночь засучив рукава. Теперь уже этого не миновать. Политическое и экономическое слабовластие привело к всплеску национализма. Страна — на грани развала. Напрасно А. Собчак, Г. Попов и другие мечтают автономно с помощью заграницы выйти из кризиса. Никто не окажет серьезную помощь ни отдельным регионам, ни государству в целом, пока в этом государстве не образуется твердая власть. Пока не станет ясно, на какую политическую силу можно ставить. Во всех развитых странах Запада и Востока скрупулезно собирают данные на всех сколько-нибудь заметных политических выскочек нашей страны. Там работают серьезные центры над анализом этих людей и прогнозами их действий. Похоже, пока положительных оценок и рекомендаций они не выдали ни одному. И это не удивительно. Сильные неудобны, удобные — слабы. Надеяться на Запад бесполезно. Считаю, что любому серьезному политику надо опираться только на свой народ. Сегодня ни Прибалтике, ни Закавказью, ни многим другим регионам нечего предложить Западу для торговли. А кормить задарма никто не будет. В июле 90-го, в отличие от июля 89-го, стало ясно, что паралич производства в экономике страны значительно помог бы одним прийти к власти на местах, другим — отделить от СССР Литву, Латвию, Эстонию, Молдову, Украину, Грузию, Армению и другие регионы. Это были уже тщательно организованные забастовки с мощным идеологическим обеспечением через печать, радио и телевидение. Это уже были акции, направленные на ухудшение жизни народа руками самого народа. Как при хорошо спланированной крупной военной операции, стали вводиться в сражение забастовки, голодовки студентов, палаточные городки, митинги и шествия, полуправда и откровенная клевета в печати. Мнения единиц стали навязываться грубо, бутафорно всему народу, а затем выдаваться за мнение народа. Причем действия подозрительно скоро перекидывались из СССР в Болгарию, из Болгарии в Румынию, из Румынии опять в СССР. Пожар явно раздувался. Мнения десятка, сотни «голодающих» (никто не похудел) тиражировались миллио-

нами экземпляров и навязывались миллионам людей. Создавалось мнение по нескольким тысячам, активно мечущимся перед телекамерами, что десятки миллионов хотят отделения Украины от СССР! А кто их, эти миллионы, спрашивал? И кто честно сказал им о результатах, которые их ждут после отделения? Рай? А может быть, ад! Все эти силы присваивают себе название — демократы! Ну а как квалифицируются в любой демократической стране — США, Англии, Франции, Германии, Японии и других, являющихся эталонами для наших «демократов», эти действия? Призывы к свержению правительства, к свержению существующего государственного строя неконституционным путем квалифицируются как заговор. Люди, принимающие в этих действиях участие, — как заговорщики, с вытекающими из этого определения последствиями. Какая же это демократия, когда активно действующее незначительное меньшинство навязывает свою волю всему народу.

Еще одна сторона медали сегодняшней «демократии». «Демократы» выступают с многими привлекательными лозунгами, а на деле становятся такими же бюрократами или опростоволосившимися руководителями. Сколько было крика о позоре паспортной системы и прописки! «Каждый человек должен жить где хочет!», «Право человека не должно ущемляться никакими цензами!» Ну и что, на самом деле претворили свой призыв «демократы» там, где пришли к власти? Все наоборот! Попирают даже те права, которые были у людей. Вводят дополнительные цензы, ограничивают право на труд, запрещают прописку, также выборочно подходят к реализации права на приобретение частной собственности и т. д. Отвергнув помощь селу, образованию, здравоохранению, коммунальному хозяйству, не в состоянии предложить что-нибудь другое, ухудшают и без того плачевное состояние в этих областях. Некомпетентность и незнание путей выхода из существующего кризиса характеризуют действия лидеров «демократов» и всю «демократию» на сегодняшний день. Вся беда, что и лидеры консерваторов, стоящие у власти, тоже не обладают достаточной компетенцией. Сложилось положение, о котором можно сказать: «Хрен редьки не слаще». Руками новоявленных «демократов» мы повторяем действия таких же «демократов» времен Октябрьской революции и гражданской войны: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...» Но надо-то разрушать только мир насилия, а не насильно разрушать все.

Я часто на вопрос товарищей, почему не предупреждаю о последствиях, которые вижу, отвечаю: «Можно сколько угодно малышу, лезущему к горячей печке, говорить: «Ух! Жарко! Не лезь!» Пока не обожжется, будет лезть! Зато раз обжегшемуся, на холодную печь скажи «ух». — Малыш отскочит, как ошпаренный». Так я отвечаю почти всегда. Сегодня не тот случай. Слишком велика цена ожога. Беда, что малыши вырастают и умирают. Рождается новое поколение, которому суждено опять проходить путь проб и ошибок! Сегодня мы умиляемся, читая проклятья, по сути дела, в адрес наших отцов и дедов, отстоявших целостность нашего государства. Проклятья сотен последующих за нами поколений обрушатся на наши головы, если мы не отстоим целостность государства сегодня!

В предлагаемых заметках каждому бросается в глаза мое негативное отношение к «демократам». Это слово я беру в кавычки, ставлю под сомнение их действия и высказывания. И это действительно так. Однако я четко должен заметить, что отдельные личности этих движений, часть (и большая) деклараций многих организаций мне импонирует и совпадает с моими мыслями. Однако почему мы сегодня одних называем демократами, а других консерваторами? По какому критерию Б. Н. Ельцина, Г. Х. Попова, А. А. Собчака и многих других в средствах массовой информации величают демократами? Но разве народ велел развалить СССР, развалить Россию? А ведь их действия ведут к развалу СССР, к развалу России! Но разве народ сказал развалить экономику? А ведь их действия наряду с действиями М. С. Горбачева и Н. И. Рыжкова ведут к стремительному развалу экономики! Разве народ сказал им: поссорьте нас друг с другом? А ведь их действия привели к сегодняшнему состоянию и приведут к еще более серьезным последствиям. Так по какому же критерию их называют демократами? Какой наказ народа ими выполнен? Да и был ли наказ? Референдума в стране не было ни разу! Требования, с которыми выступают сегодня «демократы», не звучали в предвыборной борьбе так, как их сегодня ставят, а многие вообще не звучали! Какие же они демократы?

Государство, созданное на основе добровольного вхождения различных территорий с правом выхода в любой момент, — это блеф, это сумасшедший дом, это мины громадной мощи с цепной реакцией взрывов. На нашей памяти пример Объединенной Арабской Республики, Югославии. Такая форма государства не может функционировать в нормальной обстановке, она может функционировать только при диктатуре.

Но при сегодняшних технических возможностях переезда людей частота их духовных и экономических контактов неизбежна в геометрической прогрессии. Вслед за этим с такой же скоростью будут происходить интернационализация рас, наций, народностей, культур и, наконец, религий. Всплески национализма все равно будут потушены духовной интернационализацией человечества. Человечество уже идет по этому пути довольно стремительно. Сравните в этом отношении состояние планеты хотя бы в XVIII, XIX и XX веках. Перемены разительные. Они неизбежны. Зачем же рушить имеющееся? Чтобы потомки опять догоняли, ругая предков? Только рвущиеся к власти, ограниченные люди могут использовать националистическую карту для достижения своей цели. Потому что им иным путем ума не хватит прорваться к власти. Но нам-то надо в этом разбираться! Историческая тенденция развития человеческого общества может быть приостановлена или даже остановлена только руками современных «неандертальцев». Это надо помнить.

Человек же не должен уподобляться дикому животному. Не должен свою дикость допускать до слепой ярости. Человек должен смотреть вперед и видеть. Если вы сегодня в апреле нажрались, съев семенной картофель, семенное зерно, это не значит, что не умрете в ноябре — декабре. Надо обладать даром видеть и принять решение голодать сегодня, чтобы, сохранив семена, посеять их, собрать урожай и жить дальше...

Несколько слов об одном феномене. В нашей стране на протяжении многих веков находятся люди, раболепно преклоняющиеся кто перед немцами и всем немецким, кто перед французами и всем французским, кто перед поляками, кто перед персами, кто перед турками; теперь прибавились американцы, японцы, финны.

Что это? Генами передается в роду из поколения в поколение? Готовы передраться друг с другом и искать защиты на стороне! Не Потоцких и Радзивиллов, султанов и шахов, королей и императоров надо вспомнить, а думать, как всем народам собственную честь и достоинство поднять. Возвысить честь и достоинство своего народа, своего Отечества!

...Я и сегодня с удовольствием отдыхаю, глядя телепередачу «Спокойной ночи, малыши». Но десятки миллионов людей, смотря следом и до идущие передачи, слушая радио, читая прессу, впитывают, не задумываясь, совершенно другие идеи, внутренне подготавливающие нас сокрушать все и вся! Самые экспансивные, готовые уже сегодня бастовать, объявлять голодовку, стрелять, громить, не задумываясь, правильно делают это или нет. Призвали — значит правильно. В связи с этим мне припомнился один короткометражный игровой фильм. На дереве, без единого листика и мелких веток, на каждом голом суку сидел мужик в лаптях, домотканых портках и косоворотке, с большой радостью рубя свой сук. Внизу двое мужиков так же радостно спиливали это дерево. И все гомерически хохотали. Семь минут с экрана телевизора гремел гомерический хохот. Хохот, заставивший меня задуматься и запомнить. Что-то аналогичное происходит сегодня со всей страной. Дети воспринимают свою телепередачу такой, какая она есть, и сладко спят. Взрослые, загипнотизированные каким-то гигантским, всепроникающим «Кашпировским», готовые навеки разрушить сон детей. Опомнитесь! Разве на веру все можно брать? Давайте сначала спокойно думать, анализировать, а потом действовать. На политической авансцене мельтешат почти одни холерики-политиканы. Им лишь бы не работать, глотку драть или кости перемывать. Проснитесь, сангвиники! Ваш выход! Вас же больше, чем этих авантюристов. А то опять будет поздно.

Мы сегодня съедаем подготовленные в предыдущие годы к выемке полезные ископаемые, не ведя подготовку для будущего поколения. Мы не поддерживаем достигнутый уровень производства, не ведем реконструкцию заводов и фабрик. Мы выводим из состава действующих, по причинам экологии, заводы по производству лекарств, предприятия переработки агрокомплекса, атомные электростанции, металлургические, химические заводы, не вводя вместо них новые, и остаемся без лекарств, электроэнергии, удобрений. Не страна, какой-то сумасшедший дом. Все хотят чем-то прославиться, разрушая. Страна сплошь карликовых и гигантских Геростратов! В полемике политической борьбы мы забыли, что нашим потомкам надо обеспечить жизнь и нам самим надо жить завтра! Хотя бы дожить до завтра!

●

Геннадий СМОЛИН

ТУРКЕСТАН, ГОД 1990-й

(ПРОВОКАЦИЯ ВЕКА)

Собираясь в Среднюю Азию, я, естественно, представлял тамошнее положение по публикециям в периодической печати. Особенно помнились по-фронтовому лаконичные сводки из Ферганы, Карабаха или недавние, более грозные — из Баку, Узгена и Оша, Молдовы. Причем, если в одних областях стихийные митинги перемежались вооруженными стычками и диким разгулом насилия, то в других — как, например, в Туркмении, бедовели и мыкались сплошь да рядом беременные женщины, а дети умирали от болезней Дауна, гипотрофии, малокровия, а более всего от «тихого голода» («Комсомольская правда», 25 апреля 1990 года). В статье П. Вощанова и А. Бушева «Здесь легко обрывается детская жизнь...» про это изложено с репортерской прямотой и жестокостью. Месяц-два спустя им вторил коллега из «Вашингтон таймс» Мартин Сифф, который интервьюировал известного западного специелиста в области советского здравоохранения и демографии, сотрудника Джорджтаунского университета Мюррея Фешбаха; последний как бы обобщал вышеназванную статью, резюмируя: «Ситуация с продовольствием очень трагична. В некоторых отдаленных районах сотни детей уже умирают не от недоедания, а от голода. Самые плохие условия в Средней Азии, особенно в Туркменистане». После такого слаженного оркестра отечественных и зарубежных средств массовой информации положение в Среднеазиатских республиках представлялось сплошным кошмаром, нечто средним между Эфиопией времен хронической засухи и Афганистаном. Все это дополнялось многажды показом по ЦТ исковерканных и сожженных машин на обочине, остовов домов, изуродованных трупов людей, рыдающих женщин и бронетранспортеров на перекрестках...

УСТОЙЧИВЫЙ КОНСЕНСУС САМАРКАНДА

Уже пристегнувшись к креслу Ту-154, взявшего курс на Самарканд, я жалел лишь о том, что к отлету не раздобыл бронежилет и пулемет «максим» — тот джентльменский набор новоявленного моджахеда, который противостоял бы «аргументам автомата Калашникова», как любят шутить в жарких точках Азии, Ближнего Востока и Африки.

Правда, в нелепостях моих предвояжных фантазий я лучше все-

го убедился уже в Самарканде, когда вечером гулял с молодыми людьми в центральном парке отдыха. Роскошный карагач и пышные чинары обильно подсвечивались разнообразной иллюминацией; вальяжно и отдохновенно гулял стар и млад по многочисленным аллеям; мамы и папы толкали перед собой прогулочные коляски с детьми; мерно вращалось колесо обозрения; маятником болтались лодки качелей; а из летнего кинотеатра доносились громкие звуки индийской мелодрамы. Ни бородатых боевиков с АКМ, ни свирепых взглядов зажженных сепаратизмом людей — земной рай, да и только! Идиллия мирной, даже патриархальной жизни. Беззаботность и довольство окружающих лиц покорили меня без остатка, поколебали тотчас укоренившийся во мне стереотип взрывоопасности окружающей среды.

Оказывается, не один я так легко и быстро попался на удочку столичных либерально-демократических публицистов, так бойко описывающих про тамерлановские ужасы современного Узбекистана.

Заведующий отделом самаркандского ГК КПСС Уктам Ильмурадович Вахидов терпеливо и подчеркнуто-серьезно выслушал меня и рассказал:

— К выборам в наш горсовет слетелась в Самарканд тьма журналистов. Одна американка из журнала стала пытать: дескать, каким образом вам удается гасить межнациональные столкновения в городе — танками или спецназовцами? И почему сейчас так тихо? Временное перемирие, что ли?

Мне сделалось неловко за свою неосведомленность.

— Что меня больше всего потрясло, — продолжал Уктам Ильмурадович, — так это ее непреклонная уверенность в своей правоте, железобетонная категоричность. Я по роду занятий часто встречаюсь с узбеками, таджиками, русскими, татарами; и где бы и с кем ни беседовал — многие возмущались: «Комсомолка» и «Литературная газета» с «Огоньком» сбивают народ с толку, или, как у вас выражаются, дурят людей, ох как дурят!

Потом У. И. Вахидов поведал мне горькие цифры социально-экономического положения в республике: Узбекистан занимает 12-е место в стране по валовому общему продукту, а национальный доход на душу населения в два раза ниже общесоюзного; более 80 процентов непереработанной продукции вывозится за пределы республики, а доля готовой занимает менее 50 процентов...

Мои друзья устроили мне экскурсию на Самаркандский фарфоровый завод, отдавая дань устоявшимся традициям. При нынешнем голоде в стране на фарфорово-фаянсовую посуду мое двухчасовое знакомство с заводом показалось воистину путешествием в сказку.

На заводе трудились специалисты из Ташкентского политехнического института, Миргородского керамического техникума, из Самаркандского государственного университета. Сырье, правда, привозное. Каолин, полевой шпат и мрамор привозят с Украины; деколь, препараты золота, керамические дулевские краски привозят из России. В год Самаркандский фарфоровый выдает до 20 миллионов штук изделий — это стопроцентный госзаказ, который реализуется только в Средней Азии. Заводчане бьются за то, чтобы сия цифра была бы снижена до 70 процентов, чтобы оставшиеся

проценты шли бы на свои нужды, хотя бы на обновление производства.

Какие проблемы у молодых работниц Самаркандского фарфорового завода? Да самые земные, начинающиеся с главного: все они будущие (или уже) матери, хранительницы очага. Плюс национальные особенности — в какой-то мере сплав законов шариата и народных обычаев той или иной местности. С радостью видишь, что убого-ложный вненациональный стереотип, директивно насаждаемый 70 лет космополитами-хозяйственниками из столицы или новыми кремлевскими царями, не замазал безликой серой краской ни один из народов в Самарканде, республике и вообще Средней Азии. И мой вопрос о каких-либо национальных трениях меж сотрудницами вызвал лишь удивление у мастера Карпенко.

— У нас такого сроду не наблюдалось, — решительно заявила она. — Да это просто невозможно!

Все это звучало, конечно же, красиво, но никуда не выкинешь происшедшего в Фергане, Ошской области, в Узгене и Намангане. Потрясали и масштабы, и жестокость, и паралич местных властей, не владеющих ситуацией. В чем же причина таких межэтнических катаклизмов, дестабилизирующих обстановку в республике, парализующих социально-экономическую жизнь региона? Кто направляет противоборствующие силы к конфликтам? И есть ли вообще эта пресловутая «рука», умело разжигающая кошмарные и обескураживающие любого цивилизованного человека людские столкновения.

С такими вопросами я обратился к заведующему отделом самаркандской газеты «Ленинский путь» Федору Михайловичу Слухову. Мне повезло: во-первых, в том, что он был коренным москвичом; а во-вторых, давно уже живет в древнем Мараканде (под таким именем Самарканд был известен еще в IV веке до Р. Х. — **Г. С.**). А потому Федор Михайлович тотчас развеял мою «удивительную московскую неосведомленность» в делах и проблемах Средней Азии, о которых я неосмотрительно судил по центральной прессе и телевидению. Он терпеливо и доказательно поведал мне о первопричинах давешнего братоубийства.

— Это прежде всего старые, как наш подлунный мир, пограничнo-земельные и водные споры, — начал свой рассказ журналист Слухов, — которые усугубились высоким приростом населения. Острый дефицит обрабатываемой земли — традиционно-жгучая проблема в Средней Азии. Особенно тяжело с наделами у нас в Узбекистане, в частности, в Ферганской долине и Андижанской области.

Федор Михайлович напрочь отмел мои версии о «руке» или чьем-то «следе» в происшедших событиях как изначальной причине происшедших катаклизмов (хотя то, что мы видим за последние два-три года в союзных республиках, странным образом согласуется с директивой, например, американского Совета национальной безопасности США № 2011 от 11.08.1948 года по дестабилизации СССР, где в пункте «в» заявлено о том, чтобы СССР «не имел серьезной власти над национальными меньшинствами»).

— ...Дорогой, мой, «рука» или ваш пресловутый «след» появляются уже позже, когда межэтнический пожар заполыхал вовсю, — урезонил меня Федор Михайлович. — Оглянитесь-ка вы лучше назад, в историческое прошлое страны...

Здесь журналист Слухов был несомненно прав. Действительно, после вхождения (добровольного или силой русского оружия в состав империи) в нынешней части Средней Азии было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, в которое было включено пять областей: Закаспийская, Самаркандская, Сырдарьинская, Ферганская и Семиреченская. А вот идею раздела по национально-территориальному признаку можно найти в проекте решений ЦК «О задачах РКП(б) в Туркестане от 13 апреля 1920 года». Рукой В. И. Ленина сделана такая запись: «Поручить составить карту Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению». Что и было выполнено. На все это наложились естественные процессы миграции, а также последующее насильственное сселение целых народов: турков-месхетинцев из Грузии, крымских татар из Крыма, немцев из Поволжья, корейцев с Дальнего Востока, финнов из Карелии, что еще больше усугубило межэтническое противостояние. Кроме того, надо учесть, что плотность населения в Ферганской области составляет 268 человек на квадратный километр, в Андижанской области эта цифра уже 361 (для сравнения — в европейской части России плотность всего 36 человек на квадратный километр — печальные последствия реализации проекта Аганбегяна и Заславской «Неперспективные деревни»). В связи с высокими темпами прироста населения эти цифры угрожающе увеличиваются. На таком напряженном демографическом фоне попытки разрешения земельных наделов и водных ресурсов, которые предпринимаются одной национальной общиной по отношению к другой, истолковываются как посягательство на честь, достоинство и, если хотите, жизнь.

Надо учитывать и то, что некоторые национальные меньшинства доминируют в жизненно важных сферах деятельности человека: торговля, кооперация, подрядное строительство, закупка-продажа. Беда, коли эти «успехи» в престижных областях порождают у этих нацменьшинств высокомерие, чванство да еще и ущемляют жизненные интересы коренного населения; тогда как следствие — социальный взрыв, как это произошло в Новом Узене (Казахстан), Небит-Даге (Туркмения), Душанбе (Таджикистан), в Тюмени или Красноярске (Россия). Ну и, конечно же, националистические умонастроения коренной интеллигенции вкупе с деятельностью местной криминальной буржуазии — все это умело накладывается на экономические трудности той или иной республики, на социальные проблемы молодежи. Практика показала, что наиболее контрастно все это реализовывалось в столицах Среднеазиатских республик. Слагаемые вышеназванных сил очень умело воздействовали на доверчивую кишлачную или аульную молодежь, которая, попадая в социально-бытовой дискомфорт городов, порой теряется в жестких тисках чуждой урбанизированной жизни. И задурманить мозги молодого человека просто, как дважды два: в ход идут водка, наркотики.

Тут как нельзя кстати подключается наша «демократическая» пресса («Литературная газета», «Комсомольская правда», «Коммерсантъ», «Московские новости», «Огонек»), которая исподволь старается навязать свое «истинное» мнение: источник нестабильности в республике — имперские притязания центра, которые следуют от российских царей, а прямые виновники — исключительно русские, которые вас объедают, обирают и паразитируют на вашей доверчивости. Или подбрасывают идеи панисламизма (как и сто лет назад, см. В. Л. Величко «Кавказъ», с. 116, С.-Петербургъ, 1904 г.), либо пантуркестанские идеи («ЛГ», 22.08.1990 г., № 34, «Туркестанский парламент»), а в заключение делается вывод: «Этот регион нельзя рассматривать как некий единый исламский мир, объединенный в антирусском порыве» («Коммерсантъ», № 25, 1990 год).

Уже прощаясь со мной в вестибюле, Федор Михайлович прищурился и негромко сказал:

— Если хотите, то вот мой прогноз: следующая вспышка социальных потрясений наверняка будет весной, в мае-июне девяносто первого. И не надо быть пророком. Сами посудите. События в Оше начались 4 июня, то есть ровнехонько через год после ферганских. Именно тогда, когда разрешаются земельно-водные споры.

— Так ежели известен срок, тогда можно и ситуацией владеть? — невольно воскликнул я.

— Естественно, — кивнул Слухов.

На этом мы расстались.

Недалеко от университета, возле бочки с надписью «морс», мне повстречался рядовой Саша Калиниченко из Кировоградской области (Украина). Он только что прибыл из «учебки» в Туркестанский военный округ. Доволен пока что всем.

— Здесь намного спокойнее, чем даже у нас на Украине, — поведал он мне. — А в военно-десантной части, где я служу, все отлично, хотя собран «интернационал»: узбеки, татары, русские, армяне. — Подняв стакан с газированной водой, похвалился: — Тут даже морс бесплатно наливают, не берут деньги.

— Уважают, значит, военных?

— Действительно, в наше непростое для русских людей время такое — почти что чудо. Никаких вам оскорбительных фраз: «Оккупанты, убирайтесь вон, в свою Россию» или «Чемодан, вокзал, Россия!» и прочих благодарных слов против «русских фашистов» и «имперских придурков».

Потом о согласии и терпимости между русскими и коренным населением Самарканда мы беседовали с отцом Виктором из Покровского собора, который спрятался в зелени на улице Возрождения.

— Если раньше атеистов было великое множество, то ныне непонятно, куда они все подевались, — искренне удивился он. — Как будто теперь все сплошь верующие. Толпами идут к нам: и приезжие, и свои, городские.

В ГК ВЛКСМ мы толковали с секретарем Амуром Кимом про все тот же среднеазиатский феномен древнего Мараканда.

— Наш город — что современный Вавилон, в котором полмиллиона человек представляют много десятков наций и национальностей, — с гордостью говорил он мне. — В этом я вижу стабильность Самарканда. И думаю, что вавилонское столпотворение у нас не произойдет, если, конечно, нами будут предприняты соответствующие усилия по овладению той или иной взрывоопасной ситуацией еще в зародыше. И пока не найдены другие структуры, мы используем идеологию как оружие примирения или консенсуса. Чтобы не упустить или не пропустить нарождающийся социальный конфликт.

Жизнь и проблемы вечного Самарканда и тенью своей не вписывались в тот тусовочный навет, который умудрился выдать жур-

налист из «Комсомолки», некий С. Михалыч («КП», 3.08.90 г., «В первый же день у меня сперли кошелек»). Я диву давался, читая его опус. Где уж он нагляделся на «эротическую ламбаду, которая сотрясает стены древних мечетей» и которой коллеги С. Михалыча с избытком напичкали почти что все детские передачи ЦТ либо коммерческий канал 2 × 2? Не встретил я и помине того ассортимента порнопродукции, завалившей все киоски и подземные переходы в Московском метро, — подобное просто немыслимо в древнем Мараканде: народное негодование смело бы напрочь всю эту гнусь. Как не увидел я и «пацана-шестиклассника», паркующего папину «Волгу» у ворот школы, потому что легковых авто в Семарканде — множество, и частных лиц, занимающихся перевозкой, хватает; и за трешку можно проехать на «извозном» такси из конца в конец города в любое время. Всего этого некий С. Михалыч не приметил (сравнил бы для объективности плату на таксомоторе в Москве и в Средней Азии да вспомнил бы про бедолаг-иностранцев, отлетающих из Шереметьева-2, которым приходится «отстегивать» в валюте либо в рублях от 600 до 1500 дензнаков за доставку в аэропорт). Понятно, что репортер С. Михалыч отыскивал в проблемах древнего Мараканда лишь то, что вписывалось в реноме «Комсомолки»: все, что опошляет, разрушает и сталкивает в противоборстве людей, нации.

Так прямо на моих глазах рухнул один из мифов, упорно насаждаемый «демократической» прессой: жизнь в Свмарканде шла своим вековечным чередом и куда спокойнее и цивилизованнее, нежели у нас в Москве да и во всей многострадальной России. Тут мне не понадобился ни бронежилет, ни пулемет «максим», ни автомат Калашникова для самозащиты. Древний Мараканд встретил меня обильными базарами, полными товаров магазинами. И важная примета: на улицах и в парках цвели улыбки, и приветливо светились лица горожан, и не нужно было опасаться рэкетиров и их спонсоров. А мысль о том, что скоро предстоит возвращаться в Россию, наводила на грустные размышления о свободной распродаже оружия в Берлине, Вене, Брюсселе или Париже, где в спецмагазинах было навалом итальянских «береттт», русских АКМ, газовых пистолетов и американских винтовок «М-16».

ТУРКМЕНИЯ: КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ У «ДЕМОКРАТОВ»

Когда большегрузный Ту-154 оторвался от взлетной полосы древнего Мараканда и стал набирать высоту, я достал письмо нашего корреспондента Б. Коваленко, родившегося и выросшего в Туркмении, а ныне — москвича. Он писал:

«У «демократов» любое важное дело начинается со статьи в «Литературной газете». Не была исключением и кампания, направленная на дестабилизацию положения в Туркмении. Началось все с письма вице-президента АН ТССР Атаева, в котором им критиковалось правительство республики по законопроекту о государственном языке, разрабатываемом автором этого письма. Дело в том, что в указанный проект не вошли некоторые милые его сердцу пункты. По мысли вице-президента Атаева, законопроект был попросту испорчен, так как узаконил существующее статус-кво, то есть в переводе на человеческий не ущемил русскоязычное население республики. Теперь поставьте себя на место туркмена. Русская газета в столице и та не согласна с теми, кто утверждает: дескать, республиканское правительство нянчится со своими русскими и ведет все к тому, что родной туркменский язык исчезнет с лица земли, а это — явное предательство национальных интересов, не правда ли? Но «Литературка» — газета для сравнительно узкого круга интеллигенции, пусть не элитарного, но для достаточно «заумного» читателя. Конечно же, она не может вызвать непосредственные беспорядки, да сие и не ее задача. Имеются более массовые издания, рассчитанные на заурядные мозги — вот они-то и вкладывают конкретные мысли в голову рядового гражданина. Поэтому на последующем этапе в игру вступила «Комсомольская правда» (20 миллионов экземпляров). А 25 апреля 1990 года центральная «молодежка» посвятила почти всю вторую полосу кошмарной сенсации: караул! В Туркмении дети умирают от голода и болезней! В одну кучу смешали все: близкородственные браки, калым за невесту, нынешнюю многодетность, оборачивающуюся «тихим голодом», от которого уже шаг до «депопуляции», то есть вырождения туркменского народа как самостоятельного вида. Ну а если такого ребенка благополучно миновали болезнь Дауна, сердечная недостаточность, малокровие, гемофилия, дистрофия, то какая страшная судьба ждала его в туркменском кишлаке: «полуголодного, полуодетого уродца, скитающегося от дома к дому в надежде на подаяние». И как следствие — выпады в названной статье против правительства республики, которое-де скрывало правду от своего народа, и такая компоновка материала, что у читателя складывалось впечатление, будто команда президента Ниязова виновата в росте числа ущербных детей, рабском положении туркменской женщины и других многих грехах и просчетах. В иной республике Средней Азии такой статьи хватило бы для крупной резни. Но в Туркмении у «демократов» получилась осечка. Вопрос этот сложный, и его можно лучше и полнее проанализировать человеку, побывавшему в Туркмении, на моей родине». — Так писал наш корреспондент Б. Коваленко.

Как я уже упоминал, сентенции экономического обозревателя «Комсомольской правды» П. Вощанова и собкора А. Бушева тут же подхватила «Вашингтон таймс», которая рукой своего репортера Мартина Сиффа слово в слово вывела то, «что уже складываются условия для возникновения настоящего голода» в Туркмении. Отсюда видно, что положение обозревателя П. Вощанова в газете не ординарное: у него роль «Большой Берты» в артподготовке перед мощным наступлением средств массовой информации. Недаром он неотступно сопровождал будущего председателя ВС РСФСР Б. Ельцина в поездке по США, а любые крупные политико-экономические акции, как правило, начинались с его очередной статьи. Дальнейший постпубликационный итог — беспорядки, сначала направленные против правительства республики, а после применения сил МВД или армии — нацменьшинств, то есть русскоязычного населения региона. Как это было в Тбилиси, Баку, Душанбе, Оше, Молдове. Сценарий, схожий до мелочей. И любой конфликт, начавшийся с земельно-водных споров между разными этническими общинами, неизменно менял полярность и направлялся в русло русско-тюркской напряженности и как следствие: возрастал поток русских беженцев в Россию.

Анализируя «прогрессивную» нашу прессу от «Литературной га-

зеты» и «Коммерсанта» до «Московских новостей», «Огонька» и «Комсомольской правды», зримо осязаешь пролеткультовский радикализм 20-х годов: дескать, «тюрьма народов» России завоевала этот регион, а ленинско-сталинская перекройка границ внесла в национально-территориальные споры искусственный раскол и традиционное размежевание вылилось в кровопролитие; ну а доперестроечный Кремль (до 1985 г.) довел тот или иной среднеазиатский народ до национального вырождения, катастрофы. После эдакой массированной обработки прессой и телевидением любой дехканин словно под гипнозом изречет имя врага нации: РУССКИЙ! Тщетно было бы искать в опусах названных изданий патронирующую миссию великороссов в той или иной республике Средней Азии. Не найдете вы таких замечательных слов, которые сказал туркменский ученый Шихберды Аннаклычев об исторической ропи России в Туркмении: «Никто, как русские, так не спасел других...» (журнал «Россия молодая», май, 1990 год). «Ведь спасение нашей туркменской культуры, государственности, становление нации, экономического потенциала республики, просвещенности было как раз в покровительстве гуманной, объединяющей политике России», — писал ученый в той статье.

...Прилетев в Ашхабад, я был потрясен тенистыми бульварами столицы Туркмении и стрелами голубых асфальтированных дорог, пронзивших город.

Поздно вечером в Доме печати мне удалось встретиться на короткое время с заведующим отделением газеты «Известия» по Туркменской ССР Худайберды Нурсахатовым. Мы беседовали о том, что сегодняшняя Туркмения, быть может, самая благополучная из республик Средней Азии: здесь нет такой громкой и всеохватной политизации народа. Были, правда, события в Ашхабаде и Небит-Даге (весной 1990 года), но их быстро погасили.

— Вы знаете, у нас стало хорошим тоном заявлять о том, что мы настолько нищие, что нам уже нечего терять, — сказал в итоге Худайберды Нурсахатов. — Но, честно говоря, это не совсем так, да и вообще не так. Например, наш среднестатистический туркмен — богач по сравнению со своими соседями узбеками, таджиками, иранцами, не упоминая уже о туркменах из Афганистана. И первопричина такого преимущественного положения, я думаю, в том, что политические страсти, бушующие в нашем обществе, у нас в республике в зачаточном состоянии и потому не смогли так развалить экономику.

В гостинице я вновь достал письмо Б. Коваленко и прочитал:

«Глядеть бы московским «демократам» на все происходящее в Туркмении и радоваться: хоть где-то в стране люди сегодня живут лучше, чем вчера, и не за счет соседей, а благодаря своему трудолюбию. Ан нет. Жители республики, оказывается, имеют право жить и повышать свое благосостояние лишь по рецептам московских «демократов» и никак иначе. Таков их настоящий «плюрализм». А иначе как понимать ту серию материалов в «Литературной газете» и «Комсомольской правде», явно направленных на подрыв позиций нынешнего руководства Туркмении. На концептуальном уровне эту задачу сформулировал Б. Ельцин, выступивший по Ленинградскому телевидению, где он предлагал вернуться 25 миллионам русских, живущих вне России, на земли предков. Позже Борис Николаевич открещивался: мол, его не так поняли. Впоследствии же, на пресс-конференции по случаю избрания Ельцина Председателем ВС РСФСР, подтвердилось: поняли Бориса Николаевича так, как надо. Например, Б. Н. Ельцин, глава российского парламента, предлагал ландсбергисам из Прибалтики обсудить проблему беженцев, которых еще нет, и тем самым открыто признавал за ними право организовывать беженцев из русских, когда местным властям вздумается. Казалось бы, данная концепция никак не касалась Туркмении, правительство которой не только не изгоняло русских, но — что не менее важно — имело достаточно сил и средств, чтобы не допустить разжигания межнациональной вражды. Да разве ж могут господа московские «демократы» допустить, чтобы где-нибудь вне России существовала республика, откуда русских не гнали бы? В противном случае это ведь серьезным образом подорвет веру в мудрость тех, кому выгодно утверждать: дескать, есть только один, «наш путь», альтернативы нет! Потому что начнут сравнивать варианты путей развития — какой из них лучше, а сие не в традициях господ либеральных «демократов».

На следующий день я гулял по улицам Ашхабада, заходил в гостеприимные чайханы, кафе или павильончики, вкушая национальные блюда, а также неплохой выбор европейских; любовался нарядными туркменками в красивых платьях и склонился к тому: уж не праздник ли нынче? Поинтересовался в троллейбусе у молоденького русского летчика в синей форменке. Тот усмехнулся, объяснил:

— Они всегда так одеваются. Традиция, — и, немного помолчав, грустно добавил: — Жениться вот собрался, она — туркменка, а моя мать против такого брака. За наше будущее боится.

— Межэтническая напряженность?

— И да, и нет. Сейчас в республике тишь да благодать. Но кто даст гарантию, что так будет всегда? Защитит наших детей правительство республики, России? Неизвестно. Хоть на Русь уезжай, чтоб жениться.

И я вновь вспомнил про письмо Б. Коваленко, в котором он предупреждал:

«Дорогие мои земляки! Можете быть уверены, что московские господа «демократы» вас не забудут. Они сделают все, что в их силах, но только бы помешать вам спокойно трудиться и жить во благо Туркмении, лишь бы столкнуть народ республики с центром, а лучше всего разжечь пламя междоусобиц и столкнуть туркменов и русских к братоубийственной резне. Вы не раз еще увидите в «прогрессивных» московских изданиях статьи, обливающие грязью все то, чего вы достигли за десятилетия упорного труда. Не единожды вас будут агитировать эмиссары разных «фронтов» бить русских, в которых якобы первооснова всех ваших бед и проклятий. Только я знаю, что азиат внимательно выслушает каждого, кто захочет высказаться, — это прекрасная черта характера. Но, внимая очередному заезжему «соловью», дорогие мои земляки, не забывайте о десятках тысяч беженцев из Баку, Ферганы, Душанбе, которых вы видели на своей земле. Сделайте все, что в собственных силах, чтобы ваших родственников, друзей и знакомых не постигла сия печальная участь».

Как говорится, в воду глядел наш читатель Б. Коваленко, упреждая земляков о будущих публикациях в прессе, потому что собкор «Комсомольской правды» А. Бушев уже через номер-два стал выдавать коротенькие сообщения, клеймящие то одно поста-

новление депутатов ВС Туркмении, то другое, либо президента С. А. Ниязова, или действия военных в республике. Наложили, скажем, депутаты запрет на ретрансляцию некоторых программ ЦТ из нравственных соображений, а полпреды центральной молодежной газеты тут как тут, заполошно вещают: «Караул, угроза демократии! Секс и эротика под запретом! Куда деваться педерастам и лесбиянкам?» Я уже упоминал, что в киосках Ашхабада, как и в других городах Средней Азии, не продается порнопродукция, коей завалены торговые точки Москвы и российских городов. Советы старейшин повсеместно наложили вето на производство и распространение этой пошлятины. А ведь собкоры и спецкоры из Москвы прекрасно знают, что Средняя Азия — это не Европа, здесь работают другие нравственные законы, но все равно лезут со своими наставлениями и указаниями в чужой монастырь, да еще бочку катят.

С кем бы я ни встречался в Ашхабаде, с кем бы ни беседовал, ведущей темой наших дискуссий оставалось одно и главное: ДЕЛО. Как, например, с младшим научным сотрудником Муратом Омановичем Овезовым из Института пустынь АН СС ТССР. Лаборатория, в которой он трудится, занимается проблемами растениеводческого освоения песков в Центральных Каракумах. Задачи 250 сотрудников института благородны и полезны для жизни и процветания людей. Ведь 90 процентов пустынь республики — неосвоенные земли. Постоянно реализуется прямое сотрудничество с Ленинградом: в знаменитом ВИРе берутся, например, семена сои или люцерны из Египта, Болгарии, Латинской Америки. В Каракумах ежегодно испытывается около 50 культур — ищут растения, пригодные для возделывания в республике. Руководит Институтом пустынь президент АН ТССР, Агаджан Гильдиевич Бабаев.

Запомнилась недолгая встреча с учеными-химиками сестрами Бостан Азановной и Гулистан Азановной Таимовыми — с ними я говорил о становлении нефтеперерабатывающего комплекса в Красноводске.

Почти полдня мы провели в душевных беседах с мудрейшим человеком, матросом Мухамедом Дурдыевым, который уже 20 лет плавает на буксире «Карташев» по Каспию. Он провожал дочь. в Ашхабад, а самолет задерживался, и мы много переговорили «за жизнь»; итогом же нашего общения было одно и главное: русским и туркменам нечего делить, жили в мире и дружбе и будем жить так назло недоброжелателям.

А практическую реализацию той дружбы между народами, о которой нынче и говорить-то стало стыдно, мне довелось повстречать в поселке Кианлы, который раскинулся на песчаном берегу изумрудного Каспия; здесь живут туркмены, казахи и русские как одна семья.

С виду поселок как поселок. Одноэтажки из силикатного кирпича сливались с топким желто-серым песком округи. Возле каждого дома утвердилась юрта, как мне объяснили: «Зимой тут тепло, а летом — прохладно». Там и сям бродили одногорбые невозмутимые верблюды, пощипывая колючку; меж домами юркали нахальные вездесущие коровенки, разыскивающие чего бы стащить или урвать (их можно было увидеть и далеко в пустыне, и на свалке, охотящимися за мусором); иногда раздавался гортанный крик осла да бегали стайкой ребятишки.

Шел второй день большого праздника Курбан-Байран. Днем, конечно же, люди работали, а вечером веселились. В городах собирались на больших площадках, расцвеченных огнями, и показывали свои таланты: пели, танцевали, проводили соревнования. В поселках, кишлаках ходили друг к другу в гости и по обычаям предков отмечали славный праздник Курбан-Байран.

Утром отправились искать машину, брошенную в песках. На самосвале нашли быстро. С трудом завели и отправились на работу на комбинат «Куули-соль».

Комбинат разбросал свои постройки, подъездные пути и дороги рядом с огромным соляным Куули-озером, то есть лебединым озером. Две тысячи человек трудились здесь, чтобы беспрерывно поступала первоклассная соль вроссыпь на самоходные баржи, а в целлофановых мешках и бумажных пакетах — по всей Средней Азии. Зернистая соль настолько чиста, что посторонние добавки составляют 15 тысячных процента. Килограммовая пачка соли стоит 6 копеек, а 20-килограммовый мешок — 40 копеек, то есть гроши. Потому-то югославы и шведы предлагали за соль десятки долларов за тонну. Правда, сделки не состоялись пока из-за каких-то бюрократических препон. Казалось бы, процветать комбинату «Куули-соль» и благоденствовать, но нет! Терпит коллектив убытки, и значительные. Все, что связано с тарой или упаковкой, поставляется комбинату со всего Союза. Благодаря переходу к новым экономическим отношениям, а по-русски говоря — после шестилетнего развала народного хозяйства, прекратились или нарушились многие связи с поставщиками.

Поэтому-то сокрушался заместитель директора комбината Алпан Утигенович Ходжаев:

— Нет клея из Еревана, у них не поступает для этого сырье, а должны были 55 тонн прислать с начала года. Подвел нас и Ленинградский полиграфический комбинат № 17, а также Спировский стеклозавод из Тверской области; подкачали львовские поставщики. И всюду раздается одно и то же: нет сырья, которое, в свою очередь, должно идти из другого региона страны. Образовался замкнутый круг.

Можно констатировать печальный факт: потребители не получат 73 тысячи пачек фасованной соли исключительно из-за нехватки тары (а это годовой выпуск комбината), а также приправы — из-за отсутствия баночек и так далее. А без тары, вроссыпь соль стоит копейки. Значит, опять комбинат терпит убытки.

Куда бы я ни зашел — всюду одни и те же беды. Вот сгорел электромотор на транспортере с пирса, который загружал соль в трюмы самоходной баржи. Главный механик бросился искать что-нибудь подручное — судно стоит без дела, опять комбинат несет убытки. Пока нашли мотор, пока подогнали под нужные параметры — ушло время.

Забрели в вагончик попить воды. Казах Аяган Джумбаев снял солнцезащитные очки, в сердцах проговорил:

— Ни запчастей, ни новых поставок — вообще никакого оборудования! Работай как хочешь с утильсырьем! — и, взяв со стола комсомольский журнальчик, добавил: — Вот этого добра с избытком из Москвы шлют.

Там была фотография полуголых артистов из рок-группы. Аягана можно было понять, он — отец пятерых детей. И законы шариата,

и уклад жизни казахов и туркмен строго запрещают демонстрацию обнаженного тела. Хорошо еще, что неприятие порнографии и эротики здесь людьми удачно согласуется с контролем властей, что, к сожалению, напрочь отсутствует у нас, в России.

— Правильно говорит, хоть и молодой, — кивнул токарь Акберген Ходжаев. — Ваше руководство совсем слепое стало, такое безобразие допускает, детей и молодежь портит.

Мне стало и грустно, и стыдно, как будто во всем этом была и моя вина.

Настала пора обедать, и мы пошли к Аягану. Пока добирались до его дома, встретили светловолосого общительного мужчину.

— Вихоцкий Сергей, — представился он. — Русский. Мы уже здесь два года, в степи живем: жена и наш сын Сергей. На арендном подряде работаем. У нас свиньи, коровы, а сам я — заведующий подсобным хозяйством.

— Не скучаете по городу? — поинтересовался я.

— Что вы! Не в городах настоящая жизнь, а тут, среди людей, которым ты нужен, и среди природы. У вас ведь, слышал, и того нет, и другого — сплошной дефицит. Глядишь, и голод в Москве начнется. Здесь такого не может быть. Тут казахи, туркмены и русские — одна большая семья, да и делить нам нечего. Уважаем друг друга, помогаем в бедах и радости. Правильно, Аяган?

— Правильно, все правильно, Сергей.

— Да, у нас маяк тут есть, достопримечательность, — вспомнил Вихоцкий. — Сто два года назад французы построили. Смотритель там Иван Иванович, тридцать три года уже работает.

— Куули-маяк называется, — добавил Аяган. — По-русски: лебединый.

СОСТОЯНИЕ ДИНАМИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ В КРАСНОВОДСКЕ

Красноводск очаровал меня своими улочками-лабиринтами, которые террасами угожились рядом с ослепительным сине-зеленым морем. Город был по-европейски галантен своими постройками и по-азиатски роскошен базарами. Всевозможные кафе, столовые, буфетики, павильончики и просто шашлычные под открытым небом могли накормить на любой вкус и изыск, а главное — без осточертевших очередей и убогого российского меню. Магазины хотя и не ломились от избытка товаров, но, к примеру, колбасный вопрос здесь даже не объявлялся на слуху, а мучными и хлебобулочными изделиями были заставлены лотки, киоски и магазинчики. А пестрое половодье наций, плескавшееся в красноводских кварталах, просто потрясало: потомки великого Столетова и славных казаков перемешались с деликатными туркменами, горячими азербайджанцами, предприимчивыми армянами, вежливыми казахами, трудолюбивыми немцами и татарами. Я много торил улочки, бульвары и набережные Красноводска, так разительно напоминающего какой-нибудь благополучный городок Адриатики или Эгейского моря, и думал: «Господи, дай продлиться миру и благоденствию людей здесь — пусть вечность!»

Те межэтнические конфликты, которые то там, то здесь вспыхивали в Средней Азии, каким-то чудом миновали прекрасный Красноводск. Зато волей Бога ему была уготована иная судьба. Волны

беженцев периодически накатывались на город то с востока, то с запада, как бы испытуя на человечность горожан. В июне 1989 года через Красноводск бежали турки-месхетинцы, а в январе 1990 года — русскоязычное население из Баку.

«Спасибо за милосердие и гуманизм» — такие слова я находил почти что в каждой телеграмме или письме, присланных в адрес властей города Красноводска, правительства республики и в газету из разных концов нашей страны.

На сегодня в Красноводске проживает более 64 тысяч человек. Половина из них — русские, украинцы, белорусы. Туркмен — 10 тысяч. Казахов — 7 тысяч. Армян — 3 тысячи человек. Азербайджанцев — 4,5 тысячи человек. Есть евреи, немцы, татары.

— Русские в городе — стабилизирующий фактор, — сказал мне редактор «Красноводского рабочего» А. В. Ленский. — Наверное, поэтому Красноводск — форпост интернационализма в бушующем мора межэтнической напряженности, которая охватила некоторые регионы Средней Азии. И 68 наций и национальностей уживаются тут без проблем.

Туркменский ученый Шихберды Аннаклычевич Аннаклычев охарактеризовал происки недоброжелателей в республике против России как «злонамеренные». Пена перестроечной волны, конечно же, хлестнула и по Красноводску: предлагалось даже переименовать его в Кизил-Саубад или в Шагадан. Но Красноводск был заложен русскими как крепость, а порт даже назвали УФРА — укрепленный форт русской армии. И быть ему Красноводском, как Куйбышеву — Самарой, а Кирову — Вяткой, а не наоборот.

Про паюсную икру, осетрину и крабов я нечаянно вспомнил, когда заглянул в местный продовольственный магазин, чтобы купить кое-чего к чаю. Полки были уставлены банками каспийской кильки в томатном соусе, а в витрине красовалась колбаса аж двух сортов: полукопченая и вареная. Я полушутливо-полусерьезно поинтересовался про балык и прочие деликатесы моря.

— Что ты, дарагой, какой-такой башлык-машлык! — удивился продавец. — Не помню, да-авно не продаем. Ушла рыба к иранским берегам.

И вот в нынешнем темном царстве окружающего нас экологического беспросвета меня обрадовала, как луч белой надежды, туркменская лаборатория морского прибрежного рыбоводства и рыболовства — «КаспНирх», которую возглавляла Вероника Борисовна Назаренко.

— Наша сверхзадача — через пять-десять лет поставлять на стол республики да и в Россию экологически чистую продукцию: раков, осетров, икру, — не моргнув глазом заявила она.

С Вероникой Борисовной я побывал на территории водоопреснительной станции, где у нее расположилось беспокойное рачное хозяйство: в чанах юркали шустрые раки, отсортированные по возрасту. Кстати сказать, раками вполне серьезно заинтересовалась одна шведская фирма; ее сотрудники уже приезжали в Красноводск, знакомились с лабораторией КаспНирха, перспективами поставки продукции в далекую Скандинавию. Если будет образовано СП, тогда потечет валюта, которая вольет новое дыхание в становящееся на ноги производство. Несмотря на огромные пространства, разделяющие Красноводск и Стокгольм, шведы охотно идут на сделку и готовы платить в шведских кронах или долларах.

На сегодняшний день барьеров, правда, много: от обычных бюрократических до непростых взаимоотношений центра и республики. На фоне всеобщей сумятицы и неопределенности главное — нужно создавать прямо теперь основательную базу для развития и рачного и рыбного хозяйства здесь, в Красноводске и на Кара-Богаз-Голе.

РУССКО-АЗИАТСКАЯ ДРУЖБА

Не ошибусь, если скажу прямо, что нам нужно неустанно и почаще напоминать народам Средней Азии об их собственной истории и исторической дружбе (не побоимся так затертого нынче и скомпрометированного лозунгами понятия) между русскими и туркменами, русскими и узбеками, русскими и казахами, русскими и таджиками, русскими и киргизами. Потому что лишь тогда, когда между настоящими друзьями нет недомолвок, тогда истинная дружба только крепче, сильнее и так не декларируется, как прежде. Освещение в средствах массовой информации именно такой истории, под таким углом зрения дало бы больше плодов, нежели псевдодемократические опусы «либеральной» прессы, в которой только и смакуются экспансионистские устремления царской России или 73-летний диктат центра, обязательно увязываемый с русским «великодержавным шовинизмом», а также с ленинским разделом Средней Азии по национально-территориальному признаку, что-де привело к этническим раздорам сегодня. И всюду — в прессе, на телевидении — наши «демократы» остаются верными сынами своих духовных и кровных отцов в вульгарно-историческом освещении «до семнадцатого года»: тут и «вымирание малых народов», и «гнет царского самодержавия», и «Россия — тюрьма народов», и прочее, прочее. И ни слова о покровительстве гуманной, объединяющей роли Руси; а уж про выдающуюся роль русских царей Александра II и Александра III в поощрении, допустим, национального самосознания прибалтийских народов в тогдашней атмосфере германизации латышей или эстов — ни гу-гу, тут словно в мире безмолвия. Наши «плюралисты» хранят обет молчания и в освещении конструктивной политики царской России в тогдашней Средней Азии, которая проводилась через просвещенное привилегированное ханство. Как, например, русская администрация Туркестанского генерал-губернаторства культивировала у себя демократический принцип формирования власти на местах: были учреждены волостные съезды, аульные сходы, выбирались волостные управления, аульные старшины. А воинские формирования создавались из туркмен. В скрижали отечественной истории вошли славные деяния туркменской конницы, героически зарекомендовавшей себя в первую мировую войну (текинский конный дивизион). И Туркмения с помощью России вошла в капиталистическую формацию из рабовладельческого строя. Патронирующее кураторство России спасло туркменскую культуру и государственность от гибели.

Вот что писала в 1904 году арабская газета «Муаарат-аль Гарб» («Зеркало Запада») в связи с началом русско-японской войны (перепечатано из русского скаутского журнала «Вестник руководителя», статья Л. Селинской, 1990 год): «Русские никому не отказывали в гражданских правах: побежденный или присоединенный к их владению народ сейчас же уравнивался в правах с урожденным русским. Тем она привязала к себе бухарцев, хивинцев, туркмен, бурят и другие азиатские народы и магометанские народности. С каким единодушием недавние подданные России встали на защиту сделавшегося им дорогим русского государства! Наблюдались ли такие примеры в Индии во время англо-бурской войны? Решительно ответим: нет!»

Мне кажется естественным вернуться к практике дореволюционной науки — проводить планомерные социологические исследования психологии наций и народностей Среднеазиатских республик. Чтобы с успехом регулировать межэтнические отношения, а главное — предотвращать возможные вспышки насилия, чтобы воспрепятствовать новым Баку, Фергане, Узгену, Намангану, Молдове. Но поручать проведение этих социологических исследований надо честным людям, а не академику Т. И. Заславской, которая правду, как правило, фальсифицирует, а нужные ей цифры берет просто с потолка.

В разное время Россия спасла народы той или иной республики Средней Азии от колониального рабства более сильных и жестоких империй, а может, и гибели. А за советский период русские помогли поднять инженерную, научную, культурную мысль того или другого народа до современного уровня развития. Именно теперь, когда русские люди оказались в тяжелом социально-экономическом положении и в его адрес выплескивается так много нечистот и несправедливых обвинений, в пору ждать и надеяться от наших среднеазиатских братьев обратного жеста помощи и поддержки в возрождении России. Ибо какие бы политические институты ни выбирали республики Средней Азии: федерацию, конфедерацию или содружество суверенных государств — неважно, но только сильная Россия будет залогом действительной политической и экономической независимости и стабильности каждой из них.

Напоследок хотелось бы привести пожелания из письма нашего корреспондента Б. Коваленко:

«Мои дорогие земляки, русские, туркмены, армяне и азербайджанцы! Я атеист по невежеству, а потому мне некого молить о том, чтобы вы спокойно жили на земле, ставшей вам родной и близкой оттого, что на ней сегодня стоят ваши дома и в которой находятся дорогие вам могилы. Но если все-таки случится беда и вас постигнет участь беженцев, то не держите зла на тех, чья рука бросила в вас камень. Ибо камни швыряют как раз те, кто плохо ведает, что творит. Не забывайте лишь о том, кто направлял эту пресловутую руку! Дорогие мои земляки, вы усвоили многие азиатские правила тамошней жизни. Я знаю, в вашей среде не принято долго оставаться должником. Так заявите во весь голос свой протест тем силам, которые изо всей мочи стараются разрушить ваше благополучие и будущее ваших детей, а ваши жизни сделать разменной монетой в грязной политической игре. И если их дьявольские планы увенчаются успехом, то расчет будет только один: братоубийство — это их обычная разменная монета в перекройке судеб людей и государств».

●

Евгений ДЖУГАШВИЛИ

ЭПОХА БОРЬБЫ И ПОБЕД

Говорят и пишут о Сталине сейчас много. Но в основном негативно. Все время что-то недоговаривают о нем или говорят лишнее, показывают его деятельность вне обстоятельств и времени, в котором он жил, работал.

5 марта исполнилось 48 лет со дня смерти Сталина. В Москве живет один из внуков И. В. Сталина — Евгений Яковлевич Джугашвили. Родился он в 1936 году в Урюпинске. После окончания Калининского суворовского училища поступил в Военно-воздушную инженерную академию имени Н. Е. Жуковского. После окончания академии его деятельность была связана с ОКБ С. П. Королева.

Закончив адъюнктуру Военно-политической академии имени В. И. Ленина, защитил кандидатскую диссертацию по истории военного искусства и преподавал в Академии Генерального штаба имени К. Е. Ворошилова. В 1987 году некоторые осмелевшие «перестройщики» сделали попытку уволить его из академии и из армии. Полковник Е. Я. Джугашвили попросил перевести его в другую академию. Сейчас он преподает в Военной академии имени М. В. Фрунзе, доцент.

Его жена, Н. Г. Джугашвили (девичья фамилия Нозадзе), преподавала немецкий язык в МГУ. Старший сын, Виссарион, закончил сельскохозяйственный институт в Тбилиси и работает по специальности. Младший — Яков — сначала был чернорабочим и учился заочно, теперь — студент 2-го курса строительного факультета Тбилисского политехнического университета.

Предлагаем нашим читателям беседу Г. Назарова с Е. Я. Джугашвили.

ВОПРОС. Перестройку наши «перестройщики» начали с критики Сталина. Антисталинская кампания, развернувшаяся на страницах ряда газет и журналов, по радио и телевидению, приняла невиданный размах. Что Вы думаете о тех, кто сокрушает сталинизм, какие цели они ставят?

ОТВЕТ. Сокрушение сталинизма — политическая цель. О политических же деятелях судят прежде всего по их делам, а не по речам. За шесть лет наши «перестройщики» практически свернули мировую систему социализма; капитально развалили некогда мощную державу. В стране хаос — и в экономике и в идеологии; начались межнациональные столкновения, которые в любую минуту могут перерасти в гражданскую войну. Кому-то это, видимо, выгодно, ведь за счет войны можно списать любые промахи в управлении государством.

Страна на глазах у всех становится сырьевым придатком капиталистического мира. В конце концов и Россия, и Союз победят империализм, если будут едины. Я в этом убежден! Но какой ценой? И с кем мы будем отстаивать свое будущее, если раскол Советского Союза произойдет? Как сообщают ученые, в СССР к 2010 году число молодых людей, зараженных СПИДом, составит 40% (из программы Центрального телевидения «120 минут» от 30 ноября 1990 г.). Не знаю, оправдается ли этот прогноз, но политическое руководство должно нести ответственность за то, что страну поставили как бы на мощный сквозняк проституции, порнографии, эротики, наркомании, организованной преступности и т. д. Над народом — смертельная опасность!

ВОПРОС. Просматривая выступления наших партийных лидеров после смерти Сталина, я обратил внимание на следующие факты. Н. С. Хрущев, выступая 6 ноября 1957 года на торжественном собрании, посвященном 40-й годовщине Октября, говорил: «Критикуя неправильные стороны деятельности Сталина, партия боролась и будет бороться со всеми, кто будет клеветать на Сталина, кто под видом критики культа личности неправильно, извращенно изображает весь исторический период деятельности нашей партии, когда во главе Центрального Комитета был И. В. Сталин. Сталин займет должное место в истории. Наша партия и советский народ будут помнить Сталина и воздавать ему должное».

При Брежневе вакханалия вокруг имени Сталина приутихла, но официально имя Сталина не упоминалось, о цитировании его выступлений не могло быть и речи.

М. С. Горбачев говорил: «Сталинизм» — это понятие, придуманное противниками коммунизма и широко используется для того, чтобы очернить Советский Союз и социализм в целом». Кстати, термин «сталинизм» был введен Лейбой Троцким и сейчас подхвачен неотроцкистами.

Вроде бы и Хрущев, и Горбачев говорили объективно, но... Хрущев вытащил прах Сталина из Мавзолея, стал снимать имя Сталина с названий городов, улиц, при нем уничтожили памятники Сталину. А сейчас, несмотря на призывы Горбачева к объективности, ведутся массированные атаки на партию, на армию, на тех, кто работал при Сталине, кто под его руководством одержал победу в тяжелой кровопролитной войне с фашизмом. Если так пойдет и дальше, то не исключено, что у нас начнут судить ветеранов войны за одержанную победу, а коммунистов поставят вне закона.

Может быть, после смерти Сталина верх взяли те силы, с которыми он боролся? Иначе как объяснить всю эту ненависть?

ОТВЕТ. А что объяснять? Надо смотреть на дела. Хрущев начал свою деятельность с реабилитации сторонников Троцкого: Тухачевского, Уборевича, Якира и других военных деятелей. Многих вытащил из лагерей, в частности, сынка палача народов России Я. М. Свердлова — Андрея, работавшего до 1938 года следователем НКВД. Но реабилитировать главных троцкистов — Бухарина, Зиновьева, Каменева, Рыкова ему не удалось. Еще живы были те, кто помнил об их злодеяниях на русской земле.

Хотел бы обратить внимание на то, что троцкисты расправлялись с рабочими и крестьянами от имени рабочих и крестьян. Хрущев, правление которого наши «плюралисты» назвали потеплением, тоже причастен к массовым репрессиям. Достаточно сказать, что он в 1935—1938 годах занимал пост первого секретаря МК и МГК ВКП(б) и приложил немало сил к чистке московской партийной организации. Это он, придя к власти, утвердил создание

психушек, в которых вполне здоровых людей делали умалишенными. Эту эстафету принял Брежнев.

Те силы, с которыми боролся Сталин, сейчас стремятся взять верх. Вспомните ответ Сталина, прозвучавший на XVII съезде партии: «Спорят о том, какой уклон представляет главную опасность, уклон к великорусскому национализму или уклон к местному национализму? При современных условиях это формальный и потому пустой спор... Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали таким образом разрастись до государственной опасности». До государственной опасности, считал Сталин, разросся «левый» уклон — троцкизм. А это по сути дела — сионизм. Именно он сейчас разросся до государственной опасности. Против него перестали бороться. И если не без подачи, видимо, А. Н. Яковлева — одного из сусловско-брежневских идеологов, то с чьей помощью легализуется сегодня сионизм в нашей стране?

Спланированная антисталинская истерия по замыслу «перестройщиков» должна, как дымовая завеса, скрывать механизм крушения государства и, разумеется, «объяснять» народу все ужасы современного бытия. Но ведь это смешно: любой провал или кризис — все списывать на последствия «сталинизма», на Сталина, хотя после смерти И. В. Сталина прошло почти 40 лет. Одна из плюралистических газет даже сообщила, что нашумевшее дело о взятках в Узбекистане — это дело сталинистов. Пока сионистское влияние сохранится, на Сталина будут валить все грехи, если даже сто лет пройдет.

ВОПРОС. Что Вы думаете об известных событиях в Грузии в 1989 году?

ОТВЕТ. 9 апреля 1989 года в Тбилиси произошла трагедия. Я в те дни приезжал на похороны своего тестя. Вся потрясенная горем республика верила, что Горбачев немедленно прилетит, разберется и накажет виновных. Увы!

Главный виновник тбилисской трагедии до сих пор не найден и не наказан. Кому-то выгодно было все свалить на русских парней с «саперными лопатками». Об этом обстоятельно рассказал генерал-полковник И. Родионов в своей статье «Когда перестанут глумиться над армией и державой», опубликованной в «МГ» (№ 9, 1990).

После отстранения прежнего руководства Грузии во главе с Патиашвили, естественно, народ ожидал, что новое руководство будет избрано в духе нового времени — всенародно, альтернативно, демократично, гласно и т. д. Ведь именно эти принципы проповедовал Горбачев. И что же? Все ахнули. Первым секретарем компартии Грузии был «избран» некто Гумбаридзе. За дирижерским пультом этого спектакля стояло доверенное лицо Горбачева — бывший министр иностранных дел Шеварднадзе. Всем в республике было понятно, в чем дело: Гумбаридзе — работник партийного аппарата, руководитель Комитета госбезопасности Грузии. Полагали, что он лучше, чем кто другой, наведет порядок в республике. Но, сажая Гумбаридзе на эту должность, центр не поинтересовался мнением народа Грузии.

В народе авторитет подобных руководителей, которых называют «ставленниками Москвы», как правило, равен нулю. Они ведь чаще оглядываются на власть, чем на народ. Отсидев в кресле партийного лидера Грузии около полутора лет, Гумбаридзе вынужден

был уйти в отставку. Политический итог такой кадровой политики — рост недоверия народа к центру, и не только в Грузии, но и в других республиках.

А люди, знаете, на всякую мелочь обращают внимание. У многих вызывает недоумение и недоверие, например, «оригинальная» манера переговоров Горбачева с лидерами капиталистического мира «один на один». О какой гласности в этом случае можно говорить? Интимные беседы «с глазу на глаз» создают условия для сепаратистских сделок, для пресловутых «тайных протоколов», авторство которых позже, может быть, тоже припишут Сталину.

ВОПРОС. Нынешнее молодое поколение совсем не знает Сталина. Известно, что у него было два сына (Яков и Василий) и дочь Светлана. А сколько внуков? Поддерживаете ли Вы с ними связь?

ОТВЕТ. У Сталина было 10 внуков, из которых, как утверждает Светлана, он видел троих. У старшего сына Якова было трое детей. От первой жены Зои была дочь Галя, которая умерла в Ленинграде в возрасте полутора лет. От второй жены Ольги Голышевой — я. И от последней жены Юлии Мельцер — Галя.

У Василия от первой жены— Галины Бурдонской — двое детей: Саша Бурдонский и Надя Сталина. От второй жены Екатерины Тимошенко (дочери маршала С. К. Тимошенко) двое детей: Василий и Светлана, которые недавно умерли.

У Светланы от первого брака с Георгием Морозовым (настоящая фамилия Мороз) — сын Иосиф Аллилуев. От второго брака с Юрием Ждановым (сын члена Политбюро А. А. Жданова) дочь Екатерина. От брака с американцем Питерсом — дочь Ольга. Поддерживаю связь только с Иосифом Аллилуевым. В настоящее время он доктор медицинских наук, кардиолог. Работает в одной из московских клиник.

ВОПРОС. А как быть с Саддамом Хусейном — нынешним президентом Ирака? Комсомолята из «Собеседника» сообщили, что он внук Сталина.

ОТВЕТ. Ну, это для того, чтобы «насолить» Хусейну. «Собеседник», находясь в фарватере «Огонька», увидел сходство между Сталиным и Хусейном: если Сталин злодей и агрессор, то и Хусейн должен быть таким же.

ВОПРОС. Почему у детей Сталина разные фамилии?

ОТВЕТ. Яков носил настоящую фамилию отца — Джугашвили. С этой фамилией добровольцем ушел на фронт и погиб. Василию Сталин дал свой псевдоним — Сталин. С этим именем Василий воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Когда возвращался с боевого задания (а он был летчик-истребитель), то непременно докладывал командованию: «Задание выполнил. Сталин». Дочь Сталина тоже была Сталина.

Н. С. Хрущев отнял (в своей слепой ненависти к Сталину) фамилию Сталин у Василия и Светланы. Василий стал носить фамилию Джугашвили, с этой фамилией и умер в Казани (просидев перед смертью несколько лет по повелению Хрущева в тюрьме). Светлана взяла фамилию матери и стала Аллилуевой.

ВОПРОС. Чем же объяснить такую ненависть Хрущева к Сталину и его детям?

ОТВЕТ. У Хрущева от первого брака был сын Леонид. Одним из его развлечений была стрельба по бутылке, стоящей на голове человека. Кстати, этим увлекались и некоторые немецкие офицеры. Только подопытным материалом у них были военнопленные. В од-

ном из таких упражнений Леонид вместо бутылки попал в голову своему товарищу и убил его.

Об этом стало известно Сталину. Хрущев, как член Военного Совета одного из фронтов, первый секретарь ЦК КП(б) Украины, начал спасать сына от наказания. На встрече с Хрущевым Сталин спросил его: «Вы ходатайствуете о своем сыне как член Политбюро или как отец?» — «Как отец», — ответил Хрущев. Тогда Сталин задал ему вопрос: «А Вы думали о том отце, сына которого убил Ваш сын? Что он скажет?»

Войне диктовала законы военного времени, и они были законом для всех. Леонид из офицеров был разжалован в рядовые и направлен в штрафной батальон. Вскоре попал в плен. Немцы, узнав, что среди пленных сын члена Политбюро, стали использовать его для агитации в прифронтовой полосе: выступая по радио, он агитировал советских солдат и офицеров сдаваться в плен.

Дело приняло политический характер. Сталин дал указание начальнику Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко выкрасть сына Хрущева у немцев. Когда Сталину доложили, что Леонид доставлен в расположение одного из партизанских отрядов, и попросили самолет для доставки его в Москву, то Сталин ответил: «Не надо рисковать еще одним офицером, судите Леонида Хрущева на месте». Сын Хрущева был расстрелян как изменник Родины.

Хрущев после смерти Сталина тщательно скрывал этот факт, и даже был пущен слух, что летчик Леонид Хрущев погиб смертью храбрых в бою с несколькими немецкими истребителями. У нас умеют распускать слухи.

Сам Хрущев, будучи членом Военного Совета Юго-Западного направления, то есть армий, сражающихся под Харьковом, в критический момент, когда немцы окружили наши войска, бросил фронт и бежал в Москву. Ему грозило попасть под суд Военного трибунала. От наказания его спас Молотов.

Ну и в одном из послевоенных выступлений Сталин назвал Хрущева придурком. Может быть, все это и вылилось потом, после смерти Сталина, в открытую ненависть к Сталину и Хрущев стал насаждать ее в народе.

Хрущев был мстительный человек. Мстя Сталину, он мстил его детям.

ВОПРОС. Откуда Вам известно о судьбе сына Хрущева?

ОТВЕТ. Об этом мне рассказал А. Е. Голованов — Главный маршал авиации, бывший во время войны командующим авиацией дальнего действия. Об этом же, независимо от Голованова, рассказывал мне Молотов.

ВОПРОС. Помните ли Вы своего деда?

ОТВЕТ. Конечно. Когда он умер, мне было 17 лет. Однако я видел его только на парадах, в которых участвовал в батальонной колонне Калининского суворовского училища.

ВОПРОС. В газете «Московская правда» от 12 августа 1988 года была помещена статья о Вашем отце: «За колючей проволокой. Плен и гибель Якова Джугашвили». В ней промелькнуло сообщение, что у Якова была жена Юлия Мельцер и что она, к моменту пленения своего мужа, находилась в заключении. Правда ли это?

ОТВЕТ. Юлия Мельцер, как я уже сказал, была третьей женой моего отца, еврейка. Родом она из Одессы. Для нее это был второй брак. От ее первого брака детей не было. Она действительно была арестована после пленения Якова и около двух лет провела в заключении.

Моя мама — Ольга Павловна Голышева (русская) — во время войны находилась в действующей армии, медсестра. Имела правительственные награды. Умерла в 1957 году.

ВОПРОС. Широко распространены слова Сталина, когда решался вопрос об обмене Вашего отца на фельдмаршала Паулюса, взятого в плен в Сталинграде: «Солдата на маршала не меняю». Этот ответ якобы был передан немецкой стороне через председателя шведского Красного Креста Бернадота. Если это так, то поступок Сталина наши плюралисты использовали по-своему: вот, мол, Сталин был так жесток, что даже своего сына не пожалел. Но... если бы Сталин обменял своего сына, старшего лейтенанта, на фельдмаршала, то, я представляю, какой вой подняла бы та же радикальная пресса, приклеив Сталину очередной ярлык. Как Вы относитесь к поступку своего деда?

ОТВЕТ. «Солдата на маршала я не меняю» — эта фраза прозвучала в кинофильме «Освобождение». Именно таких слов Сталин, может быть, и не говорил, но режиссер Озеров весьма точно и лаконично передал здесь и позицию, и характер Сталина. Один из наших пленных рассказывал мне, как советские военнопленные, узнав об обмене (немцы напечатали об этом в газетах и сообщили по радио), как бы утратили силы к сопротивлению. «Когда стало известно, — вспоминал он, — что Сталин отклонил такой обмен, мы прониклись еще большим уважением к нему и уверенность в победе уже никогда не покидала нас».

Сталин лучше других понимал, что он не может пойти на обмен. Ради победы Яков был отдан на алтарь Отечества.

В новом кинофильме киностудии «Грузия-фильм» «Яков — сын Сталина» режиссер картины Деви Абашидзе этот вопрос решил по-своему. В его фильме Сталин отвергает обмен со словами: «А что на это скажут другие отцы». Мне кажется, что это менее броская фраза, но она имеет более глубокий смысл, чем у Озерова.

Сегодняшние «судьи», которые осуждают Сталина-отца за жестокость к своему сыну, наносят удар как бы с тыла. Не сомневаюсь, что в случае обмена они клеймили бы Сталина еще сильнее.

ВОПРОС. В той же статье о Вашем отце говорится, что «после капитуляции фашистской Германии многие документы, проливающие свет на пребывание в плену Я. Джугашвили, попали в руки англо-американской группы, разбиравшей немецкие архивы». Утверждается, что «документы были скрыты многие годы». Выходит, о гибели сына Сталин не знал и его судьбой в плену не интересовался?

ОТВЕТ. Сталин знал о сыне больше, чем представляют себе его нынешние хулители. Однако, как мне говорил В. М. Молотов, он никогда не делился своим горем даже с ближайшим окружением. Единственный, кому поведал свою боль Сталин, был его старый друг по Тбилиси — Кавтарадзе, которого он как-то после войны пригласил в Москву. Об этом мне рассказал друг Кавтарадзе — И. Д. Панцхава. Когда они (Сталин и Кавтарадзе) сели ужинать, Сталин тихо сказал: «Они убили моего сына — грузина». Затем он обмакнул кусочек хлеба в бокал с вином, положил его рядом. Больше к этой теме они не возвращались.

Маршал Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» пишет, что однажды он задал Сталину вопрос о судьбе его сына. Прежде чем ответить, Сталин «прошел добрую сотню шагов» по кабинету. И сказал: «Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его фашисты. По наведенным справкам, держат они его изолированно от других военнопленных и агитируют за измену Родине». Далее, как отмечает Жуков, Сталин помолчал минуту и твердо добавил: «Нет, Яков предпочтет любую смерть измене Родине».

М. Чиаурели в кинофильме «Падение Берлина» вставил небольшой фрагмент о героическом поведении Якова в немецком плену. Посмотрев фильм, Сталин попросил фрагмент с Яковом убрать. Может быть, он считал, что говорить о его личном горе и о подвиге его сына было преждевременно.

ВОПРОС. Страницы наших газет и журналов наполнены сообщениями о массовых репрессиях, чинимых Сталиным над своим народом. Якобы он лично подписывал приговоры. Что Вы можете сказать по этому поводу?

ОТВЕТ. Во-первых, Сталин в борьбе с троцкизмом опирался на русский народ. Поэтому нынешним последователям Троцкого, засевшим во многие органы печати, так неймется посеять в русском, и не только в русском, народе недоверие к Сталину. Насаждая мысль о виновности одних народов перед другими, их легко натравить друг на друга.

Во вторых, у нас появилось немало так называемых историков, философов, публицистов — «исследователей» нашего недавнего прошлого, которые вообще подвергают сомнению целесообразность применения жестких мер к контрреволюционным силам. Дескать, после 1917 года свергнутый класс в России чуть ли не аплодировал большевикам. Эти «исследователи» не вспоминают, как кулаки вспарывали животы двадцатипятитысячникам и набивали их зерном. Они не помнят, как убивали из обрезов активистов через окно и топорами рубили семьи. Как в конце 20-х — начале 30-х годов троцкистами вновь был пущен термин «кулак», и этот жупел применяли чуть не поголовно ко всем крестьянам, чтобы возбудить в них ненависть к советской власти. Ведь и голод 1933 года — это повторение голода 1921 года, только в более крупных масштабах. И во всем этом нынешние космополиты обвиняют Сталина. Они стараются убедить, в первую очередь молодежь, что Сталин — тиран, и при этом число невинно пострадавших каждый «историк» называет свое, видимо, с коэффициентом ненависти к Сталину.

Так, Рой Медведев, не упускающий случая напомнить аудитории, что он историк, называет цифру 40—60 миллионов. Кстати, не его ли папаша был членом Военно-революционного трибунала, организованного Троцким и Свердловым в 1918 году, приговорившего к смерти тысячи невинных людей? И не его ли папаша стал в 1938 году «жертвой» Сталина, да притом еще невинной? Надо бы в этом разобраться нашим историкам.

Другой «историк» — Солженицын — ему, Рою Медведеву, из-за рубежа подсказывает: 66 миллионов. Очень уж легко жонглируют новоявленные историки миллионами человеческих жизней: 40—60—66 миллионов и т. д.

И все приписывается Сталину. Я и мои друзья не поленились недавно и подсчитали убыль и прирост населения нашей страны с учетом данных Роя Медведева, опубликованных в «Аргументах и фактах». За основу мы взяли население России перед первой мировой войной. Оно составляло 154 миллиона человек. С учетом рождаемости и смертности, эмиграции и жертв репрессий по «бухгалтерии» Роя Медведева мы получим, что к 1941 году СССР должен был бы иметь около 90 миллионов человек.

Заглянули мы в справочники по переписи населения — а там сказано, что к 1941 году в СССР проживало 190 миллионов человек. Вот и судите, чего стоят данные такого «историка-перестройщика».

Если уж говорить о пролитой крови, то больше всего ее пролилось в 1918—1934 и в 1957—1990 годах, то есть в периоды, когда страной правило так называемое «коллективное руководство».

ВОПРОС. А как быть со сталинскими концлагерями?

ОТВЕТ. Концлагеря были созданы Троцким и Свердловым. Посмотрите постановление Совнаркома от 5 сентября 1918 года и убедитесь, что это так. Сталин использовал это «наследство», хотя поставил своей целью освобождение невинных и наказание виновных. Только из лагерей в 1939 году было освобождено 327,4 тысячи человек.

ВОПРОС. Говорят о репрессированных Сталиным 40 тысяч военачальниках. Тоже неправда?

ОТВЕТ. Конечно. Документы свидетельствуют, что в армии было осуждено 6—8 тысяч сторонников Троцкого, из них около 600 человек расстреляно. Я видел список поименно расстрелянных, и он где-то уже опубликован. Но ведь был заговор! Возглавить его Троцкий поручил своему любимчику Тухачевскому, с ним Троцкий имел постоянную связь. Что же оставалось делать Сталину или любому на его месте?

ВОПРОС. Так что же, все, что мы читаем о зверствах Сталина — это неправда?

ОТВЕТ. Да, неправда. Ведь посмотрите, до чего дошло: директивное письмо о поголовном уничтожении казачества подписал Свердлов, исполняли директиву Троцкий, Тухачевский, Якир, а приписали уничтожение казаков Сталину. Но ведь хорошо известно, что Председателем Совнаркома был Ленин, наркомвоенмором Троцкий, председателем ВЦИК Свердлов. Сталин был не на первых ролях. После смерти Ленина Председателем Совнаркома СССР и РСФСР был Рыков. Членами ЦК долгие годы бессменно были Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев и т. д., то есть страной правила группа. Члены ЦК одновременно занимали и правительственные посты. Сталин пост Председателя Совнаркома занял только в 1941 году.

На Сталина списывают не только голод 1933 года, но и голод 1921 года, когда умерли миллионы крестьян. На него списывают убийство Есенина, изгнание Шаляпина из России, приговаривая при этом, что это тоже дело рук «вождя народов».

Сталину в «наследство» достался тот государственный механизм, тот репрессивный аппарат, который был создан в 20-е годы. И этот аппарат продолжал действовать независимо от того, пришел бы Сталин к власти или кто-либо другой. Но заслуга моего деда в том-то и состоит, что он, получив поддержку в партии и в народе, остановил репрессии, а в конце 1938-го — начале 1939 года уничтожил и репрессивный аппарат ВЧК — ОГПУ — НКВД.

Но не полностью, а частично. Он безжалостно уничтожал пятую колонну в стране, но не успел — надвигалась война.

ВОПРОС. Вы, наверное, знакомы с книгой Д. Волкогонова о Сталине «Триумф и трагедия»?

ОТВЕТ. Коллега Роя Медведева по антисталинизму, Дмитрий Волкогонов подвизался сначала на поприще философии, а затем, словно в награду за пасквили на Сталина, получил степень доктора исторических наук.

Но какая ирония судьбы! Я помню лекции Волкогонова в академии, когда он частенько цитировал Сталина. И знаете, убедительно цитировал. Теперь цитирует Троцкого. Отрабатывает. Волкогонов переиначивает историю осознанно и, так сказать, концептуально. Он, например, пишет: «...Троцкизм даже в пору своего наибольшего влияния, в середине 20-х годов, имел совсем немногих сторонников в партии». Зачем он лжет? Да затем, чтобы сказать: «Сталину нужен был повод, чтобы раз и навсегда покончить со всеми, кто не разделял его взглядов. Или кто может потенциально, в будущем, поступать враждебно по отношению к нему» («Правда» от 9 сентября 1988 г.).

Нет нужды доказывать, что троцкизм был силен, а наша сегодняшняя действительность говорит о его живучести.

Нельзя не сказать и о таких озлобленных исследователях, как Антонов-Овсеенко и К°. Это сынок того самого В. А. Антонова-Овсеенко, расстрелянного в 1939 году, который принес в Смольный к Троцкому радостную весть о взятии Зимнего и на совести которого немало жертв — в основном офицеров русской армии. Их пасквилям пресса дала «зеленую улицу». Все для антисталинского фронта, все для своей победы!!!

И чего только не насочиняла эта компания: Сталин — агент царской охранки; параноик и шизофреник; застрелил свою жену, да еще в придачу своего соперника Кирова; поджигал на даче муравейники, проламывал заборы и убегал от охраны, чтобы пьянствовать с соседним председателем колхоза; плевал в миску «вождю русского пролетариата» Якову Мовшовичу Свердлову; зарезал на операционном столе Фрунзе и т. д.

Первенство в подобного рода измышлениях о Сталине принадлежит журналу «Огонек», редактор которого В. Коротич щедро поощряется американскими долларами. Впрочем, В. Коротич неоригинален. Он лишь повторяет зады одного из идеологов троцкизма 20-х годов и такого же «плюралиста», ненавистника русского народа Н. И. Бухарина.

«Огонек» лидирует в приготовлении грязных сенсаций о Сталине. Но вот газета «Вечерний Донецк» от 9.11.1990 г. подтерла нос Коротичу. Преподнесенная ею «утка» заставит позеленеть от зависти и Антонова-Овсеенко. Как сообщает редактор этой газеты, злодей Сталин, оказывается, панически боялся за свою жизнь и приказал в 1935 году найти двойника. И нашли в Виннице некоего Евсея Лубицкого. Далее цитирую: «...После этого в дни празднования 1-го Мая и 7-го Ноября «вождь» находился в своем служебном кабинете или на даче, а на трибуне Мавзолея вместо него находился Евсей Лубицкий. Эту роль он играл семнадцать лет».

Что можно сказать по этому поводу? Видимо, когда пьешь — надо закусывать. Автору фальшивки невдомек, что на трибуне Мавзолея лидеры страны стояли иногда по нескольку часов, им

приходилось обмениваться мнениями и решать те или иные государственные вопросы. Любой «двойник» в такой ситуации сразу бы обнаружил себя. А уж Хрущев не упустил бы случая шокировать мир подобной сенсацией.

Разумеется, мы имеем дело с провокацией чистой воды. Но кого же привлекать к ответственности за ложь, клевету, дезинформацию? «Вечерний Донецк» сведения о двойнике Сталина почерпнул из очерка канадского журналиста И. Херола «Дублер». А вот сведения о Евсее Лубицком как о двойнике Сталина подтвердил якобы внук Сталина — полковник Джугашвили, то есть я. Об этом сообщил читателям ленинградский журналист Я. Сухотин. Не иначе как законченный «плюралист» и поборник гласности.

ВОПРОС. Не кажется ли Вам, что нынешняя плюралистическая вседозволенность дошла до предела, если некоторые органы печати готовы устроить суд (или самосуд?) над Сталиным? Люди недоумевают, читая небылицы о Сталине. Выдержать неслыханную по своим масштабам за всю историю войн битву, восстановить в короткий срок разрушенное войной народное хозяйство, вооружить страну самым современным оружием, предотвратив тем самым развязывание новой, третьей мировой войны, — разве нет в этих заслугах и подвигах народа личного вклада Сталина? Если печать лжет, кто координирует ее деятельность?

ОТВЕТ. Многие средства массовой информации подчинены определенной групповой или лоббистской структуре. Это видно невооруженным взглядом. И это тревожный факт, поскольку — кто владеет печатью, тот держит в руках власть. Печать — грозное оружие. Если вы хотите понять, в чьих руках конкретно это оружие и эта власть, присмотритесь, против чего особенно усердно и слаженно выступают разные на первый взгляд газеты и журналы. Тут и травля патриотического сознания, уничтожение и развенчание социализма и КПСС, русской государственности и общесоюзного единства народов. А когда люди, вполне естественно, начинают возмущаться этим, те же издания начинают обвинять их в антисемитизме. Вот вам и ответ, кто командует печатью, у кого власть.

Ну а ненависть сионистов к Сталину связана не только с тем, что он разгромил троцкизм, а и с тем, что не отдал им в заклание Россию, а с ней и Европу, а может быть, и мир.

ВОПРОС. Сталина обвиняют и в антисемитизме. Насколько серьезны, с Вашей точки зрения, такие обвинения?

ОТВЕТ. Я могу сразу сказать, что обвинения в антисемитизме, как правило, идут от сионистов. Они этот жупел пускают в ход, чтобы отвлечь внимание от себя. Мне известно, что и ваш журнал обвиняют в антисемитизме только за то, что вы открыто сообщаете фамилии начальников ГУЛАГов, состав первого советского правительства, где преимущественно были евреи, зверства ВЧК, которое на 90% было укомплектовано евреями и латышами. Но от этих фактов никуда не уйти. Это история. Это так было.

Известно, что Сталин много времени уделял изучению национального вопроса. В одной из записок, кажется, А. И. Микояну (это было в 1934 году), он обратил внимание на высокий процент лиц еврейской национальности в партийно-правительственном аппарате и в печати. Это был в основном тот аппарат, который был укомплектован еще на заре советской власти при Ленине. Я уже об этом говорил.

Сталин в 1934—1936 годах начал чистку этого аппарата. Эта чистка чем-то напоминала чистку партии, предпринятую Лениным еще в 1921 году, когда партия насчитывала около 400 тысяч членов. Известно, что тогда, в период революции, к партии большевиков примазалось немало деклассированных элементов, в ней немало было откровенных отбросов общества. Партия тогда поредела на 200 тысяч.

Сталинская чистка затронула «головку» партии, в основном ставленников Троцкого. Поднимая на щит Троцкого и низвергая Сталина, нынешнее руководство партии идет, по сути, по пути, указанному Троцким. Снова все повторяется: дестабилизация экономики, вспышка гражданской войны, нехватка продуктов питания, голод и т. д.

При Сталине из партии, которая к тому времени насчитывала более миллиона человек, было исключено 270 тысяч. Ошибки были, и их никто не отрицал. Об этом говорил и Сталин на XVIII съезде партии. Трудно было разобраться, где друг, а где враг. Была борьба.

Да, национальный вопрос — это основной вопрос, и даже поважней, чем экономика. Решив национальный вопрос, можно решить все остальные. Если вы откроете энциклопедию «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.», вышедшую к 40-летию Победы над фашизмом, и начнете выписывать из нее фамилии всех наркомов, на плечи которых легли все тяготы войны, то вы не можете не быть поражены следующим фактом: из 47 наркомов большинство составляют русские, белорусы, украинцы. То есть еврейских наркомов образца 1934—1935 годов сменили славяне образца 1938—1940 годов. И именно тогда, при Сталине, все младшие братья в республиках объединились вокруг старшего брата — великого русского народа. Народы не были разобщены, они воевали бок о бок, как одна нация, и победили.

Напрасно советские сионисты делают такие обвинения в адрес Сталина. Просто при Сталине некомпетентные евреи вынуждены были уйти со своих постов, а те, кто был сторонником Троцкого и плел заговоры, были посажены в концлагеря или уничтожены. Ведь терять свои посты и привилегии они не хотели. Поэтому и шло яростное сопротивление. Они теряли власть над Россией.

При Сталине наиболее компетентные евреи были замечены Сталиным, многие были удостоены высоких званий и наград. Немало евреев были патриотами своей Родины и отважно сражались на фронтах войны. Я, как авиационный инженер, могу утверждать, что в авиации было немало евреев-тружеников, конструкторов, создававших непревзойденные образцы авиационной техники. Достаточно сказать, что и у Королева одним из его выдающихся сподвижников был С. А. Косберг, который позднее создал ракетную ступень, доставившую Юрия Гагарина в космос.

Сталин ценил людей и воздавал им должное, невзирая на национальную принадлежность.

ВОПРОС. Г. К. Жуков свидетельствует: «Сталину нельзя было отказать ни в уме, ни в здравом смысле, ни в понимании обстановки. Большинство его приказаний и распоряжений было правильными и справедливыми. В стратегических вопросах Сталин разбирался с самого начала войны. Стратегия была близка к его привычной сфере — политике». В чем отличие, на Ваш взгляд, политика-Сталина от политика-Горбачева?

ОТВЕТ. Что вам сказать на это? Вот — поразмышляйте сами. Сталин в 1929 году закрыл последнюю в России биржу труда. Сейчас биржа труда открывается. Планируется довести число безработных до 40 миллионов. Спустя два года после войны Сталин отменил карточную систему, а сейчас, спустя 45 лет после Победы, вводится карточная система, страна садится на голодный паек.

Сталин ликвидировал фракционность в партии, сделал ее монолитнее, ближе к народу. Ныне разрешена многопартийность, а между партией и народом возникает разрыв. Наркомы при Сталине — это выходцы из рабочих и крестьян. Сейчас — выходцы из партаппарата. При Сталине были ликвидированы групповщина, келейность, кумовство в партии. А нынче что?

При Сталине шла борьба партии с бюрократизмом — детищем Троцкого. А сегодня бюрократизм борется с партией. При Сталине создан Союз, в крепости которого достаточно наглядно убедился Гитлер. А теперь Союз разрушается, распадается на куски...

Сталин — это эпоха. Эпоха борьбы и побед, эпоха укрепления государства, эпоха улучшения жизни трудящихся. Сегодня трудящиеся утрачивают былые социальные завоевания, теряют право на труд, на бесплатные медицинскую помощь и образование. Народ, при всех трудностях, жил с верой в справедливость, а сегодня люди видят несправедливость и верят... в мафию.

Понимает ли М. С. Горбачев, какая опасность грозит стране, видит ли эту опасность — я не знаю.

ВОПРОС. Может быть, спросить об этом советских сионистов?

ОТВЕТ. Лучше спросить об этом А. Н. Яковлева. Ведь это он утверждал, что сионизм имеет право на существование. История, правда, учит другому. Тому, в частности, что Россия и сионизм несовместимы.

ВОПРОС. Неужели в эпохе М. С. Горбачева Вы не находите ничего, что оправдывало бы хоть как-то нынешние беды и трудности?

ОТВЕТ. Я думаю, в начале перестройки он искренне желал перемен к лучшему. Может быть, он и теперь стремится к ним. Но короля, как известно, играет его окружение. Кстати, в разные периоды истории у И. В. Сталина окружение тоже было разное. Плохо, что почти у всех «фигур» из окружения Горбачева — сомнительная репутация. С такой командой далеко не уедешь.

ВОПРОС. А как бы Вы суммировали все сказанное Вами о Сталине?

ОТВЕТ. Намекаете, что Сталина надо идеализировать? Не надо. Но он заслужил к себе гораздо более уважительное отношение потомков; по крайней мере, он имеет гораздо больше права на понимание, чем на презрение. Не надо его отделять от того жестокого времени, в котором он жил. В Германии — Гитлер, в Италии — Муссолини, в Испании — Франко и т. д. А в России должен был быть «демократ» Сталин? Сталина не надо защищать, за него говорят его дела: при нем, а не при Троцком, Россия стала державой.

Я же — внук Сталина и буду гордиться им. И детям это завещаю.

ВОПРОС. Чем Вы собираетесь заниматься после увольнения из армии?

ОТВЕТ. Не знаю. Возможно, поеду к сыновьям в Тбилиси. А там посмотрю.

Литературная критика

Наталья ПРИМОЧКИНА

ТРАГИЧЕСКАЯ ОШИБКА ГОРЬКОГО

Вопрос об отношении М. Горького к русскому крестьянству в наши дни приобретает особую актуальность и остроту.

В период после поражения революции 1905—1907 годов русский народ представал в творчестве Горького в образе «народа-богоносца», массы, концентрирующей в себе коллективную духовную энергию. Так, в статье «Разрушение личности» писатель утверждал: «Народ — не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры».

Постепенно, однако, Горький разочаровывается в своих «богостроительских» идеях, под влиянием многочисленных фактов действительности начинает видеть в народе не только и не столько его могучий творческий потенциал, сколько социальную пассивность и духовную косность, стихийность и анархизм, темноту и невежество. Сложное, диалектически-противоречивое отношение к народному характеру продемонстрировал писатель в замечательном цикле рассказов «По Руси», где наряду с оптимистическим утверждением необычайной талантливости и духовной мощи русского народа изобразил страшные в своей косности и темноте, хитрости и жестокости типы «простых» людей.

События февральской и в особенности последовавшей за ней Октябрьской революции еще больше усилили недоверие Горького к народу, к русскому крестьянству. Итогом мучительных размышлений писателя в 1917—1921 годах о судьбе родного народа и его роли в революции явилась брошюра «О русском крестьянстве» (1922). Бросая тяжкие обвинения русскому крестьянину в якобы присущей ему особой жестокости, в лени и пассивности, равнодушии к творческим началам жизни, Горький, правда, с самого начала оговаривался, что не настаивает на полной объективности своих оценок и будет даже рад, если окажется, что он ошибался: «Мнение не есть суждение, и если мои мнения окажутся ошибочными, — это меня не огорчит». Категоричность оценок и суждений смягчалась и тем, что он не считал вышена-

званные отрицательные черты русского народного характера врожденными, данными ему от природы на веки веков, а пытался объяснить их происхождение нечеловечески тяжелыми условиями жизни народа, его мучительной и трагической историей.

Трудно согласиться с недифференцированным отношением Горького ко всему русскому крестьянству как классу-собственнику, с противопоставлением его рабочим и интеллигенции. Писателю казалось, что крестьянство, составлявшее к началу революции 82 процента всего населения страны, погубит революцию, обратит ее в свою «пользу», извратит ее социалистические, святые для него идеалы. «Теперь можно с уверенностью сказать, — писал он в 1922 году, — что ценою гибели интеллигенции и рабочего класса русское крестьянство ожило».

Горький был глубоко несправедлив, обвиняя деревню в том, что она «наживается» на голоде городских жителей. «В 1919 году, — писал он в заметках «О русском крестьянстве», — милейший деревенский житель спокойно разул, раздел и вообще обобрал горожанина, выменивая у него на хлеб и картофель все, что нужно и не нужно деревне». Понимая, что голод в значительной степени был вызван проводимой большевиками политикой национализации земли и продразверсткой, Горький осуждал не политику вождей, а «несознательных» русских крестьян, не желавших безвозмездно отдать политый потом хлеб.

Кроме того, деревня в годы революции и гражданской войны голодала и бедствовала не меньше, чем город. От голода 1921 года пострадало и физически погибло прежде всего крестьянское население страны. Ярким свидетельством тяжелого положения деревни может служить одно из писем Н. Клюева В. Миролюбову. В 1920 году он писал из Вытегры: «...живу я, как у собаки в пасти... Как зиму переживу, один Бог знает. Солома да вода, нет ни сапог, ни рубахи. На деньги в наших краях спички горелой не купишь... Вы упоминаете про масло, но коровы давно съедены, молока иногда в целой деревне не найти младенцу в рожок...»

Многочисленные факты большевистского террора по отношению к деревне приводятся в письмах крестьян лидеру партии левых эсеров Марии Спиридоновой, в лице которой они пытались найти защиту от утеснения местных «комбедов» и отрядов «продармии». Выдержки из этих писем Спиридонова привела осенью 1918 года в открытом письме в ЦК партии большевиков. Вот лишь некоторые из них. «По приближении отряда большевиков надевали все рубашки и даже женские кофты на себя, дабы предотвратить боль на теле, но красноармейцы так наловчились, что сразу две рубашки вшизывались в тело мужика-труженика. Отмачивали потом в бане или просто в пруду, некоторые по несколько недель не ложились на спину. Взяли у нас все дочиста, у баб всю одежду и холсты, у мужиков — пиджаки, часы и обувь, а про хлеб нечего и говорить...» «В комитеты бедноты идут кулаки и самое хулиганье. Катаются на наших лошадях, приказывают по очереди в каждой избе готовить обед, отбирают деньги, делят меж собой..., приказали отнимать скот у мужиков. У кого в семье меньше 4 человек, у тех последнюю корову отобрать. За овцу 15 руб. налог. Крестьяне режут скот. Через год разорение будет окончательное и непоправимое. Деревня без скота — гиблая».

Недооценка крестьянства, отношение к частной собственности как самому страшному греху — источнику всех человеческих по-

роков — все это сближало Горького с революционерами-радикалами, большевиками и меньшевиками. В этом вопросе он был даже радикальнее В. И. Ленина, видевшего в беднейшем крестьянстве союзника и наперекор большинству руководства страны доказывавшего необходимость введения нэпа.

После отъезда Горького в 1921 году за границу до него, конечно же, доходили сведения из России о нэпе, об изменениях в связи с этим в жизни крестьянства. Но часто там, где другие писатели видели признаки возрождения страны, ростки обновления, восстановления нормальной человеческой жизни, Горький обнаруживал опасность для социалистических завоеваний революции.

Показателен в этом плане спор Горького с К. Фединым. Федин, проживший лето 1925 года в российской глуши, счел необходимым оспорить мнение Горького о русском крестьянстве и его творческих возможностях. «Вас, дорогой Алексей Максимович, — писал он, — я часто вспоминал именно у мужиков, с мужиками, по контрасту ли с Вашими образами, по тому ли, что Вы какой-то стороной суждений Ваших о крестьянине очень правы, а тут же, в правоте этой как-то и ошибаетесь. Мне кажется, что будущая-то культура обопрется именно на крестьянина, а никак не на его понукальщиков. Ведь все упорство, с каким мужик держится за старое, — не от порочных качеств его, а оттого, что с нас — понукальщиков — *нечего* взять, и это он видит на деле. А время не ждет, и опыт сохи с бороной — опыт верный, надежный, круговорот хозяйства (по старинке!) не обманет, только поспешай поворачиваться. И мужик поворачивается! Поворачивается *ровно настолько*, чтобы на третий год после гражданской войны и голода вся страна позабыла и о войне, и о голоде. Пресловутая крестьянская «темнота», «косность» и пр. — жалкие слова. Преимущество молотилки перед цепом мужику более очевидно, чем Наркомзему. Да дело-то тут кое в чем другом: мужики-то для нас — заграница, и понукание наше — простое незнанье грамоты, непониманье основ культуры, давно имеющейся и почти окостеневшей вследствие постоянного *противодействия* понукальщикам. Дать возможность *и время* свободно развиться этой культуре — значит сделать все, что требуется разумом». Горький немедленно отреагировал на фединскую «философию о крестьянстве». «Нет ли здесь ошибки у Вас? — спрашивал писатель в ответном письме. — Ведь «понукающие» несут в жизнь именно живую, новую истину, и поэтому они являются творцами культуры. Именно — они. Так всегда было и будет... Все мои симпатии на стороне «понукающих» и... мне органически враждебно постоянное противодействие мужика неотразимым требованиям истории». Здесь же Горький решительно причислял к «секте понукающих» и всякого «истинного художника».

Односторонность в подходе к личности и психологии «мужика» имела у Горького глубокие философские корни, проистекала из его представлений о природе и человеке, их взаимоотношениях в процессе мирового развития. Вот как писал он об этом 17 апреля 1926 года А. Воронскому в ответ на упрек, что он «слишком и несправедливо пристрастен к нашему «мужику»: «В древности глубокой возникло из грязи земной некое бесформенное и бессильное живое, затем оно, пересоздав себя в человека, преодолевает, постепенно и мучительно, все сопротивления всех слепых и бессмысленных сил космоса и... создает на своей земле... свою «вторую природу». Это художественное произведение — совершенно и чудесно. Озаглавлено оно — «Человек». Кроме этого чуда, иных чудес на земле не было, нет, не будет, а этому чуду расти тысячи веков. Отсюда явствует, что, разумеется, я не согласен с Вашим уравнением труда деревни с трудом города, я считаю его не только ошибочным, но и — вредным, особенно вредным у нас и в наши дни. И по сути своей, и по трудностям, и по результатам эти два вида работы — несравнимы. В одном случае затрачивается энергия чисто физическая, в другом — психофизическая. Крестьянин не создал рожь, пшеницу, овощи и все плоды земные, он их нашел и только собирает. Но двигатель Дизеля не существовал в природе, он создан воображением и разумом горожанина. Свекла найдена мужиком, но не мужик догадался добывать из нее сахар... Его каторжный труд облегчается не его волей, а волею тех, кто выдумывает жнейки, трактора и т. д. Одно дело поймать зайца, другое — электричество. Если б крестьянин исчез с его хлебом — горожанин научился бы добывать хлеб в лабораториях. Труд созидающий — революционен, труд собирающий — консервативен по существу своему».

Авторитет знаменитого писателя, конечно же, влиял на общественное мнение, на отношение критики к крестьянским писателям. Отрицательно сказывался он и на изображении современной деревни многими литераторами, которые издавна привыкли с восторгом и трепетом внимать советам своего учителя. Со всей бескомпромиссностью следует признать, что позиция Горького по отношению к крестьянству на рубеже 20-х — 30-х годов, выразившаяся в его многочисленных статьях, выступлениях, письмах, работе над рукописями молодых авторов, не противодействовала развороту трагических событий в стране, не препятствовала созданию общественной атмосферы, в которой стало возможным проведение всеобщей коллективизации и раскулачивания деревни (мероприятий, обернувшихся высылкой миллионов крестьян, гибелью тысяч неповинных людей, разрушением сельского хозяйства, неоправданными лишениями и голодом всего населения).

Мало того, именно коренная ломка основ деревенской жизни, проводимая большевиками, окончательно примирила с ними Горького, заставила его поверить в «подлинно социалистический характер» Октябрьской революции. В самый разгар трагических событий в деревне писатель обращается к Сталину с письмом, в котором оказывает идейную поддержку его политике, указывает на великий социальный и философский смысл проводимых преобразований. «...После того, — писал Горький 8 января 1930 года, — как партия столь решительно ставит деревню на рельсы коллективизма — социальная революция принимает подлинно социалистический характер. Это — переворот почти геологический и это больше, неизмеримо больше и глубже всего, что было сделано партией. Уничтожается строй жизни, существовавший тысячелетия, строй, который создал человека крайне уродливо своеобразного и способного ужаснуть своим животным консерватизмом, своим инстинктом собственника. Таких людей — два десятка миллионов. Задача перевоспитать их в кратчайший срок — безумнейшая задача. И, однако, вот она практически решается.

Вполне естественно, что многие из миллионов впадают в неис-

товое безумие уже по-настоящему. Они даже и не понимают всей глубины происходящего переворота, но они инстинктивно, до костей чувствуют, что начинается разрушение самой глубочайшей основы их многовековой жизни. Разрушенную церковь можно построить вновь, и снова посадить в нее любого бога, но когда из-под ног уходит земля, это непоправимо и навсегда».

Что ж, диагноз смертельно раненному телу и духу народа поставлен довольно точно. Видно, что Горький-доктор хорошо понимает причины страдания больного, верно описывает непоправимые последствия содеянного. Только вот скорби нет в этой записи, а есть откровенная радость, потому что «доктор» уверен, что после периода агонии смертельно больной должен возродиться как бы заново, предстать в облике, более приемлемом для писателя и его единомышленников. Однако сказку о мгновенном чудесном превращении Ивана-дурака в прекрасного царевича сделать былью не удалось. Утопичность этой, по словам Горького, «безумнейшей задачи» сейчас вполне очевидна.

* * *

Горьковская концепция литературы о крестьянстве начала складываться задолго до революции. Достаточно четко она была изложена в 1909 году в лекциях для слушателей Каприйской школы. В литературе XIX века о «мужике» писатель выделял два различных направления. Первое, представленное именами Тургенева, Григоровича, Л. Толстого, характеризовалось «прикрашенным» изображением народного характера как «воплощения кротости, терпения, прочих христианских качеств». Однако, по глубокому убеждению Горького, тип русского мужика, воплощенный в образе толстовского Платона Каратаева, не исчерпывал всей сложности и разнообразия народного характера с присущими ему чертами социальной ненависти и бунтарства, духовной косности и жадности, пьянства и воровства — чертами, возникшими под гнетом «векового рабства».

Разделяя русскую и советскую литературу о крестьянстве на два русла, писатель, как правило, был на стороне трезво-беспощадного, сурового изображения деревни. Еще в дореволюционные годы он начал покровительствовать писателям-крестьянам именно этого направления, в острой общественно-политической и литературной борьбе того времени считал их «своими», вступил со многими из них уже тогда в дружеские отношения. Мрачное, критическое изображение деревни «писателями-мужиками», изнутри познавшими ее быт и психологию, несомненно, больше импонировало Горькому, так как подтверждало его собственный «неласковый» взгляд на русское крестьянство, утверждало его в своей правоте. Подобный взгляд сохранялся у писателя до конца жизни. Так, например, на листке из блокнота он записал в начале 30-х годов: «С. Подъячев, Вольнов более кр[естьянские] писатели, чем Клычков, Клюев, Есенин и т. д. этого ряда».

Скептическое отношение Горького к «избяным» поэтам подтверждается его собственными неоднократными свидетельствами. Так, еще в 1913 году он писал начинающему поэту Ю. Зубовскому по поводу ранних стихов Клюева: «Отнюдь не думайте, что, например, Клюев — поэт. Нет еще, он не поэт, а позер. Он даровит, но не серьезный парень». Сходные оценки писатель да-

вал и в письмах Д. Семеновскому. В ответ на признание поэта, что его привлекают к себе стихи Клычкова, Горький писал: «...что Вам нравятся стихи Клычкова, Клюева и подобных им, — людей весьма даровитых, но мало серьезных и еще не поэтов — это плохо, простите меня! Очень плохо... Все это Вам не нужно. Все это — дрянь, модная ветошь, утрированный лубок и даже языкоблудие... Если Вы пойдете за Клычковыми — Вы не будете поэтом».

Хотя каждый из поэтов обладал своей оригинальной манерой, в то время Горький еще не осознавал существенной разницы между ними. Клюев, Клычков и Есенин были одинаково чужды ему, их поведение казалось ему нарочитым актерничаньем, игрой на публику.

После отъезда Горького в конце 1921 года за границу начинается новый период в его творчестве. После почти пятилетнего перерыва, вновь приступая к литературной работе, находясь в постоянном напряженном поиске новых форм, соответствующих круто изменившимся условиям бытия, писатель более внимательно присматривается теперь к художникам-современникам, в том числе и к той «ветви» крестьянских писателей, которая прежде им недооценивалась. Теперь Горького привлекают именно те черты их творчества, в которых ранее он видел лишь позу и манерничанье: глубокое знание древнерусской книжности и религиозно-обрядовых народных традиций, несомненные достижения в поисках яркого, образного, поэтического слова. 16 июня 1924 года он писал И. Каллиникову: «...северяне писатели Чапыгин, Клюев, Пришвин несравненно богаче Вас, лексикон у них обширнее и вкуснее, ярче». «Посуровев» в конце 20-х годов в отношении «новокрестьянской» философии, идеализации патриархальной деревни, Горький продолжал высоко ценить их владение богатствами народной речи, советовал молодым писателям учиться мастерству именно у них. Например, в письме 1927 года в Центральный совет крестьянских писателей он рекомендовал «отказаться от прославления Сурикова» и заняться изучением литературной техники «великих мастеров стиха» и творчества «таких поэтов-крестьян, как Есенин, Клычков, Семеновский и т. д.».

В начале 20-х годов, в период тяжелых настроений и мрачных предчувствий будущих катастроф, ждущих его страну и народ, возможно, творчество крестьянских писателей и поэтов внушало Горькому надежды на скорое возрождение, было отрадным свидетельством неиссякаемости творческих сил народа.

В это время Горький внимательно прочитал поэму Клюева «Мать — Суббота» (1922). Несмотря на явную религиозно-мистическую основу произведения, писателя тронул этот гимн крестьянскому труду и земному плодородию. Особенно ему понравилась первая строка поэмы — «Ангел простых человеческих дел», и он часто цитировал ее в письмах того времени. Высоко оценил Горький и поэму Клюева «Плач о Сергее Есенине». Книга, хранящаяся в его личной библиотеке, содержит многочисленные пометы, свидетельствующие о большом интересе к личности Есенина и трактовке его образа Клюевым.

Внимательно следил писатель и за развитием таланта Клычкова, крестьянского поэта, в 20-е годы написавшего одну за другой три оригинальные прозаические книги: «Сахарный немец», «Чер-

тухинский балакирь» и «Князь мира». Все три романа также имелись в горьковской библиотеке.

Горькому по-человечески импонировало «еретичество» Клычкова, в условиях диктатуры пролетарской идеологии отстаивавшего право писать о своем по-своему, прославлять душу народную, поэтизировать чистые ее родники. «Мне кажется, — проницательно замечал Горький в письме Клычкову от 31 марта 1925 года, — я знаю, чего это стоит вам, и скажу прямо: меня радует, что вопреки всему русский писатель остается тем же самым и независимым духовно, каким он был... Здесь никто не понимает, как трудна ваша жизнь и в какой героической позиции стоите вы. Говоря «вы», я, разумеется, исключаю ряд людей, которые пишут не то, что могли бы, а лишь о том, что им приказано».

Интересно, кстати, отметить, что приведенный отрывок был пропущен при первой публикации этого письма в СССР («Литературное обозрение», 1987, № 5), что значительно обеднило и частично исказило его смысл. Злополучная купюра была восстановлена и опубликована С. И. Субботиным в «Новом мире» (1989, № 9). Полный же текст письма — подлинный автограф Горького — хранится в его архиве в Москве.

Разлад между Горьким — идеологом, политиком и Горьким — человеком, художником, разрыв между чувством и долгом, сердцем и разумом — частично объясняет его неоднозначно-противоречивое отношение к новокрестьянским поэтам, и в частности к Клычкову. В глубине души — восхищение талантливостью этого русского самородка, любование миром его фантастических и мифологических образов, ярким, узорчатым, исконно русским языком. С другой стороны, сознание «вредности» философии этого писателя, идеализация им старой деревни. Одно дело — личные, часто глубоко запрятанные и поверяемые только духовно близким людям (например, М. Пришвину) — пристрастия и симпатии, другое дело — соображения общественной «пользы», «социальная педагогика» и литературная политика.

Думается, исходя именно из этих соображений общественного долга Горький в письме Н. Бухарину от 13 июля 1925 года отрицательно оценивает роман «Сахарный немец», а заодно дает советы одному из руководителей государства по проведению литературной политики в отношении к писателям-крестьянам: «Резолюция ЦК «О политике партии в области художественной литературы» — превосходная и мудрая вещь, дорогой Николай Иванович! Нет сомнения, что этот умный подзатыльник сильно толкнет вперед наше словесное искусство...

Очень хорошо, что «Прожектор»... издает рассказы Романова о деревне *. Это — весьма хорошие рассказы, особенно если противопоставить их возрождающемуся сентиментализму народничества, столь ярко выраженному в «Сахарном немце» поэта Клычкова и в гекзаметрах Радимова «Деревня» **. Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-*крестьян* и что здесь возможен, — даже, пожалуй, неизбежен, конфликт двух «направлений». Всякая цензура тут была бы лишь

* Речь идет о сборнике рассказов П. Романова «Крепкий народ», изданном в 1925 г. в серии «Библиотека «Прожектор», № 3.

** Радимов П. Деревня. Стихи и живопись. 2-е изд. М., 1924.

вредна и лишь заострила бы идеологию мужикопоклонников и деревнелюбов, но критика — и нещадная — этой идеологии должна быть дана теперь же».

Столь разные оценки одного и того же произведения в письмах Горького Клычкову и Бухарину свидетельствуют, на наш взгляд, о постепенном созревании в сознании писателя мысли о допустимости существования двойной морали — морали для «личного пользования» и морали официальной, публичной.

В архиве Горького в Москве хранится одно весьма любопытное и до сих пор не публиковавшееся письмо Клычкова, проливающее дополнительный свет на его взаимоотношения с пролетарским писателем. Письмо по содержанию можно предположительно датировать 1925 годом:

«Уважаемый и дорогой Алексей Максимович!

Очень Вас благодарю за заступничество. Местный исполком пока что распорядился меня не трогать впредь до разрешения вопроса обо мне Троцким. Они оказались очень славными парнями. Что касается до Троцкого, то я готов принять какое угодно наказание, лишь бы только оно не касалось никого, кроме меня лично (секретарь Склянского * говорил мне о реквизиции имущества отца и братьев). Принести горе другим мне тяжело — а иначе сделать не могу. Помогите мне, Алексей Максимович!

Сергей Клычков.

N. B. Прошу у Вас разрешения посвятить Вам прилагаемые здесь стихи.

С. К.».

Хотя нам не известны конкретные причины обращения Клычкова за помощью к Горькому, отраженная в письме ситуация в главных чертах ясна. Адресат Клычкова предстает в нем как смелый и добрый заступник за всякого притесняемого властями художника, независимо от идейных и творческих позиций последнего. Как видно из текста письма, не испугало Горького даже участие в этом деле тогда еще могущественного Троцкого. Вероятно, заступничество писателя имело положительный результат, так как Клычков в то время никаким репрессиям подвергнут не был (вспомним по контрасту о судьбе расстрелянного в том же 1925 году крестьянского поэта А. Ганина).

Новокрестьянские поэты уже в 20-е годы трагически оценивали наступление «железного» города с его индустриальной техникой на хрупкий, живой, патриархальный мир деревни. Эти настроения были достаточно отчетливо выражены в некоторых стихотворениях Есенина, в частности, в знаменитых строках про жеребенка из поэмы «Сорокоуст»:

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну, куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

Так же воспринимал вторжение города в мир деревни, техники в мир природы Клюев. В поэме «Деревня» (1927), вызвавшей резкие нападки советской критики, появление трактора на селе уподоблено вражескому нашествию, при виде его вся природа приходит в трепет, березки и елки обращаются в бегство, как от страшного чудовища, предпочитая «утопиться в окуньей гати».

* Э. М. Склянский (1892—1925) — заместитель председателя Реввоенсовета республики Л. Б. Троцкого.

О гибели живой природы и живой человеческой души под напором городской цивилизации пророчествовал и Клычков в своих романах. На одном из таких пророчеств остановил свое внимание Горький. В экземпляре «Чертухинского балакиря», хранящемся в его личной библиотеке, им отчеркнуто на полях следующее место: «Не за горами пора, когда человек в лесу всех зверей передушит, из рек выморит рыбу, в воздухе птиц переловит и все деревья... подрежет пилой-верезгой. Тогда-то железный черт... привертит человеку на место души какую-нибудь шестерню или гайку с машины, потому что черт в духовных делах — порядочный слесарь. С этой-то гайкой заместо души человек, сам того не замечая и ничуть не тужа, будет жить и жить до скончания века!..»

Пророчества Клычкова сбываются в наше время. В результате безграмотной и безнравственной хозяйственной деятельности человека не только гибнет живая природа и все увеличивается количество экологических катастроф, но и происходит сопутствующая им духовная деградация личности. Однако Горькому, видевшему единственный путь для русского народа в приобщении к городской цивилизации, в освобождении от «рабской зависимости от природы», подобные предостережения были, несомненно, чужды. С явным неодобрением подчеркнул писатель-человекопоклонник и такие высказывания из «Чертухинского балакиря» (выделено курсивом): *«Черт и человек* не мешают друг другу, потому *оба живут во уничтожение мира и жизни»* и *«все в мире человека боится»*.

Идейные взгляды новокрестьянских поэтов, их «философия деревни» были, можно без преувеличения сказать, прямо противоположны горьковским. Писатель еще в 1923 году провозгласил, что «косность деревни может быть побеждена только крупной промышленностью. Нужно создать чудовищное количество сельскохозяйственных машин, — только они убедят мужика, что собственность — цепь, которой он скован, что она духовно невыгодна ему, что неразумный труд — не продуктивен и что только дисциплинированный наукой, облагороженный искусством разум может явиться честным вожаком по пути к свободе и счастью». Практика показала, что «чудовищное количество сельскохозяйственных машин», выпускаемых нашей промышленностью, и через 70 лет не смогло решить проблем деревни и обеспечения страны продовольствием. Недооценка специфики русской деревенской жизни, свойственная не только Горькому, но и почти всем вершителям народных судеб послереволюционного времени, привела к разрушению не только многовекового хозяйственного уклада, но и к разрушению нравственных основ духовной жизни народа.

Крестьянские писатели, не порывавшие связей с деревней, не могли не видеть этого разрушения. Они прозревали в надвигающихся событиях неизбежную гибель деревни. Клычков, например, писал в эти годы: «В пророчествах говорится о медном небе и железной земле — не имели ли пророки в виду индустриализацию?» Клюев пропел «отходную» по деревне в поэме «Погорельщина». В те годы у этих писателей не было будущего. Их правда о русском народе была услышана лишь через 50 лет, когда стала очевидной утопичность лозунгов о полном слиянии деревни с городом, о превращении первой в систему образцовых «коммун».

Данный в письме Горького Бухарину совет подвергнуть «нещадной критике» писателей-«деревнелюбов» вскоре стал успешно осуществляться в советской печати. Причем, по остроумному замечанию С. И. Субботина о «методах» подобной критики, «практически сразу «умные подзатыльники» (М. Горький) сменились в полемике ударами «по загорбу... поленом» (С. Клычков)» *. В соответствии с популярным идеологическим лозунгом времени об усилении классовой борьбы в процессе строительства социализма классовый подход был применен и к крестьянской литературе. К концу 20-х годов все крестьянские писатели были разделены, как провозглашалось в резолюции, принятой на I Всероссийском съезде крестьянских писателей, на «подлинно крестьянских», «которые решительно и безоговорочно становятся в классовой борьбе на сторону пролетариата», и «реакционно-крестьянских», «кулацко-крестьянских». Нетрудно догадаться, что Клюев, Клычков, Есенин и другие поэты их круга попадали в разряд «кулацких» и «реакционных».

Политическим и идейным ориентиром для критических выступлений против «кулацких» писателей послужила статья Н. Бухарина «Злые заметки», опубликованная в «Правде» 12 январи 1927 года. М. Пришвин писал Горькому, что эта «хулиганская статья о Есенине» вызвала у него «горечь, и возмущение, и унижение». Однако Горький, которого больно «ушибла» преждевременная смерть этого, по его собственным словам, «великого русского поэта», на сей раз счел нужным промолчать, никак не отреагировал на эту часть письма адресата, ни словом не обмолвился о своем отношении к «хулиганской» статье. Это и понятно. Ведь Горький в какой-то мере сам являлся вдохновителем «хорошего человека» и «чудесного товарища» Бухарина на борьбу против вредной «есенинщины». В уже упоминавшемся письме Бухарину от 13 июля 1925 года он недвусмысленно определил свою хотя и неоднозначную, но достаточно твердую позицию по отношению к поэту и его творчеству: «Талантливый, трогательный плач Есенина о деревенском рае — не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима». И тут же Горький противопоставляя Есенину рабочего поэта В. Казина и «городского» Н. Тихонова, возлагая именно на них свои надежды в решении задач поэтического освоения новой действительности.

Вопрос об отношении Горького к чрезвычайно высоко им ценимому «изумительному рязанскому поэту» достаточно сложен и неоднозначен. Не берясь за его изучение во всем объеме и деталях, позволим себе высказать лишь несколько попутных замечаний.

Современный критик В. Бушин справедливо указывает, что отношение Горького к Есенину ни в коем случае нельзя отождествлять с тем, что высказано в грубой и действительно «злой» статье Бухарина **. Однако утверждение критика о том, что очерк Горького «Есенин», «пронизанный такою болью за его судьбу и таким восхищением его поэзией», «появился не случайно», а как «сознательный и намеренный ответ на «Злые заметки», — явная передержка фактов, несмотря на благородное же-

---

* Новый мир, 1989, № 9, с. 194—195.
** Литературное обозрение, 1990, № 8.

ление автора во что бы то ни стало «оправдать» Горького. Думается, писатель такого величия и драматизма судьбы, как Горький, не нуждается ни в наших обвинениях против него, ни в оправдании. Нам важно непредвзятое, основанное на строгом следовании фактам **объяснение** его поступков и убеждений. Ведь очерк был написан по просьбе вдовы поэта С. А. Толстой и отослан ей 3 декабря 1926 года, то есть более чем **за месяц до выхода в свет** «Злых заметок». Столь же неправомерной кажется нам ирония Бушина по поводу «инструкции», якобы данной Горьким в вышеприведенном письме Бухарину. Разумеется, это не «инструкция», но именно «письмо-совет» мудрого старшего товарища, к мнению которого прислушивались. Подобные советы писатель, как это видно из его писем Сталину, позволял себе давать даже самому «Хозяину».

Среди многочисленных откликов на смерть Есенина Горький особо выделил статью Л. Троцкого. 17 февраля 1926 года он писал критику Д. Лухотину: «Читали Вы статью Троцкого об Есенине? Самое лучшее, что написано о нем. Никто из товарищей его не сумел написать так хорошо». Через два месяца Горький вновь обращается к отзыву Троцкого. «Кто редактирует Есенина? — спрашивал писатель А. Воронского. — Отвратительно написал о нем Ходасевич *. Лучше всех Троцкий».

Приведенные здесь отрывки из писем Горького ранее не публиковались, на их месте зияли купюры. Между тем столь высокая оценка писателем статьи Троцкого требует, видимо, своего осмысления.

Горький, как и Троцкий, считал гибель Есенина исторически закономерной и неизбежной, объяснял ее «несвоевременным» появлением «певца полей» в жестокую эпоху революционного переустройства всех основ российской жизни, видел в драме поэта отражение трагического конфликта между городом и деревней, пролетариатом и крестьянством. В 1932 году на встрече с писателями-ударниками он так объяснял трагизм судьбы Есенина: «Крестьянский поэт, тот самый глиняный горшок, который, столкнувшись с железной посудой — с городом, должен был об него разбиться. Это драма не одного Есенина, а всех настоящих, кондовых, инстинктивных, биологических, крестьянских поэтов».

Замечание Горького о трагической участи, подстерегающей вслед за Есениным и других крестьянских поэтов, оказалось пророческим. В 1937—1938 годах были расстреляны все поэты есенинского круга: Н. Клюев, С. Клычков, И. Приблудный, П. Васильев, П. Орешин.

Трагическая судьба крестьянских поэтов была предопределена всей роковой деятельностью революционно настроенной интеллигенции, партийного и государственного руководства, видевших возможности строительства новой жизни только на путях раскрестьянивания страны. Позиция Горького, несмотря на все существенные отличия, в главном совпадала с этой магистральной линией.

●

* Имеется в виду статья В. Ходасевича «Есенин», напечатанная в эмигрантском журнале «Современные записки». 1926, т. 27.

Трибуна публициста

Евгений ОВАНЕСЯН

ЛЮБОВЬ НА «РЫНКЕ СЕКСА»

«Утрата массовым сознанием отрицательного отношения к проституции создает опасную угрозу для морального потенциала общества...»
«Не пора ли нам легализовать проституцию?..»

(Из газет)

I

Ошеломительный прорыв отечественного секс-экспресса сквозь заслоны и тупики вековечного «российского ханжества» все же едва не захлебнулся в рудиментах морали между открыто разрешенной эротикой и невнятно запрещенной порнографией. Внешне, с точки зрения адептов сексуального просвещения, наверное, все обстояло превосходно: страну наводнили сотни эротических изданий, от самодельных «ксерокс-дайджестов» до вполне профессионально исполненных цветных бюллетеней; видеосалоны безостановочно гнали измочаленные порноленты; нагие красавицы еле успевали менять позы (благо, наряды менять не приходилось) перед многочисленными поставщиками немудреной фотопродукции; раскрепощенные мастера кино ломали головы над неведомыми даже «Камасутре» формами любовных утех...

Так что наш секс-экспресс вроде бы мчался не снижая скорости, и все так же либерально салютовали ему зеленые семафоры, — но... то был уже бег карусели, один и тот же замкнутый круг, имитация полета. Успешно начатая кампания развращения умов и душ на глазах превращалась в заурядный аттракцион, ускорение — в пробуксовку. Необходима была новая мощная инъекция, которая позволила бы обществу окончательно порвать с унылым рутинным мышлением.

Сенсационный митинг в защиту прав проституток, организованный так называемой либертарианской партией и состоявшийся в центре Москвы в октябре 1990 года, пожалуй, наглядно продемонстрировал эту новую ступень «демократизации» общественно-

го сознания. В воззвании либертариев содержался призыв покончить с вопиющей дискриминацией советских «жриц любви», из-за которой сама проституция «стала за 70 с лишним лет коммунистического правления символом антигуманности всей советской жизни».

Таким образом, легализация проститутции решительно выдвигалась в число самых животрепещущих проблем. Поистине головокружительная трансформация взгляда на это явление произошла у нас в минимально сжатые сроки!

Вспомним, что тема проституции вообще более пятидесяти лет кряду никак не отражалась в творениях наших мастеров пера, кисти и экрана. Со всей непреложностью было установлено, что к 30-м годам мы навсегда покончили с позорной язвой, унаследованной от царской России.

Но кто же не видел проституток на улицах и вокзалах, в парках и ресторанах?.. Видели, догадывались, знали, но, стыдливо отводя глаза, ублажали себя лапдринными картинками благостных нравов, которые безотказно поставлялись прессой, кинематографом и телевидением. Под гладким, слащаво-помпезным пейзажем «развитого социализма» уже бурлила раскаленная магма всех человеческих страстей и пороков.

Лишь когда взвыла сирена гласности и перестройки, правдолюбивые журналисты с перьями и телекамерами наперевес бросились на штурм социальных недугов. На читателей и зрителей, привыкших к благополучной информации, посыпались устрашающие факты, цифры и аргументы из давней и недавней истории, а лучезарное настоящее окрасилось в чернильные тона.

Одной из первых в поле зрения публицистов, как и следовало ожидать, попала проституция. Внезапно выяснилось, что она не только не исчезла, но и пустила глубокие корни. Не претендуя особо на выявление причин, отважные первопроходцы были единодушны в своем разоблачительном пафосе. Публиковались ужасающие подробности, свидетельствующие о массовом распространении проституции как ремесла, как способа существовании по всей стране. Описывались тяжелые судьбы: пьянство, увечья, неизлечимые болезни, тюрьмы, убийства, вовлечение в промысел малолеток и т. п.

Но как, на какой основе перейти от обличений к конкретным мерам по искоренению этого бесспорного зла? Оказалось, что все санкции, применяемые до сих пор (в глубокой тайне от общества) органами милиции в отношении проституток, просто-напросто смехотворны, ибо доказать сам факт торговли своим телом практически невозможно. Больше того, наказание по сути не предусмотрено Уголовным кодексом ни в одной из республик! Правда, в 1981 году была введена административная ответственность за занятия проституцией. Но, как считает начальник отдела Управлении профилактической службы ГУВД Москвы С. Маслов, «парадокс в том, что до сих пор в законодательстве не определено, не раскрыто само содержание такого вида проступков, нет их четкого юридического определения» (см.: «Правда», 5.8.1990).

Выходит, что проститутки могут жить вполне спокойно и в эпоху перестройки. Ну, разве что привлекут ненадолго за распивание спиртного в общественных местах, драку или употребление наркотиков...

Между тем вряд ли подлежит сомнению то, что проституция — явление, далеко не безобидное. Она теснейшим образом связана с бандитизмом, спекуляцией, наркоманией, валютными операциями; вокруг самих проституток, от вокзальных до валютных, неминуемо создается криминогенная атмосфера.

Помимо непосредственного социального и нравственного урона, наносимого обществу проституцией, существует и косвенное, но активное вовлечение в разлагающий бизнес широких слоев и групп населения. Сотрудники гостиниц и ресторанов, работники торговли, подпольные врачи, сутенеры, таксисты, занятые выгодным извозом и сводничеством («драйверы»), клиенты и покровители, хозяева нелегальных «домов свиданий» — вот далеко не полный круг коррумпированной «обслуги», без которой не обходится ни одна уважающая себя «гетера»...

Итак, первые перестроечные публикации однозначно выводили, что именно многолетнее замалчивание проблемы сыграло главную роль в распространении проституции и что борьба с нею крайне необходима, хотя едва ли осуществима на практике.

2

Однако не следует думать, что в прежние времена, при открытой постановке вопроса, искоренение проституции представлялось легкой задачей. Если мы бросим даже беглый взгляд на историю этого беспримерного единоборства морали и порока, то увидим, насколько живучим оказался последний, несмотря на все ухищрения.

Впрочем, на разных этапах отношение к проституции колебалось: от поощрения до полного неприятия. Как известно, «жрицы любви» весьма вольготно чувствовали себя в Древнем Египте, в Греции и Риме, особенно в императорский период. В средние же века положение изменилось: Карл Великий (с переменным успехом) проституток изгонял, а Филипп II Август, приравняв их к бродягам, установил за ними строгий контроль. Из репрессивных мер, применяемых все чаще, можно назвать позорные публичные наказания, ссылки в дальние провинции и заключение в смирительные дома. (Так что, если следовать логике наших либертариев, проституция может считаться символом антигуманности не только советской жизни, но и всей практически истории человечества...)

В XVII веке борьба с проститутками в Париже впервые облеклась в форму подчинения их ведению начальника полиции, что обеспечивало — или, по крайней мере, облегчало — полицейско-санитарный надзор. Это и было началом так называемой регламентации, введенной вскоре в большинстве европейских стран.

Но нас, разумеется, куда более интересуют дела российские. О проституции и борьбе с нею существовали до революции горы литературы: социологической, статистической, медицинской, не говоря о беллетристике. Отметим, что в России торговля своим телом всегда признавалась общественным злом, подлежащим искоренению. Еще в XVIII веке, например, это «непотребство» было запрещено императорскими указами, а за содержание тайных «домов разврата» налагалась жестокая кара.

Специальным циркуляром Министерства внутренних дел Гос-

сии от 26 октября 1851 года российским губернаторам предписывалось осуществление надзора за врачебным освидетельствованием проституток. В ряде крупных городов с этой целью были образованы врачебно-полицейские комитеты под председательством начальника полиции. В их состав входили правительственные врачи, а также член-распорядитель, который с помощью особых агентов-смотрителей вел розыски и регистрацию «женщин легкого поведения».

Как видим, внимание этому вопросу было уделено самое серьезное. Но достигнуты ли были какие-нибудь успехи? Многочисленные публикации русских газет и журналов конца XIX — начала XX века дают обширнейший материал для изучения проблемы, но не говорят о сколько-либо значительных результатах на пути к избавлению от проституции. По отчету Главного Врачебного Управления за 1912 год, в России было зарегистрировано 22 674 проститутки, а еще 13 с половиной тысяч женщин было задержано по подозрению в проституции.

Одной из главных причин, понуждавших к этому занятию, называлcя экономический фактор, а также низкий социальный и культурный уровень. Около 45 процентов проституток состояло ранее в прислуге, для которой контраст между роскошью и нищетой всегда был слишком очевиден. В 1913 году среди проституток, скажем, Нижегородской ярмарки (существует и такая статистика!) преобладали неграмотные — 71,2% и, опять-таки, ранее бывшие в услужении — 55,7%... Видимо, проституция казалась этим несчастным женщинам самым простым способом выкарабкаться из унизительной нищеты.

Заканчивая наш небольшой экскурс в историю, мы можем сделать вывод, что при полной ясности и открытости проблемы ни запреты, ни регламентация все же не избавили общество от этого явления. Что оставалось делать? Смириться с ним или искать новые пути?

3

Ответ на эти вопросы прозвучал уже в послеоктябрьские годы, когда искоренение проституции было решительно продолжено. Поиски форм избавления от нее достигли, можно сказать, апогея. Повсеместно читаемый «Женский журнал» печатал испепеляющие проституток стихи. Например, немецкого поэта В. Штейнбаха (1928, № 2):

Взоры их ощупью тянутся к золоту.
Чуя добычу, как звери усталые,
Скользят с каждым шагом все ближе к омуту.
Радости жизни их миновали,
Дни их — тягучие песни печали...

В финале картина совсем сгущается:

Они кружатся в пьяной свистопляске.
Их жизнь истоптана как старые ступени.
Руки их не знают материнской ласки.
Память их хранит цепь горьких унижений,
Где смерть надежд — последняя развязка.

Лозунгом дня становится: «ВСЕ на борьбу с этим ЗЛОМ». Проституция объявляется самым отвратительным пороком, который достался «нам в наследие от проклятого старого времени...».

Этот корявый, наивно-сокрушительный пафос может показаться сегодня нелепым, узкоклассовым или декларативным. Но честный диагноз болезни подкреплялся и весьма существенными способами лечения. Во многих городах существовали комиссии при секциях здравоохранения, создававшие фонды борьбы с проституцией; были организованы трудовые профилактории — учреждения полулечебного типа, куда поступали безработные женщины, больные заразными формами венерических болезней, в большинстве именно проститутки. После излечения они направлялись на различные производства. Система других мер главной задачей ставила профилактику проституции путем обеспечения женщин трудом (ремесленные и сельскохозяйственные артели) и жильем...

Но главное, что хотелось бы выделить в подходе к проблеме,— это попытка, и довольно активная, обратить внимание всего общества на ответственность м у ж ч и н. Уже одно это могло повернуть дело в нужном направлении, ибо предлагалось воспитать общественное мнение, «порицающее не только жертву, но, главным образом, потребителя проституции» («Женский журнал», 1928, № 6).

Действительно, можно ли рассматривать это явление односторонне, будто проститутка существует в вакууме? Как ни странно, в наше время этот важнейший вопрос фактически не прозвучал. Между тем известно, что если есть с п р о с, то рождается и п р е д л о ж е н и е.

«...Для потребителя проституции нет и не должно быть оправдания, — писал профессор В. Бронпер. — Все ссылки на физиологическую потребность организма в удовлетворении полового чувства критики не выдерживают... Нет оправдания спросу, против него должна быть начата борьба...» («Женский журнал», 1929, № 6).

Во всем этом, конечно, преобладал научно-материалистический подход, без опоры на духовное начало. А ведь маленький шаг оставался до признания того, что проблема упирается в безнравственность — очевидно, сначала мужчин, а затем и развращенных ими женщин.

Вытеснение любви эротикой, перевоплощение самой эротики в грубую прелюдию перед удовлетворением похоти, превращение величайшего таинства в материальный т о в а р, — вот суть и стимул проституции. Преградой здесь может служить только твердая, впитанная разумом и сердцем мораль. А иначе способен ли мужчина признать свое плотское вожделение низменным и постыдным?

Но каковы, с другой стороны, побудительные мотивы, толкающие женщин на этот путь? Только ли наличие спроса, только ли убогие жизненные условия? Ведь не секрет, что многие усматривают причины проституции не столько в нищете, сколько в распущенности и прочих дурных наклонностях.

Любопытно, что вопрос о врожденном предрасположении к проституции (криминально-антропологическая теория Ч. Ломброзо, получившая в России развитие в концепции профессора В. Тарновского) широко дебатировался еще в конце прошлого века. В. Тарновский, автор солидного труда «Проституция и аболицио-

пизм» (1888), полагал, что женщина, занимающаяся этим «промыслом», имеет к нему тяготение с одновременным отвращением к иным занятиям.

Большинство публицистов того времени склонялись к мысли, что такая постановка вопроса неправомерна, и на первое место выдвигались все-таки социально-экономические причины. Но так ли уж не прав был В. Тарновский? Ведь проституцией занимались и вполне сносно обеспеченные женщины. Сторонники экономической теории игнорировали нравственный аспект, а их преемники продолжают это делать, как мы увидим, и сегодня. Суть же в том, что торговля телом и вообще всем, что предназначено для любви, а не для механического платного удовлетворения чьей-то страсти, требует переступить какой-то непереступаемый для большинства порог.

Об этом говорилось и в упомянутой статье В. Броннера: «...Если бы все безработные женщины или хотя бы значительная часть их кидалась на путь проституции, нас захлестнули бы волны сотен тысяч проституток. Этого нет и не может быть, так как большинство безработных женщин предпочитает полуголодное существование позору торговли своим телом». В подтверждение этой мысли автор приводил характерный факт: когда в Курске в 1923 году на бирже труда среди женщин, долгие месяцы не имевших работы, была проведена анкета, в полученных 725 ответах только один говорил о занятии проституцией. «Лучше пулю в лоб», «лучше умереть с голоду» — таков был смысл остальных ответов.

4

Не странно ли, что в наше куда более благополучное время это ощущение **позора** от выставления себя на продажу отбрасывается с неимоверной легкостью? В какой-то степени это объяснимо и тем, что вместо ожидаемого развертывания, на основе нравственности, борьбы с проституцией налицо явный спад, угасание обличительных мотивов и, напротив, подведение все той же малоубедительной экономической базы под сущность явления. Но если раньше к проституции толкала подчас действительная нищета, то теперь — желание обладать красивыми модными вещами, валютой и т. п., почувствовать себя независимыми, вести «престижный» образ жизни...

Это ложное понимание **престижа** лишь как способа выделиться из среды за счет дорогой одежды, заграничных поездок, влиятельных связей и пр. стало внедряться еще на заре эпохи застоя. Тогда именно закружили по Москве «форды», «ситроены», «мерседесы» со столичными номерными знаками, тогда уже сколотился костяк партийно-государственной элиты, прибравшей к рукам все сферы деятельности общества, тогда уже определилась и субэлита из тех самых мастеров пера, кисти и экрана, которые в упор не видели сгущавшихся проблем, признаков грядущего кризиса, предпочитая заниматься не ассенизацией, а холуйством...

Именно их стараниями и была создана модель очаровательной женщины-пустышки, для которой всего важнее — быть элегантной и сексапильной. В соответствии с искусственно созданным, вненациональным типом «женщины-вамп» наши красавицы общесоюзного значения привыкали быть центром внимания лишь за счет «имиджа» эмансипированной, гордо-независимой и властной покорительницы мужских сердец. Ну а отсюда до проституции — один шаг, будь это девушки для эротических забав элитарных слоев или валютные «путаны». Собственно, тогда же, в 70-е, и замельтешили вокруг столичных и провинциальных «Националей» табунки предприимчивых красоток, согласных выполнить любые желания обладателей заветных символов западной жизни.

Теперь им уж под сорок и больше — все ли они живы, все ли самоутвердились?.. Получили ли ту независимость, о которой грезилось, когда они раскатывали по загородным ресторанам и виллам — с надменными лицами за стеклами непроницаемо-хищных лимузинов...

Как бы то ни было, порочную эстафету подхватывают все новые поколения «гетер». Усиленная «эротизация» общества, объективно поощряя массовый **спрос**, успешно культивирует и **предложение**. Вот, к примеру, обобщающе-рекламная картинка, предложенная в конце 1988 года журналом «Студенческий меридиан»: «Они красивы. Экстравагантны. Безупречное телосложение, яркие лица, умению одеваться, пользоваться косметикой можно позавидовать. Имеют как минимум среднее образование, часто — высшее... Венерическими заболеваниями не страдают. Держат этот «вопрос» на контроле... Зарабатывают так, что могут позволить себе всё. Наличными, в том числе — валютой».

Холеные респектабельные дамы! — как же далеко вы ушли от своих замурзанных, в жалком тряпье, испитых предшественниц!.. Так, может быть, действительно этот «ренессанс» нужно только приветствовать? Может быть, и в самом деле, по словам другого молодежного издания, «вообще не стоит ничего делать, хватит, как говорится, «гнать пену»? Пусть общество переболеет этой болезнью, как детской. Запретный плод сладок, и, только отведав его досыта, до тошноты, люди вновь вернутся к вечным, забытым ценностям чистоты, целомудрия, верности» («Комсомольская правда», 27.1.1989).

За этим сладкозвучным, вкрадчивым фарисейством, которое воспринимается как издевка (ведь и переболеем-то мы с помощью запретного плода, фигурально выражаясь, отнюдь не детской болезнью! Да и вернуться к забытым ценностям будет потруднее, чем даже теперь, пока еще не все больны!), — за всем этим кроется и упорное нежелание дать подлинную оценку самому явлению, и, что еще очевиднее, стремление загнать проблему в бесконтрольный тупик.

5

Пожалуй, тревожнее всего в этой ситуации то, что проституция исподволь, усилиями средств массовой информации, превращается из жалкого, позорного промысла в **обычную работу**, равноценный другим способ добывания хлеба насущного. И прежде всего тревогу вызывает постыдный, но как бы незамечаемый цинизм такой метаморфозы.

Летом 1989 года в рамках Московского кинофестиваля состоялся мини-фестиваль эротических фильмов. Не будем останавливаться на той сомнительной даже в профессиональном отношении продукции, показанной нашему ажиотированному зрителю ловкими предпринимателями из совместной американо-советской

фирмы «АСК», — скажем только о картине «Работающие девушки», ибо в ней повествуется как раз о проститутках. Действие происходит в небольшом, миленьком «доме свиданий». Обстоятельно, дотошно показана именно повседневная работа. В дом приходят гости, часто в обеденный перерыв, всего на десять-двадцать минут; есть постоянные посетители, попадаются и новички.

Все выглядит подчеркнуто буднично, никаких лишних эффектов: девушки являются на работу, как и в другие учреждения, готовятся к рабочему дню, затем появляются мужчины, перебрасываются двумя-тремя фразами с хозяйкой или работницами, выпивают бокал спиртного и поднимаются со своими избранницами в комнаты. Так же бесстрастно, даже суховато, показана технология разных вариантов услуг, в зависимости от прихоти клиентов. Кое-что можно проделать и за надбавку, не слишком, правда, большую...

Поднимающаяся откуда-то из глубины души волна отвращения ко всему происходящему на экране рождает на миг предположение, что авторы фильма задались обличительными целями: ведь обличать, как известно, не возбраняется и через тошноту. Но когда перед глазами крупным планом проплывает явно не пустой презерватив, чтобы живописно шмякнуться в урну, окончательно понимаешь, что это вовсе не фильм-протест. Напротив, перед нами самая откровенная реклама, с помощью которой авторы приучают нас к мысли, что труд в публичном доме — такой же, как и любой другой, пусть и иного профиля, что каждый волен зарабатывать на жизнь как сочтет нужным.

Подобная нивелировка сути проституции — оплаченного и доступного прелюбодеяния — и должна, разумеется, подготовить наше общество к открытию официальных публичных домов. В том же контексте следует рассматривать и публикацию рекордно-тиражными «Аргументами и фактами» такого обескураживающего письма: «Я занимаюсь индивидуальной трудовой деятельностью (проституцией). Какая пенсия предусмотрена для людей моей профессии?» (№ 16, 1990).

Даже не пытаясь дать этому заявлению какую-либо оценку, еженедельник плюралистически размышляет: поскольку результаты борьбы с проституцией «остаются весьма плачевными», не следует ли «обратиться к опыту других стран и открыть дома терпимости»?

В обсуждение злободневной темы вовлекается начальник Управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией МВД СССР, народный депутат РСФСР, доктор юридических наук А. Гуров, который предлагает отнестись с вниманием и к отечественному опыту. Впрочем, его одолевают сомнения: не выйдет ли так, что «дома терпимости начнут расти как грибы, засасывая в свой омут молодежь»?

Здесь-то, положим, опасения А. Гурова совершенно напрасны: какой же это «омут», если в столь любимой нами Франции каждый десятый мужчина потерял девственность с помощью проститутки? Чем же мы хуже французов? У них 33 процента мужчин доблестно посещают публичные дома или пользуются услугами «индивидуалок», — так неужели и нам не пора преодолеть свою косность? столкнуть наш секс-экспресс с заезженной колеи порнухи?..

Как бы устыдившись этой провинциальной недальновидности, депутат уточнит: вопрос об открытии у нас домов терпимости «требует всесторонней научной проработки». Вот это уже вселяет надежду! Теперь-то, пожалуй, мы можем быть почти уверены в том, что умные головы, обмозговав как следует все детали, непременно добьются открытия долгожданных домов с негасимыми красными фонарями!..

Но, пока этого не произошло, давайте обратимся, воспользовавшись советом А. Гурова, к отечественному опыту, а попутно наведем кое-какие полезные справки. Кто знает, может быть, эти сведения несколько охладят пыл радетелей узаконения проституции и гнездышек разврата?..

Дома терпимости появились в России к середине прошлого века, с введением регламентации (1843), имея целью, так сказать, упорядочить распутство. Они находились под надзором полиции, и предусматривалось, что их обитательницы также попадут в ведение врачебно-полицейских комитетов. Однако на деле все оказалось сложнее. Официальные отчеты «о состоянии народного здравия» вынуждены были подразделять женщин «легкого поведения» на поднадзорных (из домов терпимости и одиночек) и не состоящих на учете — их-то и задерживали по подозрению в проституции.

Сегодняшним «гетерам», настроенным в преддверии легализации довольно празднично, можно сообщить, что при регистрации у женщин отбирались документы (для облегчения надзора) и заменялись так называемым «желтым билетом», вкупе с санитарным, — это и было чем-то вроде «удостоверения» с фотографической карточкой.

Иными словами, все эти полицейско-медицинские процедуры были весьма и весьма унизительны и, мягко говоря, не слишком-то гуманны. Трудно сказать, собираются ли нынешние учредители домов терпимости ввести такие же драконовские меры, изыщут ли они другую систему учета, — но не мешает все-таки современным «жрицам любви» крепко призадуматься, прежде чем митинговать за регламентацию, отмененную «коммунистическим правлением» семь десятилетий назад.

Одним из «весомых» доводов в пользу открытия публичных домов является широко распространенный миф о медицинской «благонадежности», достигаемой якобы за счет строгого контроля. Иначе говоря, легализованная проститутка (в доме терпимости или в собственной квартире) будто бы гарантирует абсолютно безопасное удовольствие. При этом почему-то забывается, что осуществить контроль после каждого клиента практически невозможно, а, стало быть, какая же может быть гарантия?.. Если вспомнить отечественный опыт, то, заглянув хотя бы в 33-й том популярной энциклопедии Гранат, мы обнаружим печальную статистику: больных венерическими болезнями по отчету за 1912 год «среди женщин домов терпимости» было 46, а среди одиночек (тоже зарегистрированных) — почти 50 процентов. Для сравнения, среди «задержанных по подозрению» — около 30 процентов.

Вот вам и легализация! А ведь домов терпимости в России насчитывалось немало: к тому же 1912 году их число достигло 1044, а поднадзорных притонов и домов свиданий было 536. Добавим, что сифилисом страдало в среднем 40 процентов женщин, причем большинство заражались уже на первом году овладения «профессией»...

Да, не зря Российский Медицинский Совет неоднократно проектировал запретить публичные дома... Но, увы, уроки истории, видимо, не существуют для нынешних «проектантов», радеющих за возрождение этих «узаконенных очагов разврата», как именовались они в дореволюционной России.

Не без умысла, конечно, наша пресса столь охотно публикует и всевозможные пикантные новости из бывших стран социализма. Корреспонденты из Белграда, скажем, живописуют подвиги советских проституток на местном «рынке любви», умыкающих клиентов от законных «жриц» благодаря крайней дешевизне услуг... Коллеги по перу из Праги расписывают проекты создания «номеров у Влтавы»; схожая информация регулярно поступает и из других «деидеологизированных» стран.

Особенно замечательно выглядит пример Венгрии, где давно уже существуют не только порноиздания и «секс-шопы», но и самые натуральные публичные дома. Правда, именуются они пока «массаж-салонами», но, как вырвзалась однажды «Комсомолка», эти вывески не введут посетителей в заблуждение. Планируется открытие сети публичных домов не только стационарного, но и передвижного типа — специально для курортов, — «смонтированные» на базе «Икарусов», с пятью девушками в каждом... Другое колесное новшество — 50 «секс-такси» с водителями в мини-юбках, способных, как говорится в рекламе, выполнить любую прихоть клиента...

Одним словом, нам есть теперь что перенимать, у кого учиться. И уж если мы бесстрашно бросились в рыночные преобразования, неужели нас испугает свободный «рынок секса»? Вот ведь и депутат А. Гуров — и он в этом не одинок! — прямо заявил, что ничем-то проституция не страшна «сама по себе. Страшны ее результаты и последствия. Свыше 350 тыс. человек ежегодно заражаются венерическими заболеваниями. Сейчас к ним добавился СПИД» («АиФ», 1990, № 16).

Выходит, если мы достигнем вдруг стопроцентной безопасности, тогда секс-развлечения допустимы?.. Откуда, каким образом въелось в наше сознание это примитивно-амебное представление о том, что только страх какого-либо наказания должен удержать нас от преступления? А если оно заведомо останется безнаказанным?.. Не эти ли умонастроения приводят к идее вседозволенности, особенно в душевной сфере, где преступление против совести чаще всего не материализуется в уголовное, явное злодеяние?

Оправдывая или не замечая даже свои малые прегрешения, мы расшатываем цельную нравственную систему, данную нам от природы, и толкаем себя на путь духовного, а затем и неминуемого физического разрушения, ибо человеческие пороки тесно связаны и взаимопроницаемы.

Все это с полным основанием можно отнести и к жизни общества. Мы уже знаем, во что обошлись нам ложь и насилие, бездуховность и потеря национального самосознания, в какой гибельный узел сплелись эти понятия в нашей общей судьбе. Теперь, видимо, нам предстоит пройти через новое испытание — утрату идеала любви, — если мы не остановимся перед ступеньками в подземелье. Ведь здесь — чем соблазнительнее вход, тем сокрушительней падение.

●

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

ЭЙ, РУХНЕМ!

Иоанн Драч... Кто не знает украинского поэта Иоанна Драча? От галицких земель до дымных сопок Камчатки гремит это имя. Оно с восхищением склоняется западными радиоголосами.

Для широкого, но наивного читателя застойно-застольного времени Иоанн Драч был просто Иваном Драчом, за что-то исключенным из Киевского университета. Поговаривали, за национализм. Темна вода в облацех...

Крестьянское происхождение и страдания за «правду» сделали Ивана Драча поэтом. Яростно воспел Драч в своих модернистских виршах растекание мирного чернобыльского атома по Украине, ридну коммунистичну партию, коммунизм. Резко осуждал Драч националистов, испепеляя огненным глаголом «волчьи строфы» украинского поэта-националиста Маланюка.

Вирши Ивана Драча были переведены на русский, казахский и другие языки мира. Сладостные плоды трудов этих явились Ивану Драчу: шикарная квартира, теплое местечко в СП УССР, спецобслуживание, спецполиклиника...

И упади тут на наши головы, как снег среди лета, пепел Чернобыля, перестройка, погромы, центробежье... И заяви о своем выходе из Союза Литва. В воздухе запахло великой державностью литовской, новыми государственными должностями, вплоть до премьер-министра.

Понял Иван Драч, что можно поймать в мутной воде золотую рыбку. Образовал он с корешами-писателями Павлычко и Яворивским Рух.

Слово «Рух» имеет в русском языке однокоренные слова — «рухнуть», «обрушиться», противоположные по смыслу слову «перестройка». В переводе с украинского «Рух» обозначает «движение», и напрасно леворадикальная «Комсомолка» печатает это слово как аббревиатуру: РУХ. Гимн Руха киевские остряки предлагают начинать со слов: эх, рухнем!

Решительно перестроился Иван Драч и стал бороться против ставших ненавистными Чернобыля, КПСС, коммунизма. (Впрочем, чего не бывает... Иногда женщину любишь, любишь, а потом и разлюбишь.) Так и у Ивана Драча с Чернобылем, КПСС и коммунизмом.

После пополнения рядов Руха западенцами и такими «милыми» «партиями», как УХС, ОУН, власти вынуждены были признать Рух. Надо сказать, умело руководит движением несостоявшийся гений. В рядах Руха его гетьманом наименовали. А что? Недурно! Гетьман-неформал Иоанн Феодорович Драч Первый.

Бездонной исторической глубиной стали дышать суждения Иоанна Драча. Скажем, гетьман Мазепа не изменник, а герой на-

ционально-освободительного движения Украины и поэт европейского уровня, а Петр Первый — сатрап и крепостник, задушивший Украину. Разрушение границы Азербайджана с Ираном — это во благо, и миллионы убытка ничего не значат. Русская православная церковь — это «система в сутане» (а мы-то, грешные, думали, что православные священники облачаются в ризы). Клеймит позором Иоанн Драч ненавистную «Память» и три журнала, особенно нелюбимые «Огоньком». Рух договорился даже до того, что якобы «Память» назначила еврейские погромы на 5 мая 1990 года. Погромы, конечно, состоялись, но только громили армян, русских, узбеков.

И вышел из рядов КПСС Драч со коллегами своими. И содрогнулась вся Украина, т а к о г о певца Чернобыля и коммунизма потеряв. Еще больше заважничал гетьман-неформал Иоанн Федорович Драч Первый. Четко руководит он борьбой Руха за полное отделение Украины от Московии. В ход идут и митинги с оскорблениями коммунистов и всех несогласных, и студенческие псевдоголодовки, и многочисленные интервью с забугорными писаками. Ибо, чтобы стать гетьманом без приставки «неформал», надо отделиться от Москвы. Ради такой цели все средства хороши, вплоть до боевого клича: «Смерть москалям!» Широко развернула антирусскую пропаганду «Литературная Украина»: тут проклятья не только в адрес «Памяти», но и в адрес Солженицына, Кожинова и других «великодержавных русских шовинистов».

Воистину зловеще звучат в наше Смутное время ваши стихи, Иоанн Федорович:

Эх, заварили мы кашу,
Всадили в солнце нож.

(Баллада «Нож в солнце»)

Владимир СОРОКИН
г. Киев

Л. КРОГИУС

ЛОЖЕ-МУЖ И СИОНИЗМ

(Эпиграмма на пародиста Александра Иванова с комментариями редакции)

Что делает кот (всем картина знакома!),
Вольготно разлегшись у всех на виду? [1]
А наш пародист за отсутствием оных [2]
Лишь пишет, да синюю лижет «Балду» [3].

О, ложе-муж! [4] *Надо ж так изогнуться,*
Мучаясь от сионистских потуг! [5]
И слышишь — зеваки смеются! Смеются!!!
О, встань, ложе-муж! И побегай вокруг [6].

[1] Редакции «Молодой гвардии» непонятен смысл этих слов.

[2] Редакция не понимает, что автор эпиграммы имеет в виду.

[3] Редакция и здесь не поняла, что имеет в виду Л. Крогиус. С одной стороны «балда» — на воровском жаргоне обозначает название мужского полового члена. С другой — так называется некий новый юмористический орган под редакцией некоего Андрея Яхонтова. Издание это не столько юмористическое, сколько сионистское. До посинения! Дух «Балды» настолько близок пародисту Александру Иванову, что он в экстазе буквально вылизывает ее страницы. Думается, именно это и выразил автор эпиграммы в словах: «синюю лижет «Балду».

Газета «Московский комсомолец» поместила 11 декабря некоторые материалы из первого номера «Балды», в том числе пародию Александра Иванова под названием «Вечный зёв». Уже смешно.

В общем, читателям зеввть не придется. Уже одно то, что название этого «юмористического» органа — «Балда» начертано тем же шрифтом, каким исполнено название газеты «Правда», заставляет людей, восприимчивых к ассоциациям, глубокомысленно ухмыльнуться.

[4] И тут редакция в сомнении. То ли автор имеет в виду, что Александр Иванов член какой-то масонской ложи, в которую, как пишет в вышеупомянутой пародии сам пародист, принимают только мужчин, то ли нечто другое, более интимное и так же имеющее отношение к нему самому.

[5] Это верно. Вся вышеупомянутая пародия Ал. Иванова пронизана ядовитым сионистским духом.

[6] А вот это редакция поняла отчетливо. Здесь автор имеет в виду одну из самых унылых и скучнейших телевизионных передач — «Вокруг смеха». Но наконец-то, мол, впервые действия ее ведущего Александра Иванова рассмешили людей — все-таки человек прыгал перед камерой ТВ, так что он может исполнить свою доселе несбыточную мечту и попрыгать уже в «Балде».

«Балдейте», ребята! Все равно жрать скоро нечего будет. Вот тогда и «зевнете».

Автор просит перечислить гонорар в огоньковский фонд «Антиспид»

Российский календарь

МЕСЯЦ МАРТ

1

1612: кончина св. мученика патриарха Московского и всея Руси Гермогена, ответствовавшего на домогания интервентов-поляков повернуть вспять русское ополчение: «Я их всех благословляю помереть за Православную веру...»

2

Иконы Богоматери «Всех скорбящих Радость».

1690: родился царевич Алексей, старший сын Петра I от брака с Евдокией Лопухиной.

1762: воспользовавшись благоприятным моментом, масон граф Р. Л. Воронцов составляет текст указа о вольности дворянской, освобождавшего дворян от обязательной службы. Оформление «диктатуры слоя» в ущерб России и монархии.

3

1613: прекращение Смуты в России. Избрание на царский престол 16-летнего Михаила Феодоровича Романова, жившего с 1605 года с матерью в Ипатьев-Троицком монастыре близ Костромы, построенном около 1330 года татарским князем Четом на левом берегу Волги.

Из Утвержденной грамоты Великого Всероссийского Собора в Москве церковного и земского, 1613 года. О призвании на царство Михаила Феодоровича Романова: «Послал Господь Свой Святый Дух в сердца всех православных христиан, яко едиными устами вопияху, что быти на Владимире и Москве и на всех государстиах Российского Царства Государем, Царем и Великим Князем всея России Самодержцем, Тебе, Великому Государю Михаилу Феодоровичу...» По условиям «грамоты» царь имел право отречься только за себя лично, но не за династию.

На месте, где был дом Романовых, построен был Знаменский монастырь в Москве, в Китай-городе.

1861: Манифест о даровании крепостным людям прав состояния свободных граждан государства с земельным наделом. 20 миллионов крестьян превратились из «почти рабов» в «почти свободных» граждан. Перо, которым Александр II подписал Манифест о воле, хранится в Историческом музее. Эта весть была объявлена народу 5 марта. В черновом виде Манифест составлен был Ю. Ф. Самариным, а окончательная обработка его принадлежала митрополиту московскому Филарету. «Осени себя крестным знамением, православный народ, и призови с нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного», — говорилось в заключительных словах Манифеста. В воскресенье громадная толпа крепостных крестьян собралась в Петербурге, около Зимнего дворца, благодарить государя. Выборные депутаты были допущены в самый дворец, а к остальным Царь-Освободитель вышел на площадь.

1920: протоиерей Александр Унинский расстрелян в городе Благовещенске. Перед расстрелом надел крест и рясу.

4

1237: штурм татарами Владимира. Владимирцы приготовились к смерти. Епископ Митрофан и вся княжеская семья и бояре заперлись в Богородичной церкви, на «полатях» (т. е. на хорах). Татары выломали двери, ограбили церковь, потом наложили лесу и в церкви, и около нее и зажгли... 14 городов разрушили татары в княжестве Владимирском, покосив, как траву, говорит летопись, его население. Пошли к Новгороду. Испугались распутицы. Вернулись Рязанской землей. На шесть недель задержала татар героическая защита Козельска. Даже когда были разломаны городские стены, жители не сдавались и положили на месте до 4 тысяч татар. Козельск был взят, когда в живых не осталось ни одного жителя.

1813: занятие Берлина русскими войсками.

1855: вступление на престол императора Александра II. Издан Высочайший манифест, в котором 37-летний царь молит Бога даровать ему силы к поднятию тяжкого бремени: «Пред лицом невидимо соприсутствующего нам Бога приемлем священный обет — иметь всегда единою целью благоденствие отечества нашего».

1901: отлучение Льва Толстого от церкви актом св. Синода.

5

1598: избран на царство Борис Годунов, брат жены царя Феодора Иоанновича Ирины.

1762: Петр III объявляет в сенате о ликвидации Тайной Розыскных Дел канцелярии. Положен конец доносам, несправедливым оговорам, шпионству и деморализации русского общества.

1837: на 70-м году скончался киевский митрополит Евгений Болховитинов, о котором современный ему ученый, Сенковский, дал такой отзыв: «Напрасно искали бы мы между его и нашими современниками другого русского человека, основательнее ученого и истинно просвещенного. Евгений Болховитинов действительно принадлежит к числу первых ученых в Европе».

6

Иконы Богоматери «Козельщанской».

1722: петровский указ, запрещающий сборы на церковь и построение храмов.

1855: кончина императора Николая I. Умирая, он говорил своему сыну и наследнику: «Мне хотелось принять на себя все трудное, все тяжелое, оставить тебе царство мирное, устроенное, счастливое. Провидение судило иначе».

1921: с 28 февраля (по новому ст.) в одних войсках Петроградского гарнизона погибло 25 000 участников кронштадтского мятежа. Расстрелы производились на льду перед крепостью.

7
1761: кончина императрицы Елизаветы Петровны.
1918: свящ. Михаил Лисицын станицы Усть-Лабинской был убит. Три дня водили его по станице с петлей на шее, глумились, били.

9
Первое и второе обретение главы св. Иоанна Предтечи.
1917: начало семидневной февральской революции. «Бескровной»: по 2 марта в одном Петрограде погибло 1315 человек — 53 офицера, 602 солдата, 73 чина полиции и 687 лиц гражданского звания. Эта цифра не включает жертв Кронштадта, Гельсингфорса, Ревеля, Твери и т. д.
1605: в Великом Устюге родился Семен Иванович Дежнев, якутский казак. В 20—30-х годах служил в Тобольском, затем в Енисейском остроге. В 1638 году — в Якутском. В сентябре 1648 года прошел пролив (будущий Берингов), основал Анадырский острог. Мыс Восточный в 1898 году переименован в мыс Дежнева. Беринг пройдет здесь через 80 лет после Семена Ивановича.
1838: кончина архимандрита Фотия — подвижника православия, активного врага масонства.
1915: окончание строительства Амурской железной дороги.

11
Иконы Богоматери «Межецкой».
1617: Столбовский мир со Швецией. Уступлены Швеции: Ям, Ивангород, Копорье, Корела. Россия отрезана от Балтийского моря.

12
1549: приговор боярской думы в присутствии Ивана IV об ограничении суда наместников (губные уставные грамоты); реформа местного самоуправления.
1576: праведника Николая, Христа ради юродивого, псковского.
1584: вернулся из второго путешествия на Восток Трифон Коробейников. «Хождение купца Трифона Коробейникова по святым местам Востока» стало любимым чтением русских читателей на протяжении почти трех столетий.
1632: грамота царя Михаила Федоровича на устройство тульских оружейных заводов.
1854: Англия и Франция заключили оборонительный и наступательный союз с Турцией против России.
1919: начало зверской расправы с бастовавшими астраханскими рабочими по приказу Троцкого. С парохода «Гоголь» сбрасывали в Волгу с камнем на шее, под видом «тифозных» по ночам вывозили трупы расстрелянных. Уничтожено самое малое 4000 человек, в основном рабочие.

14
1799: Павел I напутствует Суворова перед отъездом Александра Васильевича в Вену, на театр боевых действий против «революционной» Франции. Суворов отвечает: «Боже, спаси царя!» Павел обращается к нему: «Да спасет Бог тебя для спасения царей!»

1881: в 12 часов дня Царь-Освободитель, как повсеместно называли Александра II, одобрил Докладную Записку с проектом реформ, являвшихся, по сути, первой русской конституцией. Воспитанник Жуковского, он осветил свое царствование важнейшими государственными деяниями: Великой реформой 1861 года. реформами земской и судебной, освобождением братьев-болгар от турецкого ига... Царь возвращался с развода в Михайловском манеже. Софья Перовская взмахнула платком. Это был сигнал. Бомба Рысакова убила конвойного казака и проходившего случайно по Екатерининскому каналу мальчика. Кучер Фрол Сергеев, спасая оставшегося невредимым царя, хотел мчаться дальше. Но Александр остановил карету, вышел к убитому мальчику, затем подошел к Рысакову и начал разговор с ним, уже схваченным. Государь продолжил осматривать раненых и убитых — и только после этого Гриневицкий смог бросить свою бомбу, положившую конец эпохе реформ. Таким образом он и его товарищи вошли в историю.
Убийству предшествовали покушения. Смерть Александра II была предрешена в 1876 году масонским «революционным комитетом» в Лондоне. Некто Гольденберг первым предложил свои «услуги». В 1879 году совершена попытка взорвать царский поезд под Москвой. Террорист Гартман арестован во Франции. «Братья» помогли ему бежать в Англию, где он был торжественно принят в масонскую ложу «Филадельфия». Гарибальди приветствовал покушение. На митингах в Чикаго и Нью-Йорке Гартман был объявлен «героем».

15
Иконы Богоматери «Державная».
1409: св. Арсения, епископа Тверского.
1917: отречение Николая II от престола государства Российского и о сложении с себя верховной власти: «В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и, в согласии с Государственной думой, признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть...»
Из телеграммы Председателю Государственной думы Родзянко: «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения России. Николай».

16
1819: скончался в 53 года Августин Виноградский, архиепископ Московский, Троице-Сергиевой лавры священноархимандрит, кавалер орденов Александра Невского и Анны I степени, член Синода, член Московского общества врачебных и физических наук и Общества любителей российской словесности. Сыграл выдающуюся роль в сохранении святынь и драгоценностей московских церквей во время нашествия Наполеона. Лично спас патриаршие и соборные ризы, синодальную библиотеку (отправлена была в Вологду). Святую икону Иверской Богоматери взял с собой во Владимир и тем уберег одну из величайших русских святынь.
1848: закон, разрешающий крепостным крестьянам приобретать недвижимую собственность.
1877: подписание Сан-Стефанского мирного договора между

Россией и Турцией. День подписания договора считается первым днем независимости Болгарии.

17

1238: великий князь владимирский Георгий гнал татар до пределов Новгорода и Смоленска, но был разбит и погиб на реке Сити (Моложский уезд Ярославской губернии).

1303: кончина первого московского князя Даниила Александровича, сына благоверного князя Александра Невского. Мощи его перенесены были в основанный им же в 1272 году Даниловский монастырь (в честь преподобного Даниила Столпника) за Серпуховскими воротами на берегу Москвы-реки. Монастырь был обновлен при царе Иване Грозном.

1856: скончался 78-летний протопопей Петр Турчанинов, обогативший нашу церковь многими сочинениями для духовного пения и превосходными переложениями древних греческих напевов в правильный гармонический склад.

18

Иконы Богоматери «Воспитание».

20

Св. священномучеников Василия, Ефрема и проч. В Москве церковь во имя их за Серпуховской заставой (1771).

21

1881: на заседании Государственного Совета поставлен вопрос, как действовать, чтобы спасти государство от распада. Либералы предложили стать на конституционный путь. К. П. Победоносцев отстаивал принцип твердой власти: земские, городские и судебные учреждения, говорил он, и печать не что иное, как говорильни, в которых «разносят хулу и порицание на власть, посевают между людьми мирными и честными семена раздора и неудовольствия, разжигают страсти, побуждают народ к самым вопиющим беззакониям». Тогда здравый смысл возобладал.

1898: празднество иконы Божией Матери «Знамение» Курской.

1917: Николай II подписывает свой прощальный приказ Армии и Флоту: «В последний раз обращаюсь к Вам, горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына моего от Престола Российского, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и Вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжение 2,5 лет Вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками, одним общим стремлением к победе сломит последнее усилие противника.

Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает теперь о мире, кто желает его — тот изменник отечеству, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же Ваш долг, защищайте доблестную нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь Ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в Ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит Вас Господь Бог и да ведет Вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий».

Приказ был скрыт от Армии и Флота.

23

1699: учреждение первого Русского ордена — ордена Андрея Первозванного. Выдавался и за боевые заслуги, и за гражданские отличия.

1809: в местечке Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии родился Николай Васильевич Гоголь.

На вопрос, кем он считает себя, великороссом или малороссом, он отвечал (в одном из писем): «Сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком одарены Богом и, как нарочно, каждая порознь заключает в себе то, чего нет в другой, — явный знак, что они должны пополнить одна другую».

24

1801: заговорщиками убит император Павел I. В его короткое царствование отменена «Жалованная грамота дворянству», снята хлебная подать с крестьян, вышел указ, воспрещающий продажу дворовых людей и крестьян «без земли с молотка», издан Манифест об ограничении работ на барщине тремя днями в неделю, учреждена Российско-Американская компания в Иркутске, открыта первая хозяйственная школа в Павловске, пресечены гонения на старообрядцев, проведены эффективные антиинфляционные меры, по личным расчетам Павла выстроены Павловск, Михайловский замок, спланирован Казанский собор. Интриги Англии ознаменовали начало века величайшим злодейством.

25

1890: скончался Дмитрий Дмитриевич Неелов, автор многочисленных трудов по сельскому хозяйству России.

26

Иконы Богоматери Молдавской.

1813: родился барон Андрей Иванович Дельвиг, устроитель московского водопровода. Соорудил тульский оружейный завод. Занимался улучшением судоходства по реке Упе, соединением Москвы и Волги, устройством набережных в Москве. Ему принадлежит проект осушения болот черноморской береговой линии...

27

Явление образа Феодоровской Богородицы. В честь ее — церковь в Москве, известная под именем Алексея-митрополита (1750).

1747: в г. Глухове родился Александр Александрович Безбородко, выдающийся военачальник и дипломат. Им составлены все манифесты, начиная с 1776 по 1792 год, около четырехсот именных указов Правительствующему Сенату. Обладал необыкновенными способностями государственного деятеля. Гордился тем, что «при нас ни одна пушка в Европе без дозволения нашего выстрелить не могла». Умер в апреле 1799 года.

28

1922: публикация в «Известиях» списка «врагов народа». Первым указан патриарх Тихон «со всем своим церковным собором», далее десятки епископов и священников.

1721: казнен в Петербурге за ряд крупных злоупотреблений сибирский губернатор князь Гагарин.

1809: Александр I утверждает финляндскую конституцию на первом сейме в Борго.

1854: (15—16 марта) Англия и Франция объявляют войну России, выступая на стороне мусульманской Турции.

31

1814: капитуляция Парижа и вступление в него русских войск во главе с императором Александром I.

1856: Парижский мирный договор. Прекращение Крымской войны. Наши войска под предводительством Муравьева взяли в Азии крепость Карс. Карс мы вернули, а Севастополь вернули нам. От России отошла полоса земли по Дунаю, мы обязались не иметь на Черном море боевого флота и не строить укреплений.

1867: конвенция в Вашингтоне, по которой Россия продала Аляску в собственность США на 99 лет за 7,2 миллиона долларов. Одно из «белых пятен» истории.

Составил Игорь ДЬЯКОВ

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 10.01.91. Подп. в печ. 13.02.91.
Формат 84×108[1]/32. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 19,1.
Тираж 425 000 экз. Заказ 2288. Цена 1 р. 25 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.